ЛУИ АНТУАН ДЕ БУГЕНВИЛЬ

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

НА ФРЕГАТЕ "БУДЕЗ" И ТРАНСПОРТЕ "ЭТУАЛЬ" В 1766, 1767, 1768 И 1769 ГОДАХ

LOUIS ANTOINE DE BOUGAINVILLE

VOYAGE AUTOUR DU MONDE

PAR LA FREGATE DU ROI LA BOUDEUSE

ET LA FLUTE L'ETOILE

en 1766, 1767, 1768 et 1769

A Paris

MDCCLXXI

ЛУИ АНТУАН ДЕ БУГЕНВИЛЬ

и его кругосветное плавание

Первое французское кругосветное плавание было предпринято в 1766 г., почти за два года до выхода из Англии в первое кругосветное путешествие известного мореплавателя Джемса Кука, которое последующие мореплаватели воспринимали как образец в смысле организации и проведения научной экспедиции. У Бугенвиля, таким образом, не было примера, которому он мог бы следовать при подготовке к ответственному походу. Тем не менее, он прекрасно справился с поставленной перед ним задачей и сам дал пример, может быть, даже и для Кука. Действительно, из тринадцати кругосветных плаваний,

предшествовавших плаванию Бугенвиля, которые он кратко характеризует во введении к описанию своего путешествия, лишь немногие совершались с целью географических открытий, большая же часть их преследовала военные цели и ограбление вновь открытых стран. Лишь начиная с Бугенвиля в кругосветных плаваниях принимают участие ученые, поэтому его экспедиция, в сущности говоря, является первым научным предприятием этого рода.

/Краткие биографические данные о Бугенвиле/ По своему воспитанию, образованию и роду практической деятельности Бугенвиль не был моряком. Он родился в Париже в 1729 г. и вырос, как говорит один из его биографов, в «буржуазной семье» (E. Augier. Traite d'Histoire Marritime de la France. Брест, 1902). Его отец был нотариусом, **[6]** и сам он изучал юридические науки и стал адвокатом, но в 1753 г. оставил эту профессию и поступил на военную службу, в корпус мушкетеров. В молодые годы Бугенвиль получил хорошую общеобразовательную и математическую подготовку: его занятиями руководил знаменитый французский математик и философ Жан Лерон д'Аламбер, о чем Бугенвиль пишет в предисловии к описанию своего путешествия. Такая подготовка дала ему возможность в возрасте 23 лет, в 1752 г., написать двухтомный «Трактат об интегральном исчислении» (издан в 1754—1756 гг.), представляющий собой дополнение к трактату Г.Ф. Лопиталя (1661—1704) о бесконечно малых величинах. Это исследование сразу поставило его в ряд известных ученых. Хорошо знал Бугенвиль и классическую литературу; он даже написал несколько обстоятельных исследований по древним языкам. В описании его плавания также встречается немало цитат на латинском языке. Бугенвиль хорошо владел пером, и все написанные им труды отличаются прекрасным литературным языком.

В 1755 г. Бугенвиль был командирован в Лондон в качестве секретаря французского посольства. Тогда же за упомянутый выше «Трактат об интегральном исчислении» он избирается членом Английского королевского общества, то есть Академии наук, что явилось признанием большого научного значения этого сочинения.

Вскоре после начала Семилетней войны Бугенвиль отправляется добровольцем в Канаду, где служит капитаном в драгунском полку, а затем в должности адъютанта главнокомандующего французскими войсками маршала Монкальма. За боевые отличия он был произведен в полковники и награжден орденом. После потери Францией Канады Бугенвиль с 1761 по 1763 г. сражался на берегах Рейна вплоть до конца Семилетней войны и заключения Парижского мира.

Вследствие потери Францией почти всех колониальных владений в Северной Америке придворные круги и верхушка французской буржуазии стали разрабатывать планы новой колониальной экспансии в тропическую часть **[7]** Тихого океана, на огромных просторах которого предполагалось еще много не открытых богатых земель.

Осуществление колонизаторских планов требовало предварительного исследования этой зоны Тихого океана и овладения исходными плацдармами для последующих захватнических экспедиций. Как указывает в своем труде Бугенвиль, в начале 1763 г. французский двор решил создать такой плацдарм на Малуинских (Фолклендских) островах. Бугенвиль предложил морскому министерству начать колонизацию этих островов на личные средства, при поддержке своих родственников и, вероятно, купцов порта Сен-Мало. Здесь были построены два небольших корабля, которые осенью 1763 г. вышли в плавание и доставили на Малуинские острова французских колонистов — эмигрантов

из захваченной англичанами Канады. После основания колонии Бугенвиль совершил еще несколько плаваний на эти острова, доставив туда различные грузы, а также заходил в восточную часть Магелланова пролива за лесом для жителей колонии.

Французская колония на Малуинах просуществовала недолго, так как Испания просила о передаче ей этих островов на том основании, что они составляют как бы продолжение испанских владений в Южной Америке Французское правительство решило удовлетворить притязания Испании, вероятно, предвидя, что англичане все равно в недалеком будущем начнут борьбу за эти острова, занимающие важное стратегическое положение на пути из Атлантического океана в Тихий. Это опасение полностью подтвердилось. Почти одновременно с экспедицией Бугенвиля на Малуинские острова заходили корабли английской экспедиции Байрона, и в дальнейшем эти острова действительно захватила Англия.

Бугенвиль получил задание отправиться на Малуинские острова, передать их испанцам (Как утверждает Бугенвиль в описании своего плавания, французские колонисты были вывезены с Малуинских островов в Монтевидео на испанских фрегатах) и затем, пересекая Тихий океан между тропиками, идти в Ост-Индию. Для этой цели **[8]** предназначались два корабля: фрегат «Будёз» и небольшой транспорт (флейт) «Этуаль» (По-русски «Будёз» значит «Сердитая», а «Этуаль» — «Звезда»). Командование этим отрядом было поручено Бугенвилю, который одновременно был и командиром «Будёз».

Хотя официальной целью французской экспедиции, как об этом говорится в обращении Бугенвиля к королю, было пополнить науку полезными человечеству географическими знаниями, первоочередная задача ее состояла в открытии и захвате новых колоний, в чем были заинтересованы и

придворные круги, и французские капиталисты. Недаром Бугенвиль на всех островах и «землях» (terres), которые он посещал, зарывал в землю акты о присоединении этих островов и «земель» к Франции. И до сих пор острова Туамоту и Общества вместе с островом Таити составляют колониальные владения Франции. Таким образом, за научными целями экспедиции скрывались далеко идущие экспансионистские замыслы.

По возвращении во Францию Бугенвиль очень быстро составил описание своего плавания (первое издание его книги вышло в свет в Париже уже в 1771 г.).

На этом, однако, не кончилась морская служба Бугенвиля. После десятилетнего перерыва он снова оказался во флоте (с 1779 по 1782 г.), на этот раз в должности командира линейного корабля «Огюст» в эскадре адмирала де Грасса, и 12 апреля 1782 г. принял участие в знаменитом сражении у острова Доминика, в котором английская эскадра под командой адмирала Роднея разгромила французскую. Бугенвилю удалось собрать и объединить в отряд восемь линейных кораблей, которые он благополучно привел на один из вест-индских островов — Сен-Эусташ (св. Евстафия). В награду за это Бугенвиль был утвержден в должности командующего эскадрой (chef d’escadre), сформированной из оставшихся французских кораблей. По возвращении в армию он получил чин бригадного генерала (marechal de camp).

После заключения мира с Англией Бугенвиль вернулся в Париж и был избран «общником» (Associate) Французской **[9]** академии наук. В годы Французской революции он предложил проект грандиозной экспедиции к Северному полюсу, однако правительство не поддержало его.

В 1791 г. Бугенвиль за заслуги перед флотом был произведен в вице-адмиралы.

Во время Французской революции Бугенвиль уехал из Парижа в свое небольшое имение в Нормандии, где занялся научными трудами. Вскоре он был избран членом так называемого «Института», заменившего упраздненную революцией Французскую академию наук, и вернулся в Париж. Бугенвиль был избран также членом известного «Бюро долгот» (Научно-исследовательское учреждение, основанное в Париже в 1795 г. и имевшее задачей содействие развитию некоторых разделов астрономии, усовершенствованию астрономических инструментов и методов наблюдения, изданию астрономических ежегодников и т.п.). Наполеон I назначил Бугенвиля сенатором и дал ему титул графа.

Скончался Бугенвиль в Париже в 1811 г. в возрасте восьмидесяти двух лет.

Политические взгляды Бугенвиля формировались, вероятно, отчасти под влиянием его наставника Ж. д'Аламбера, руководившего его математическим образованием. В советской литературе за д'Аламбером утвердилась характеристика просветителя периода подготовки буржуазной революции во Франции. Д'Аламбер не был последовательным атеистом, но к религии относился скептически. Пожалуй, именно этим объясняется, что симпатии его ученика Бугенвиля, рассказывающего в своем описании кругосветного плавания об аресте иезуитов в Южной Америке, явно не на стороне арестованных. В то же время Бугенвиль был и послушным исполнителем воли своего класса — класса эксплуататоров, и вся его дальнейшая деятельность была направлена на укрепление колониального могущества Франции.

О непоследовательности социально-политических взглядов Бугенвиля можно судить по целому ряду его поступков: с одной стороны, он гуманно относился к населению вновь

открытых земель и островов, присоединенных им к Франции, а с другой — жестоко расправлялся с матросами, заковывая **[10]** их за различные проступки в кандалы. Как относился Бугенвиль к Французской буржуазной революции, неясно; в его биографии (См. Encyclopaedia Britannica, 9 е изд., т. IV, 1898) говорится лишь, что он в 1792 г. (Народное восстание в Париже и свержение монархии), «избежав почти чудесным образом гибели в Париже, удалился в свое имение в Нормандии». По-видимому, политические взгляды Бугенвиля в это время совпадали с умеренными либеральными взглядами буржуазной аристократии.

/*Кругосветное плавание*/ Французскую экспедицию, направлявшуюся в кругосветное плавание, возглавил, как указывалось выше, Луи Антуан де Бугенвиль. Что побудило французское правительство остановить свой выбор на Бугенвиле? Прежде всего это был признанный ученый в области математических наук, широко образованный и смелый человек, обладавший к тому же большими организаторскими способностями. Все эти качества были необходимы для руководителя столь сложной и ответственной экспедиции. Неоднократные плавания Бугенвиля на небольших парусных судах через Атлантический океан в опасные районы Малуинских островов и Магелланова пролива способствовали развитию у него морских навыков, а глубокие математические знания помогли овладеть основными методами кораблевождения, мореходной астрономии и картографии. Бугенвиль был также опытным дипломатом, что могло пригодиться и при переговорах о передаче Испании островов, и при посещении различных стран. Бугенвиль успешно справился со всеми стоявшими перед ним задачами.

В связи с тем, что экспедиция официально носила научный характер, в ее состав были включены ученые: натуралист —

известный ботаник доктор медицины де Коммерсон, астроном Веррон и инженер Роменвиль.

Основным кораблем экспедиции являлся фрегат «Будёз». Запасы различного имущества и продовольствия находились на транспорте «Этуаль».

В своем труде Бугенвиль не приводит никаких данных о кораблях и лишь указывает, что фрегат был вооружен двадцатью шестью пушками. Но уже и этого достаточно, **[11]** чтобы определить приблизительные размеры фрегата (Ж. Эди. Вычисления, относящиеся до построения, вооружения, водоизмещения и снабжения разного ранга военных судов... Перев. с англ., изд. 1834 г.): водоизмещение его составляло около 1200 тонн; наибольшая длина 44 метра, ширина 11,7 метра, углубление форштевня 5,2 метра, ахтерштевня 5,6 метра (по своим размерам фрегат «Будёз» был несколько больше шлюпа «Восток» Беллинсгаузена). Водоизмещение транспорта «Этуаль», вероятно, не превышало 500 тонн.

Хотя и не предполагалось, что корабли французской экспедиции во время плавания будут вести боевые действия, тем не менее они были вооружены артиллерией. Это объясняется тем, что кораблям любого военно-морского флота по штату было положено соответствующее вооружение. И вообще все без исключения военные корабли, участвовавшие в кругосветных плаваниях (в том числе и русские шлюпы), имели артиллерийское вооружение, и даже на корабли Кука, переоборудованные из торговых судов, перед их уходом в плавание были поставлены пушки. Вооружение было необходимо также в связи с тем, что различные коалиции государств вели между собою войны. Наконец, артиллерия нужна была для защиты от многочисленных в те времена пиратских, каперских и корсарских судов. Словом, вооружались все, даже торговые суда, это было необходимо и для поддержания престижа

государства. Каждая экспедиция имела также инструкцию, согласно которой разрешалось применять артиллерию лишь в крайних случаях.

Бугенвиль неоднократно останавливается на конструктивных недостатках фрегата и отмечает, что различие в маневренных качествах фрегата и транспорта затрудняло их совместное плавание. Фрегат по сравнению с транспортом мог развивать большую скорость, что заставило уменьшить высоту его рангоута и нередко держать меньше парусов, чем следовало бы; транспорт же должен был форсировать парусами, чтобы не отставать от фрегата; фрегат обладал также лучшей поворотливостью по сравнению с **[12]** транспортом, вследствие чего при проходе узкостями последний не всегда мог следовать в кильватер.

Экипаж фрегата «Будёз» состоял из двухсот восемнадцати человек (в том числе одиннадцати офицеров, письмоводителя, врача, священника и двухсот трех унтер-офицеров, матросов, солдат, юнг и вестовых). На транспорте «Этуаль» находилось пять офицеров, врач, письмоводитель и сто тринадцать унтер-офицеров и матросов. Кроме того, на транспорте разместились ботаник де Коммерсон, астроном Веррон и инженер Роменвиль (после выхода из Рио-де-Жанейро астроном перешел на фрегат).

Совершенное Бугенвилем кругосветное плавание можно разделить на пять этапов: 1) следование в Атлантическом океане к Малуинским островам и пребывание на них; 2) переход Магеллановым проливом; 3) пересечение Тихого океана и совершенные в нем открытия; 4) открытия в Австрало-азиатских морях и приход в Ост-Индию и 5) завершение кругосветного плавания и возвращение во Францию.

/Плавание в Атлантическом океане/ Плавание в Атлантическом океане не было ознаменовано никакими особыми событиями. Фрегат «Будёз» после небольшого ремонта в Бресте окончательно вышел в море

5 ноября 1766 г. и после захода в Монтевидео направился на Малуинские острова, где он должен был встретиться с транспортом «Этуаль». Однако по некоторым обстоятельствам «Этуаль» запоздал с выходом, и присоединение его к «Будёз» состоялось лишь в июне 1767 г. в Рио-де-Жанейро, откуда оба корабля уже вместе перешли в устье реки Ла-Платы, где произвели необходимый ремонт и приняли запасы продовольствия и пресной воды.

В своем описании перехода по Атлантическому океану Бугенвиль неоднократно анализирует существовавшие тогда морские карты, рассказывает о том, как он искал методы более точного определения долготы (хронометров у него не было), изучал морские течения, наблюдал за изменением склонения компаса, высказывая при этом передовые взгляды в связи с исследуемыми вопросами (об этом см. ниже). Многие страницы его книги посвящены описанию **[13]** природы, а также политических и этнографических особенностей Бразилии, Аргентины и Малуинских островов. Эти описания весьма интересно характеризуют посещенные им страны.

/Плавание Магеллановым проливом/ Ко входу в Магелланов пролив «Будёз» и «Этуаль» подошли 2 декабря 1767 г. Восточная часть пролива была знакома Бугенвилю и командиру транспорта «Этуаль» по предыдущим плаваниям с Малуинских островов. Французские корабли встретились в Магеллановом проливе с исключительно неблагоприятными условиями погоды и неоднократно вынуждены были отстаиваться в различных бухтах и даже возвращаться в одну и ту же бухту по нескольку раз. Переход проливом

продолжался со 2 декабря 1767 г. по 26 января 1768 г., то есть 55 суток, из них 26 суток из-за плохой погоды экспедиция провела на якоре в бухте Галан. За время перехода проливом Бугенвиль составил несколько карт и внес необходимые поправки в ранее существовавшие. В поисках укрытых якорных стоянок к югу от мыса Форвард, где могли бы отстаиваться корабли, застигнутые штормами, он произвел на шлюпках рекогносцировку южного берега пролива. Ряд замечаний Бугенвиля касается уточнения характера приливо-отливных течений в разных частях пролива. Большой интерес представляют описания природы и населения этого сурового, мало известного в то время края.

/*Открытия в Тихом океане*/ Корабли Бугенвиля вышли в Тихий океан, или, как он писал, в Южное море, 26 января 1768 г. и подошли к Австрало-азиатским морям в середине июня того же года. От Магелланова пролива Бугенвиль направился на северо-запад, пересек Южный тропик и, повернув на запад примерно вдоль параллели 15° южной широты, шел так до самых подходов к Австрало-азиатским морям и к восточным берегам Австралии и Новой Гвинеи. По пути им был открыт ряд островных групп и отдельных островов. Знаменитый Русский мореплаватель И.Ф. Крузенштерн, весьма обстоятельно изучивший географические открытия, сделанные всеми мореплавателями в Тихом океане до 1819 г. включительно, в своем замечательном труде «Атлас Южного моря» **[14]** и в приложении к нему, озаглавленном «Собрание сочинений, служащих разбором и изъяснением атласа Южного моря», дал оценку и открытиям Бугенвиля.

Большой интерес представляют выдержки из таблиц Крузенштерна, относящиеся к открытиям, сделанным первой французской кругосветной экспедицией; в них перечислены архипелаги островов и отдельные острова по мере их открытия, с востока на запад (см. таблицу в конце книги).

Первые острова были открыты Бугенвилем после поворота на запад, несколько севернее параллели 20° южной широты: это были острова Катр Факарден, Лансье, Арп и еще несколько небольших островов, не получивших названий; они принадлежат к архипелагу Низменных островов (Туамоту) и были вторично открыты в следующем, 1768 г. Куком, давшим им названия, ныне не сохранившиеся. Следуя далее на запад, Бугенвиль открыл остров Будуар, входящий в группу островов Общества, открытый годом ранее английским мореплавателем Уоллисом и названный им Оснабург.

С 6 по 16 апреля 1768 г. французские корабли простояли на рейде у острова Таити, где запаслись свежей пресной водой, продовольствием и фруктами. Далее корабли шли западными курсами в тех же широтах. Они проследовали мимо архипелага Самоа, названного Бугенвилем островами Навигаторов. Продолжая идти на запад, Бугенвиль открыл отдельно лежащий остров Анфан пердю и значительный архипелаг островов, который он назвал Большими Цикладами. По мнению И.Ф. Крузенштерна, это были Новые Гебриды. Среди Больших Циклад Бугенвиль дал наименования следующим островам: Пантекот, Лепрё, Орор и Этуаль.

Почти пять дней потратил Бугенвиль на то, чтобы выйти из лабиринта этих островов на запад проливом, который теперь носит его имя. Бугенвиль сделал совершенно правильное заключение, что самый большой остров в группе Больших Циклад в свое время был открыт испанскими мореплавателями Киросом и Торресом (1606 г.), которые считали этот остров частью фантастического южного **[15]** материка и назвали его поэтому «Австралией святого Духа». В действительности это был остров Эспириту-Санто. Проливом Бугенвиль французские корабли вышли в Коралловое море, но дальнейший путь на запад им вскоре преградил Большой Барьерный риф, тянущийся почти

параллельно восточному берегу Австралии. Один из коралловых рифов на подходах к Большому Барьерному носит имя Бугенвиля.

За время пути по Тихому океану Бугенвиль, как и раньше, занимался астрономическими наблюдениями, измерял глубины, вносил исправления в весьма неточные тогдашние карты, писал замечания по астрономии, метеорологии и навигации и совместно с натуралистом составлял описания природы и жителей островов, где побывали французские корабли.

/Открытия в Австрало-азиатских морях/ Повернув на север от Большого Барьерного рифа, корабли Бугенвиля оказались в весьма опасном для мореплавания районе, изобилующем множеством островов и островков, коралловых рифов и подводных скал. Но Бугенвиль мужественно продолжал путь среди почти неизвестных «земель» и сделал ряд замечательных географических открытий. Его книга содержит много весьма важных мыслей относительно конфигурации и расположения неизвестных островов, среди которых оказались корабли экспедиции. Правильность высказанных Бугенвилем предположений была подтверждена в дальнейшем Другими мореплавателями.

Главнейшими географическими открытиями французской кругосветной экспедиции в этом районе был архипелаг Луизиады. Следуя далее на северо-восток, Бугенвиль открыл архипелаг крупных островов.

И.Ф. Крузенштерн в уже цитированном труде приводит мнение известного французского географа Бюаша, высказанное им в 1781 г. и заключающееся в том, что Бугенвиль нашел Соломоновы острова, открытые в 1571 г. испанским мореплавателем Менданой и в течение почти двух столетий считавшиеся потерянными. Отдельные острова

получили наименования Шуазель, Бугенвиль (самый крупный из **[16]** Соломоновых островов) и Бука; пролив между островами Бугенвиль и Шуазель был назван проливом Бугенвиля. Крузенштерн считает, что риф, названный Бугенвилем по имени боцмана его фрегата рифом Денис, «не есть риф, но на сем месте им примечено было сильное переломление волн, происходящее от быстрого течения от W к O».

К этому времени (июль 1768 г.) здоровье французских моряков было сильно подорвано цингой, поразившей почти весь личный состав экспедиции. Во время стоянки на Соломоновых островах и на острове Новая Британия не удалось пополнить запасы свежей провизии, так как на этих островах не было ни скота, ни дичи, ни фруктов, ни кокосовых орехов.

Именно поэтому Бугенвиль решил идти к Молуккским островам, где можно было бы предоставить команде отдых и лечение.

По пути были открыты небольшие острова — Анахорет и Эшикье. Первую остановку Бугенвиль сделал на Молуккских островах, на острове Боеро, вторую — на острове Ява.

/*Возвращение во Францию*/ Путь из Батавии во Францию лежал через Индийский и Атлантический океаны. Этот путь с остановками на острове Иль-де-Франс, на мысе Доброй Надежды и острове Вознесения описан Бугенвилем очень кратко и не представляет особого интереса.

16 марта 1769 г. фрегат «Будёз» прибыл в порт Сен-Мало, и на этом закончилось кругосветное плавание, продолжавшееся почти два с половиной года. Транспорт «Этуаль», задержавшийся на острове Иль-де-Франс из-за ремонта, пришел во Францию только 14 апреля 1769 г.

Несмотря на тяжелые условия плавания, потери в личном составе экспедиции были сравнительно невелики: на фрегате «Будёз» умерло семь человек и на транспорте «Этуаль» два человека, в то время как лишь за последний период первого кругосветного плавания Кука его экипаж потерял свыше тридцати человек. Это, конечно, не идет ни в какое сравнение с первыми русскими кругосветными плаваниями, когда для участников экспедиций на кораблях были созданы **[17]** прекрасные условия и о цинге не могло быть и речи, а потери из-за несчастных случаев составляли единицы.

Итоги кругосветного плавания Бугенвиля оказались весьма значительными. Исследуя малоизвестные районы Тихого океана, он сделал ряд географических открытий, представлявших интерес для французского колониализма.

/Научные результаты экспедиции/ Эта цель безусловно была достигнута. Французская экспедиция сделала следующие географические открытия: 1) в группе островов Туамоту — острова Катр Факарден, Копьеносцев, Арп и еще несколько низменных островов; 2) архипелаг Навигаторов, или Самоа: 3) остров Анфан пердю; 4) архипелаг Больших Циклад (Новые Гебриды) — острова Пантекот, Орор, Лепрё, пик Этуаль; 5) банка Диан; 6) мыс Деливранс и залив Луизиады (архипелаг Луизиады); 7) острова Бугенвиль, Бука и Шуазель (в группе Соломоновых островов), бухта Шуазель, река Геррье; 8) порт Праслин на острове Новая Британия; 9) острова Анахорет, Коммерсон, Эшикье и Эрмитанос и другие.

Местоположение всех вновь открытых островов, мысов и других географических объектов было определено Бугенвилем со всей возможной для того времени точностью.

Будучи ученым-математиком, Бугенвиль особое внимание уделял астрономическим наблюдениям, морской описи, определениям места корабля по береговым предметам и

прокладке курсов. Экспедиция находилась в неблагоприятных условиях, потому что на кораблях не было хронометров, которые в то время хотя и существовали, но еще не являлись предметом обязательного снабжения кораблей. Вследствие этого долготы, определенные экспедицией, нуждаются в исправлении.

По этому поводу И.Ф. Крузенштерн писал в цитированном труде: «Долготы Куковы в первом путешествии, равно и долготы Бирона [Байрона], Валлиса [Уоллиса], Картерета и Бугенвиля должны подвергнуться поправке, потому что никто из вышеупомянутых мореплавателей не имел на корабле хронометров». **[18]**

В составе экспедиции находился астроном Веррон, который занимался астрономическими наблюдениями как на корабле, так и на берегу, в импровизированных обсерваториях. Кроме того, астрономические наблюдения вели сам Бугенвиль и офицеры обоих кораблей. Точное определение долготы очень заботило Бугенвиля. В то время для определения долготы пользовались методом лунных расстояний (измерение расстояний от Луны до Солнца или до определенных звезд). Но метод этот не отличался точностью и требовал взятия большого числа лунных расстояний. Бугенвиль исследует в своей книге и многие другие способы определения долготы и сравнивает их между собою. Он оценивает и различные мореходные инструменты, применявшиеся для определения долготы, например мега-метр, и рекомендует способы их усовершенствования. Для астрономических наблюдений на кораблях имелись октанты, квадранты и секстанты. Почти в каждой главе книги Бугенвиля содержатся замечания по навигации, которые, в сущности говоря, являются руководством для плавания в различных районах океанов и у берегов, советами и рекомендациями для последующих экспедиций.

Много места уделяет Бугенвиль критике находившихся в его распоряжении карт. Выступая в защиту картографов против необоснованных нападок мореплавателей, он критикует карты французских картографов Беллена, д’Апре и Данвиля, считая наиболее точными карты последнего. Бугенвиль и его офицеры составили ряд карт Магелланова пролива и отдельных районов Тихого океана и Австрало-азиатских морей, чем оказали большую услугу мореплаванию; часть составленных им карт Бугенвиль приложил к описанию своего плавания.

Океанографией в современном смысле этого понятия Бугенвиль не мог заниматься. Океанография как наука была создана позднее И.Ф. Крузенштерном. Бугенвиль не имел никаких приборов для океанографических исследований, а длина имевшихся у него лотлиней не превышала 100 морских саженей. Однако везде, где позволяли **[19]** глубины, производилось их измерение и доставались пробы грунта.

Тщательно изучались постоянные и приливо-отливные течения, определялись величина прилива и прикладные часы. Почти каждая глава книги Бугенвиля содержит метеорологические заметки, в которых приведены данные о преобладающих ветрах, температуре воздуха, условиях видимости, осадках.

Интересно отметить, что Бугенвиль высказывает много передовых, прогрессивных мыслей о склонении магнитного компаса. Сравнивая величину магнитного склонения и годовые изменения его для Атлантического океана в разные эпохи, он подметил особенно значительные изменения как во времени, так и в пространстве в средней части Атлантического океана, к востоку от берегов Бразилии и Аргентины, и даже пытается на этом основании предложить метод определения долготы по величине и годовому изменению склонения.

Представляет интерес произведенное Бугенвилем определение протяженности Тихого океана по параллели, ранее вычисленное с большими погрешностями. Наблюдения над солнечным затмением в порту Праслин на острове Новая Британия позволили Бугенвилю точно определить долготу этого пункта, а использование результатов французского градусного измерения в Южной Америке дало ему точную долготу противоположного берега океана. По разности точно определенных долгот он вычислил протяженность Тихого океана по параллели.

Входивший в состав экспедиции натуралист Коммерсон собрал зоологические и ботанические коллекции. Однако неожиданная смерть Коммерсона на острове Иль-де-Франс, где он был оставлен для ботанических работ, сделала невозможным составление полного отчета по этим научным областям; к тому же большая часть заметок и коллекций Коммерсона оказалась утраченной.

Этнографическими заметками насыщено все описание путешествия Бугенвиля. В отношении жителей «земель» и островов, которые посетил Бугенвиль, он проявил себя **[20]** весьма гуманным для своего времени человеком. Бугенвиль не относился к местным жителям с презрением, как это свойственно колонизаторам, и в большинстве случаев он называет их в своей книге не «дикарями», а «островитянами». Сам он ни разу не использовал против них огнестрельного оружия и запрещал своим подчиненным стрелять по островитянам даже в тех случаях, когда они препятствовали высадке французов на берег. Он детально описывает подневольное состояние коренного населения Ост-Индии, изнывавшего под гнетом голландских колонизаторов. Неоднократно сетует на то, что так называемая европейская культура несет неисчислимые бедствия коренному населению колоний. Известный демократизм проявляет Бугенвиль и в том, что когда на его кораблях почти не оставалось

продовольствия, то наравне с матросами на «голодный паек» перешли и он сам, и все офицеры кораблей. Наравне со всем экипажем он питался гнилой солониной, крысами и кожей.

Однако, не будучи знатоком социальных и исторических вопросов, Бугенвиль часто дает виденному им неверную оценку. Это проявилось в первую очередь в примитивной оценке в описании путешествия, классового расслоения населения посещенных островов. Примером может служить хотя бы характеристика условий внутреннего управления на острове Таити.

Сочинение Бугенвиля написано очень живо, хорошим литературным языком, с элементами юмора и, несмотря на прошедшие со времени его первого издания сто девяносто лет, не утратило своего интереса и сейчас. Картины природы и быта островитян, описанные Бугенвилем, произвели сильное впечатление на его современников, в частности на Жан-Жака Руссо.

Именем Бугенвиля названы один из Соломоновых островов, бухта в Магеллановом проливе, три пролива, мыс, риф, океаническая впадина и водопад.

Географические заслуги Бугенвиля получили должное признание на его родине, и его бюст наряду с бюстом другого прославленного французского мореплавателя — **[21]** Лаперуза — был установлен при входе в большой зал Географического общества в Париже.

/Перевод книги Бугенвиля на русский язык/ По неизвестным причинам труд Бугенвиля «Voyage autour du Monde par la fregate du Roi La Boudeuse et la flute L’Etoile en 1766, 1767, 1768 et 1769» до сих пор не был переведен на русский язык. В русских источниках это первое французское кругосветное плавание наиболее обстоятельно описано в обширном

обзорном труде И.П. Магидовича «Очерки по истории географических открытий» (Труд И.П. Магидовича является подлинной энциклопедией по истории географических открытий; издан он Учпедгизом в 1957 г.) и в книге Н.К. Лебедева «Завоевание Земли» (Том II. Военное издательство, М., 1947). Настоящий перевод книги Бугенвиля сделан с первого издания, увидевшего свет в 1771г. При жизни Бугенвиля его книга переиздавалась несколько раз, причем автор вносил в новые издания исправления и дополнения; так, за первым изданием 1771 г. последовало издание 1772 г.; неоднократно выходили во Франции и сокращенные издания этой книги. Наиболее интересные места из последующих изданий книги Бугенвиля приводятся в комментариях.

В переводе сохранены те же меры (морские сажени, лье, туазы и проч.), как и во французском издании; в конце книги дается таблица перевода старинных французских мер в метрические. Старинные французские обозначения румбов (курсов и пеленгов) переведены на старинные русские их наименования, заимствованные еще Петром I в голландском флоте и сохранившиеся в русском флоте вплоть до начала XX в.; в квадратных скобках дается современное обозначение румбов в градусах (пояснения можно найти в приложенном к книге «Кратком словаре важнейших морских терминов» на слово «румбы»).

Многочисленные старинные французские морские термины переведены на русский язык в соответствии со словарями парусного флота; объяснения главнейших морских терминов, встречающихся в книге, сведены в вышеуказанный краткий морской словарь. **[22]**

Воспроизводимые в книге карты Бугенвиля построены в проекции Меркатора, поэтому масштабами для них являются градусные деления на вертикальных рамках карт (1 минута градусная соответствует 1 морской миле).

Географические наименования в тексте и на картах даются в точном соответствии с французским оригиналом (современные наименования, если их удалось установить, приводятся в «Указателе важнейших географических наименований» в конце книги). Все географические объекты (острова, мысы, проливы, бухты, заливы, пункты и проч.) и их наименования сверены с Атласом Мира (1954), Морским Атласом (т. I, 1950), новейшим изданием «The Times Atlas of the World» (т. I и III, 1957—1958) и с современными советскими, английскими, американскими и немецкими морскими картами и лоциями.

Королю

Сир!

Путешествие, к отчету о котором я приступаю, является первым в своем роде в истории французского флота, осуществленным французами на кораблях Вашего Величества. Весь мир уже обязан Вам знанием действительной фигуры Земли. Это Вашим подданным, знаменитым ученым Франции, удалось разрешить столь важную задачу, как определение размеров земного шара [1]

.

Правда, честь открытия и завоевания Америки и освоения нового морского пути в Индию и на Молуккские острова, представляющие собою образец смелости и успеха, бесспорно принадлежит испанцам и португальцам. Неустрашимый Магеллан, пользуясь покровительством короля, хорошо разбирающегося в людях, избежал столь обычной для мореплавателей участи прослыть фантазером; он открыл ворота в новый мир, преодолел тяжкие препятствия, и ничто не может лишить его

славы мореплавателя, который первым обошел вокруг света, хотя ему и не удалось привести свой корабль обратно в Севилью.

Поощренные его примером, английские и голландские мореплаватели открыли новые земли и обогатили многими знаниями Европу. Но и французские мореплаватели также вправе претендовать на известную долю славы, связанной с этими блестящими, хотя и трудными предприятиями. Многие районы Америки были исследованы храбрыми подданными Ваших державных предков; Гонневиль, уроженец Дьепа, первым высадился на землях Южного континента. С тех пор различные причины как внутреннего, так и внешнего порядка, по-видимому, препятствовали развитию стремлений и дальнейшей деятельности французской нации в этом отношении.

Вашему Величеству было угодно использовать мирный период, чтобы обогатить Географию знаниями, полезными человечеству. Под Вашим покровительством, Сир, мы вступили на это поприще. На каждом шагу нас подстерегали всякого рода испытания, однако терпение и настойчивость не покидали нас. Историю этих наших усилий я осмеливаюсь преподнести Вашему Величеству; Ваше одобрение послужит залогом се успеха.

Остаюсь с глубочайшим уважением Вашего Величества

покорнейший и почтительнейший слуга и подданный

де БУГЕНВИЛЬ

Предисловие

Мне кажется, будет весьма кстати дать в начале моего повествования перечень всех кругосветных плаваний и

различных открытий, совершенных до сих пор в Южном море, иначе называемом Тихим океаном [2].

/Первое кругосветное плавание/ Еще в 1519 г. португалец Фердинанд Магеллан, командовавший пятью испанскими кораблями, выйдя из Севильи и пройдя пролив, который носит теперь его имя, проник в Тихий океан, где открыл два небольших пустынных острова к югу от экватора, затем Ладронские (Марианские] острова и, наконец, Филиппины. Его корабль «Виктория», единственный из пяти, вернулся в Испанию, обогнув мыс Доброй Надежды; он был установлен на берегу в Севилье как памятник этой экспедиции, которую можно, пожалуй, считать самой смелой из всех предпринятых до того. Так впервые было доказано, что Земля — шар и определены ее размеры.

/Второе плавание/ 15 сентября 1577 г. из Плимута вышли пять кораблей во главе с англичанином Дрейком, который возвратился 3 ноября 1580 г. только с одним кораблем. Дрейк был вторым кругосветным путешественником. Королева Елизавета посетила его корабль, на котором в честь ее был дан обед. Корабль Дрейка «Пеликан» впоследствии бережно сохранялся в доке с почетной надписью на грот-мачте. Открытия, приписываемые Дрейку, весьма сомнительны. На картах нанесены: в Южном море побережье у Полярного круга и еще несколько островов на север от экватора и также на север — Новый Альбион [Калифорния].

/Третье плавание/ Англичанин Томас Кавендиш [Cavendish] вышел из Плимута 21 июля 1586 г. с тремя кораблями, а вернулся 9 сентября 1588 г. с двумя кораблями. Это третье кругосветное плавание не дало никаких открытий. **[25]**

/Четвертое плавание/ Голландец Оливье де Норд вышел из Роттердама 2 июля 1598 г. с четырьмя кораблями, прошел через Магелланов пролив и направился вдоль западного

побережья Америки, откуда проследовал к Ладронским островам, Филиппинам, Молуккским островам и мысу Доброй Надежды. Де Норд вернулся в Роттердам 26 августа 1601 г., приведя только один корабль. В Южном море он не сделал никаких открытий.

/*Пятое плавание*/ Немец на голландской службе Георг Шпильберг вышел из Зеландии 8 августа 1614 г. с шестью кораблями и, не плавание дойдя до Магелланова пролива, потерял два из них. Пройдя через Магелланов пролив, он совершил походы у берегов Перу и Мексики и, не открыв ничего нового на своем пути, направился к Ладронским и Молуккским островам. Два его корабля вернулись в голландские порты 1 июля 1617 г.

/*Шестое плавание*/ Почти в то же самое время обессмертили свои имена Якоб Лемер и Схоутен. Они вышли 14 июня 1615 г. из Тексела на кораблях «Конкорд» («Эндрахт») и «Горн» [3], открыли пролив, который носит имя Лемера, и первыми вошли в Южное море, обогнув мыс Горн; в широте 15°15' южной и приблизительно в долготе 142° западной от Парижа они обнаружили остров Шиен; в широте 15° южной, в сотне лье к западу, — остров Сан-Фон; в широте 14°46' южной, в 15 лье еще западнее,— остров Уотер, а в 20 лье от него к западу — остров Муш; в широте 16°10' южной и долготе 173—175° западной от Парижа — два острова: Кокос и Третр; в 50 лье к западу остров Эсперанс, затем в широте 14°56' южной и приблизительно в долготе 179° восточной от Парижа — остров Горн. Потом они проследовали вдоль побережья Новой Гвинеи, прошли между ее западной оконечностью и островом Жилоло и в октябре 1616 г. прибыли в Батавию. Здесь их задержал Георг Шпильберг и отправил в Европу на кораблях, принадлежащих компании.

Лемер умер от болезни на острове Маврикия, а Схоутен снова увидел свою родину. Корабли «Эндрахт» и «Горн» вернулись через два года и десять дней.

/*Седьмое плавание*/ Голландец Якоб Лермит, командовавший флотилией из одиннадцати кораблей, в 1623 г. вышел из Тексела с намерением покорить Перу. Обогнув мыс Горн, он вошел в Южное море и после ряда боевых действий у принадлежавшего Испании побережья направился к Ладронским островам, не сделав никаких открытий в Южном море. Затем Лермит направился в Батавию. Он умер на корабле при выходе последнего из Зондского пролива. Этот корабль, единственный из всей флотилии, пришел в Тексел 9 июля 1626 г. **[26]**

/*Восьмое плавание*/ В 1683 г. англичанин Каули [Cowley], выйдя из Виргинии [4], обогнул мыс Горн и, совершив ряд походов у принадлежавшего Испании побережья, прибыл на Ладронские острова. В Англию он вернулся 12 октября 1686 г., обогнув мыс Доброй Надежды. Этот мореплаватель не сделал в Южном море открытий, однако он претендовал на открытие острова Пепис в Северном море, в широте 47°, в 80 лье от побережья Патагонии.

/*Девятое плавание*/ Англичанин Вуд Роджерс вышел из Бристоля 2 августа 1708 г., обогнул мыс Горн, воевал у побережья, принадлежавшего Испании, и дошел до Калифорнии. Отсюда по уже известному пути он направился к Ладронским и Молуккским островам и в Батавию, а затем, обогнув мыс Доброй Надежды, 1 октября 1711 г. пришел в Дюн.

/*Десятое плавание*/ Спустя десять лет голландец Роггевен отправился из Тексела с тремя кораблями в Южное море, обогнул мыс Горн и пытался найти землю Девиса [5], которую так и не обнаружил; к югу от Южного тропика он открыл

остров Пасхи, причем широта его не была им уточнена; затем между параллелями 15° и 17° южной широты им были открыты острова, названные Пернисиез [Гибельными], у которых он потерял один из своих кораблей [6]. Примерно в той же широте им были открыты острова Орор, Веспр и Лабиринт, состоящий из шести островов, а также остров Рекреатьон, где он и сделал остановку. Впоследствии Роггевен открыл на параллели 12° южной широты еще три острова, которые назвал островами Баумана, и, наконец, на параллели 11° южной широты — острова Тиенховен и Гронинг [7], после чего прошел вдоль берегов Новой Гвинеи и земли Папус и прибыл в Батавию, где его корабли были конфискованы. Адмирал Роггевен вернулся в Голландию на кораблях голландской Ост-Индской компании и прибыл в Тексел 11 июня 1723 г., то есть через 680 дней с момента выхода из этого же порта.

/*Одиннадцатое плавание*/ Казалось, интерес к большим морским путешествиям совсем упал, и все же в 1741 г. английский адмирал Ансон совершил кругосветное плавание, интересные рассказы о котором известны всему миру, но которое ничего нового географии не дало.

/*Двенадцатое плавание*/ После плавания адмирала Ансона в течение более двадцати лет не предпринималось никаких больших кругосветных путешествий, и только недавно вновь пробудился интерес к открытиям. 20 июня 1764 г. коммодор Байрон вышел из Дюн, прошел через Магелланов пролив и, держа курс почти все время на северо-запад, открыл несколько островов в Южном море; 28 ноября 1765 г. он прибыл в **[27]** Батавию, 24 февраля 1766 г. — к мысу Доброй Надежды и 9 мая, через 688 дней после своего отплытия, вернулся в Дюн.

/*Тринадцатое плавание*/ Через два месяца после возвращения коммодора Байрона капитан Уоллис отбыл из

Англии с кораблями «Дельфин» и «Суаллоу», прошел через Магелланов пролив и у его выхода в Южное море оказался разлученным со своим спутником — капитаном Картеретом, который командовал кораблем «Суаллоу». В августе 1767 г. приблизительно на параллели 18° южной широты Уоллис открыл один остров; затем он пересек экватор, прошел между землями Папус и, сделав в январе 1768 г. остановку в Батавии, а затем у мыса Доброй Надежды, в мае того же года вернулся в Англию. Его компаньон Картерет, претерпев много бедствий в Южном море, в марте 1768 г. прибыл в Макасар, потеряв почти весь свой экипаж; 15 сентября он пришел в Батавию, а в конце декабря к мысу Доброй Надежды. Из дальнейшего моего повествования будет видно, что я встретил его в море 18 февраля 1769 г., приблизительно на параллели 11° северной широты. В Англию он вернулся только в июне.

Как видно из этих тринадцати (Дон Пернетти в своих «Рассуждениях об Америке» упоминает о каком-то путешествии вокруг света, якобы совершенном в 1719 г. капитаном Челуоск (Shelwosk). Я ничего не знаю об этом путешествии.) кругосветных путешествий, ни одно из них не принадлежит французской нации и только шесть были совершены с целью сделать новые открытия: это путешествия Магеллана, Дрейка, Лемера, Роггевена, Байрона и Уоллиса; остальные мореплаватели стремились лишь к собственному обогащению за счет набегов на испанцев и проходили уже ранее открытыми путями, не ставя перед собой цель расширять знания о земном шаре.

В 1714 г. француз Барбинэ ле Жантиль на частном корабле отправился для контрабандных действий к берегам Чили и Перу, а оттуда в Китай, где прослужил около года в различных торговых конторах и вернулся в Европу на другом корабле. Ле Жантиль совершил самостоятельное кругосветное путешествие, однако нельзя считать, что это

подобие кругосветного плавания явилось достижением французской нации.

Теперь поговорим и о тех мореплавателях, которые, направляясь от берегов Европы, западного побережья Южной Америки или Ост-Индии, сделали открытия в Южном море, не совершая кругосветных путешествий.

Оказывается, именно француз, Польмье де Гонневиль [Paulmier de Gonneville], сделал первые географические **[28]** открытия в 1503 и 1504 гг. Неизвестно, где находятся земли, откуда он вывез туземца, которого французское правительство только поэтому и не отправило обратно на родину; Гонневиль, считавший себя обязанным о нем заботиться, даже женил его на своей наследнице.

Испанец Альфонс де Саласар в 1525 г. открыл остров Сен-Бартелеми в широте 14° северной и приблизительно в долготе 158° восточной от Парижа.

Альваро де Сааведра, выйдя в 1526 г. из одного из мексиканских портов, открыл между параллелями 8° и 11° северной широты, приблизительно в той же долготе, что и остров Сен-Бартелеми, группу островов, которые назвал Руа [8], после чего направился к островам Филиппинским и Молуккским. Возвращаясь в Мексику, де Сааведра первый ознакомился с островами, или землями, названными Новой Гвинеей и землей Папус. В широте 12° северной, приблизительно в 80 лье к востоку от островов Руа, он открыл также цепь пологих островов, названных Барбюс [9].

Диего Уртадо и Фернан де Грихальва, выйдя из Мексики в 1533 г. с целью обследования Южного моря, открыли лишь один остров, расположенный в широте 20°30' северной и приблизительно в долготе 100° западной от Парижа. Они назвали его островом Сен-Тома.

Хуан Гаэтано, выйдя из Мексики в 1542 г., также направился к северу от экватора. Там он открыл между параллелями 20° и 9° северной широты и на разных меридианах несколько островов: Рокка Партида, Коралловые, Жарден, Матлот, Арезиз, и, наконец, подошел к берегам Новой Гвинеи, или, вернее, согласно его отчету, к Новой Британии; однако тогда Дампир еще не открыл проход, носящий его имя.

Следующее путешествие — самое замечательное по сравнению со всеми предшествующими.

Альвар де МендосаиМиндана [10], выйдя из Перу в 1567 г., открыли знаменитые острова, которые вследствие своих богатств были названы Соломоновыми; однако, если даже предположить, что все рассказы о богатстве этих островов не являются вымыслом, все равно их местонахождение осталось неизвестным, и все последующие поиски их оказались тщетными. Предполагают, что они находятся к югу от экватора, между параллелями 8° и 12° южной широты. Об острове Изабелла и земле Гвадалканал, о которых также упоминали эти мореплаватели, известно очень мало [11].

В 1595 г. Альвар де Миндана, спутник Мендосы по предыдущему плаванию, снова вышел из Перу с четырьмя **[29]** кораблями на поиски Соломоновых островов. С ним был Фернан де Кирос, ставший знаменитым благодаря совершенным им открытиям. Между параллелями 9° и 11° южной широты Миндана приблизительно в долготе 108° западной от Парижа открыл острова Сен-Пьер, Магделен, Доминика и Кристин и назвал их островами маркизы Мендосы, в честь доньи Изабеллы де Мендоса, которая участвовала в этом плавании [12]; приблизительно на 24° к западу он открыл остров Сен-Бернар, почти в 200 лье западнее от него — остров Солитер и, наконец, остров Сент-Круа, расположенный приблизительно на меридиане 140° восточной долготы от Парижа.

Оттуда флот направился к Ладронским островам и Филиппинам, куда генерал Мендана так и не дошел; что случилось с его кораблями — неизвестно.

Фернан де Кирос, спутник несчастного Миндана, доставив обратно в Перу донью Изабеллу, 21 декабря 1605 г. снова отправился в путь с двумя кораблями, держа курс приблизительно на юго-запад. Сначала он открыл небольшой остров, примерно в широте 25° южной и в долготе 180° западной от Парижа, а затем между параллелями 18° и 19° южной широты — семь или восемь других островов, едва возвышающихся над поверхностью моря, которые носят его имя; на параллели 13° южной широты, приблизительно на меридиане 157° к западу от Парижа, им был открыт еще один остров, который он назвал Бель-Насион. Затем де Кирос начал искать остров Сент-Круа, который он видел во время своего первого плавания, но поиски оказались безуспешными. При этом в широте 13° южной и в долготе приблизительно 176° восточной от Парижа де Кирос открыл остров Таумако, а затем примерно в 100 лье к востоку от этого острова, в широте 15° южной, большую землю, которую назвал Австралией святого Духа, местонахождение которой географы определяли по-разному [13]. После этого де Кирос прекратил свое продвижение на запад и взял курс на Мексику, куда прибыл в конце 1606 г., так и не отыскав остров Сент-Круа.

Абель Тасман, выйдя из Батавии 14 августа 1642 г., открыл в широте 42° южной и приблизительно в долготе 155° восточной от Парижа землю, которую назвал Вандименовой; покинув ее, он отправился на запад и приблизительно в долготе 160° восточной от Парижа и широте 42°10' южной открыл острова Новой Зеландии. Следуя вдоль побережья этих островов приблизительно до широты 34° южной, Тасман далее направился на северо-восток и открыл в широте 22°35' и приблизительно в долготе 174° восточной **[30]** от Парижа

острова Пилстаарт, Амстердам и Роттердам [14]. Дальше он не пошел и вернулся в Батавию, пройдя между Новой Гвинеей и островом Жилоло [15].

Длинную цепь земель и островов, расположенных между параллелями 6° и 34° южной широты и меридианами 105° и 140° восточной долготы от Парижа назвали общим именем: Новая Голландия. Это название вполне оправдано, так как все мореплаватели, которые обнаружили те или иные земли в этом районе, были голландцами. Первой здесь была открыта земля Конкорд (называвшаяся также Эндрахт) — по имени корабля, на котором было совершено открытие в 1616 г. между параллелями 24° и 25° южной широты. Другая часть этой земли, расположенная приблизительно на пятнадцатой параллели, была открыта в 1618 г. Зеахеном и названа им Землей Арнхема и Димена (однако это не та земля, которую назвал этим именем Тасман).

В 1619 г. Жан Эдельс дал свое имя одному из южных районов Новой Голландии. Другой район, находящийся между параллелями 30° и 33° южной широты, был назван именем Леувен. Питер де Нейтс настоял на том, чтобы побережье, которое являлось как бы продолжением побережья Земли Леувен на запад, было названо его именем.

Вильям де Витт назвал своим именем часть западного побережья, находящегося по соседству с тропиком Козерога, хотя оно должно было бы носить имя капитана Виан, голландца, который в 1628 г. заплатил за честь этого открытия потерей своего корабля и всех своих богатств.

В том же 1628 г. голландец Питер Карпентер открыл большой, названный его именем залив Карпентари, между параллелями 10° и 20° южной широты, и с этих пор голландцы часто обследовали это побережье.

Англичанин Дампир, выйдя с острова Большой Тимор, совершил в 1687 г. свое первое плавание к берегам Новой Голландии и высаживался на побережье между землями Арнхема и Димена; это весьма непродолжительное путешествие не принесло никаких открытий. В 1699 г. Дампир вышел из Англии со специальным намерением обследовать весь этот район, сведения о котором голландцы не публиковали, хотя они и располагали ими; пройдя вдоль западного побережья Новой Голландии от параллели 28° до параллели 15° южной широты, Дампир видел земли Конкорд и Витта и предположил, что может существовать проход к югу от залива Карпентари. Вернувшись на остров Тимор, откуда он снова направился к островам Папус, Дампир прошел вдоль берегов Новой Гвинеи, открыл **[31]** проход, носящий его имя, назвал Новой Британией большой остров [16], ограничивающий этот пролив с востока, и снова направился к Тимору, придерживаясь берегов Новой Гвинеи. Это был тот самый Дампир, который с 1683 по 1691 г. то в качестве флибустьера, то в качестве торговца на разных кораблях совершил плавание вокруг света.

Таково краткое описание различных кругосветных плаваний и открытий, сделанных в обширном Тихом океане до момента нашего выхода из Франции.

Прежде чем начать повествование о совершенном мною плавании, я хочу предупредить, что этот рассказ не следует рассматривать лишь как развлекательный, так как он предназначается главным образом для моряков. Кроме того, эта длительная экспедиция, предпринятая в мирное время, не изобиловала эпизодами, представляющими интерес для светского общества. Мне очень хотелось бы так излагать свои мысли, чтобы хоть формой повествования немного смягчить сухость моих описаний. Однако, несмотря на то что в ранней юности я занимался науками и даже благодаря тем урокам, которые любезно согласился давать мне знаменитый ученый

д'Аламбер, в свое время создал и представил на снисходительный суд общества труд по геометрии, должен признаться, что в настоящее время я очень далек от науки и литературы; на ход моих мыслей и на мой стиль слишком сильное влияние оказала та суровая кочевая жизнь, которую я веду уже двенадцать лет. Искусство письма не приобретается в лесах Канады и на морях, и, кроме того, я потерял брата, писателя, любимого публикой, который мог бы мне помочь.

Кстати сказать, я никого не цитирую и ни с кем не спорю и еще меньше намерен выдвигать или оспаривать какие-либо гипотезы.

Даже если бы весьма значительные различия, которые я заметил в многочисленных посещенных мною странах, не помешали мне отдаться систематизации, столь естественной в настоящее время и, однако, имеющей очень мало общего с истинной философией, разве я мог бы надеяться, что моя мечта, какое бы правдоподобие я ни пытался придать ей, могла когда-нибудь иметь успех?

Я путешественник и моряк, то есть лгун и глупец в глазах той клики ленивых и надменных писателей, которые в тиши своих кабинетов бесконечно философствуют о мире и его обитателях и упорно пытаются подчинить природу своим вымыслам. Весьма странен и совершенно **[32]** непонятен метод этих людей, которые, сами ничего не видев, пишут и догматизируют только лишь на основании наблюдений, заимствованных у тех самых путешественников, которым они отказывают в способностях видеть и мыслить. Я заканчиваю это предисловие, отдав должное мужеству, усердию и несокрушимому терпению офицеров (Состав офицеров фрегата «Будёз»: Бугенвиль — капитан 1 ранга; Дюкло-Гюйо — капитан 2 ранга; шевалье де Бурнан; шевалье д'Орезон, шевалье дю Бушаж — лейтенанты; шевалье де Сюзанне,

шевалье де Кюэ — гардемарины, исполнявшие обязанности офицеров; ле Корр — офицер торгового флота; Сен-Жермен [17] — письмоводитель; ла Вэз — священник; ла Порт — главный хирург.

Состав офицеров транспорта «Этуаль»: Шенар де ля Жироде — капитан 2 ранга; Каро — лейтенант индийской компании; Дона, Лайде, Фонтэн и Лавари ле Руа — офицеры торгового флота; Мишо — письмоводитель; Вивэс — главный хирург. Кроме того, в экспедиции участвовали: де Коммерсон [18] — врач [натуралист], Веррон — астроном и Роменвиль — инженер) и экипажей моих двух кораблей. Совершенно не было необходимости создавать для них какие-то особые условия, вроде тех, какие были созданы англичанами для экипажа Байрона. Их доверие подвергалось испытаниям в самые критические моменты, но их добрая воля ни разу не была поколеблена. Это потому, что французская нация способна побеждать самые большие трудности, и нет невозможного для ее усилий всякий раз, когда она сама захочет считать себя по меньшей мере равной любой другой нации мира [19].

Часть первая

С отплытия из Франции до выхода из Магелланова пролива

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Выход фрегата «Будёз» из Нанта. — Заход в Брест. — Плавание от Бреста до Монтевидео. — Соединение с испанскими фрегатами для передачи испанцам Малуинских островов

/Цель путешествия. 1766 г., ноябрь/ В феврале 1764 г. Франция основала колонию на Малуинских [Фолклендских]

островах [20], но Испания потребовала возвращения этих островов, тесно связанных с материком Южной Америки. Французский король признал права Испании, и я получил приказ направиться на острова для передачи их испанцам, а затем пересечь Южное море [21] между тропиками и следовать в Ост-Индию. Для этой экспедиции в мое командование был предоставлен фрегат «Будёз», вооруженный двадцатью шестью двенадцатифунтовыми [22] пушками, а на Малуинах ко мне должен был присоединиться и следовать со мной до конца похода флейт «Этуаль» с необходимым для нашего длительного плавания запасом провианта. Однако этот транспорт по различным обстоятельствам запоздал и не присоединился к нам, что удлинило наше плавание почти на восемь месяцев.

/Уход из Нанта/ В первых числах ноября 1766 г. я отправился в Нант, где недавно была закончена постройка фрегата «Будёз» и где мой помощник капитан 2 ранга Дюкло-Гюйо заканчивал его вооружение [23]. 5 ноября мы прибыли из Пенбёфа [24] в Минден [25] для окончательного вооружения, а 15-го поставили паруса и покинули этот рейд, взяв курс на устье реки Ла-Платы. Там я должен был встретиться с двумя испанскими фрегатами — «Эсмеральда» и «Льебре», вышедшими 17 октября из Ферроля; командующему этими фрегатами было поручено принять Малуинские острова во владение испанского короля.

/Шквал/ 17-го мы получили штормовой ветер со шквалами от западных румбов, от вест-зюйд-веста до норд-веста [от 247 1/2° до 315°], который ночью усилился. Ночь мы провели с убранными парусами и спущенными нижними реями; **[36]** несмотря на эту предосторожность, нижний шкотовый угол паруса фока, под которым мы первоначально лежали в дрейфе, был вырван и унесен ветром.

/Стоянка в Бресте/ 18-го в 4 часа утра сломалась пополам наша фор-стеньга; грот-стеньга выдержала до 8 часов, когда она сломалась в эзельгофте грот-мачты [26]. Это второе повреждение лишало нас возможности продолжать путь, и я принял решение зайти в Брест, куда мы и пришли 21 ноября.

Этот шквал и причиненные им повреждения побудили меня сделать следующие выводы о состоянии и качествах фрегата, которым я командовал:

1. Непомерно большой наклон его наружного борта вовнутрь корабля оставлял слишком малую ширину верхней палубы для создания необходимого угла между вантами и мачтами, вследствие чего последние недостаточно поддерживались с боков.

2. Указанный выше недостаток усугублялся тем, что мы приняли большое количество продовольствия. Сорок тонн железа-балласта были размещены с обеих сторон кильсона на небольшом расстоянии от него. К этому грузу добавлялось двенадцать двенадцатифунтовых пушек, спущенных в трюм и размещенных у основания льяла (на палубе у нас было установлено только четырнадцать пушек). Весь этот большой груз находился значительно ниже центра тяжести корабля и почти целиком был сосредоточен на кильсоне. Это ставило под угрозу наш рангоут даже при самой незначительной бортовой качке [27].

Все это заставило меня уменьшить чрезмерную высоту мачт и переменить нашу артиллерию, установив вместо двенадцатифунтовых пушек восьмифунтовые. Уменьшение груза почти на двадцать тонн как в трюме, так и на палубе, достигнутое благодаря замене артиллерии, было необходимо и потому, что ширина палубы фрегата была примерно на два фута меньше по сравнению с другими фрегатами, вооруженными двенадцатифунтовой артиллерией.

Несмотря на эти изменения, на которые мне было дано разрешение, я понимал, что мой корабль еще далеко не готов для плавания в водах, омывающих мыс Горн. Во время шквалов я убедился, что фрегат принимает воду всей своей надводной частью, и была опасность, что хранившиеся в трюме запасы сухарей начнут гнить, а это поставило бы нас в безвыходное положение во время плавания, которое нам предстояло.

Учитывая все это, я добился разрешения (в случае если долгие зимние ночи воспрепятствуют нашему проходу через Магелланов пролив) отослать фрегат «Будёз» с **[37]** Малуинских островов обратно во Францию под командованием лейтенанта шевалье де Бурнана, а самому продолжать плавание на транспорте «Этуаль». Я получил это разрешение, но мне не пришлось им воспользоваться, как это будет видно из дальнейшего изложения, так как мы благополучно прошли Магелланов пролив во время летнего периода в южном полушарии. 4 декабря, исправив рангоут, сменив пушки и полностью переконопатив надводную часть корпуса фрегата, я вышел из гавани и бросил якорь на рейде на том самом месте, что и 21 ноября.

Мы простояли там весь день, занимаясь погрузкой пороха и тянули ванты.

/Декабрь. Уход из Бреста/ 5 декабря в полдень мы снялись с якоря и покинули Брестский рейд.

Я вынужден был обрубить свой якорный канат, так как очень сильный восточный ветер и отливное течение мешали развернуть корабль на якоре, и я опасался, что нас слишком прижмет к берегу.

Наш командный состав насчитывал одиннадцать офицеров и трех волонтеров, а экипаж — 203 матросов, унтер-офицеров,

солдат, юнг и прислуги. Принц Нассау-Зиген [28] получил разрешение короля сопровождать нас в походе.

В 4 часа пополудни центральная часть острова Уэссан находилась по компасу на норд-тень-ост [11 1/4°], и эту точку я принял за отшедший пункт [29].

В первые дни мы имели довольно устойчивые свежие ветры от вест-норд-веста [292 1/2°], вест-зюйд-веста [247 1/2°] и зюйд-веста [225°].

/Описание островов Сальважес/ 17 декабря после полудня мы увидели остров и скалы Сальважес, 18-го — остров Пальм, а 19-го — остров Фер. Это небольшой островок, вытянутый с востока на запад почти на одно лье; центральная часть его — низменная, и только на оконечностях подымаются песчаные холмы; цепь скал, которые местами, по-видимому, возвышаются над водой, тянется с западной стороны на два лье от острова; с восточной стороны также виднелось несколько бурунов, находившихся довольно близко друг от друга и свидетельствовавших о наличии здесь рифов.

/Ошибка в счислении/ Наличие этих рифов указывало на ошибку в нашем счислении, однако мне не хотелось оценивать эту ошибку ранее чем мы придем на вид Канарских островов, положение которых определено совершенно точно. Когда мы пришли на вид острова Фер, я мог уверенно внести необходимые коррективы. **[38]**

19 декабря в полдень я определил широту и сравнил обсервованное место корабля с полученным тогда же по пеленгам острова Фер, причем обнаружил разницу в 4°7'. Следовательно, я находился восточнее моего счислимого места на расстоянии, равном этой величине. Такая ошибка была обычной при переходе от мыса Финистер к Канарским островам, и по опыту других своих плаваний я знал, что на

траверзе Гибралтарского пролива течения относят корабль на восток с большой скоростью.

/Исправление местоположения Сальважес/ Одновременно я имел случай убедиться в том, что Сальважес неправильно нанесены на карте Беллена [30]. Действительно, когда 17 декабря после полудня мы определились по ним, то долгота, полученная по пеленгам, отличалась от нашей счислимой долготы на 3°17' к востоку. 19 декабря при исправлении нашего счислимого места по пеленгам острова Фер, долгота которого была определена астрономическими наблюдениями, эта разница составляла уже 4°7'.

Нужно заметить, что за двое суток нашего пути от островов Сальважес до острова Фер, поскольку мы шли в открытом море при установившемся ветре, не могло быть большой ошибки в счислении. Кроме того, 18 декабря мы взяли пеленг острова Пальм на зюйд-вест-тень-вест [236 1/4°], а по Беллену, он должен был оставаться на зюйд-вест [225°]. Эти два наблюдения дали мне возможность заключить, что Беллен нанес острова Сальважес приблизительно на 32' западнее, чем это есть в действительности. Итак, 19 декабря в полдень я принял новый отшедший пункт. После этого наше плавание не было ничем примечательно вплоть до прихода в устье реки Ла-Платы. Лишь следующие наблюдения могли бы заинтересовать мореплавателей:

/1767 г., январь. Навигационные замечания/ 1) 6 и 7 января, когда мы находились между параллелями 1°40' и 0°38' северной широты, мы увидели много птиц; это заставило меня предположить, что берег близко и что мы находимся неподалеку от одинокого скалистого островка Пенедо Сан-Педро, который, однако, не был отмечен Белленом на его карте.

/Переход через экватор/ 2) 8 января после полудня мы пересекли экватор между меридианами 27 и 28° западной долготы.

/Замечания о склонении/ 3) С 2 января не было возможности производить наблюдения над склонением, и я его снимал с карты Уильяма Маунтена и Якоба Обсона [31]. 11-го на закате мы определили склонение 3°17' к норд-весту, а 14-го утром я определил склонение по азимутальному компасу, находясь в широте 10°30' или 10°40' южной и приблизительно в долготе **[39]** 33°20' западной от Парижа: оно составляло еще 10' к норд-осту. Если моя счислимая долгота верна, а я ее уточнил при подходе к берегу, то нет сомнения, что линия, на которой склонение отсутствует, согласно наблюдениям Маунтена и Обсона, сместилась на запад, и кажется, что ее продвижение в этом направлении происходит довольно равномерно. Действительно, на той же параллели, где Уильям Маунтен и Якоб Обсон определили изменение склонения в 12°—13° за сорок четыре года, я посчитал разницу немногим более 10° за промежуток времени в двадцать два года. Упомянутое явление заслуживает, чтобы его проверили серией наблюдений. Открытие закона, которому подчиняются эти изменения в склонении магнитной стрелки, не только дало бы возможность определять в море долготу, но, может быть, привело бы нас к объяснению причины происхождения магнитных склонений и даже самой магнитной силы.

/Причины разности в широтах, выясненные во время перехода к Бразилии/ 4) К северу и югу от экватора мы почти все время наблюдали довольно значительные разности между счислимой и обсервованной широтами, причем последняя располагалась к северу от первой, тогда как нормальным следовало бы считать обратное явление. Мы даже получили возможность объяснить причины такого явления, когда 18 января после полудня пересекли скопление рыбьей икры, которое тянулось, насколько мог видеть глаз, с

зюйд-вест-тень-веста [236 1/4°] на норд-ост-тень-ост [56 1/4°] в виде белой с красноватым оттенком полосы шириной около двух саженей. Встреча с этим скоплением была для нас подтверждением того, что уже несколько дней течение имело направление на норд-ост-тень-ост [56 1/4°], ибо рыбы мечут икру у берегов, а течением относит ее в открытое море.

Наблюдая вышеуказанную разность широт к норду [0°], я не пришел к выводу, что она обязательно связана со сносом корабля на вест [270°]. Поэтому, когда 29 января вечером мы увидели землю, в то время как по полуденному счислимому месту она должна была находиться от нас на расстоянии 12—15 лье, это навело меня на такие размышления: многие мореплаватели давно жаловались, да и теперь еще жалуются, что на картах, и в особенности на картах Беллена, побережье Бразилии нанесено восточнее, чем оно находится в действительности; они ссылаются на то, что во время своих многочисленных плаваний не раз обнаруживали это побережье уже тогда, когда, по их предположению, оно должно было находиться от них в 80—100 лье. Кроме того, добавляют они, им неоднократно приходилось испытывать в этих местах силу течений, которые сносили их к зюйд-весту [225°]. Они предпочитают **[40]** говорить об ошибках, якобы допущенных при астрономических наблюдениях и составлении карт, нежели признать ошибочность своего счисления.

Основываясь на подобных рассуждениях, мы могли бы сделать обратные выводы во время нашего плавания к реке Ла-Плате, если бы счастливый случай не объяснил нам причину невязки в широте к норду [0°], которую мы получали. Было совершенно очевидно, что встреченные нами 18 января скопления рыбьей икры подверглись действию течения, а их удаленность от побережья подтверждала, что это течение возникло уже несколько дней тому назад. Стало быть, оно и являлось причиной наших постоянных ошибок в

счислении; течения, которые часто в этих местах сносили корабли мореплавателей на зюйд-вест [225°], подвержены отклонениям и иногда принимают обратное направление. На основе этих хорошо проверенных наблюдений и так как наш курс лежал почти на зюйд-вест [225°], мне казалось, что возможно исправить наши ошибки в расстояниях и привести последние в соответствие с астрономическими определениями широты, не исправляя направление ветра. Благодаря этому методу я увидел землю почти в тот же момент, когда должен был увидеть ее по счислению. Те из нас, которые всегда прокладывали курс на вест [270°] на основе счисления и довольствовались лишь исправлением широты по астрономическим наблюдениям в полдень, не учитывая течений, увидели бы эту землю намного раньше, чем мы. Имеют ли они право сделать из этого вывод, что побережье Бразилии находится западнее, чем отмечено Белленом?

/Наблюдения над течениями/ Оказывается, в этом районе течения часто изменяют свое направление и следуют иногда на норд-ост [45°], а еще чаще на зюйд-вест [225°]. Достаточно обратить внимание на положение берегов, чтобы убедиться, что течения могут следовать только по одному из этих двух направлений и что всегда легко определить это направление по сносу корабля к норду [0°] и зюйду [180°] относительно широт, полученных путем астрономических наблюдений. Именно из-за этих течений происходят те частые ошибки, на которые жалуются мореплаватели, и я думаю, что Беллен правильно нанес берега Бразилии на карту. Я еще и потому охотно этому верю, что долгота Рио-де-Жанейро была определена Годеном [32] и аббатом де ла Кай, которые встретились там в 1751 г. Они занимались определениями долготы также в Пернамбуко (Ресифе) и Буэнос-Айресе. Если координаты этих трех пунктов определены, то уже не может быть значительных ошибок в определении **[41]**

расположения и долготы восточного побережья Америки, между параллелями 8° и 35° южной широты; в этом мы убедились на собственном опыте [33].

/Вход в реку Ла-Плату/ Начиная с 27 января мы шли по глубинам, которые длина нашего лотлиня позволяла измерять, и 29-го увидели землю, но не могли ее опознать, так как день клонился к вечеру, а берега были очень низменны. Наступила темная ночь с дождем и громом. Пришлось лечь в дрейф, взяв на марселях оба рифа и держась против волны. На рассвете 30-го перед нами открылись горы Мальдонадос. Теперь уже нетрудно было определить, что земля, усмотренная нами накануне, это и есть остров Лобос.

/Необходимое исправление карты Беллена/ Однако, так как, наша пришедшая широта составляла 35°16'20", мы должны были считать, что находимся у мыса Сент-Мари, который нанесен Белленом в широте 35°15', в то время как в действительности его широта 34°55'. Я отмечаю это неверное положение мыса на карте, ибо вижу в этом опасность для мореплавания. Корабль, идущий по параллели 35°15' южной широты, предполагая, что находится у мыса Сент-Мари, рискует сесть на банку Англуа прежде, чем увидит какую-либо землю, однако лот должен предупредить его о приближении к опасности, так как возле банки глубина всего только 6—7 саженей. **[42]**

Банка Франсуаз, которая представляет вообще не что иное, как продолжение мыса Сен-Антонио, еще более опасна: корабль может врезаться в ее северную оконечность, несмотря на то, что непосредственно перед тем глубина достигала 12—14 саженей.

/Якорное место Мальдонадос/ Горы Мальдонадос — первые возвышенности, которые видны на северном берегу после

входа в устье Ла-Платы. Это единственные здесь горы вплоть до Монтевидео. К востоку от гор имеется якорная стоянка против очень низкого берега. Это небольшой залив, частично защищенный с моря маленьким островком. В горах Мальдонадос испанцы имеют крепость с гарнизоном. В окрестностях этих гор вот уже несколько лет существуют небольшие золотые прииски; находят здесь и драгоценные камни высокого качества. В двух лье от берега возник город Пуэбло Нуэво, заселенный дезертировавшими португальцами [34].

/Якорное место в Монтевидео/ 31 января в 11 часов утра мы бросили якорь в бухте Монтевидео на четырех саженях глубины; грунт — мягкий черный ил. Ночь с 30-го по 31-е мы стояли на одном якоре на глубине девяти саженей. Грунт — тот же, что и в четырех или пяти лье на восток от острова Флорес.

/Февраль/ Два испанских фрегата, которым было поручено принять во владение Малуинские острова, уже почти месяц стояли на этом рейде. Командующий фрегатами капитан дон Филипп Руис Пуэнте был назначен губернатором этих островов. Я отправился вместе с ним в Буэнос-Айрес, чтобы согласовать с губернатором доном Франсиско Букарели действия, связанные с передачей мною нашей колонии испанцам. Мы пробыли там недолго и 16 февраля вернулись в Монтевидео.

/Путешествие по суше из Буэнос-Айреса в Монтевидео/ Путешествие из Буэнос-Айреса мы с принцем Нассау совершили по суше, так как сильный встречный ветер не позволил нам вернуться на шхуне. Переправившись через Монтевидео реку против Буэнос-Айреса, выше колонии Сен-Сакреман, мы проделали остальную часть пути до Монтевидео, где стоял фрегат, по берегу.

Мы пересекали необозримые равнины, среди которых можно ориентироваться, полагаясь лишь на собственный глазомер, переправлялись вброд через реки и гнали перед собой табун лошадей, из которого при помощи лассо выбирали себе верховых лошадей на смену уставшим.

Питались мы полусырым мясом, спали в шатрах из шкур, и наш сон всю ночь нарушали своим рычанием бродившие в окрестностях тигры [35]. Никогда в жизни не забуду переправу через реку Сент-Люси — очень глубокую, со стремительным течением, шириной превосходящую Сену **[43]** против Дома Инвалидов. Нас посадили в узкую и длинную лодку, у которой один борт был намного выше другого; затем две лошади вошли в воду — одна с правого борта, другая с левого. Хозяин парома разделся донага (предосторожность, конечно, разумная, но мало утешительная для тех, кто не умеет плавать) и старался поддерживать над водой головы лошадей, которые должны были переправить нас на другой берег.

Дон Руис прибыл в Монтевидео через несколько дней после нас. Одновременно туда пришли две трехмачтовые шхуны; одна из них была нагружена лесом и свежей провизией, а другая — сухарями и мукой. Все это мы перегрузили на наш корабль, пополнив запасы продовольствия, израсходованного за время пути из Бреста.

Находясь в Монтевидео, мы проконопатили судно, починили паруса, истрепавшиеся за время перехода, и наполнили бочки пресной водой. Все наши пушки, за исключением четырех, оставленных на местах в качестве сигнальных, были спущены в трюм, чтобы освободить наверху место для скота. К этому времени испанские фрегаты также закончили подготовку, и мы заняли места для выхода из устья Ла-Платы.

* * *

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сведения об испанских поселениях на реке Ла-Плате

/1767 г. Ошибочное представление об истоках этой реки/
Рио-де-ла-плата, или Серебряная река, называется так не на всем своем протяжении. По некоторым данным, она берет начало якобы из озера Шарагес близ параллели 16°30' южной широты. Здесь она называется Парагвай. Это же имя носят и те безграничные просторы, которые она пересекает. На параллели 27° река Парагвай сливается с рекой Параной, чье имя и принимает вместе с ее водами. Отсюда она направляется прямо на юг, вплоть до параллели 34°, где в нее вливаются воды реки Уругвай, а затем течет на восток под именем Ла-Плата, сохраняя это название уже до самого впадения в море.

Географы-иезуиты первыми высказали мысль о том, что истоком этой большой реки является озеро Шарагес. Они ошибались, а некоторые писатели повторяли их заблуждения. Это озеро, которое с тех пор безуспешно разыскивали, сейчас признано несуществующим. Маркиз Вальделириос и дон Жоржи Минезиш были посланы (первый — Испанией, и второй — Португалией) урегулировать границы смежных владений обеих держав. Начиная с 1751 по 1755 г. несколько испанских и португальских офицеров изъездили всю эту часть Америки. Отряд испанцев поднялся вверх по реке Парагвай, рассчитывая подойти к озеру Шарагес; португальцы же, отправившиеся из своего поселения Мату-Гросу на параллели 12° южной широты на внутренней границе Бразилии, пустились в путь по реке Кауру, которая, как указывают те же карты иезуитов, будто бы впадает в озеро Шарагес.

/Исток Ла-Платы/ Каково же было удивление и тех и других, когда, встретившись на параллели 14° южной широты, они не обнаружили никакого озера. То, что когда-то принимали за озеро, было не что иное, как обширное пространство низменной земли, которое в определенное время года, **[45]** затопляется рекой. Парагвай, или Рио-де-ла-Плата, берет начало между параллелями 5° и 6° южной широты [36], почти на равном расстоянии от двух океанов и в тех же горах, откуда вытекает Мадера, впадающая в Амазонку. Парана и Уругвай начинаются в Бразилии: Уругвай — в округе Сан-Висенте, Парана — у Атлантического океана, в горах, расположенных к ост-норд-осту [67 1/2°] [37] от Рио-де-Жанейро, откуда она течет на запад, а затем поворачивает на юг.

/Первые испанские поселенцы на Ла-Плате/ В четырнадцатом томе «Собрания путешествий аббата Прево» [38] описывается история открытия Рио-де-ла-Платы и приводится описание препятствий, встреченных здесь испанцами, и созданных ими поселений. В этом же томе вы узнаете о Диасе де Солис, «главном пилоте Кастилии» [39], который первым в 1515 г. вошел в эту реку и дал ей свое имя, сохранявшееся до 1526 г. В этом же году Себастьян Кабот [40] в звании главного пилота Кастилии отправился из Испании во главе эскадры из пяти кораблей, которые он должен был вести через Магелланов пролив на Молуккские острова. Он вошел в реку, которую назвал Рио-де-ла-Плата, то есть Серебряная река, потому что, поднявшись вверх, до места слияния Парагвая с Параной, приобрел у индейцев, обитавших на их берегах, много золота и серебра. С тех пор португальцы, обосновавшиеся в Бразилии, пытались проникнуть в Перу, переправляясь через Парагвай. Встретив в одном из портов португальского офицера, прибывшего для ознакомления со страной, Кабот решил, что ему необходимо остаться здесь, чтобы закрепить эти владения за Испанией.

Поэтому он отправил один из своих кораблей к императору Карлу V за подкреплением, изложив причины, заставившие его отказаться от первоначальной миссии. Оставив свою эскадру в месте слияния Парагвая с Уругваем, Кабот обосновался в тридцати лье выше, в устье реки, которую он назвал Рио-Терсеро; здесь он построил форт под названием форт св. Духа. Через два года, так как ожидаемая помощь задерживалась, он отправил эскадру обратно в Испанию, оставив лишь 120 человек для охраны форта; но большая часть этих людей погибла во время нападения соседнего племени, вождь которого воспылал любовью к жене одного из главных офицеров форта; оставшихся в живых было недостаточно, чтобы удержаться в этой стране, и они укрылись на бразильском берегу, откуда вскоре были изгнаны португальцами.

Только в 1535 г. испанский двор принял наконец решение снова отправить эскадру в реку Ла-Плату. Дон Педро де Мендоса, главный виночерпий короля, был назначен **[46]** командующим флотом и получил титул генерал-губернатора всех стран, которые будут им открыты, вплоть до Южного моря. При самых мрачных предзнаменованиях он заложил на правом берегу реки, несколькими лье ниже места слияния ее с Уругваем, город Буэнос-Айрес. Вся его экспедиция была действительно лишь нескончаемой цепью несчастий и закончилась смертью Мендосы.

Между тем несколько испанских отрядов из войск Мендосы поднялись вверх по течению реки и в 1538 г. в 300 лье от ее устья на западном берегу основали город Асунсьон; теперь это столица Парагвая. На следующий год обитатели Буэнос-Айреса, которые с начала его основания постоянно страдали от голода и стычек с индейцами, покинули свой город и перешли в Асунсьон. Колония стала быстро и успешно развиваться, но необходимость иметь гавань у входа в реку для кораблей, доставлявших войска и вооружение, вынудила

испанцев приступить к восстановлению Буэнос-Айреса. В 1580 г. дон Педро Ортис де Сарате, губернатор Парагвая, вновь перестроил город на том же месте, где когда-то его заложил несчастный Мендоса; Буэнос-Айрес стал местом для разгрузки кораблей, приходящих из Европы, и постепенно превратился в столицу всех этих провинций, местопребывание епископа и резиденцию генерал-губернатора.

/Местоположение города Буэнос-Айреса/ Буэнос-Айрес находится в широте 34°35' и долготе 1°5' западной от Парижа. Долгота его была определена на основании астрономических наблюдений П. Фейе [41].

Город, имеющий хорошую планировку, кажется слишком большим для населения, численность которого не превышает 20 тысяч человек — белых, негров и метисов. Такая протяженность города объясняется характером его планировки и типом строений. За исключением монастырей, общественных зданий и пяти или шести частных владений, все остальные дома одноэтажные. У всех домов имеются обширные дворы и сады. Цитадель, где разместилась администрация, расположена на берегу реки и образует одну из сторон главной площади города. Противоположная сторона площади занята городской ратушей. Собор и епископство находятся на той же площади, где, кроме того, ежедневно происходит рыночная торговля.

/Отсутствие порта/ В Буэнос-Айресе нет порта, нет даже мола для более удобного подхода кораблей. Они не могут приближаться к городу на расстояние более трех лье. Там грузы кораблей перегружаются на шхуны, которые входят в речку, называемую Рио-Чуело. Отсюда товары перевозятся на тележках в город, находящийся в четверти лье от пристани.
[47]

Корабли, которым нужно грузиться или килеваться в Буэнос-Айресе, направляются в бухту Энсенад-де-Бараган — нечто вроде гавани, расположенной в девяти или десяти лье на ост-зюйд-ост [112 1/2°] от города.

/*Религиозные установления*/ В Буэнос-Айресе существует много религиозных общин для мужчин и женщин. Весь год заполнен праздниками в честь святых. Церемонии, связанные с религиозным культом, сопровождаются процессиями и фейерверками и заменяют спектакли. Монахи называют знатных дам города «мажордомами» [42] богородицы и тех святых, которые основали их ордена. Этот титул дает дамам право украшать церковь, наряжать статую богородицы и носить рясу ордена. В церквах св. Франциска и св. Доминика женщины всех возрастов принимают участие в церковной службе в такой же одежде, как и члены ордена, что всегда поражает иностранцев.

Иезуиты предлагали благочестивым женщинам и более суровый способ очищения. Они построили дом, примыкающий к монастырю, называемый «домом религиозных отправлений для женщин». Женщины и девушки уединялись здесь на двенадцать дней для очищения от грехов. Их содержали и кормили за счет ордена. Ни один мужчина не мог проникнуть сюда, если он не был членом ордена св. Игнатия [43]; слуги, даже женского пола, не могли сопровождать своих хозяек. Религиозные отправления, совершаемые в этом святом месте, состояли из размышлений, молитв, изучения катехизиса, исповеди и самобичевания. Наше внимание привлекли стены часовни, где еще заметны были следы крови, которая, как нам объяснили, лилась под ударами бичей истязавших себя «Магдалин».

/*Братство и религиозные процессии негров* [44]/ Кстати сказать, перед лицом религии все люди здесь братья независимо от цвета кожи. Существуют религиозные

церемонии для рабов, а доминиканцы учредили братство негров. Они имеют свои часовни и свое особое богослужение, свои праздники и обряд погребения; и за все это негр — член братства — должен платить всего четыре реала в год. Негры признают своими покровителями св. Бенуа из Палермо и богородицу, вероятно, из-за следующих слов священного писания: «Nigra sum, sed formosa filia Jerusalem» [«Черная, но прекрасная дочь Иерусалима»]. В дни своих праздников они выбирают из своей среды двух «королей» — испанского и португальского; «короли» выбирают себе королев. Две группы вооруженных и прилично одетых людей следуют каждая за своим «королем» с крестами, хоругвями и музыкальными инструментами. Участники процессии танцуют, разыгрывают сражения одной **[48]** группы с другой и читают литании. Праздник, длящийся с утра до вечера, представляет собой интересное зрелище.

/*Окрестности Буэнос-Айреса и их продукция*/ Земли на окраинах города хорошо обрабатываются. Почти все жители имеют загородные усадьбы, которые называются «кинтас», откуда они получают все необходимые продукты. Сюда не входит вино, привозимое из Испании или из Мендосе — с виноградников, расположенных в 200 лье от Буэнос-Айреса. Обработанные земли простираются недалеко; стоит удалиться хотя бы на три лье от города, как можно увидеть лишь необозримые просторы, на которых пасутся огромные стада диких лошадей и быков — единственных обитателей этих мест. Проезжая по этой обширной стране, изредка можно встретить разбросанные там и сям хижины, построенные не столько для того, чтобы в них жить, сколько для закрепления за тем или иным частным лицом права на земли или на пасущийся на них скот. Путешественники не имеют здесь места для ночлега и вынуждены спать в своих повозках, которые являются единственным средством передвижения в длительных путешествиях. Те, кто

путешествуют верхом, что называется налегке, чаще всего располагаются лагерем под открытым небом.

/Земледелие и изобилие скота/ Вся страна представляет собой равнину без гор; здесь нет других деревьев, кроме плодовых. Если бы эти земли скота обрабатывались, то при столь благоприятном климате страна по обилию продуктов могла бы стать самой богатой в мире. Пшеница и маис давали бы здесь урожаи гораздо большие, чем на лучших землях Франции.

Несмотря на такие условия, ни близлежащие у населенных пунктов, ни находящиеся далеко от них земли почти не обрабатываются. Если же где и попадаются земледельцы, то это обычно негры-рабы. На этих просторах можно встретить огромное количество лошадей и рогатого скота. Жители или путешественники, испытывающие голод, убивая быка, берут только то, что смогут съесть, остальное становится добычей диких собак и тигров — единственных хищников в этой стране.

Собаки были завезены сюда из Европы. Так как им легко было прокормиться на воле, они убежали из населенных мест и сильно расплодились. Часто они собираются в стаи, чтобы напасть на быка, а, если очень голодны, то и на всадника. Тигров здесь немного, и водятся они только в лесистых местах и у берегов небольших рек. **[49]**

Местные жители славятся своим искусством бросать лассо (*Лассо* представляет собой очень прочный плетеный ремень; один конец его обычно привязан к седлу лошади, на которой всадник сидит верхом, а другой образует затяжную петлю. Вооруженные лассо люди выбирают в стаде животное, которое им нужно. Первый, кто приблизится к животному, набрасывает лассо ему на рога, что не удается лишь в редких случаях. В то время как бык тащит за собой лошадь того, кто

его заарканил, другой всадник старается накинуть лассо на заднюю ногу животного. Как только это удается, лошади, выдрессированные для такой охоты, быстро поворачивают каждая в противоположную сторону. Лассо натягивается, и толчок опрокидывает быка. Охотники останавливаются, сильно натягивают лассо, чтобы бык не мог подняться, спешиваются и без труда убивают беззащитнее животное.). Некоторые испанцы не боятся ловить таким образом даже тигров. Однако нередко они сами становятся добычей этих страшных зверей. В Монтевидео я видел подобие кошки-леопарда длиной пять футов, с довольно длинной серо-белой шерстью и с короткими ногами. Этот зверь опасен, но встречается редко.

/Нехватка дерева и возможности его получения/ Дерево очень ценится в Буэнос-Айресе и Монтевидео. В окрестностях здесь растут лишь кустарники, едва пригодные для топлива. Все, что необходимо для постройки домов и ремонта судов, поступает из Парагвая на плотах, хотя не представило бы труда доставлять необходимое количество дерева для строительства самых больших судов с гор, на склонах которых растут прекрасные леса. Из Монте-Гранде, например, дерево можно было бы сплавить по реке Ибакуи в реку Уругвай, а оттуда, от Сальто-Чико, на специально построенных для этой цели судах доставлять в такое место реки, где можно было бы построить верфи.

/Подробности о местных жителях/ Местное население, живущее в этой части Америки к северу и югу от реки Ла-Платы, принадлежит к числу тех, кто еще не покорился испанцам и кого последние называют «indios bravos» [45]. Они среднего роста, очень некрасивы и почти все заражены чесоткой. Цвет лица у них очень смуглый, а жир, которым они постоянно натираются, делает их еще более темными. У них нет другой одежды, кроме плаща из козьей шкуры, в который они укутываются и который спускается до пят.

Шкуры выделаны хорошо; они их носят шерстью внутрь, а наружную сторону окрашивают в разные цвета. Отличительным знаком вождей-касиков служит кожаная лента, повязанная вокруг лба. Она вырезана в виде короны и украшена медными пластинками. Оружие индейцев — лук и стрелы. Они пользуются также лассо и каменными боло (*Боло* — два круглых камня диаметром в двухфунтовое ядро каждый, вставленные в полосу из кожи, к каждому концу которой привязан плетенный из жил ремешок длиной от 6 до 7 футов. Сидя верхом на лошади, они пользуются этим оружием как пращой и попадают с двухсот шагов в преследуемое ими животное.). Индейцы проводят **[50]** большую часть жизни на лошадях и не имеют постоянного жилища, по крайней мере вблизи испанских селений. Изредка они приходят туда вместе с женами за водкой и пьют до потери сознания. Чтобы получить спиртные напитки, индейцы отдают оружие, меха, лошадей. Когда у них уже ничего не остается, они захватывают близ жилья первых попавшихся лошадей и уходят. Иногда они объединяются в отряды по двести-триста человек и угоняют скот, пасущийся на испанских землях, нападают на караваны путешественников, грабят, убивают и уводят в рабство. Это зло, от которого нет спасения. Как покорить этих кочующих людей на огромной дикой территории, где даже встретиться с ними нелегко? К тому же индейцы храбры, воинственны, и те времена, когда один испанец мог обратить в бегство тысячу американцев, давно прошли.

/*Банда разбойников в северной части реки*/ Вот уже несколько лет как в северной части реки образовалась банда разбойников, которая может стать очень опасной для испанцев, если они не предпримут срочных мер к ее уничтожению. Несколько преступников, бежавших от суда, укрылись в северной части гор Мальдонадо; к ним присоединились дезертиры; постепенно число их возросло;

они взяли себе в жены индейских женщин и создали банду, живущую грабежами. Угоняя скот в испанских владениях и переправляя его к границам Бразилии, они обменивали его паулистам (*Паулисты* — другая разбойничья банда, вышедшая из Бразилии и основавшая в конце XVI в. Республику [46]) на оружие и одежду. Горе путешественникам, попадающим им в руки! Говорят, что сейчас их уже около 600 человек. Они покинули свое первое поселение и удалились далеко на северо-запад.

/Протяженность губернаторства Ла-Плата/ Резиденция генерал-губернатора провинции Ла-Плата находится, как говорилось выше, в Буэнос-Айресе. По всем делам, за исключением тех, которые связаны с морем, он считается полностью зависимым от вице-короля Перу, но отдаленность провинции сводит эту зависимость почти к нулю; она существует реально лишь в отношении серебра, добываемого в рудниках Потоси. Но с тех пор, как в Потоси создан Монетный двор, серебро это уже не чеканится в прежней монете.

Особые управления Тукумана и Парагвая, основными населенными пунктами которых являются Санта-Фэ, Корриентес, Сальта, Туюс, Кордова, Мендосе и Асунсьон, подчиняются, как и знаменитые иезуитские миссии, **[51]** генерал-губернатору в Буэнос-Айресе. В эту обширную провинцию входят все испанские владения на восток от Кордильеров — от реки Амазонки до Магелланова пролива. Правда, на юг от Буэнос-Айреса уже нет никаких поселений; только потребность в соли заставляет испанцев проникать в эти области. Ежегодно для этой цели из Буэнос-Айреса отправляется обоз, состоящий из 200 повозок под охраной 200 человек. В сорокаградусную жару люди добывают соль в находящихся недалеко от моря озерах, где она образовалась естественным путем; когда-то испанцы отправлялись за солью на шхунах в бухту Сан-Хулиан.

Я откладываю рассказ о посещении Парагвая до описания второго путешествия, которое нам пришлось совершить по реке Ла-Плате; это будет подробный рассказ об изгнании иезуитов, очевидцами чего мы были.

Торговля в провинции Ла-Плате — самая невыгодная в Испанской Америке. В этой провинции нет ни золота, ни серебра, да и население здесь слишком малочисленное, чтобы разрабатывать недра.

Даже в Буэнос-Айресе торговля сегодня уже далеко не та, какой она была десять лет тому назад; с тех пор как было отменено так называемое «задержание товаров», она значительно сократилась. Эта отмена совпала с запрещением провозить товары из Европы через территорию Буэнос-Айреса — в Перу и Чили. Таким образом, единственными товарами, которыми торгует провинция Ла-Плата с этими двумя провинциями, в настоящее время являются хлопок, мулы и «матэ» (парагвайская трава). Средства и кредиты торговцев из Лимы дали возможность провести это постановление, против которого возражают купцы Буэнос-Айреса. Этот спор будет рассматриваться в Мадриде, но мне неизвестно, когда и как будет происходить суд.

/Колония Сен-Сакреман/ Тем не менее Буэнос-Айрес богат. Я видел, как оттуда вышел торговый корабль, везущий миллион пиастров; и если бы все жители этой страны вывозили кожи в Европу, то одна эта торговля могла бы их обогатить. До последней войны здесь процветала контрабандная торговля с португальской колонией Сен-Сакреман [Сакраменто] — поселением португальцев на левом берегу реки, почти напротив Буэнос-Айреса; однако в настоящее время это место настолько зажато новыми постройками, которыми его окружили испанцы, что контрабанда стала невозможной, поскольку нет поблажек; даже живущие там португальцы вынуждены получать товары

из Бразилии морским путем. Пункт этот имеет здесь для Испании такое же значение, как в Европе Гибралтар для Англии. [52]

/Подробности о городе Монтевидео/ Город Монтевидео, основанный сорок лет назад, расположен на северном берегу реки, в 30 лье выше ее устья. Полуостров, на котором он построен, защищает от восточных ветров бухту длиной в два лье при одном лье ширины у входа. У западной оконечности бухты возвышается одинокая гора, служащая ориентиром; ей же город обязан своим именем; остальная окружающая его земля очень низменна. Со стороны равнины город защищен цитаделью; несколько батарей охраняют морское побережье и якорную стоянку; в глубине бухты, на маленьком островке, названном Франсуа, имеется еще одна батарея.

/О якорной стоянке в этой бухте/ Якорная стоянка в Монтевидео надежна, хотя там иногда дуют ветры памперос — порывистые юго-западные ураганы, сопровождаемые страшными грозами. Бухта неглубока: якорное место находится на глубинах трех, четырех, пяти саженей, грунт — очень вязкий ил: здесь даже самые большие торговые суда при посадке на мель не получают повреждений, в то время как легкие суда легко получают прогибы и погибают.

Часы приливов и отливов здесь нерегулярны: сгон и нагон воды наступает в зависимости от ветра. Следует остерегаться цепи подводных скал, которая тянется на несколько кабельтовых от восточной оконечности бухты в открытое море; на них ходят буруны, и местные жители называют эти скалы Мысом грохочущих тележек [La Pointe des charrettes].

/Прекрасная стоянка для экипажа кораблей/ Монтевидео имеет особого губернатора, который подчиняется непосредственно генерал-губернатору провинции. Земля в окрестностях города не обрабатывается; приходится

доставлять муку, сухари и другой необходимый провиант из Буэнос-Айреса. В садах, как в городе, так и в предместьях, не выращивают овощей, имеются лишь в большом количестве дыни, тыквы, фиги, персики, яблоки. Скота так же много, как и в остальной части страны; Все это в сочетании со здоровым воздухом создает при стоянке в Монтевидео превосходный отдых для экипажа. Приходится только следить за тем, чтобы никто не дезертировал с судна.

Все прельщает матроса в этой стране. И первое, что поражает его, лишь только он ступит на берег, — это жизнь местного населения, почти не знающего труда. В самом деле, как устоять от соблазна при невольном сравнении: жизнь в благодатном климате, в полном спокойствии и праздности или прозябание под тяжестью постоянных трудов и при тяжкой матросской работе, ускоряющей наступление немощной, нищей старости!

* * *

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Выход из Монтевидео.— Плавание до Малуинских островов. — Передача их испанцам. — Исторические сведения об этих островах

/1767 г., февраль/ 28 февраля 1767 г. мы вышли из Монтевидео вместе с двумя испанскими фрегатами и груженной скотом тартаной. Мы, дон Руис и я, условились, что по реке суда поведет он, но, как только мы выйдем в открытое море, я возьму командование на себя.

/Выход из Монтевидео/ На всякий случай, чтобы избежать разъединения, я назначил на каждый фрегат опытного лоцмана, знающего подходы к Малуинским островам. После полудня нам пришлось стать на якорь из-за тумана, в котором скрылись из виду как материк, так и остров Флорес.

На следующий день подул противный ветер; тем не менее я рассчитывал, что сильное течение этой реки, благоприятствующее лавировке, поможет нам сняться с якоря. Но день клонился к вечеру, а от испанского командира не было никакого сигнала. Тогда я отправил офицера доложить ему, что, опознав в момент прояснения остров Флорес, я установил, что наша стоянка находится очень близко от банки Англуа и что, по моему мнению, надо сниматься с якоря на следующий же день, при любом ветре — будет ли он противный или попутный.

Дон Руис велел мне передать, что он зависит от лоцмана, знающего фарватер реки, и что тот снимется с якоря лишь при попутном и установившемся ветре. Тогда мой офицер предупредил от моего имени дона Руиса, что с рассветом я поставлю паруса и буду ждать его, лавируя или стоя на якоре, подальше к северу, если только течение или сильный ветер не разъединят нас помимо моей воли.

Накануне наша тартана не стала на якорь, а к вечеру мы ее потеряли из виду и больше не встречали. Она вернулась в Монтевидео через три недели, так и не оправдав своего назначения. **[54]**

/Штормовой ветер в реке/ Ночью была гроза. Яростно завывал памперос, и мы с трудом удерживались на одном якоре; только бросив второй якорь, мы смогли сопротивляться ветру и перестали дрейфовать. С рассветом мы увидели испанские суда со спущенными стеньгами и нижними реями, дрейфовавшие на якорях еще больше, чем мы. Все еще дул очень крепкий противный ветер, поднявший большую волну в море.

/1767 г., март/ Лишь к 9 часам мы смогли сняться с якоря и поставили четыре главных паруса; в полдень мы потеряли из

виду испанцев, оставшихся на якоре, и 3 марта вечером были уже за пределами реки.

/Переход из Монтевидео к Малуинским островам/ Во время нашего перехода к Малуинским островам дули переменные ветры: то от норд-веста [315°], то от зюйд-веста [225°]. 15 и 16 марта мы вынуждены были все время приводить к ветру из-за кое-каких повреждений [47].

17 марта после полудня лот стал доставать грунт. По-прежнему стоял густой туман. 19 марта, не видя земли, хотя горизонт прояснился, и находясь, по моему счислению, к востоку от островов Себальд [48], я опасался, что мы прошли мимо Малуинских островов, и поэтому решил взять курс на запад. Ветер, что бывает чрезвычайно редко в этих водах, благоприятствовал такому решению. Следуя этим курсом, я прошел за 24 часа большое расстояние. Судя по глубинам, берега Патагонии были близко, и я уверенно лег на прежний курс на восток. Действительно, 21 марта в 4 часа пополудни мы усмотрели острова Себальд, которые оставили в 8—10 лье на норд-тень-ост [11 1/4°]; а вскоре обнаружили и Малуины.

/Ошибка в нашем курсе/ Впрочем, я мог бы избежать затруднения, в котором очутился, если бы своевременно держался ближе к ветру, чтобы приблизиться к американскому берегу и от него искать острова по широте [49].

23 марта вечером мы бросили якорь в большой бухте, куда на следующий день прибыли и оба испанских фрегата. Они сильно пострадали за время перехода. Шторм 16 марта заставил их идти фордевинд. При этом на флагманском корабле волной снесло гальюн и выбило стекла в кают-компании, фрегат принял много воды. Почти весь скот, предназначенный для колонии, погиб во время шторма. 25 марта все три судна вошли в гавань и там ошвартовались.

/Передача испанцам нашей колонии на Малуинских островах. Апрель/ 1 апреля я передал наше поселение испанцам, которые приняли его во владение, подняв испанский флаг. В честь испанского флага на берегу и на кораблях при восходе и заходе солнца был произведен салют в 21 пушечный выстрел. Я прочитал французам, жителям новой колонии, письмо французского короля, в котором его величество **[56]** разрешал им остаться под властью испанского короля. Несколько семейств воспользовались этим разрешением; остальные вместе со штабом колонии перешли на испанские корабли, отправлявшиеся утром 27 апреля в Монтевидео (Когда я сдал нашу колонию испанцам, расходы, связанные с ее содержанием и обычно незначительные, до 1 апреля 1767 г. возросли и выражались цифрой 603 000 ливров, так как испанцы сильно затянули эту сдачу; сюда вошли и проценты в размере 5/100 от всех сумм, израсходованных со времени снаряжения первого судна. Так как Франция признала за испанским королем права на Малуинские острова, то он по принципу известного всем публичного права уже не был обязан оплачивать эти расходы. Однако ввиду того что он принял корабли, суда, товары, оружие, военные запасы и провиант, которые являлись частью нашего обзаведения, этот справедливый и щедрый монарх пожелал возместить наши расходы, и поэтому названная выше сумма была вручена нам его казначеем частично в Париже, частично в Буэнос-Айресе).

/Исторические подробности о Малуинах, открытие их Америго Веспуччи/ Да простят мне читатели, если я отвлеку их несколькими историческими замечаниями об этих островах. Мне кажется первооткрывателем их является знаменитый Америго Веспуччи, который во время своего третьего путешествия, предпринятого с целью открытия Америки, в 1502 г. Веспуччи обследовал их северное побережье. По правде говоря, он и сам не знал,

принадлежало ли оно острову, или же было частью континента; очень легко проследить его путь, зная широту, которой он достиг, и на основании сделанного им описания этого побережья установить, что оно являлось побережьем Малуинских островов. Я могу с уверенностью утверждать, что Бошен-Гуен [50], возвращаясь из Южного моря, в 1700 г. стоял на якоре у восточной части Малуинских островов, полагая, что находится у островов Себальд.

/Сведения о Малуинских островах, сообщенные французскими и английскими мореплавателями/ В его сообщении говорится, что после открытия острова, названного его именем, он стал на якорь к востоку от самого восточного из островов Себальд. Я должен заметить, что Малуинские острова, расположенные между островами Себальд и островом Бошен, имеют значительную протяженность, и он обязательно должен был видеть побережье Малуин, ибо невозможно не заметить его, находясь на якоре к востоку от островов Себальд. Впрочем, Бошен видел только один большой остров, и лишь когда он покинул место стоянки, перед ним открылись еще два маленьких острова. Высадившись на берег, Бошен обнаружил сырую местность с прудами и озерами с пресной водой и множеством гусей, чирков, уток и бекасов; лесов он там не видел. Все это очень похоже на Малуинские острова. Острова Себальд, наоборот, являются четырьмя маленькими скалистыми островками, где Уильям Дампир [51] в 1683 г. тщетно пытался пополнить запасы пресной воды и не мог найти подходящего для якорной стоянки места. **[57]**

Так или иначе, Малуинские острова до сих пор были почти неизвестны. В большинстве имеющихся сообщений о них говорится как о стране, покрытой лесами. Ричард Хокинс [52], подошедший к ним с северной стороны, довольно хорошо их описавший и давший им имя Виргинии Хокинс, утверждал, что они обитаемы и что он даже видел там огни. В начале

века торговое судно «Сен-Луи» из Сен-Мало бросило якорь у юго-восточного побережья неудобной бухты, прикрываемой несколькими островками, названными островами Аникана по имени судовладельца; но корабль здесь задержался лишь для того, чтобы пополнить запасы воды, и продолжал свой путь, не затрудняя себя осмотром острова.

/Французы обосновываются на Малуинах/ Между тем благоприятное расположение островов, удобное для стоянки кораблей, направляющихся в Южное море, привлекло мореплавателей всех наций, рассматривавших острова как промежуточное звено в цепи открытий южных земель. В начале 1763 г. французский двор решил основать колонию на этих островах. Я предложил министерству начать осуществление этого проекта на мои собственные средства и с помощью господ де Нервиля и д’Арбулена, из которых первый был моим двоюродным братом, а второй дядей, тотчас же приступил к постройке и вооружению кораблей — двадцатипушечного фрегата «Эгль» и двадцатипушечного корвета «Сфинкс» — и обеспечению их всем необходимым для такой экспедиции. При этом заботы по постройке были возложены на моего теперешнего помощника господина Дюкло-Гюйо. Я взял на корабли несколько семей из Канады — людей умных, трудолюбивых, ценимых Францией за их непоколебимую преданность, которую эти честные граждане доказали родине.

/Первое поселение на Малуинах/ 15 сентября 1763 г. я вышел на фрегате «Эгль» из Сен-Мало. Со мной находился господин де Нервиль. После на двух стоянок — одной у острова Сент-Катерин, у берегов Бразилии, второй — в Монтевидео, где мы приняли на корабль много лошадей и рогатого скота, — 31 января 1764 г. мы подошли к островам Себальд. Я направил корабль в большой залив, образуемый северо-западной оконечностью побережья Малуинских островов и островами Себальд, и, не обнаружив там удобной якорной стоянки,

пошел вдоль северного берега. Достигнув восточной оконечности островов, 3 февраля я вошел в большую бухту, которая показалась мне подходящей для основания первого поселения.

/Подробности образования первого поселения/ Иллюзия, заставившая Хокинса, Вуда Роджерса [53] и других мореплавателей поверить, что эти острова покрыты лесом, создалась также и у меня и у моих спутников. Но, высадившись, мы с удивлением увидели, что, следуя вдоль **[58]** берега, мы принимали за лес не что иное, как сильно разросшиеся, очень высокие заросли камыша. Их стебли, высыхая, приобретают на высоте около туаза цвет увядшей травы; верхняя же часть образует нечто вроде ярко-зеленой кроны, так что издали эти заросли создают впечатление леса средней высоты. Камыш растет лишь у берега моря и на маленьких островах. В глубине большого острова в некоторых местах горы сплошь покрыты вереском, что издали также легко принять за лесную поросль.

Я тотчас же разослал по острову людей и сам обошел его, ночуя под открытым небом и питаясь лишь тем, что добывал на охоте, но нигде не заметил деревьев; не видно было и следов посещения этих островов какими-либо другими кораблями.

Я обнаружил здесь в изобилии прекрасный торф, который может заменить дрова и годится как для топлива, так и для кузнечных работ. Я обследовал обширные равнины, изрезанные повсюду речками с превосходной водой. Кроме этого, для поддержания человеческого существования природа здесь могла предоставить рыбу и несколько видов сухопутной и перепончатой птицы. Дичи здесь множество, и поймать ее было легко. Что нас поразило, когда мы прибыли на остров, так это то, что все птицы и животные, единственные до этого обитатели острова, бесстрашно

приближались к нам и выражали лишь любопытство, вызванное незнакомым явлением. Птиц можно было брать руками, а некоторые даже садились нам на плечи. Очевидно, человек по своей натуре не жесток, иначе слабые животные инстинктивно распознали бы в нем существо, питающееся их кровью. Конечно, эта доверчивость длилась недолго; вскоре они научились остерегаться своего самого лютого врага.

/Первый год/ 17 марта я определил место новой колонии на расстоянии одного лье от бухты, на северной стороне, на берегу маленькой гавани, связанной с бухтой узким проливом. Сначала колония состояла из 27 человек; среди них было пять женщин и трое детей. Мы тотчас же принялись строить жилища, крытые камышом, а также склад достаточных размеров, чтобы в нем можно было хранить одежду и разного рода провиант, оставляемый колонистам на два года. Все работы выполнялись матросами, а офицеры обоих кораблей взялись за возведение земляного форта, способного вместить 14 пушек. Руководство всеми работами я взял на себя, восхищаясь тем, как исключительные обстоятельства воодушевляют людей, удваивают их силы. Энтузиазм офицеров не падал ни на одну минуту за все те 15 дней, пока длилась эта тяжелая работа, **[59]** начинавшаяся с зарей и заканчивавшаяся только с наступлением ночи. Форт был построен довольно солидно, и в нем пушки были установлены в виде батареи. В центре этой маленькой цитадели мы воздвигли обелиск высотой в 20 футов. Изображение короля украсило одну из сторон обелиска; под основанием мы зарыли несколько монет и медаль, на одной стороне которой была выбита дата экспедиции, а на другой — изображение короля со следующим изречением: «Tibi serviat ultima Thule», то есть: «Да подчинится тебе далекий остров Туле» [54]. На этой медали мы выгравировали еще такую надпись: «Колония Малуинских островов, расположенных на параллели 51°30' южной широты и на меридиане 61°50'

западной долготы от Парижа, основана фрегатом «Эгль», командир — капитан 2 ранга Дюкло-Гюйо, и корветом «Сфинкс», командир — старший лейтенант Ф. Шенар де ла Жироде, снаряженными полковником пехоты Луи Антуаном де Бугенвилем, капитаном 1 ранга де Нервилем, начальником экспедиции, и П. д'Арбуленом, начальником главного почтового управления Франции. Форт и обелиск, украшенный барельефом короля Людовика XV, построены по проекту военного инженера-географа, сотрудника экспедиции А. Л'Юилье; в период правления министерства де Шуазеля герцога де Стенвиля. Февраль 1764 г.». Надпись заканчивалась изречением: «Con amur tenues grandia» [«Мы, слабые существа, дерзаем совершить великие дела»].

Чтобы приободрить колонистов и усилить их веру в получение помощи, обещанной мною в скором будущем, господин де Нервиль согласился остаться во главе их и разделить с ними риск и опасности этой слабой колонии на краю света, единственного известного в то время пункта в такой высокой широте в южной части земного шара. 5 апреля 1764 г. я торжественно, именем короля, принял эти острова во французское владение, а 8-го поднял паруса и направился во Францию.

/Второй год/ 6 октября того же года я вновь вышел на «Эгле» из Сен-Мало и после перехода, ничем особенным не отличавшегося, если не считать того, что мы тщетно разыскивали остров Пепис, 5 января 1765 г. прибыл на Малуины. С неизъяснимым чувством удовлетворения я увидел моих колонистов здоровыми и довольными. После выгрузки на берег привезенных запасов я вышел в Магелланов пролив за строевым лесом, кольями для забора и саженцами. Таким образом, я открыл навигацию, ставшую необходимой для снабжения колонии. Здесь-то я и встретил корабли коммодора Байрона [55], который после первой

рекогносцировки Малуинских **[60]** островов прошел Магеллановым проливом, чтобы войти в Южное море [56].

27 апреля, когда я покидал Малуинские острова, колония насчитывала 80 человек, в том числе администрацию управления колонией, состоящую на королевской службе.

/*Третья экспедиция на острова*/ В конце 1765 г. мы снова отправили на Малуинские острова из Сен-Мало фрегат «Эгль», к которому король присоединил один из своих флейтов — «Этуаль». Последний, выйдя из Рошфора, пришел в колонию 15 февраля 1766 г., а «Эгль» — 23-го того же месяца. Высадив новых поселенцев и выгрузив провиант, корабли 24 апреля вышли в Магелланов пролив за лесом для колонии [57].

Между тем, как указывалось выше, коммодор Байрон впервые прибыл на Малуинские острова в январе 1765 г. с целью разведки. Он высадился к западу от нашего поселения, в гавани, которой мы дали название порт Круазад, и принял эти острова во владение английской короны, не оставив, однако, там ни одного жителя-англичанина. Только в 1766 г. англичане основали колонию в порту Круазад, названном ими порт Эгмон. Капитан Макбрайд, командир фрегата «Язон», прибыл на наш пост в начале декабря того же года. Он заявил, что эти земли принадлежат королю Великобритании, угрожал высадить десант, если мы будем упорствовать, нанес визит коменданту и отплыл на следующий день.

/*Англичане намереваются закрепиться в другой части острова*/ Колония стала благоустраиваться. Ее комендант и администратор жили в удобных каменных домах; остальные жители занимали дома, стены которых были сложены из дерна. Имелось три склада, предназначенных для хранения припасов как всей колонии, так и личных. Лес, привезенный

из Магелланова пролива, был употреблен для внутренней отделки домов и для постройки двух шхун, на которых предполагалось обследовать побережье. Фрегат «Эгль» вернулся из этого плавания во Францию с грузом жира и шкур морского волка, дубление которых было произведено на Малуинах. Жители колонии с успехом возделывали различные сельскохозяйственные культуры. Большая часть семян, привезенных из Европы, хорошо прижилась здесь; разведение домашнего скота шло успешно; число жителей колонии достигло примерно ста пятидесяти человек.

Таково было состояние колонии на Малуинских островах, когда мы передали их испанцам, первоначальные права которых подкреплялись и нашим правом на распоряжение островами, которое нам бесспорно давало первое их заселение. **[61]**

Подробности о природных условиях островов и их животном мире составят содержание следующей главы, являющейся результатом наблюдений, произведенных господином де Нервилем за время его трехлетнего пребывания на островах.

Я полагал, что есть смысл изложить эти сведения, тем более что натуралист экспедиции де Коммерсон не был на Малуинских островах и что естественная история их в некотором отношении представляет интерес (Труд, который мы теперь публикуем, был написан до выхода в свет сочинения дона Пернетти о Малуинских островах, ввиду чего мы считаем себя обязанными привести нижеследующие подробности о них).

* * *

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сведения о природных условиях Малуинских островов

Всякая вновь открытая страна дает богатый материал даже лицам, не очень сведущим в естественной истории; во всяком случае, они могут удовлетворить любопытство тех, кто желает расширить свои познания о природе.

/*Общее впечатление о Малуинах*/ Когда мы первый раз ступили на эту землю, ничего привлекательного не представилось нашему взору. Нам было совсем ясно, что, помимо прекрасной бухты, в которую мы вошли, может удержать нас на этой с виду непривлекательной земле. На горизонте голые горы; безжизненные, необитаемые пространства; отсутствие леса, который мог бы внести радость в душу первых колонистов; глубокая тишина, изредка нарушаемая криками птиц; повсюду унылое однообразие. Картина, порождающая уныние и как бы говорящая, что природа отвергает усилия человека в таких диких местах! Однако возраст и опыт научили нас, что труд и упорство никогда не остаются бесплодными. Необозримые бухты, защищенные от ветров горами, со склонов которых низвергаются водопады и текут ручьи; луга, представляющие прекрасные пастбища, способные прокормить многочисленные стада, озера и пруды, чтобы их напоить; никаких следов заявок на владение островами здесь не было; не было и хищных и ядовитых животных, которых пришлось бы опасаться; бесчисленное множество полезнейших земноводных и очень вкусных птиц и рыб; залежи торфа, восполняющие недостаток леса, лекарственные антицинготные растения, полезные в дальних плаваниях; умеренный климат — не жаркий и не холодный, в котором люди крепнут скорее, чем в тех сказочных краях, где само изобилие становится вредоносным, а жара способствует праздности. Таковы были условия и ресурсы, которые природа **[63]** предоставила нам. Они вскоре сгладили первое впечатление и оправдали нашу решимость.

К этому можно еще добавить, что англичане в своих описаниях порта Эгмон не преминули заявить, что «...прилегающая страна имеет все необходимое для хорошей колонии. Склонность французов к естественной истории заставит их, без сомнения, провести и опубликовать исследования, которые дополнят сообщаемые здесь сведения».

/*Географическое положение Малуин*/ Малуинские острова находятся между параллелями 51° и 52,5° южной широты и между меридианами 61,5° и 65,5° западной долготы от Парижа; они удалены от американского берега, или Патагонии, и от входа в Магелланов пролив на 80—90 лье.

Составленная нами карта этих островов, несомненно, географически не очень точна; над ней следовало бы еще много поработать. Однако наш краткий обзор может дать приблизительное представление о протяженности этих островов с востока на запад и с севера на юг, а также о конфигурации берегов, вдоль которых проходили наши корабли, о расположении и величине бухт и, наконец, о направлении главных горных хребтов.

/*Гавани*/ Здешние гавани, которые нам удалось обследовать, удачно соединяют в себе обширность и укрытия; прочный грунт и удачное расположение островов, служащих защитой от яростных волн, превращают эти гавани в надежные стоянки, оборона которых не представляет трудностей. Гавани имеют небольшие бухты, в которых могут укрываться самые малые суда. Ручьи текут к берегам, что позволяет иметь свежую пресную воду для самых крупных экспедиций.

/*Приливы и отливы*/ Приливы и отливы, зависящие от состояния окружающего моря, возникают нерегулярно, так что их невозможно предвидеть. Удалось только заметить, что они имеют три определенных непостоянства перед моментом

их наибольшей величины; моряки называют эти непостоянства термином варвод [varvodes]. Во время таких явлений море менее чем за четверть часа поднимается и опускается три раза подряд как бы от толчков; особенно это заметно во время солнцестояния, равноденствия и полнолуния.

/Ветры/ Направление ветров обычно непостоянно, но чаще они дуют от норда через вест [270°] до зюйда [180°], чем с противоположных направлений. Зимой, когда они дуют от норд-вестовой четверти [от 315° до 360°], они несут туманы и дожди, а когда от зюйда [180°] до зюйд-веста [225°], их сопровождают изморозь, снег и град; когда же направление ветров от зюйда [180°] через ост [90°] до норда [0°], то они **[64]** несут меньше туманов, но зато очень сильны, хотя все же не настолько, как ветры, дующие летом и имеющие направление преимущественно от норд-веста [315°] через вест [270°] до зюйд-веста [225°]. Последние, очищая горизонт и осушая землю, начинают дуть только тогда, когда солнце показывается на горизонте, и усиливаются с восхождением солнца; своей наибольшей силы они достигают, когда светило проходит через меридиан; ослабевают, когда оно прячется за горы. Помимо закона, в силу которого они подчиняются солнцу, они также находятся в зависимости и от морских приливов, повышающих их силу и даже иногда изменяющих их направление. Ночи почти круглый год тихие и звездные. Снег, заносимый юго-западным ветром в незначительном количестве, держится на вершинах самых высоких гор около двух месяцев, а на равнинах не более одного-двух дней. Ручьи здесь не вымерзают; тонкий лед на озерах и прудах держится не более двадцати четырех часов. Иней, оседающий весной и осенью на растениях, не губит их, а превращается с восходом солнца в росу. Летом иногда можно слышать гром. В общем мы не испытывали ни больших холодов, ни изнуряющей жары, и смены времен

года казались нам почти незаметными. В таком климате люди крепнут и здоровеют; это мы и испытали на себе за время трехлетнего пребывания на островах.

/*Воды*/ Некоторые минеральные вещества, обнаруженные на островах, способствуют оздоровлению вод. Расположение рек очень удобное. В местах, где они текут, нет ядовитых растений. Обычно на гравии или на песке и изредка на залежах торфа вода приобретает желтоватый оттенок, однако это нисколько не отражается на ее качестве.

/*Почвы*/ Повсюду на равнинах слой земли достигает большей глубины, чем требуется для вспашки. Почва настолько переплетена корнями трав (длина корней достигает почти фута), что до обработки пришлось поднять этот пласт и, отделив землю, корни высушить и сжечь. Известно, что это лучший способ удобрения земли, и мы его применили. Под первым слоем находится слой черной земли, толщиной обычно не менее 8—10 дюймов, а нередко и гораздо больше. Далее идет слой чистого чернозема различной толщины. Еще глубже встречаются залежи шифера и каменистых пород, среди которых мы нигде не обнаруживали известняков, хотя неоднократно делали пробы азотной кислотой. Кажется, на этих островах вообще нет такого минерала. В надежде найти известняк мы обследовали горы до самых вершин и не нашли ничего, кроме кварца и плотного песчаника. **[65]**

На островах нет недостатка и в строительном камне, который образует большую часть берегов. Горизонтальные пласты берегов состоят из мелкозернистого и очень твердого камня; другие пласты имеют больший или меньший наклон и представляют собой обычный шифер или камень с вкраплениями талька. Мы обнаружили также камни, которые отделяются пластами; на них видны отпечатки окаменелых раковин незнакомого в этих морях вида. Эти камни могут служить для точки инструментов. Камень, который мы

извлекли из карьеров, был желтоватого цвета, его можно резать ножом, но на воздухе он твердеет. Часто встречаются песок и гончарная глина, пригодная для изготовления посуды и кирпича.

/Торф и его качество/ Торф, под которым обычно находится слой глины, встречается повсюду. Залежи торфа легко обнаружить по трещинам на поверхности земли. Он образуется из остатков корней и трав в местах, где задерживается влага. Торф, взятый на побережье соседней с нашим поселением бухты, где ветры обдувают торфяные поля, расположенные на возвышенности, имеет незначительную влажность. Этим торфом мы и воспользовались для различных целей; запах его не вреден, горит он не плохо, а в раскаленном состоянии его качество выше, чем каменного угля; раздувая горящий торф сверху, можно так же легко разжечь пламя, как и у раскаленного угля; торф годится для всех кузнечных работ, за исключением пайки больших частей.

/Растительность [58]/ Берега моря и внутренняя часть островов покрыты травой, которую неточно называют гладиолусами; скорее это сорт злака. Трава имеет ярко-зеленую окраску и достигает высоты более шести футов.

В зарослях гладиолусов находят убежище морские львы и морские волки. Они и для нас явились защитным укрытием во время наших походов. Мы устраивались среди них очень удобно: склоненные и соединенные стебли растений служили нам крышей, а высохшие — ложем. Это же растение мы употребляли как материал для крыш домов. Стебли его сладки и питательны, и скот предпочитает его всем другим кормам.

Кроме этой высокой травы, здесь растут только вереск, кустарник и растение, которое мы называем камедным.

Остальное пространство островов покрыто мелкими травами, более зелеными и густыми в местах, богатых влагой. Кустарник служил нам топливом, и мы заготовляли его для топки печей так же, как и вереск. Красные плоды его привлекали сюда много дичи. **[66]**

/Камедное растение/ Камедное дерево, растение особое и неизвестное в Европе заслуживает более подробного описания. Цвет его, как у ели, — зеленый; оно не похоже на обычные растения, и его скорее можно принять за какую-то шишку или нарост зеленого цвета у земли. Эта шишка имеет выпуклую форму и настолько плотная, что ее невозможно проколоть, не разорвав. Высота дерева не более полутора футов. Оно выдерживает вес человеческого тела так же, как его выдерживает камень, без деформации. Его ширина не пропорциональна высоте: имеются экземпляры, диаметр которых более шести футов при небольшой высоте. Правильную форму полусферы имеют только молодые растения; у старых растений побеги заканчиваются шишками и полыми желваками неправильной формы. На поверхности растений во многих местах собирается в виде капель величиной с горошину тягучая желтоватая масса, которую мы сначала назвали растительным клеем; но ввиду того что эта масса может растворяться только в спирте, мы решили, что это смола камедная. Эта желтоватая масса обладает очень сильным запахом, напоминающим запах скипидара. Чтобы исследовать, что собою представляет растение внутри, мы срезали его у самого основания и обнаружили, что оно растет на ножке, от которой поднимается множество концентрических стеблей, состоящих из звездообразных лепестков, как бы вплетенных один в другой и скрепленных общей осью. Над самой поверхностью земли стебли эти белого цвета, а затем растение под, воздействием воздуха приобретает зеленую окраску. Если сломать стебель, из него обильно выделяется молочного цвета сок, более вязкий, чем

сок молочая [Thytimales]; источником этого сока являются ножка растения и корни, которые тянутся горизонтально на значительное расстояние и имеют отводки; таким образом, растение это никогда не встречается в единственном экземпляре. Растет оно преимущественно на склонах холмов, но в общем растет на любом месте. Цветы и семена этого растения нам удалось увидеть лишь на третий год. И те и другие очень мелкие. Несколько семян было нами отправлено в Европу. Это своеобразное растение могло бы быть использовано в медицине, что было установлено на опыте несколькими матросами, с успехом применявшими этот сок для лечения легких ранений. Если это растение вырвать из земли, то от соприкосновения с наружным воздухом и под дождем оно перестает выделять сок. Как согласовать это обстоятельство с растворением сока только в спирте? Как только сок перестает выделяться, растение быстро высыхает и горит, как солома. **[67]**

/*Пивное растение*/ Большую пользу принесло нам растение, которое мы назвали пивным; это ползучий кустарник, растущий иногда в густых травах вдоль берегов. Мы попробовали его случайно и обнаружили, что оно имеет вкус пива, почему нам и пришла в голову мысль попытаться приготовить из него этот напиток. Результат превзошел наши ожидания, и колонисты уже никогда не оставались без антицинготного напитка. Это растение употребляли также для ванн, которые предписывали больным, вернувшимся из плавания. Листья у него мелкие, зубчатые, светло-зеленого цвета. Если его растереть пальцами, оно превращается в клейкую массу с приятным запахом. Разновидность сельдерея или дикой петрушки, растущей в изобилии, щавель, кресс-салат и нечто вроде папоротника с волнистыми листьями, называемого оленьим языком, представляли собой надежные средства борьбы с цингой.

/Плоды/ Единственными плодами, радовавшими нас осенью, были две небольшие ягоды: одна из них, название которой до сих пор не установлено, похожа на ежевику; другая, величиной с горошину, названа нами «люсет» — за сходство с ягодой, растущей в Северной Америке. Ягодами вереска лакомились лишь дети и птицы, довольствующиеся самыми скверными плодами. Растение, которое мы назвали ежевикой, — вьющееся, листья его напоминают листья граба, оно выпускает усики и размножается, как земляника или клубника. Люсет — тоже вьющееся растение, его плоды расположены вдоль ветвей с маленькими круглыми и совершенно гладкими, как у мирта, листьями, плоды люсета белые, и только сторона, обращенная к солнцу, красная; они имеют приятный вкус и запах померанца; отвар листьев люсета с молоком показался нам очень вкусным. Растение это прячется в траве и любит сырость; его очень много на берегах озер.

/Цветы/ Среди других растений, изучать которые не было необходимости, было много цветов совсем без запаха, кроме одного белого цветка с ароматом туберозы. Мы нашли также настоящую фиалку ярко-желтого цвета.

Но ни разу нам не встречались клубневые или луковичные растения. Характерно, что в южной части острова, по ту сторону гор, которые пересекают его с востока на запад, нам не удалось обнаружить камедное растение. В тоже время там в большом количестве имелось другое растение, внешним видом напоминающее камедное, но отличающееся цветом, прочностью, не выделяющее никакой смолы и покрывающееся во время цветения красивыми желтыми цветами. Это быстро распускающееся растение состоит, как и камедное, из побегов, которые выходят все из одного корня. **[68]**

По ту сторону гор, немного ниже их вершин, встречается разновидность папоротника-сколопендра, или олений язык. Листья у него гладкие, похожие на лезвие сабли. От растения отделяются два главных стебля, несущих снизу семена, заключенные как бы в капиллярах. Кроме того, мы видели на камнях большое количество непрочных, крошащихся растений. Возможно, это был лишайник, и мы собирались проверить, не годится ли он для приготовления краски, но отложили этот опыт на другое время.

/Морские растения/ Что касается морских растений, то они скорее создают неудобства, чем приносят пользу. Почти вся бухта, особенно у побережья, покрыта пузырчатыми водорослями, отчего шлюпки с трудом могут подходить к берегу; эти водоросли полезны лишь в том отношении, что в свежую погоду разбивают волну. Мы собирались использовать их как удобрение. Приливные течения приносили к нам несколько разновидностей морских или коралловых мхов очень красивой окраски. Они вполне заслуживают места в музее редкостей наравне с губками и раковинами. По форме губки так похожи на растения, разветвления их столь затейливы, что с трудом верится, что это работа морских существ; к тому же их переплетения настолько часты, а отверстия столь малы, что невозможно представить себе, как организмы могут в них ютиться.

/Раковины/ Берега Малуинских островов могли бы обогатить музеи несколькими новыми видами раковин. Самая ценная из них — курочка. Имеется три вида этих двустворчатых, среди которых раковины с полосами, как говорят, встречались до сих пор лишь в виде ископаемых, обнаруженных на глубине, значительно превышающей уровень моря; это может служить доказательством того, что окаменелые раковины не являются игрой природы, но что они служили обиталищем живых существ в те далекие времена, когда вся поверхность земли была еще покрыта

водой. Наряду с такими часто встречающимися здесь раковинами имеются так называемые уточки, которые ценятся за свою красивую окраску; трубороги, пальцы, большие съедобные моллюски, гладкие и с бороздками, отличающиеся самым лучшим перламутром, и т.п.

/*Животные*/ На островах водится только один вид четвероногих: нечто вроде волка или лисицы. Птиц здесь бесчисленное множество. Они обитают как на земле, так и на море. Из земноводных встречаются только морские львы. У берегов много рыбы, нам большей частью мало известной. В открытом море встречаются киты. Во глубине бухты можно иногда видеть останки погибших китов, выброшенных на **[69]** мель. Огромные кости китов найдены на суше довольно далеко от моря, куда самые мощные приливы и штормы никогда не могли бы их забросить; это говорит о том, что либо уровень воды в море понизился, либо поднялась суша.

Животное волк-лисица называется так потому, что оно роет себе нору и что хвост у него длиннее и пушистее, чем у волка. Обитает это животное в дюнах на берегу моря и охотится за дичью, всегда выбирая себе кратчайший путь от одной бухты к другой. Когда мы впервые высадились на берег и увидели следы на земле, то были в полной уверенности, что это тропинки, проложенные местными жителями. Это животное встречается редко; вероятно, оно голодает часть года, так как поражает своей худобой. Размером оно с обыкновенную собаку, да и лай его слегка напоминает собачий. Каким образом оно попало на эти острова?

У птиц и рыб здесь немало врагов. Больше всего птицы страдают от морских волков, которые уничтожают их яйца и птенцов, а также от орлов, сов и ястребов-перепелятников.

Еще больше врагов у рыб. Не говоря уже о китах, которые питаются только мелкой рыбешкой и уничтожают ее в

чудовищных количествах, рыбам приходится опасаться также амфибий и многочисленных птиц-рыболовов. Одни из этих птиц постоянно сидят на скалах, как часовые, высматривая и подстерегая добычу; другие беспрестанно носятся над водой.

Чтобы подробно описать животный мир островов, потребовалось бы много времени, а также глаз более опытного натуралиста. Я изложу лишь самые существенные наблюдения, относящиеся к птицам и животным, которые были нам чем-либо полезны.

/Перепончатая птица/ Среди перепончатых птиц с перепончатыми лапами на первом месте стоит лебедь. От своих европейских собратьев он отличается только бархатисто-черной шеей, составляющей изумительный контраст с белизной всей остальной поверхности тела. Лапы его бледно-розового цвета. Лебедь такого вида встречается также и на реке Ла-Плате и в Магеллановом проливе, где я подстрелил одного в глубине бухты Галан.

Четыре вида гусей составляли одно из наших самых больших богатств. Первый вид — это пасущиеся гуси, которых неправильно называют дрофами; у них длинные ноги, необходимые им, чтобы выбираться из высокой травы, и длинная шея, чтобы следить за опасностью; поступь у них легкая, так же как и полет, но крик не так приятен, как у обычных птиц этого вида; оперение самца белое, в сочетании с черным и пепельным на спине и крыльях; самка — **[70]** рыжеватой окраски, крылья ее отливают различными оттенками; она кладет обычно по шести яиц. Мясо этих птиц, вкусное и питательное, было нашей основной пищей. Гуси здесь были всюду; помимо тех, что родились на острове, осенью восточный ветер гнал сюда целые стаи их, вероятно с какой-то необитаемой земли; охотники легко узнавали нездешних по тому, как мало страха внушал им вид человека. Остальные три вида гусей не представляли для нас интереса,

так как все они питаются рыбой и мясо их имеет неприятный привкус рыбьего жира. Они не так стройны, как первые. Среди них есть особи, которые с трудом поднимаются с воды; эти гуси издают резкий крик. Обычные цвета их оперения — белый, черный, пепельный и рыжеватый. У всех птиц этих видов, так же как и у лебедей, под перьями имеется очень густой белый или серый пух.

Два вида уток и два вида чирков-коростельков в изобилии населяют пруды и ручьи. Первые мало чем отличаются от европейских; мы убили несколько совершенно черных уток и несколько совсем белых. Что касается чирков, то одни из них размером с утку и клюв у них голубой; другие — гораздо меньше. Попадались среди них и экземпляры с алыми перьями на животе. Мясо чирков очень вкусное, и встречаются они чаще, чем утки.

Встречаются также два вида небольших нырков. Нырки первой разновидности имеют пепельную спинку и белое брюшко; перья на животе у них так шелковисты, блестящи и плотны, что мы приняли этих нырков за гагар, из пуха которых делают дорогие муфты; этот вид встречается редко. Нырки другого, более распространенного вида — коричневого цвета, причем брюшко у них несколько светлее спинки. Глаза этих птиц напоминают рубины. Живость их взгляда усиливается благодаря белому колечку из перьев вокруг глаз; вероятно, по этой причине они получили прозвище очкастых нырков. Они высиживают по два птенца, которые покрыты только пухом и слишком нежны, чтобы переносить холодную воду; поэтому мать вначале носит их на своей спине. Эти два вида нырков не имеют перепончатых лап, как другие водоплавающие; пальцы у них разъединены и имеют с обеих сторон твердую и прочную перепонку; поэтому каждый палец напоминает закругленный у когтя листок, причем сходство это усиливается еще тем, что от пальцев отходят жилки, заканчивающиеся по окружности

перепонкой, и что тонкие перепонки зеленого цвета, как и листья.

Два других вида птиц, неизвестно почему носящих название пильщиков [bec-scies], отличаются друг от друга **[71]** только размерами да цветом брюшка; последнее у некоторых коричневое, в то время как обычный цвет — белый. Остальное оперение у этих птиц иссиня-черного цвета; по своей форме и по наличию перьев на животе, таких же плотных и шелковистых, как у белых нырков, они приближаются к этому виду, чего нельзя, однако, утверждать окончательно. Клюв у пильщиков довольно длинный, заостренный, плавательная перепонка не разделена; у них есть еще одна замечательная особенность: первый палец длиннее трех остальных, и перепонка, которая их соединяет, у третьего пальца сходит на нет. Лапки бледно-розового цвета. Эти птицы уничтожают очень много рыбы. Они живут на скалах многочисленными семействами и там кладут яйца. Так как мясо их очень вкусное, мы убивали их сотнями. Яйца служили нам хорошей прибавкой к питанию. Птицы эти почти не боятся людей, и охотники убивают их просто палкой. Самый страшный их враг — хищная птица с перепончатыми лапами, с размахом крыльев до семи футов. У нее длинный и сильный клюв с двумя характерными трубками, испещренными отверстиями по всей длине. Этих птиц испанцы называют quebranta-huessos [орел-ягнятник].

Над водой летает бесчисленное количество чаек различного вида; почти у всех у них серое оперение; живут они семьями. Высматривая рыбу сверху, они налетают на нее с поразительной скоростью. По ним мы определяли начало сезона ловли сардинок. Достаточно подержать чайку в течение минуты вниз головой, как она выбрасывает нетронутой только что проглоченную рыбу. Когда сезон сардинок проходит, чайки питаются другими сортами мелкой рыбы; гнездятся они вокруг прудов, на зеленых, похожих на

кувшинки растениях и кладут огромное количество вкусных и питательных яиц.

Мы знали три разновидности пингвинов. Первая разновидность, отличающаяся большим ростом и красивым оперением, не живет семьями, как другой вид, уже описанный в отчете о путешествии лорда Ансона [59]. Эти пингвины любят одиночество и уединенные места. Клюв у них более длинный и тонкий, чем у пингвинов второй разновидности; перья на спине светлые, а на животе — ослепительно-белого цвета. Желтый воротник имеет белые и синие оттенки, постепенно переходящие в белый цвет на животе; шея у них сильно вытягивается, когда они кричат; легкая походка придает им благородный вид и некую торжественность. Мы надеялись привезти их в Европу, так как они быстро привыкают к человеку и ходят по пятам за теми, кто их кормит. Едят **[72]** они все — и хлеб, и мясо, и рыбу. Но этой пищи им, видимо, недостаточно; они быстро хиреют и умирают.

Третья разновидность пингвинов, как и вторая, живет семьями на высоких скалах вместе с птицей-пильщиком. Там же они кладут яйца. Особенность, которая отличает их от двух других разновидностей, — их малый рост, бурый цвет, небольшой хохолок из перьев золотистого цвета, более короткий, чем у цапли (когда они чем-нибудь взволнованы, хохолок поднимается), и, наконец, маленькие брови такого же золотистого цвета. Их называют пингвинами-прыгунами. Действительно, они передвигаются только прыжками. Эта разновидность отличается большей подвижностью, чем обе предыдущие.

Три разновидности морских ласточек, редко встречающиеся здесь, не предвещали нам бури, как те, что попадались в море. Однако, как утверждают моряки, это такие же птицы; все разновидности их имеют много общего между собой. Если

это настоящие морские ласточки, можно быть уверенным, что они строят гнезда на суше; однажды нам принесли из гнезда птенцов, покрытых только пухом, но тем не менее очень похожих на своих родителей. Вторая разновидность отличается от первой величиной; ласточки этой разновидности немного меньше голубя. Обе разновидности черного цвета с несколькими белыми перьями на брюшке. Что касается птиц третьей разновидности, которых мы сначала назвали белыми голубями, так как все оперение у них белое, а клюв красный, то по сходству их с двумя предыдущими, можно думать, что это тоже морские ласточки.

/Птицы, не имеющие перепонок на ножках/ Три разновидности орлов, из которых самые большие имеют грязно-белое оперение, а другие — черное и желтые и белые лапы, уничтожают бекасов и маленьких птичек, ибо они не так велики и не так сильны, чтобы нападать на крупных птиц. Множество ястребов-перепелятников и сов также преследуют мелкую дичь. Их оперение очень разнообразно и многоцветно.

Бекасы здесь такие же, как и в Европе. Они не делают петель в полете, и их легко стрелять. Во время любовного периода они поднимаются так высоко в небо, что пропадают из виду. Бекасы вьют гнезда среди полей в местах, почти лишенных травы. Пропев свои песни, они бросаются в гнездо прямо с высоты небес. В это время бекасы не жирны, зато осенью их мясо превосходно.

Летом здесь много куликов, ничем не отличающихся от наших. **[73]**

В течение всего года на берегу моря встречается птица, похожая на кулика. Ее назвали морской сорокой [pie de mer] за ее черное с белым оперение; другие ее отличительные

особенности — это кораллового цвета клюв и белые лапки. Она редко покидает скалы, обнажающиеся при отливе, и питается маленькими креветками. Ее свисту легко подражать, чем, конечно, и пользовались наши охотники.

Часто попадаются хохлатые цапли. Сначала мы принимали их за простых и не знали, что их перья ценятся очень высоко. Эти птицы начинают ловить рыбу только в конце дня; время от времени они издают звуки, напоминающие лай, так что можно подумать, что это такие же волк-лисицы, о которых выше я уже говорил.

Осенью появились две разновидности скворцов. Третья разновидность этих птиц нас и не покидала. Мы их назвали красными птицами. Все их брюшко, особенно зимой, покрыто перьями огненного цвета; из этих перьев можно делать богатые украшения. Из двух других видов перелетных птиц один бурого цвета с брюшком, испещренным черными перьями; у другого обычное для скворца оперение. Мы не сообщаем подробностей о множестве других маленьких птиц, похожих на тех, что встречаются во Франции в приморских провинциях.

/Амфибии/ О морских волках и львах уже говорилось. Эти животные обитают на морском побережье и устраивают свои лежбища среди высоких трав, называемых гладиолусами. Огромные стада морских львов и волков уходят в глубь острова на расстояние более чем лье от берега, лежат там на траве и греются на солнце. Казалось бы, морской лев, описанный в отчете о путешествии лорда Ансона, может считаться скорее разновидностью морского слона, так как у него есть хобот. К тому же он не имеет гривы и отличается большими размерами — длина его достигает двадцати двух футов. Имеется и другая разновидность, представители которой гораздо меньших размеров, без хобота, с гривой из более длинной шерсти, чем та, что покрывает остальную

часть тела, так что эту разновидность можно считать настоящим морским львом. Морской волк обычно не имеет ни хобота, ни гривы, поэтому эти три вида легко различить. Под шерстью у этих животных нет пуха, который имеется у животных, пойманных в Северной Америке или в реке Ла-Плате. Их жир и шкуры уже давно являются предметом оживленной торговли.

Нам не удалось ознакомиться со многими видами рыб. Рыбы Рыбу, которую мы обычно ловили, мы называли голавлем [muge или mulet], ибо она была на него похожа; среди **[74]** этих рыб попадались экземпляры в три фута длиной, которые шли на сушку. Часто попадалась рыба, которую рыбаки называли градо [gradeau]; нередко она достигала фута длины. Сардины появлялись только в начале зимы. Голавли, преследуемые морскими львами, укрываются в ямках у берегов ручьев, и мы легко их ловили, снимая пласт торфа, покрывающий эти убежища.

Кроме того, мы ловили еще множество другой, очень мелкой рыбы, одна из разновидностей которой была названа нами прозрачной щукой; голова этой рыбы напоминает щучью: у нее нет чешуи, и она совершенно прозрачна. Среди скал попадаются морские угри. В бухтах в хорошую погоду мы видели белых морских свиней с черной головой и черным хвостом.

Если бы у нас было достаточно времени и свободных людей, которые занимались бы рыбной ловлей в открытом море, то нам удалось бы обнаружить гораздо больше разновидностей рыб и уж во всяком случае камбалу, какую море иногда выбрасывало на прибрежный песок.

Мы поймали только одну разновидность пресноводных рыб. Она была зеленоватого цвета, без чешуи и размером с обыкновенную форель. Правда, в этой области мы произвели

мало поисков — у нас не хватало времени; а другой рыбы здесь и так было много.

/Ракообразные/ Что касается ракообразных, то были обнаружены только три мелкие разновидности: красные раки, имеющие этот цвет и до того, как их сварят; это, скорее, бокоплавы; крабы с голубыми клешнями, похожие на нашего краба-турлуру, и очень мелкие креветки. Мы собирали этих ракообразных только из любопытства, так же как и съедобные ракушки и другие моллюски, которые здесь не столь тонкого вкуса, как во Франции. Устрицы здесь, по-видимому, совсем не водятся.

Наконец, чтобы сравнить эти места с каким-либо из уже освоенных островов в Европе, я процитирую то, что говорит Пуфендорф [60] об Ирландии, лежащей в той же широте северного полушария, а именно: «Этот остров очень приятен благодаря чистому и полезному воздуху; ни жара, ни холод здесь никогда не бывают чрезмерны. В стране, сильно изрезанной озерами и реками, раскинулись обширные равнины, представляющие великолепные пастбища; нет ядовитых существ, озера и реки изобилуют рыбой» и т.д. (См. «Всемирную историю»).

* * *

ГЛАВА ПЯТАЯ

Плавание от Малуинских островов до Рио-де-Жанейро. — Соединение с транспортом «Этуаль». — Враждебные действия португальцев против испанцев. — Доходы португальского короля в Рио-де-Жанейро

/1767 г., июнь. Выход с Малуинов в Рио-де-Жанейро/ Тем временем я тщетно ждал транспорт «Этуаль» на Малуинских островах. Прошли март и апрель, а корабль не появлялся. Я не решался выйти в плавание через Тихий океан на фрегате,

который мог взять не более шестимесячного запаса провианта для экипажа. В течение всего мая я все же еще ожидал «Этуаль». Видя, наконец, что у меня остается провизии не более чем на два месяца, я вышел 2 июня с Малуинских островов и взял курс на Рио-де-Жанейро, где командиру транспорта «Этуаль», господину Жироде, было назначено место встречи на случай, если непредвиденные обстоятельства помешают ему прийти за мной на Малуинскиё острова.

/Вход в Рио-де-Жанейро/ Погода благоприятствовала нашему переходу. 20 июня после полудня мы увидели высокие скалы бразильского нагорья, и 21-го показался вход в Рио-де-Жанейро. У берега стояло несколько рыбачьих лодок. Я велел поднять португальский флаг и сделать пушечный выстрел. По этому сигналу к нам подошла одна из лодок, и я нанял лоцмана для входа на рейд. Лоцман заставил нас приблизиться к берегу на расстояние полулье от окаймляющих его островов. Повсюду здесь большие глубины, высокий гористый берег покрыт лесом и разделен отвесными утесами с остроконечными вершинами. Все это оживляет прибрежный пейзаж.

Вечером, в половине шестого, когда мы находились у форта Сент-Круа, нас окликнули, и на борт поднялся португальский офицер, запросивший о цели нашего прибытия. Я отправил с ним шевалье де Бурнана, чтобы информировать об этом графа д’Акунья, бразильского вице-короля, и договориться об отдаче салюта. В половине восьмого мы бросили якорь на рейде на восьмисаженной глубине; грунт — черный ил. **[76]**

/Спор о салюте/ Шевалье де Бурнан вскоре возвратился и принес следующий ответ графа д’Акунья: если кто-либо, встречая другого на улице, снимает перед ним шляпу, то он не справляется предварительно, будет ли ему отдан долг вежливости, или нет; и если мы произведем салют, он

посмотрит, как ему поступить. Ввиду того, что эти слова не явились ответом, я решил не салютовать.

В то же время к нам прибыла шлюпка с транспорта «Этуаль», который действительно находился в Рио-де-Жанейро, с сообщением от господина де ла Жироде. Он доносил, что отплытие из Рошфора, которое должно было состояться в конце декабря, задержалось до начала февраля и что после трех месяцев плавания течь в корпусе корабля и плохое состояние рангоута заставили его зайти в Монтевидео. Получив от возвратившихся с Малуинских островов испанских фрегатов мою инструкцию для дальнейшего плавания, он тотчас же вышел в Рио-де-Жанейро, где и стал на якорь шесть дней назад. Соединение с транспортом «Этуаль» позволило мне продолжать мою миссию, хотя, доставив мне на тринадцать месяцев провизии, транспорт имел запас хлеба и овощей едва на пятьдесят дней. Недостаточное количество этих необходимых продуктов заставило меня вернуться в устье Ла-Платы, так как мы не нашли в Рио-де-Жанейро ни хлеба, ни муки.

/Затруднения, чинимые португальцами испанскому военному кораблю/ В порту Рио-де-Жанейро стояли тогда два корабля, которые нас заинтересовали. Один из них французский, второй — испанский. Французский военный корабль «Этуаль дю Матен» направлялся в Индию. Его малые размеры не позволяли зимой идти вокруг мыса Доброй Надежды, и он ожидал здесь подходящего времени года. Испанский 74-пушечный линейный корабль «Дилихенте» находился под командой дона Франсиско де Медина. Выйдя из устья Ла-Платы с грузом кож и пиастров, корабль получил сильную течь ниже ватерлинии; это заставило его зайти в порт, чтобы здесь произвести ремонт и затем продолжать путь в Европу. Но в течение восьми месяцев, с тех пор, как он вошел в порт, вице-король

отказывает ему в помощи и чинит всякого рода препятствия, так что нет возможности закончить ремонт судна.

/Помощь, которую мы ему оказали/ В первый же вечер моего прибытия дон Франсиско обратился ко мне с просьбой прислать ему моих плотников и конопатчиков, что я и сделал на следующий же день.

/Визит вице-короля на наш фрегат/ 22 июня со всем офицерским составом я явился с визитом к вице-королю; он ответил на мой визит, прибыв на корабль 25 июня. Когда вице-король покидал наш корабль, я салютовал ему девятнадцатью пушечными выстрелами, **[77]** на что с берега ответили тем же числом. Во время визита вице-король предложил нам любую зависящую от него помощь; по моей просьбе он дал мне разрешение на покупку корвета, который был бы мне очень полезен во время экспедиции; вице-король даже добавил, что если бы в португальском королевском флоте таковой имелся, он предложил бы мне его. Он обещал также произвести самое строгое расследование по делу об убийстве священника с транспорта «Этуаль», совершенном под окнами его дворца за несколько дней до нашего прибытия, и заверил меня, что виновные понесут строгое наказание. Но это так и осталось обещанием; международное право было здесь бессильно.

Любезность вице-короля продолжалась еще несколько дней. Он даже собирался пригласить нас на несколько ужинов, которые намечал устроить на берегу реки в жасминовых и померанцевых беседках, и приказал отвести для нас ложу в опере. Там в большом и достаточно красивом зале мы имели возможность познакомиться с шедеврами Метастазио [61] в исполнении труппы мулатов и слушать божественные произведения великих итальянских мастеров в исполнении скверного оркестра, которым дирижировал горбатый священник в духовном облачении.

Внимание, которым мы пользовались, сильно удивляло испанцев и даже местных жителей, предупредивших нас, что такое отношение их правителя к нам долго продолжаться не будет. Действительно, потому ли, что ему не понравились наши связи с испанцами и помощь, которую мы им оказывали, или потому, что он не мог дольше поддерживать с нами отношения, находившиеся в противоречии с его характером, но вскоре он стал и к нам относиться не лучше, чем к другим.

/Враждебные действия португальцев против испанцев/ 28 июня мы узнали, что в провинции Рио-Гранде португальцы внезапно напали на испанцев, прогнав их из форта, который они занимали на левом берегу реки, и задержали испанский корабль, стоявший у острова Сент-Катерин.

В порту вооружался большой португальский 74-пушечныи корабль местной постройки «Сан-Себастьян» и 40-пушечный фрегат «Ла нуэстра сеньора да грасиа». Последний предназначался, как говорили, для сопровождения каравана с войсками и снаряжением, направлявшегося в Рио-Гранде и в колонию Сен-Сакреман. Эти враждебные действия и военные приготовления внушали опасение, что вице-король задержит испанский корабль «Дилихенте», который килевался на острове Лас-Кобрас. Мы решили ускорить насколько возможно его вооружение, и в последний день июня он мор уже приступить к погрузке. Но когда 6 июля он **[78]** намеревался погрузить свои пушки, которые в связи с килеванием судна были свезены на остров Кулебра, вице-король отказался их выдать и заявил, что задержит корабль до тех пор, пока не получит разъяснений своего правительства по поводу неприятельских действий в Рио-Гранде. Дон Франсиско предпринял необходимые шаги, но все было напрасно — граф д’Акунья не захотел даже принять письмо, доставленное ему офицером испанского корабля.

/Недоброжелательность вице-короля по отношению к нам/
Вскоре и мы разделили немилость своих союзников. После повторного разрешения вице-короля я заключил сделку на покупку брига, но граф д'Акунья запретил продавцу передать мне этот корабль. Нам было также запрещено получить с королевской верфи закупленный там лес. Мне было отказано и в разрешении поселиться с моими офицерами на время, пока на корабле будет продолжаться существенный ремонт, в доме одного из местных жителей, в котором жил коммодор Байрон, когда в 1765 г. стоял здесь на якоре. Я решил высказать вице-королю свои возражения по этому поводу, но он встал в гневе и приказал мне выйти. Уязвленный, несомненно, тем, что, несмотря на его ярость, я и сопровождавшие меня офицеры продолжали сидеть, он позвал свою стражу. Но стража, будучи благоразумнее его, долго не появлялась, и мы удалились, не уронив своего достоинства. Как только мы вышли, охрана дворца была усилена и отдан приказ арестовывать всех французов, появляющихся на улицах после захода солнца. Он велел также командиру четырехпушечного французского корабля стать на якорь у форта Виллагаон, и на другой день я отбуксировал его туда моими шлюпками.

С тех пор я думал только о том, как бы скорее уйти из Рио-де-Жанейро, тем более что и местные жители, у которых мы бывали, могли ждать неприятностей от вице-короля. Два португальских офицера стали жертвой своей порядочности; одного из них за хорошее отношение к нам посадили в тюрьму, а другого сослали в Санта — маленький городок на побережье между островом Сент-Катерин и Рио-Гранде. Я спешил запастись пресной водой и погрузить на транспорт «Этуаль» самое необходимое имущество и свежую провизию. Необходимо было также увеличить ширину марсов на фрегате. Все необходимое для этого, в чем мне отказали на верфях, доставил командир испанского судна.

Контрабандным путем нас обеспечили и досками, без которых мы не могли обойтись.

Наконец 12 июля, когда все было готово, я послал к вице-королю своего офицера, чтобы поставить его в **[79]** известность, что при первом же попутном ветре снимаюсь с якоря. Командиру французского корабля «Этуаль-дю-Матен» господину д'Этшевери я посоветовал не задерживаться в Рио-де-Жанейро, а время, остающееся до начала сезона, наиболее благоприятного для плавания вокруг мыса Доброй Надежды, использовать с целью ознакомления с островами Тристан д'Акунья, где в изобилии имеются и вода, и рыба. Я рассказал ему все, что знал об этих островах. Впоследствии мне стало известно, что он последовал моему совету, и из его сообщений я заключил, что там без риска можно стать на якорь, удобно брать воду и легко обеспечить экипаж треской и другой прекрасной рыбой, которой там много. По его наблюдениям, якорная стоянка расположена на параллели 37°24' южной широты.

Во время нашего пребывания в Рио-де-Жанейро мы наслаждались поэтической весной. Вид этой бухты всегда доставлял огромное удовольствие путешественникам, особенно таким, как мы, которые долгое время не видели лесов, культурных центров и жили в местах, где не так уж много ясных солнечных дней. И мы наслаждались картинами природы этой восхитительной страны. Жители ее с самым искренним негодованием говорили о плохом отношении к нам вице-короля и сожалели, что мы не можем подольше остаться среди них.

Немало путешественников уже описало Бразилию и ее столицу, поэтому все, что бы я ни сказал, будет утомительным повторением. Город Рио-де-Жанейро, завоеванный в свое время французским оружием [62], хорошо известен. Ограничусь тем, что сообщу некоторые подробности о

богатствах, сосредоточенных в этом городе, и о доходах, которые извлекает отсюда португальский король. Выше я говорил, что ученый натуралист де Коммерсон, участвовавший на транспорте «Этуаль» в нашей экспедиции, уверял меня, что он никогда не встречал страны с более богатой растительностью и что он нашел здесь настоящие сокровища растительного мира.

/*Подробности о богатствах Рио-де-Жанейро*/ Рио-де-Жанейро — это склад и главное место сбыта богатств Бразилии. Рудники, называемые Главными, находятся по соседству с городом, от которого их отделяет расстояние в 75 лье. Ежегодно они дают королю, по праву пятой доли, по крайней мере, 112 арробов золота; 1762 г. принес 119 арробов. В капитанию главных рудников входят рудники Рио-де-Мор, Сабара и Серо-Фрио. В последнем, помимо золота, добывают также алмазы, топазы, хризолиты и другие менее дорогие камни, которые встречаются на дне реки, среди гальки, заполняющей ее русло, для чего воды реки отвели в сторону. **[80]**

/*Правила эксплуатации рудников*/ Все эти камни, исключая алмазы, не составляют контрабанды; они являются собственностью предпринимателей, которые обязались давать точный отчет только о добытых алмазах и сдавать их интенданту, поставленному королем для этой цели. Интендант хранит их в круглой, обитой железом шкатулке с тремя замками. Ключи от одного замка находятся у него, от другого — у вице-короля и от третьего — у провадора королевской асьенды. Эта шкатулка вкладывается в другую, которую три упомянутых лица опечатывают своими печатями и в которой хранятся три ключа от первой шкатулки. Вице-король не имеет права проверять ее содержимое. Он лишь ставит все в ящик и, опечатав его, отправляет в Лиссабон. Сундук открывают в присутствии короля, и последний отбирает любые понравившиеся ему

алмазы, выплачивая их стоимость предпринимателям по договорному тарифу.

Предприниматели обязаны вносить его величеству по одному пиастру за каждый рабочий день невольника, используемого для добычи алмазов; число этих рабов может достигать 800 человек. Контрабандная торговля алмазами преследуется строже всякой другой контрабанды. Если контрабандист беден, он присуждается к смерти; если он владеет средствами, достаточными, чтобы удовлетворить требования закона, то, помимо конфискации камней, его присуждают к двойной оплате их стоимости, к году тюрьмы и вечному поселению на африканском берегу. Несмотря на эти строгости, контрабанда не прекращается, утаивают даже самые дорогие камни, так как их легко спрятать.

/Золотые прииски/ Все золото, добываемое в рудниках, перевозится в Рио-де-Жанейро только после того, как оно подвергнется переплавке в плавильнях, учрежденных в каждом округе, где взимается королевская пошлина. Золото, возвращаемое частным предпринимателям, передается им в слитках с указанием на них веса, номера и королевского герба. Эти данные выбивает на слитках специально назначенное лицо, чтобы на Монетном дворе легко было подсчитать стоимость принимаемого золота.

Слитки, принадлежащие частным предпринимателям, регистрируются в конторе Прайбуна, в 30 лье от Рио-де-Жанейро. Эту контору охраняет пост, который состоит из капитана, лейтенанта и 50 солдат; именно здесь владельцы слитков уплачивают пошлину в размере одной пятой стоимости принадлежащего им золота, а также сбор по полтора реала с человека и с головы рогатого скота или вьючного животного. Половина сбора идет королю, а вторая делится между личным составом поста соответственно чинам. **[81]**

Частные лица сдают золото в слитках на Монетный двор в Рио-де-Жанейро, где им выплачивают стоимость его в чеканной монете: обычно это полудублоны достоинством в восемь испанских пиастров. С каждого из этих полудублонов король получает по пиастру за лигатуру и монетный сбор. Монетный двор в Рио-де-Жанейро — один из лучших. Он обеспечен необходимым оборудованием, позволяющим выполнять работы с максимальной скоростью. Ввиду того что золото доставляют с приисков одновременно с прибытием из Португалии флотилии кораблей, приходится ускорять темп работы на Монетном дворе, и быстрота, с которой чеканится монета, поразительна.

Прибытие этих флотилий, особенно из Лиссабона, способствует расцвету торговли в Рио-де-Жанейро. Флотилия, прибывающая из Порто, имеет в качестве грузов только вина, водку, уксус, гастрономические товары и грубое полотно, изготовляемое в этом городе или его окрестностях. Сразу по прибытии судов все доставленные товары направляются в таможню, где они облагаются десятипроцентной пошлиной. Теперь, когда связь между колонией Сен-Сакреман и Буэнос-Айресом полностью прекращена, эти сборы должны резко сократиться. Почти все самые дорогие товары отправляются из Рио-де-Жанейро в колонию, откуда они контрабандным путем через Буэнос-Айрес попадают в Чили и Перу. Эта тайная торговля приносит португальцам ежегодно более полутора миллионов пиастров дохода. Одним словом, их дает эта контрабанда. Торговля неграми была еще одной важной статьей дохода. Трудно определить размеры убытков, нанесенных почти полной ликвидацией этой отрасли контрабанды. Она одна требовала не менее трехсот судов каботажного плавания от берегов Бразилии до Ла-Платы.

/Доход, извлекаемый королем Португалии в Рио-де-Жанейро/ Кроме традиционной десятипроцентной пошлины, которая взимается королевской таможней, существует еще

налог в два с половиной процента, установленный со времени бедствия в Лиссабоне в 1755 г. [63] и взимаемый под видом извлекаемый добровольного дара; он вносится немедленно по выходе товаров из таможни. Если же владелец товара подает заявление, ему предоставляется отсрочка на шесть месяцев с начислением одного процента; но для этого требуется надежное поручительство.

Прииски в Сан-Паулу и Парнагуа дают королю в обычный год четыре арроба золота установленной пятой доли. Наиболее отдаленные прииски, такие, как Пракатон, Киаба, подчиняются капитании Мату-Гросу. В Рио-де-Жанейро пятая доля с этих приисков не взимается, но прииски Гояс **[82]** пятую долю уплачивают. В этой капитании имеются и алмазные копи, но разрабатывать их запрещено.

Все расходы португальского короля в Рио-де-Жанейро на содержание войск и гражданских чинов, а также на содержание приисков, правительственных зданий и ремонт кораблей не превышают в год 600 тысяч пиастров. Я ничего не говорю о том, во что могут обойтись ему линейные корабли и фрегаты, строительство которых там сейчас началось.

Перечень различных статей королевских доходов в обычный год

Пиастров 150 арробов золота, получаемых в обычный год от всех

сборов, составляют в испанской монете 1 125 000

Алмазный сбор 240 000

Монетный сбор 400 000

10-проиентный таможенный сбор 350 000

2 1/2-процентный добровольный дар 87 000

Дорожный сбор, продажа должностей, контор и вообще

всего, что относится к приискам 225 000

Налог на чернокожих 110 000

Налог на рыбий жир, соль, мыло и 10% на местные товары 130 000

Всего: 2 667 000

Если вычесть из этой суммы указанные выше расходы, увидим, что доходы португальской короны, извлекаемые из Рио-де-Жанейро, достигают 10 миллионов в нашей монете.

* * *

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Выход из Рио-де-Жанейро. — Вторичное плавание в Монтевидео. — Повреждения, полученные транспортом «Этуаль»

/1767 г., июль/ 14 июля мы покинули Рио-де-Жанейро, но из-за слабого ветра вынуждены были стать на якорь на рейде. Окончательно мы вышли 15-го.

/Уход из Рио-де-Жанейро/ Наш фрегат имел превосходство в ходе перед транспортом «Этуаль», поэтому через два дня нам пришлось спустить и разоружить брам-стеньги, тем более что наши мачты требовали весьма бережного обращения. Дули очень свежие переменные ветры, и на море была большая волна. В ночь с 19 на 20 июля ветром сорвало и унесло в море наш грот-марсель, хотя он был взят на гитовы. 25-го мы наблюдали затмение солнца. Я взял к себе на корабль молодого астронома господина Веррона, прибывшего из

Франции на транспорте «Этуаль», чтобы заняться в пути изучением различных наиболее точных и удобных методов определения долготы в море.

/Затмение солнца/ На основании счислимого места корабля момент затмения, вычисленный этим астрономом, должен был наступить для нас 25 июля в 4 часа 19 минут дня. В 4 часа 10 минут облако скрыло от наших взоров солнце, и когда в 4 часа 31 минуту мы снова его увидели, оно было затемнено всего лишь на каких-нибудь полтора дюйма. Облака, которые все время закрывали солнце, позволяли нам видеть его только в очень короткие промежутки времени, и, таким образом, мы не могли наблюдать ни за одной из фаз затмения, а следовательно, не имели возможности на основе этих наблюдений определить нашу долготу. Для нас солнце скрылось еще до момента видимого совмещения, и мы полагали, что затмение наступило в 4 часа 23 минуты.

/Вход в устье Ла Платы/ 26 июля лот начал доставать до грунта, и 28-го утром мы увидели Кастильский берег. Эта часть береговой полосы реки не очень высока и видна на 10—12 лье. Мы думали, что перед нами вход в бухту, в которой находится якорная **[84]** стоянка и которую испанцы охраняют с помощью форта; это якорное место, как мне говорили, очень плохое. 29 июля мы вошли в реку Ла-Плату и увидели горы Мальдонадос. За этот и за следующий день мы мало продвинулись вперед. Почти всю ночь с 30 на 31 июля было безветрие, и мы все время занимались измерением глубин. Течения сносили нас, по-видимому, к северо-западу, к острову Лобос. В половине второго ночи мы измерили лотом глубину, она оказалась тридцать саженей; опасаясь, что мы находимся слишком близко от Лобоса, я сигналом приказал стать на якорь. В половине четвертого мы снялись с якоря и увидели остров Лобос на северо-востоке в двух с половиной лье от нас. Южный и юго-восточный ветер, вначале слабый, все усиливался; 31 июля после полудня

корабли стали на якорь в бухте Монтевидео. Мы потеряли много времени из-за транспорта «Этуаль», так как, уступая нам в скорости хода, это судно еще дало течь: если при выходе из Рио-де-Жанейро течь составляла 4 дюйма за два часа, то после нескольких дней плавания за тот же промежуток времени она достигла уже 7 дюймов; поэтому транспорт не мог форсировать парусами.

/Вторичная стоянка в Монтевидео/ Едва успели мы стать на якорь, как к нам на борт явился испанский офицер, чтобы приветствовать нас от имени губернатора Монтевидео по случаю нашего прихода.

/Новости, которые мы здесь узнали/ Он сообщил также, что получен приказ из Испании арестовать всех иезуитов и конфисковать их имущество; что на том самом судне, которое доставило эти депеши, прибыло сорок иезуитских священников, назначенных для направления в различные миссии; он добавил, что приказ уже выполняется в главных миссиях, причем без всякой паники и сопротивления, наоборот, святые отцы с благоразумием и покорностью переносят свою опалу.

В дальнейшем я расскажу подробно об этих больших событиях, о которых я узнал во время длительного пребывания в Буэнос-Айресе благодаря доверию ко мне генерал-губернатора дона Франсиско Букарели. Он предоставил мне возможность ознакомиться с несколькими делами иезуитов и даже прочел мне письмо, в котором дает отчет духовнику испанского короля Аранда об исполнении этого указа.

/1767 г., август/ Ввиду того что нам надлежало пока оставаться в реке Ла-Плате и выйти из нее уже после наступления равноденствия, мы поселились на берегу в Монтевидео, где разместили также наших рабочих и

госпиталь. Покончив с этими заботами, я отправился II августа в Буэнос-Айрес, чтобы ускорить доставку необходимой нам провизии, которую должен был привезти поставщик испанского короля **[85]** по тем же ценам, которые установлены по договору с королем. Я хотел также побеседовать с генерал-губернатором Букарели о том, что произошло в Рио-де-Жанейро, хотя я уже отправил ему с нарочным депеши дона Франсиско де Медина.

Генерал-губернатор решил ограничиться посылкой в Европу сообщения о недружелюбных действиях вице-короля Бразилии и не применять репрессивных мер, хотя ему не стоило бы труда в короткий срок овладеть колонией Сен-Сакреман, тем более что она находилась в тяжелом положении и нуждалась во всем. До нее даже не дошел конвой с провизией и вооружением, грузившийся в Рио-де-Жанейро, когда мы уходили оттуда.

Генерал-губернатор сделал все возможное, чтобы облегчить нам выполнение своих задач. В конце августа две шхуны, груженные сухарями и мукой для нас, были посланы в Монтевидео, куда 25 августа направился и я для празднования дня св. Людовика. В Буэнос-Айресе я оставил шевалье дю Бушажа для погрузки остальных припасов и решения различных вопросов, могущих возникнуть до нашего ухода, что, как я рассчитывал, должно произойти в конце сентября. Мог ли я тогда предвидеть, что обстоятельства задержат нас здесь на шесть недель?

/Повреждения транспорта «Этуаль»/ Во время шторма, налетевшего с юго-запада, торговое судно «Сан-Фернан» ночью стало дрейфовать на якоре и, столкнувшись со стоявшим вблизи транспортом «Этуаль», сломало ему бушприт у самого форштевня. Гальюн и регели левого борта были снесены; хорошо еще, что столкнувшимся судам удалось быстро отойти друг от друга, несмотря на непогоду и

темноту, и избежать, таким образом, других повреждений. На торговом судне вся кормовая надводная часть была разбита вдребезги.

/1767 г., сентябрь/ Это столкновение значительно усилило течь, которая наблюдалась на транспорте «Этуаль» с самого начала кампании. Необходимо было разгрузить и, быть может, даже килевать его, чтобы обнаружить и заделать место течи, находившееся, по-видимому, весьма низко в носовой части. Этого нельзя было сделать в Монтевидео, где, кроме того, не было нужного леса для ремонта рангоута.

Я послал офицера в Мальдонадос для поиска мачт среди обломков разбитых кораблей, которые, как говорили, можно найти там на берегу; он нашел лишь две мачты, но перевозка их в Монтевидео была бы слишком сложной. Тогда я написал лейтенанту шевалье дю Бушажу, чтобы он обрисовал наше положение генерал-губернатору, испросив его согласие на переход транспорта «Этуаль» вверх по реке **[86]** до пункта Энсенад-де-Бараган; я поручил ему также тотчас же направить туда лес и другие необходимые материалы. Генерал-губернатор маркиз де Букарели удовлетворил нашу просьбу; 7 сентября, не найдя лоцмана, я перешел на транспорт «Этуаль» с плотниками и конопатчиками, взятыми с фрегата «Будёз», намереваясь на следующий же день отправиться в путь и самому вести корабль на этом невероятно трудном, как говорили, переходе.

/Переход из Монтевидео в Бараган/ Два торговых судна — «Сан-Фернандо» и «Кармен» — с лоцманом-практикантом должны были в тот же день выйти из Монтевидео в Энсенад; я рассчитывал последовать за ними, однако судно «Сан-Фернандо», на борту которого находился этот самый лоцман по имени Филипп, тайно от нас в ночь с 7 на 8 сентября покинуло порт, оставив своих товарищей в трудном положении. Судно «Кармен» осталось в порту, дожидаясь

шхуны, за которой оно должно было следовать речным фарватером.

Несмотря ни на что, мы вышли из Монтевидео 8-го утром, следуя за нашими шлюпками, оставив в порту судно «Кармен». Ночью мы догнали «Сан-Фернандо» и прошли мимо него; 10 сентября после полудня мы стали на якорь в бухте Энсенад, причем лоцман Филипп, столь же плохой лоцман, как и человек, все время шел вслед за нами.

/*Подробности этого плавания*/ 10-го, убедившись в правильности сделанных нам предупреждений о трудности перехода, мы увидели с высоты мачт испанские корабли, стоявшие на якоре в бухте Энсенад. Около четырех часов коснулись дна и почти тотчас же снялись с мели. К нам на борт прибыл испанский офицер. Как только глубина под килем достигла 4 1/2 саженей, я приказал стать на якорь приблизительно в половине лье от фрегата «Эсмеральда», на жидком черном илистом грунте. Таков грунт дна всего канала, и только у обрывистого края банки Ортис грунт — красный песок. Я нашел на этом рейде двадцатишестипушечный фрегат «Венус» и несколько торговых судов, которые готовились в ближайшее время поставить паруса и следовать в Европу. Здесь же стояли испанские фрегаты «Эсмеральда» и «Льебре», которые после приемки всяких грузов должны были вернуться на Малуинские острова, а оттуда идти в Южное море, чтобы принять на борт иезуитов из Чили и Перу. Кроме того, здесь же стояла шхуна «Андалуз», вышедшая в конце июля из Ферроля совместно с шхуной под названием «Авентуреро», которая погибла, выскочив на оконечность банки Англуа; вскоре экипаж шхуны спасся. Шхуна «Андалуз» готовилась идти на Огненную Землю с миссионерами и подарками для местных жителей от испанского короля, пожелавшего **[87]** выразить им свою благодарность за помощь экипажу корабля «Консепсьон», который погиб в 1765 г. у их берегов.

/Окончание ремонта транспорта «Этуаль»/ Я сошел с корабля в Барагане, куда шевалье дю Бушаж уже переправил часть необходимого нам леса. Ему стоило больших трудов и средств получить его в Буэнос-Айресе в королевском арсенале и на нескольких частных складах; но и в том и в другом месте они представляли собою остатки кораблей, потерпевших крушение на реке; никаких других ресурсов в Барагане не было. Зато мы встретили множество всякого рода затруднений, сильно задержавших нас здесь. Бухта Энсенад-де-Бараган — это весьма посредственная гавань, созданная в устье реки шириной около четверти лье, впадающей в Ла-Плату на южном берегу, в 10 или 12 лье на ост-зюйд-ост [112 1/2°] от Буэнос-Айреса. Однако сколько-нибудь достаточные глубины имелись только в середине этой бухточки, в прямом канале, который постоянно заносится илом и в который могут входить лишь суда с осадкой менее 12 футов; в остальной части бухты в малую воду глубины едва достигают шести футов. Изменения уровня воды в Ла-Плате чрезвычайно неправильны, и полная или малая вода иногда держится до восьми дней подряд, в зависимости от направления ветра. Поэтому высадка в бухте со шлюпок представляет значительную трудность. Здесь нет никаких складов — лишь несколько домов, или, точнее, хижин из камыша, крытых кожей, беспорядочно разбросанных на открытой местности; обитатели этих хижин не знают большей радости, чем жить в беспечной праздности.

Суда с большой осадкой, входящие в эту бухту, вынуждены становиться на якорь у мыса Лара, в полутора лье к западу. Там они подвержены всем ветрам, но так как грунт дна реки хорошо держит якорь, судно может, хотя и с большими неудобствами, даже зимовать здесь.

/1767 г., октябрь/ Я оставил на мысе Лара господина де ла Жироде, поручив ему ведать всеми делами, связанными с ремонтом его корабля, и отправился в Буэнос-Айрес. Оттуда я

послал ему большую шхуну, которую он мог использовать при килевании транспорта «Этуаль», когда последний войдет в бухту Энсенад. Для этого он должен был предварительно разгрузиться и передать по частям свой груз на фрегаты «Эсмеральда» и «Льебре», на что имелось разрешение генерал-губернатора.

8 октября транспорт «Этуаль» был уже в состоянии войти в порт, и мы надеялись, что его ремонт не затянется, чего мы все время опасались. Действительно, как только началась разгрузка судна, течь в носовой части его заметно уменьшилась, а когда осадка его форштевня стала не более восьми **[88]** футов, и вовсе прекратилась. Сняв несколько досок наружной обшивки судна, мы обнаружили, что пазы на длину в 4 1/2 фута в носовой части начиная от ватерлинии при осадке в 8 1/2 футов и глубже совсем не законопачены. Были обнаружены еще два специально просверленных отверстия, в которые не были пропущены болты. Все эти повреждения были быстро исправлены; кроме того, в носу были установлены новые гальюнные регели, изготовлен и оснащен новый бушприт; транспорт был заново полностью переконопачен. 21 октября транспорт перешел к мысу Лара и принял свой груз с испанских фрегатов. Постепенно на него погрузили лес, муку, сухари и разную провизию, которую я отправил сюда.

/Уход в Европу нескольких судов и приход других судов/ В конце сентября в Кадис вышли фрегат «Венус» и четыре других судна, груженных кожами, увозя 250 иезуитов и несколько французских семейств с Малуинских островов; семь семей колонистов ввиду отсутствия мест на кораблях вынуждены были дожидаться другой оказии. Генерал-губернатор разрешил им приехать в Буэнос-Айрес и позаботился о жилье для них. Тогда же мы узнали о прибытии торгового судна «Диаман», посланного в Буэнос-Айрес, и другого торгового судна «Сен-Мишель»,

направлявшегося в Лиму. Положение судна было тяжелым. Сорок пять дней оно боролось со штормами у мыса Горн; на судне умерло 39 членов экипажа, остальные болели цингой. Штормом сорвало на судне руль, и командир вынужден был взять курс на Ла-Плату. Только через семь месяцев после выхода из Кадиса оно вошло в Монтевидео. На судне оставалось только трое матросов и несколько офицеров, еще способных двигаться. По просьбе испанцев мы послали им в помощь одного офицера и матросов, чтобы привести судно в Монтевидео. 5 октября туда прибыл испанский фрегат «Агила», вышедший из Ферроля в марте. Он зашел на остров Сент-Катерин, где португальцы задержали его одновременно с линейным кораблем «Дилихенте», арестованным в Рио-де-Жанейро.

* * *

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Подробности об иезуитских миссиях в Парагвае и изгнание иезуитов из этой провинции [64]

В то время как мы торопились покинуть Ла-Плату, генерал-губернатор маркиз де Букарели готовился к отъезду в Уругвай. Во всех других подчиненных ему провинциях иезуиты уже были арестованы, и генерал-губернатор хотел лично привести в исполнение в миссиях указы испанского короля. От первых же действий генерал-губернатора зависело будущее народов этих провинций — примут ли они предписанные им новые порядки, или снова впадут в варварское состояние. Но прежде чем описывать подробности крушения этого своеобразного правления, нужно сказать несколько слов о его происхождении, развитии и формах. Я расскажу об этом «sine ira et studio quorum causas procul habeo» [«без гнева и пристрастия»].

/Время основания миссии/ Впервые иезуиты проникли в эти богатые области в 1580 г. в царствование Филиппа III и основали здесь ставшие вскоре широко известными миссии. В Европе эти области получили название Парагвай, а в Америке — Уругвай, по имени реки, на берегах которой они расположены. Миссии, разделенные по племенам, были вначале слабыми и малочисленными, но в дальнейшем число миссионерских поселков достигло 37; из них 29 — на правом берегу Уругвая и 8 — на левом; каждая миссия управлялась 2 иезуитами в монашеском одеянии. Правители охотно сочетают религию и выгоду, если одно не мешает другому. Те же мотивы побудили испанских монархов приступить к обращению индейцев в истинную веру: приобщая их к католической церкви, они несли дикарям цивилизацию и в то же время становились хозяевами обширной и богатой страны; это означало для метрополии новый источник доходов и новых последователей истинного бога. **[90]**

/Условия договора между испанским двором и иезуитами/ Согласившись на выполнение этих планов, иезуиты поставили условием, чтобы им была предоставлена полная независимость от губернаторов провинций, и даже потребовали, чтобы ни один испанец не пытался проникнуть в эту страну. В основе этого требования лежала боязнь того, что пороки европейцев могут повредить их делу и оттолкнуть вновь обращенных от христианства, а испанское высокомерие сделает это слишком тяжкое подчинение ненавистным. Испанский двор одобрил эти соображения и установил, что на миссионеров не будет распространяться власть губернатора, а казначейство ежегодно будет выдавать им 60 тысяч пиастров на расходы по обработке земель с условием, что, как только будут созданы селения и земли приведены в хорошее состояние, индейцы ежегодно будут выплачивать королю по одному пиастру с каждого человека в возрасте от 18 до 60 лет. Испанский двор потребовал также, чтобы

индейцы были обучены испанскому языку, но это требование, кажется, не было выполнено.

/*Рвение и успехи миссионеров*/ Иезуиты устремились на это поприще с мужеством мучеников и с поистине ангельским терпением. Действительно, нужно было обладать и тем и другим качеством, чтобы привлечь к себе, удержать и принудить к послушанию и труду людей диких, непостоянных, привыкших столь же к праздности, сколь и к независимости. Препятствий было множество, трудности возникали на каждом шагу, но рвение восторжествовало, и кротость миссионеров привлекла наконец к ним суровых лесных жителей. Они были сведены в поселки, им дали законы и научили полезным и интересным ремеслам; так миссионеры обратили этот народ, не имевший ни обычаев, ли веры, в людей кротких, строго выполняющих все христианские обряды. Увлеченные убедительным красноречием своих апостолов, индейцы добровольно подчинились людям, которые жертвовали собой для их счастья; даже короля Испании индейцы представляли себе не иначе, как в образе св. Игнатия [65].

/*Восстание индейцев против испанцев*/ Между тем в 1757 г. произошли случаи возмущения индейцев этой властью. Дело в том, что король Испании договорился с Португалией об обмене поселенцев миссий, расположенных на левом берегу Уругвая, на колонию Сен-Сакреман. Стремление положить предел разгулу контрабанды, о которой мы уже говорили, побудило мадридский двор заключить это соглашение. Река Уругвай становилась, таким образом, границей владений двух держав. Теперь надо было покорившихся индейских поселенцев перевести на правый берег, обещая им за затраченный труд денежное вознаграждение. Но эти люди, привыкшие к своему очагу, **[91]** не хотели покидать обжитые земли и идти куда-то осваивать /*Причина их недовольства*/ все заново. Они взялись за оружие, разрешение на которое

уже давно получили для защиты от набегов паулистов-разбойников, вышедших из Бразилии и объединившихся в конце XVI века в республику. Вспыхнуло восстание; но ни один иезуит не стоял во главе его. Говорили даже, что индейцы насильно удержали их в деревнях для отправления богослужения.

/Они берутся за оружие, но терпят поражение/ Генерал-губернатор провинции Ла-Платы дон Хосе Андонеги выступил против восставших совместно с губернатором Монтевидео доном Хоакимом де Вьяна. Индейцы были разбиты и потеряли более двух тысяч человек. Видя, какой ужас внушило индейцам их первое поражение, дон Хоаким взялся окончательно покорить их. Имея в своем распоряжении 600 человек, он напал на первый поселок и, не встретив сопротивления, овладел им; как только сдались первые, покорились и все остальные.

/Подавление восстания/ Между тем дон Хосе Андонеги был отозван к испанскому двору, и на смену ему в Буэнос-Айрес прибыл дон Педро Севальос. Одновременно дон Вьяна получил приказ покинуть миссии и отозвать войска. О намечавшемся обмене договорами между двумя державами уже не было и речи. Возвратились и португальцы, воевавшие вместе с испанцами против индейцев. Именно во время этого похода в Европе распространился слух о том, что мятежники избрали своим королем индейца, некоего Николаса, который стал для восставших символом королевской власти.

/Индейцы выражают недовольство управлением иезуитов/ Дон Хоаким де Вьяна говорил мне, что когда он получил приказ покинуть миссии, многие индейцы, недовольные жизнью, которую они вели, пожелали уйти с ним. Он возражал, но не мог помешать семи семействам сопровождать его. Они были устроены в Мальдонадо, где и до настоящего времени показывают пример трудолюбия и

искусства в ремеслах. Я был удивлен тем, что мне рассказывали об этом недовольстве индейцев. Как связать это с тем, что я читал о методах, посредством которых ими управляли? Законы в миссиях казались мне образцом управления, способного дать людям счастье и благополучие.

/*Управление иезуитов, если на него посмотреть со стороны*/ Действительно, представьте себе в общих чертах это замечательное управление, в основу которого положены лишь религия и убеждение; что может быть благороднее такой организации для человечества! Общество, члены которого живут на плодородных землях, в благодатном климате и трудятся сообща, а не работают только каждый на самого себя. Плоды общего труда честно свозятся в общественные склады и распределяются между членами общества по **[92]** их потребностям на жизнь, на одежду и на хозяйственные нужды; человек в расцвете сил кормит своим трудом только что родившегося ребенка, а когда время истощит его силы, сограждане оказывают ему те же услуги, которые раньше он сам оказывал другим; частные дома удобны, общественные здания красивы; все исповедуют один и тот же культ и строго соблюдают его. Этот счастливый народ не знает ни рангов, ни условностей; он равно свободен как от бедности, так и от богатства. Такими должны были казаться и казались мне эти миссии. Но это была иллюзия, ибо в вопросах управления между теорией и практикой дистанция огромного размера. Я убедился в этом на фактах, сообщенных мне единодушно сотней очевидцев.

/*Подробности организации управления иезуитов*/ Территория, на которой находились миссии, раскинулась на 200 лье с севера на юг и на 150 лье с востока на запад; население их составляло около 300 тысяч иезуитов человек.

В бескрайних лесах росли деревья самых разнообразных пород; на обширных пастбищах паслось не менее двух

миллионов голов скота; живописные реки оживляют внутренние районы этой страны, служат средством сообщения и способствуют развитию торговли. Таковы природные условия. Как же там жили?

Страна, как мы говорили, была разделена на приходы, каждый из которых управлялся двумя иезуитами — священником и викарием. Содержание поселений требовало мало расходов, так как индейцы сами обеспечивали себе кров, добывали пищу и делали одежду. Самые большие расходы вызывались содержанием церквей, великолепно построенных и богато украшенных. Излишки продукции сельского хозяйства и весь скот принадлежали иезуитам; им привозили из Европы орудия труда для разных ремесел: стекла, ножи, швейные иголки, четки, иконы, порох, ружья. Ежегодно крупные доходы приносили хлопок, сало, мед, кожи и особенно мате — растение, более известное под названием парагвайского чайного дерева. Торговля листьями этого дерева, заменявшими чай и находившими широкий сбыт во всей Испанской Индии, являлась монополией ордена иезуитов.

Индейцы — мужчины и женщины — рабски подчинялись священникам. Они не только позволяли наказывать себя плетью, как школьников, за общественные проступки, но и сами просили наказывать их даже за грехи, совершенные мысленно. В каждом приходе ежегодно выбирали коррехидоров [66] и капитулов, на которых возлагались некоторые административные обязанности. Церемония их избрания **[93]** происходила в первый день года в церкви и протекала с большой пышностью, под звон колоколов и звуки разного рода инструментов.

Избранник преклонял колена перед священником, который вручал ему знаки достоинства, что все же не избавляло его, как и других, от наказания кнутом. Самым большим

отличием их было то, что они носили платье, в то время как единственной одеждой остальных индейцев обоего пола была полотняная рубаха. Празднования в честь прихода и его священника сопровождались народными гуляниями и театральными представлениями; ставились даже комедии, походившие, наверное, на наши старинные пьесы, называемые мистериями.

У священника был просторный дом близ церкви, рядом с двумя корпусами, в одном из которых размещались школы музыки, живописи, архитектуры и разные ремесленные мастерские. Италия присылала сюда отличных учителей, и индейцы, говорят, легко овладевали знаниями. Другой корпус предназначался для молодых девушек, работавших под наблюдением и защитой старых женщин; этот корпус, назывался «гуатигуасу» или семинарией. Жилище священника имело внутренние переходы, связывавшие его с обоими корпусами.

Священник вставал в пять часов утра, молился и в половине седьмого служил мессу. В семь часов происходила церемония целования его руки. В это же время шла раздача листьев парагвайского чайного дерева (мате) по унции на семью. После мессы священник завтракал, читал молитвенник, работал вместе с коррехидорами, посещал семинарию, школы и мастерские. Выезжал он всегда верхом в сопровождении большой свиты; в 11 часов обедал со своим викарием и беседовал до полудня; отдыхал до двух часов; священник оставался в своем помещении до вечерней молитвы, после чего вел беседы до семи часов вечера, а затем ужинал. В восемь часов он ложился спать.

Народ же с восьми часов утра был занят на разных работах в поле и мастерских; женщины пряли; каждый понедельник им выдавали определенное количество хлопка, и в конце недели они должны были принести готовую пряжу. Вечером

в половине шестого они собирались для вечерней молитвы и целования руки священника; затем им раздавали мате и по четыре фунта говядины, а также маиса на каждое хозяйство из расчета на 8 человек. В воскресенье не работали, так как церковная служба в этот день отнимала еще больше времени, чем обычно; затем люди могли заняться некоторыми играми, столь же унылыми, как и вся их жизнь. **[94]**

/*Выводы из изложенного*/ Из этого точного отчета видно, что индейцы не имели в сущности никакой собственности. Их жизнь была заполнена однообразным трудом и невероятно скучным отдыхом. Этой скукой, которую справедливо называют смертельной, объясняется, почему, как я слышал, они без сожаления расстаются с жизнью. Заболев, они редко выздоравливают. Если их спрашивают, печалит ли их смерть, они отвечают, что нет; так это и есть в действительности. Не приходится теперь удивляться тому, что индейцы с проникновением испанцев в миссии, подчинявшиеся подлинно монастырским порядкам, стремились бежать из этого заключения. Иезуиты же изображали нам этот народ как людей, разум которых никогда не может подняться выше детского. Но жизнь, которую они вели, не позволяла этим большим детям веселиться по-детски.

/*Высылка иезуитов из провинции Ла-Плата*/ Иезуиты уже задумывались о создании новых миссий, как вдруг события, происшедшие в Европе, разрушили в Новом Свете труды многих лет, потребовавшие такого терпения. Приняв решение об изгнании иезуитов, испанский двор хотел провести эту операцию одновременно во всех обширных владениях Испании. /*Меры, предпринятые в этом отношении испанским двором*/ Дон Севальос был отозван из Буэнос-Айреса, и на его место назначен дон Франсиско Букарели. Отправляясь в путь, он знал о задачах, которые ему предстоит решать, и был предупрежден о том что исполнение приказа должно быть отложено до новых распоряжений,

которые не замедлят последовать. Только духовник короля граф Аранда и несколько министров были посвящены в эту тайну. Дон Букарели прибыл в Буэнос-Айрес в начале 1767 г.

/Меры, принятые генерал-губернатором/ Когда дон Педро Севальос прибыл в Испанию, дону Букарели был послан с почтовым судном приказ, касающийся как этой провинции, так и Чили, куда он должен был отправиться сухим путем. Это судно пришло в Ла-Плату в июне 1767 г., и губернатор тотчас же отправил двух офицеров — одного к вице-королю Перу, другого — к президенту администрации Чили с приказами двора. Он полагал затем направить эти приказы в различные места своей провинции, где имелись иезуиты: в Кордову, Мендосу, Корриентес, Санта-Фэ, Сальта, Монтевидео и Парагвай. Но опасаясь, чтобы кто-нибудь из комендантов этих мест не стал действовать с излишней поспешностью и не разгласил тайну, соблюдения которой требовал двор, Букарели при пересылке им приказа предписал не вскрывать пакет раньше дня, назначенного для исполнения приказа, и вскрыть его лишь в присутствии поименованных им лиц, занимающих главные духовные и гражданские должности в этих местах. Его **[95]** особенно интересовала Кордова, где находилось главное хозяйство иезуитов и резиденция высшего должностного лица провинции. Иезуиты, направлявшиеся в миссии, изучали здесь язык и нравы страны, чтобы стать пастырями в поселках. Здесь можно было найти наиболее важные документы. Маркиз Букарели направил сюда надежного офицера, которого произвел в лейтенанты и поставил во главе вооруженного отряда. Оставалось привести в исполнение приказ короля. Это был самый ответственный момент. Арестовать иезуитов в поселениях на глазах у индейцев было рискованно; еще неизвестно было, как они к этому отнесутся; для проведения этой операции нужна была вооруженная сила. Наконец, прежде чем удалить иезуитов,

надо было выработать другую форму управления взамен существовавшей до сих пор и предупредить таким образом беспорядки в период безвластия.

Губернатор решил выждать и для начала сообщил в миссии, чтобы к нему немедленно выслали по одному коррехидору и по одному касику от каждого племени; здесь он ознакомит их с письмом короля. Он послал этот приказ срочно, так как хотел, чтобы индейцы были уже в дороге и за пределами миссионерского округа в Парагвае, прежде чем до них дойдет весть об изгнании иезуитов. Таким образом, он рассчитывал достигнуть двух целей: первая — получить заложников, которые гарантировали бы верность народа, когда иезуитов уже не будет; вторая — заручиться дружбой индейских вождей хорошим к ним отношением в Буэнос-Айресе. Кроме того, важно было выиграть время для ознакомления их с новым положением, согласно которому они будут пользоваться теми же привилегиями, как и другие подданные короля.

/Секрет чуть не был открыт из-за непредвиденного инцидента/ Все было организовано в глубокой тайне, и хотя было странно, что корабль из Испании прибыл специально для передачи пакета генералу и не доставил другой корреспонденции, никто не догадывался о подлинной причине этого. Для повсеместного выполнения плана был назначен день, когда все курьеры должны были успеть явиться к месту своего назначения; губернатор с нетерпением ожидал этого момента. В это время из Кадиса прибыли два испанских судна — «Андалуз» и «Авантуреро», что чуть было не нарушило все планы. Дело в том, что дон Букарели отдал приказ губернатору Монтевидео в случае прибытия каких-либо судов из Европы не разрешать экипажам общаться с кем бы то ни было. Но одно из этих судов, как мы уже говорили, потерпело крушение у входа в реку. Нужно было оказать ему помощь и спасать экипаж. **[96]**

Оба судна вышли из Испании, когда иезуиты уже были там арестованы, так что нельзя было помешать распространению этого известия. Офицер одного из этих судов тотчас же был послан к маркизу Букарели и 9 июля в десять часов вечера прибыл в Буэнос-Айрес.

/*Поведение генерал-губернатора*/ Губернатор не стал раздумывать: он приказал всем комендантам тех мест, куда были посланы пакеты, вскрыть их и немедленно выполнить содержащийся в них приказ. В два часа ночи курьеры были разосланы. Два дома иезуитов в Буэнос-Айресе были оцеплены войсками, к большому удивлению святых отцов, считавших, вероятно, когда их подняли с постелей, захватили их бумаги и объявили пленниками, что все это они видят во сне. На следующий день в городе был опубликован указ, который грозил смертью каждому, кто будет поддерживать торговлю с иезуитами; были арестованы пять негоциантов, которые якобы хотели предупредить иезуитов в Кордове.

/*Иезуиты арестованы во всех испанских городах*/ Столь же легко был выполнен приказ короля во всех других городах. Повсюду иезуиты были захвачены врасплох. После этого их вывели из занимаемых ими домов под конвоем, которому было приказано стрелять в каждого, кто попытается бежать. Но прибегать к этой крайности не было необходимости: святые отцы выказывали полное смирение перед карающей их десницей, считая, что своими грехами они заслужили наказание господне.

В конце августа больше ста иезуитов из Кордовы прибыло в Энсенаду, куда вскоре после них была отправлена следующая партия из Корриентеса, Буэнос-Айреса и Монтевидео. Их тотчас же посадили на суда, и первый конвой, как мы уже говорили, вышел в конце сентября. Очередная партия находилась в это время на пути к Буэнос-Айресу, чтобы оттуда отправиться дальше.

/Прибытие в Буэнос-Айрес коррехидоров и касиков/ 13 сентября в Буэнос-Айрес прибыли все коррехидоры и касики [67], каждый в сопровождении нескольких индейцев. Они выехали из миссий, не подозревая о причине вызова. Новость, которую они узнали в пути, произвела на них определенное впечатление, но они не осмелились нарушить приказ и продолжали свой путь. Единственным напутствием, которым святые отцы проводили в дорогу милых их сердцу неофитов, было не верить ничему, что будет говорить им генерал-губернатор. «Приготовьтесь, дети мои, — говорили они им, — услышать много лжи».

Как только они прибыли в Буэнос-Айрес, их направили прямо в губернаторство, и я присутствовал на их приеме. Они явились туда верхом на лошадях в количестве 120 человек и выстроились полукругом в два ряда; один испанец, **[97]** знающий язык гуарани, служил переводчиком. Губернатор вышел на балкон и приветствовал индейцев как желанных гостей. */Представление их генерал-губернатору/* Предложив им отдохнуть, он добавил, что намерен вырвать их из рабства и вернуть им имущество, которым они до сих пор не имели права пользоваться. Индейцы ответили хором, подняв правую руку к небу, и пожелали королю и губернатору всяких удач и процветания. Они не выражали недовольства; но на их лицах можно было прочесть скорее удивление, чем радость.

Когда индейцы покинули губернаторство, их проводили в дома иезуитов, где они жили и питались на казенный счет. Посылая им приказ, губернатор велел явиться также знаменитому касику Николасу, но ему ответили, что ввиду престарелого возраста и недомогания он не может приехать.

Когда я уезжал из Буэнос-Айреса, индейцев все еще не вызывали на аудиенцию к генералу. Губернатор хотел дать им время научиться немного языку и ознакомиться с

испанским образом жизни. Я посетил их несколько раз. Они производили впечатление людей вялых и апатичных от природы и сидели с тупым видом, словно попали в ловушку; но так как я не знал языка гуарани, то не мог определить степень их развития; я только слышал, как один касик, которого считали хорошим музыкантом, играл на скрипке сонату, однако впечатление было такое, что это звуки органчика, с помощью которого обучают птиц пению. Вскоре после их прибытия в Буэнос-Айрес, когда известие об изгнании иезуитов дошло до миссий, глава духовного ордена прислал маркизу де Букарели письмо, в котором заверял его в своей готовности подчиниться приказам короля и сообщал о покорности всех миссионерских поселков.

/Размеры миссии/ Миссии гуарани [68] и тапов [69] на реке Уругвай не были единственными, основанными иезуитами в Южной Америке. Дальше, на севере, они объединили и подчинили тем же законам мохосов, чикитосов и абипонов [70]. Новые миссионерские округа были созданы на юге Чили на берегу острова Чилоэ [71].

За несколько лет иезуиты проложили путь из Чили в Перу, проходящий через страну чикитосов, более короткий, чем тот, что был известен до сих пор. В странах, куда они проникали, обычно вывешивался на столбах девиз ордена; на составленной ими карте миссионерских округов места эти значатся под названием oppida christianorum [христианских городов]. При конфискации имущества иезуитов в этих провинциях можно было рассчитывать найти в их домах большие суммы денег; однако этого не оказалось. Магазины действительно были полны всякого рода товарами — как **[98]** местными, так и европейскими и такими, которые совсем не находят потребителя в этих провинциях. Количество рабов было очень значительным. Только в Кордовском хозяйстве их было 3500 человек.

Мое перо отказывается писать подробно обо всем том, что, по утверждению жителей Буэнос-Айреса, содержалось в захваченных у иезуитов бумагах; ненависть еще не улеглась, и чтобы отделить ложь от истины, я хочу сказать, что большая часть членов этого ордена не была посвящена в тайные и светские планы ордена. Не считая нескольких интриганов, большая часть истинно религиозных людей видела в уставе духовного ордена лишь благочестие его создателя и служила верой и правдой богу, которому себя посвятила.

Возвратившись во Францию, я узнал, что маркиз де Букарели выехал из Буэнос-Айреса в миссии 14 мая 1768 г. и не встретил там никакого сопротивления при выполнении королевского приказа. Приводимые ниже материалы, содержащие подробности о первых действиях по изгнанию иезуитов, дадут вам представление о том, как закончилось это интересное событие. Вот что произошло в миссионерском округе Япегу на берегу реки Уругвай, оказавшемся первым на пути испанского генерала и покорившемся ему; все остальные миссии последовали этому примеру.

Перевод письма капитана Майоркского гренадерского полка — командира одного из отрядов экспедиции в миссии Парагвая

«Япегу, 19 июля 1768 г.

Вчера мы благополучно прибыли сюда; нашему генералу был оказан великолепный прием, которого мы никак не Подробности ожидали со стороны населения, столь простого и мало привыкшего к подобному чествованию. */Подробности въезда генерал-губернатора в миссии/* Здесь есть духовная семинария с богатым церковным убранством, много изделий из серебра. Город немного меньше Монтевидео, но гораздо лучше спланирован и очень густо

населен. Дома здесь настолько похожи друг на друга, что, увидев один, вы уже как бы видели все остальные, так же, как, увидев мужчину или женщину, вы уже знаете всех жителей, так как в их одежде нет никакой разницы. Здесь много музыкантов, но все посредственные.

Как только мы прибыли в окрестности миссии, генерал приказал нам захватить главу иезуитского ордена и шестерых других священников и немедленно препроводить их в тюрьму. На днях они будут отправлены по реке Уругвай. Сначала предполагали, что они останутся в Сальто, где их будут держать до тех пор, пока остальных их собратьев **[99]** не постигнет та же участь, и рассчитывали остаться в Япегу пять или шесть дней, после чего продолжать путь до последней миссии. Мы очень довольны нашим генералом, который нас обеспечивает всевозможными свежими продуктами.

Вчера мы были в опере; сегодня тоже будет представление. Добрые люди делают все, что могут. Вчера мы видели знаменитого Николаса, которого так стремились заключить в тюрьму. Он в жалком состоянии и почти наг. Это семидесятилетний старик, который кажется вполне благоразумным. Генерал долго говорил с ним и, видимо, остался очень доволен беседой.

Вот все новости, которые я могу вам сообщить».

Отчет, опубликованный в Буэнос-Айресе о въезде дона Франсиско Букарели-и-Урсуа 18 июля 1768 г. в Япегу, одну из иезуитских миссий племени гуарани в Парагвае

«В восемь часов утра генерал-губернатор вышел из часовни Сен-Мартен, находящейся на расстоянии одного лье от Япегу. Его сопровождала гвардия гренадер и драгун. За два часа до этого отряды майоркских гренадер отделились, чтобы

наладить переправу через ручей Гуавирад, который надо было пересечь на плотах и шлюпках. Ручей находится в полулье от поселения.

Как только генерал-губернатор переправился через ручей, его встретили касики и коррехидоры со знаменосцем миссии Япегу, который нес королевский штандарт. Приняв все почести и приветствия, обычные в таких случаях, генерал-губернатор сел на коня, чтобы торжественно въехать в миссию. Шествие открыли драгуны; их сопровождали два адъютанта, шедшие впереди генерала. За ними следовали два отряда майоркских гренадер в сопровождении кортежа касиков и коррехидоров и множества всадников.

Все направились на большую площадь перед церковью. Как только генерал сошел с коня, генеральный викарий экспедиции дон Франсиско Мартинес встретил его на ступенях портала. Он проводил его до придела и запел молитву «Te Deum», которая была исполнена на языке гуарани. Во время этой церемонии артиллерия дала три залпа. Затем генерал отправился в предназначенную для него резиденцию в коллеже святых отцов, вокруг которого лагерем расположились войска; позже по его приказу они разошлись по назначенным для них помещениям».

Вернемся, однако, к рассказу о нашем путешествии, в котором переворот, происшедший в миссиях, был не самым интересным событием.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Выход из Монтевидео. — Плавание до мыса Вьерж. — Вход в Магелланов пролив. — Встреча с патагонцами. — Плавание к острову Сент-Элизабет

«...Nimborum in

patriam, loca foeta
furentibus ausiris...»

«...Мчится на
родину туч, над
безумными
Австрами
полный...»

*Вергилий. Энеида,
кн. 1-я*

/Переход транспорта «Этуаль» из Барагана в Монтевидео/ Ремонт транспорта «Этуаль» и погрузка на него всего необходимого заняли целый месяц и обошлись очень дорого. Лишь к концу октября мы смогли расплатиться с генеральным поставщиком и другими испанскими торговыми агентами. Я принял решение оплачивать счета из сумм, полученных мною за передачу Малуинских островов, а не выдавать векселя на королевское казначейство. Таким же образом я оплачивал все наши расходы во всех других иностранных портах, куда мы заходили. В результате все наши закупки обходились дешевле и доставлялись гораздо быстрее.

/Сложность этого перехода/ На рассвете 31 октября 1767 г. в нескольких лье от Энсенад я снова соединился с транспортом «Этуаль», который накануне вышел оттуда в Монтевидео. 3 ноября в 7 часов вечера мы стали там на якорь. Плавание от Монтевидео до Энсенада представляет некоторые трудности, так как приходится идти узким фарватером между банкой Ортис и другой небольшой на юге, причем ни на одной из них нет ограждения, а южный очень низкий берег виден лишь изредка.

/Гибель трех матросов/ Этот переход стоил жизни трем матросам: наша шлюпка попала под наш фрегат, в то время как тот делал поворот, и затонула; несмотря на все наши усилия, удалось спасти лишь двух человек и поднять шлюпку, фалинь которой не оборвался. С огорчением я увидел также, что подводная часть транспорта «Этуаль» и после ремонта дает течь; это внушало опасение, что весь корпус по ватерлинии плохо законопачен; корабль не имел течи, лишь когда его осадка не превышала 13 футов. **[101]**

/Мероприятия для выхода из реки Ла-Платы/ Несколько дней ушло на погрузку на фрегат «Будёз» максимального количества провианта и на переконопачивание его надводной части, чего мы не могли сделать заблаговременно, так как весь наш запас пакли ушел на ремонт транспорта; мы отремонтировали также шлюпку с транспорта, заготовили побольше травы для скота и перевезли на корабль все, что у нас оставалось на суше. 10 ноября весь день ушел на подъем стеньг и нижних рей и на обтягивание такелажа. Мы могли бы выйти в тот же день, но сели на мель. 11-го во время прилива суда снялись с мели, после чего стали на якорь близ входа на рейд, где значительные глубины. Два последующих дня непогода не позволила нам следовать дальше, но мы не теряли напрасно времени. Из Буэнос-Айреса пришла шхуна, груженная мукой, и мы приняли с нее 60 квинталов, хотя с трудом нашли место для этого груза. Теперь, после оплаты всех счетов, у нас было провизии на десять месяцев. Правда, большую часть напитков составляла водка. */Состояние экипажей при выходе из Монтевидео/* Все матросы были совершенно здоровы. В течение длительного пребывания на реке Ла-Плате треть матросов попеременно ночевала на берегу и постоянно питалась свежим мясом; теперь они были подготовлены к любым трудностям. Мне пришлось оставить в Монтевидео старшего рулевого, старшего плотника, старшего оружейника и одного из унтер-офицеров фрегата,

которым возраст и неизлечимые болезни не позволяли продолжать плавание. Кроме того, несмотря на принятые меры, с обоих кораблей дезертировало двенадцать матросов и солдат. На Малуинских островах я, правда, взял несколько моряков, которые были наняты в качестве рыбаков, а также одного офицера с торгового судна и врача-хирурга; таким образом, численность личного состава на кораблях была такая же, как и при выходе из Нанта, а с тех пор прошел уже год.

/Выход из Монтевидео/ 14 ноября в половине пятого утра при свежем северном ветре мы снялись с якоря и вышли из Монтевидео.

В 8 часов 30 минут мы находились на меридиане острова Флорес, а в полдень — в 12 лье к осту и к ост-тень-зюйду [101 1/4°] от Монтевидео; отсюда я взял свой отшедший пункт в широте 34°54' южной, долготе 58°57'30" западной от Парижа. Я считал действительное положение Монтевидео таким, каким его определил господин Веррон: его долгота оказалась на 40'30" западнее, чем указано на карте Беллена. */Астрономические определения места Монтевидео/* Я использовал также пребывание на берегу для того, чтобы определить поправки своего октанта по расстояниям до известных звезд; оказалось, что высоты звезд, измеренные этим инструментом, на 2" меньше истинных, и **[102]** с тех пор я всегда принимал в расчет эту поправку. Я здесь предупреждаю, что в своем описании путешествия даю положение берегов таким, каким его показывает компас; когда же я буду давать его с учетом склонения компаса, то буду это заранее оговаривать.

/Измерение глубин и плавание до Магелланова пролива/ В день нашего выхода мы видели землю до самого захода солнца; глубины все увеличивались, а грунт менялся: сначала попадался ил, а затем — песок. В 6 часов 30 минут была

определена глубина 35 саженей, грунт — серый песок; транспорт «Этуаль», которому я сигналом также приказал измерять глубины, сообщил 15 ноября после полудня глубину 60 саженей. В полдень мы определили с помощью астрономических наблюдений широту места 36°1'. С 16 до 21 ноября мы имели противные ветры, на море наблюдалось очень сильное волнение, и мы лавировали наиболее благоприятными галсами под четырьмя главными парусами, причем на марселях были взяты все рифы. На транспорте «Этуаль» были снесены брам-стеньги, а мы вышли в море со спущенными брам-стеньгами. 22 ноября мы выдержали шторм с грозой и шквалами, продолжавшийся всю ночь; море было ужасно. Транспорт «Этуаль» подал сигнал бедствия. Мы подождали его, оставив только фок и грот, взятые на гитовы. Нам показалось, что на транспорте «Этуаль» сломан фор-марса-рей. Утром следующего дня ветер и море утихли, и мы поставили паруса. 24 ноября я приказал подойти настолько близко к транспорту, чтобы можно было переговариваться с ним голосом и выяснить, какие у него повреждения. Командир «Этуаля» господин де ла Жироде ответил мне, что, помимо фор-марса-рея, на транспорте сорваны четыре вант-путенса и что, за исключением двух быков, погиб весь скот, погруженный в Монтевидео. Это несчастье касалось всех нас, что, однако, не могло служить для нас утешением: кто знал, когда мы сумеем пополнить такую потерю?

Весь остаток месяца дули переменные ветры — то юго-западные, то северо-западные, течения довольно быстро влекли нас к югу, но на параллели 45° южной широты стали уже нечувствительны для нас. Несколько дней подряд при измерении глубин лот не доставал грунта, и лишь 27 ноября вечером, приблизительно на параллели 47°, когда по нашему счислению мы находились в 35 лье от берегов Патагонии,

промер показал глубину 70 саженей, при грунте ил и мелкий серый и черный песок.

С этого дня мы все время встречали такой грунт на глубинах 67, 60, 55, 50, 47 и, наконец, 40 саженей, измеренных при помощи лота, вплоть до того момента, когда **[103]** показалась земля и мы впервые увидели мыс Вьерж. Грунт был иногда илистый, но мелкий песок — то серый, то желтый — был везде, изредка с примесью красного и черного гравия.

/Скала, не показанная на карте/ Я не хотел подходить к берегу слишком близко, пока не достигну параллели 49°, так как опасался одинокой скалы, которую видел в 1765 г. на параллели 48°34' южной широты, в 6—7 лье от берега. Я заметил ее утром, в тот самый момент, когда показалась земля; стояла прекрасная погода, и, измерив полуденную высоту солнца, я смог точно определить широту места. Мы прошли в 1/4 лье от этого камня; первый, кто заметил скалу, принял ее за дельфина-великана.

1 и 2 декабря дули благоприятные очень свежие северные ветры от норд-норд-оста [22 1/2°]. На море было сильное волнение и стоял туман. Днем мы форсировали парусами, а ночью шли под фоком и под марселями со взятыми на них нижними рифами. Все это время мы видели глупышей, орланов и, что во всех морях земного шара служит плохим предзнаменованием, алкионов, которые исчезают, когда море спокойно и небо ясно. Мы видели морских волков, пингвинов, а также множество китов. Некоторые из этих чудовищных животных, казалось, покрыты чешуей из тех белых и червеобразных существ, которыми буквально облеплены подводные части гниющих в портах кораблей. 30 ноября две белые птицы, похожие на больших голубей, сели на реи. Я как-то видел стаю таких же птиц в Малуинской бухте.

/Приход на вид мыса Вьерж/ 2 декабря после полудня мы усмотрели мыс Вьерж и оставили его к югу, приблизительно на расстоянии 7 лье. Я определил в полдень широту 52° южную и, таким образом, находился в широте 52°3'30" и в долготе 71°12'20" западной от Парижа.

/Его положение/ Это место корабля, сопоставленное с определением места по пеленгам, дает для мыса Вьерж такие координаты: широта 52°23' и долгота 71°25'20" западная от Парижа.

Ввиду того что мыс Вьерж является интересным в географическом отношении пунктом, я должен объяснить, что заставило меня предполагать, что положение его определено мною почти совершенно точно.

/Спор об определении положения мыса Вьерж/ 27 ноября после полудня шевалье дю Бушаж измерил восемь лунных расстояний, средний результат которых дал западную долготу корабля 65°0'30", на 1 час 43 минуты 26 секунд истинного времени; господин Веррон со своей стороны измерил 5 лунных расстояний, результат которых дал в это же время нашу долготу 64°57'. Погода была хорошая **[104]** и благоприятствовала наблюдениям. 29-го числа в 3 часа 57 минут 35 секунд истинного времени господин Веррон путем пятикратных измерений лунных расстояний определил западную долготу корабля 67°49'30".

Теперь, определив место корабля в виду мыса Вьерж и взяв за основу долготу, определенную 27 ноября путем осереднения результатов наблюдений шевалье дю Бушажа и господина Веррона, получим, что мыс Вьерж находится в долготе 71°29'42" западной от Парижа. Наблюдения 29-го после полудня, отнесенные к месту корабля в момент определения по пеленгам положения мыса Вьерж, дадут результат на 38'47" более к западу. Но мне кажется, что скорее нужно

принять за основу наблюдения от 27-го, так как они были произведены многократно двумя наблюдателями, которые не общались между собой, а между тем их результаты разнятся друг от друга только на 3'30" и кажутся настолько правдоподобными, что трудно их отвергнуть. Между прочим, если задаться целью получить среднее между определениями этих двух дней, то долгота мыса Вьерж составит 71°49'5", то есть всего лишь на 4 лье меньше, чем дает первое определение, почти совпадающее с местом мыса, полученным, по моему счислению, с разницею всего в 1 лье. Поэтому я придерживаюсь этих величин.

Эта долгота мыса Вьерж на 42'20" западнее указанной на карте Белленом, что совпадает с невязкой нанесения им же места Монтевидео; мы уже говорили о ней в начале этой главы.

На своей карте милорд Ансон [72] помещает мыс Вьерж в долготе около 75° к западу от Парижа, что является гораздо более значительной ошибкой, как и те, которые он допустил в отношении устья реки Ла-Платы и вообще всего побережья Патагонии.

/Отклонения, показываемые инструментами, предназначенными для определения долготы в море/
Наблюдения, о которых уже говорилось, были сделаны при помощи английского октанта. Способ определения долготы в море путем измерения лунных расстояний до солнца или до зодиакальных звезд известен уже много лет. Господа де ла Кай [73] и Дапре [74] применяли этот способ в море также при помощи октанта Хадли [75]. Но так как степень точности, которую можно получить при этом методе, зависит от точности прибора, которым производят наблюдения, то из этого следует, что гелиометр Бугера [76], пригодный для измерения больших углов, был бы вполне применим и для внесения большей точности в эти измерения лунных

расстояний. Аббат де ла Кай об этом, по-видимому, подумал, поскольку создал такой инструмент, **[105]** который может измерять дуги от 6° до 7°, и если он в своих трудах совсем не упоминает об этом инструменте, как о пригодном для использования в море, то только потому, что предвидит возникновение многих трудностей при пользовании им на корабле.

Господин Веррон взял с собою на корабль прибор, называемый мегаметром, которым он уже пользовался в других путешествиях, совершенных им вместе с господином де Шарньером [77], и который служил ему и в настоящем путешествии. Этот прибор, как нам показалось, ничем не отличался от гелиометра Бугера, разве только более длинным винтом, приводившим в движение объективы, позволяя им раздвигаться шире, и этим давал возможность измерять углы в 10°, что было пределом для мегаметра, который имелся на корабле у господина Веррона. Было бы желательно, чтобы, еще более удлинив винт, можно было еще шире раздвигать объективы, имеющие, по-видимому, слишком тесные границы раздвигания, что влияет на частоту и даже на точность измерений; однако законы диоптрики [78] ограничивают возможности раздвигания объективов; следовало бы также помочь господину аббату Кай ликвидировать те трудности, которые он испытывает при наблюдениях за определенным объектом.

В общем мне кажется, что можно было бы предпочесть инструмент Хадли, если бы этот инструмент давал такую же точность.

/*Затруднения, испытанные перед входом в Магелланов пролив*/ Со 2 декабря, когда после полудня мы усмотрели мыс Вьерж и вскоре после него Огненную Землю, встречный ветер и непогода несколько дней подряд препятствовали нашему продвижению вперед.

Сначала мы лавировали до 3—6 часов вечера, ожидая, что ветер станет попутным и позволит нам подойти к входу в Магелланов пролив. Ждать пришлось недолго. В половине восьмого ветер утих, наступил полный штиль, и берега окутались туманом. К 10 часам ветер посвежел. Ночь прошла в лавировке под парусами.

4 декабря в 3 часа утра ровный северный ветер погнал нас к земле, но, так как была туманная и дождливая погода и берег скоро скрылся из виду, пришлось снова лечь на другой галс и идти в открытое море. В 5 часов утра в момент прояснения мы увидели мыс Вьерж и спустились, чтобы войти в пролив. Но почти тотчас же ветер внезапно перешел в зюйд-вест [225°] и задул с большой силой. Туман сгустился, и нам пришлось привести к ветру и лавировать на правом и левом галсах между Огненной Землей и материком. **[106]**

4 декабря после полудня разорвало наш фок; почти в тот же момент лот показал всего 20 саженей глубины; опасаясь отмели, простирающейся на зюйд-зюйд-ост [157 1/2°] от мыса Вьерж, я решил убрать паруса, тем более что при таком маневре было легче заменить разорванный парус. Впрочем, измеренные глубины, заставившие меня спуститься, не должны были внушать опасений, так как показывали лишь глубину фарватера. Я узнал об этом позже, измерив глубину, когда земля была хорошо видна. */Замечания о характере грунта перед входом в пролив/* К сведению тех, кому придется здесь лавировать в пасмурную погоду, хочу добавить: грунт гравий означает, что вы находитесь ближе к Огненной Земле, чем к материку, у берегов которого обнаруживают мелкий песок, а иногда и ил.

В 5 часов вечера мы снова легли в дрейф под грот-стеньги-стакселем и апселем. В половине восьмого вечера ветер стих, погода прояснилась, и мы поставили, паруса, но все галсы лавировки были неблагоприятны, и мы уклонялись от берега.

Действительно, несмотря на то что день 5 декабря был хороший, а ветер попутный, мы увидели землю лишь в 2 часа пополудни, приблизительно в 10 лье от нас, между румбами зюйд-тень-вест [191 1/4°] и зюйд-вест-тень-вест [236 1/4°]. В 4 часа мы опознали мыс Вьерж и легли на курс с таким расчетом, чтобы пройти от него на расстоянии 1—2 лье. Подходить еще ближе было бы неосторожно, так как песчаная отмель, выступающая в открытое море, находится приблизительно на таком же расстоянии; я даже предполагаю, что мы прошли над оконечностью этой отмели, так как транспорт «Этуаль», шедший нам в кильватер и очень часто производивший измерение глубин, между двумя глубинами, в 25 и 17 саженей, сообщил сигналом о глубине в 8 саженей; вскоре глубина увеличилась.

/Навигационные замечания о входе в пролив/ Мыс Вьерж имеет ровную поверхность и небольшую высоту; оконечность его срезана отвесно. Вид мыса, приведенный в описании путешествия милорда Ансона, как нельзя более точно соответствует действительности.

В 9 часов 30 минут вечера северный входной мыс пролива остался от нас на запад; от него на расстоянии 1 лье в сторону открытого моря тянется гряда камней.

Мы шли, имея нижние паруса взятыми на гитовы, под фор-марселем со взятыми рифами до 11 часов вечера, пока мыс Вьерж не остался от нас на север. Задул очень свежий ветер, пасмурная погода предвещала грозу, что и побудило меня провести ночь в лавировке.

6-го на рассвете я приказал отдать рифы марселей и взял курс на вест-норд-вест [292 1/2°]. Мы увидели землю **[107]** лишь в половине пятого, и нам показалось, что течение увлекло нас на зюйд-зюйд-вест [202 1/2°]. В половине шестого, будучи на расстоянии почти в 2 лье от континента,

мы опознали по румбам вест-тень-норд [281 1/4°] и вест-норд-вест [292 1/2°] мыс Поссесион. Мыс этот очень приметен. Это крайняя оконечность земли, выступающая в пролив после северного входного мыса. Он лежит гораздо южнее, чем остальная часть берега, которая образует затем между этим мысом и первым узким проливом большое углубление, названное заливом Поссесион. Мы видели также берега Огненной Земли. Вскоре ветер, бывший до сих пор довольно благоприятным, снова принял свое обычное направление между румбами норд [0°] и норд-вест [315°]; мы стали лавировать, выбирая наиболее выгодные галсы, чтобы войти в пролив; стараясь приблизиться к патагонскому берегу, мы воспользовались приливо-отливным течением, которое шло тогда на запад.

В полдень мы взяли высоту солнца, и в результате одновременного пеленгования широта мыса Вьерж совпала с точностью до одной минуты с той широтой, которую я определил во время своего наблюдения 3-го числа этого месяца. Мы воспользовались также результатами этого наблюдения для уточнения широты мыса Поссесион и мыса Сент-Эспри на Огненной Земле.

Весь день 6 декабря и ночь на 7 декабря мы продолжали лавировать под четырьмя главными парусами. Ночь была светлая, и мы часто бросали лот, не отдаляясь более чем на 3 лье от берегов континента. Мы мало выиграли в этих трудных маневрах, так как приливные и отливные течения отнимали у нас все, чего мы успевали добиться. 7 декабря в полдень мы все еще были у мыса Поссесион. */Описание мыса Оранж/* Мыс Оранж оставался у нас на зюйд-вест [225°] на расстоянии около 6 лье. Этот мыс, известный своим песчаным, довольно высоким и усеченным со стороны моря остроконечным холмом, образует на юге вход в Первый пролив (Расстояние от мыса Вьерж до входа в Первый пролив составляет приблизительно 14—15 лье; пролив имеет всюду

ширину от 5 до 7 лье. Северное побережье до мыса Поссесион — ровное, мало возвышенное и безопасное. Следует остерегаться отмели, которая начинаясь от этого мыса, занимает большую часть одноименной бухты. Когда четыре скалы на берегу, которые я назвал «Четыре сына Аймона» [79], состворятся и образуют форму ворот, это означает, что корабль находится на траверзе этой отмели). */Отмель мыса Оранж/* Оконечность мыса опасна, так как на норд-ост [45°] от нее тянется на 3 лье в открытое море мелководная отмель. Я совершенно отчетливо видел буруны над нею. В час дня ветер **[108]** перешел на норд-норд-вест [337 1/2°], и мы воспользовались им, чтобы лечь на благоприятный курс.

В половине третьего мы достигли входа в Первый пролив. Здесь нас ожидало другое препятствие: несмотря на хороший свежий ветер и полностью поставленные паруса, мы никак не могли преодолеть силы приливо-отливного течения. В 4 часа оно направлялось со скоростью около 2 лье вдоль нашего борта, и нас сносило назад. Напрасно мы упорствовали в борьбе. Ветер был не так постоянен, как мы, и пришлось вернуться вспять. Мы боялись очутиться в Первом проливе во время безветрия, во власти приливо-отливных течений, которые могли выбросить нас на отмели восточного и западного входных мысов.

/Якорная стоянка в бухте Поссесион/ Мы правили на норд-тень-ост [11 1/4°] с целью найти подходящую якорную стоянку в глубине бухты Поссесион, когда транспорт «Этуаль», находившийся ближе к берегу, чем мы, внезапно с глубины в 25 саженей оказался на глубине 5 саженей, вследствие чего и мы повернули через фордевинд на ост [90°], чтобы уйти от мелководья, которое, казалось, распространялось как на внутреннюю часть бухты, так и на всю окружность. В течение некоторого времени мы находили только грунт камень или гравий, и лишь в 7 часов вечера стали на якорь на глубине 20 саженей, приблизительно в 2

лье от берега, где грунт илистый песок с черным и белым гравием.

Бухта Поссесион открыта для всех ветров и представляет лишь плохую якорную стоянку. В глубине бухты возвышаются пять песчаных холмов, из которых один довольно значительный, а другие — небольшие и остроконечные. Они служат важным ориентиром в этой части пролива. Мы их назвали «Отец и четыре сына Аймона». Ночью мы вели промер при различных уровнях прилива и отлива и не обнаружили заметной разницы в измеренных глубинах. В половине девятого вечера приливо-отливное течение повернуло на запад, а в 3 часа утра — на восток.

/Проход Первым проливом/ 8 декабря утром мы пустились в путь под четырьмя главными парусами, взяв по два рифа на каждом марселе. Приливное течение было для нас неблагоприятно, но мы пошли против течения, воспользовавшись ровным свежим северо-западным ветром (При необходимости войти в Первый пролив следует огибать мыс Поссесион приблизительно на расстоянии 1 лье, затем взять курс на зюйд-зюйд-вест [202 1/2°], остерегаясь подаваться слишком на юг из-за отмели, которая тянется от мыса Оранж более чем на 3 лье в направлении норд-норд-ост — зюйд-зюйд-вест [22 1/2—202 1/2°]). В 8 часов ветер изменил **[109]** направление, и нам пришлось лавировать, временами подвергаясь резким порывам ветра. В 10 часов, так как приливо-отливное течение начало сносить нас на западе большой силой, мы легли в дрейф под марселями у входа в Первый пролив и позволили течению относить нас на ветер, поворачивая на другой галс, когда оказывались слишком близко от одного или другого берега. Таким образом, мы прошли Первый пролив (Направление Первого пролива норд-норд-ост — зюйд-зюйд-вест [22 1/2°— 202 1/2°]; длина его не превышает трех лье, ширина меняется от 1 до 1,5 лье. Я предостерегаю о наличии отмели у мыса Оранж.

Выйдя из Первого пролива, увидим две другие, меньшей протяженности, у каждого из его мысов. Они обе имеют направление на зюйд-вест [225°]. В Первом проливе большая глубина.) за два часа, несмотря на очень сильный встречный ветер.

/*Появление патагонцев* [80]/ В глубине бухты Поссесион патагонцы всю ночь поддерживали огни, а утром вывесили на возвышенности белый флаг, на что мы ответили поднятием таких же флагов на наших кораблях. Это, вероятно, были те самые патагонцы, которых видели матросы с транспорта «Этуаль» в июне 1766 г. в бухте Буко и которым флаг был оставлен в знак дружбы.

То, что они позаботились его сохранить, свидетельствовало о верности этих славных людей своему слову или во всяком случае о благодарности за сделанные им подарки.

/*Жители Огненной Земли* [81]/ Когда мы были в заливе, то ясно видели на Огненной Земле группу человек в двадцать. Они были одеты в шкуры ценной и бежали со всех ног за нами вдоль берега. Время от времени они, казалось, делали нам какие-то знаки руками, как бы приглашая к себе. По сообщениям испанцев, народ, обитающий в этой части Огненной Земли, не отличается жестокими нравами. Они приняли с большой гуманностью экипаж испанского линейного корабля «Консепсьон», разбившегося в 1765 г. у их берегов; они даже помогли спасти часть груза и построить сараи, чтобы сохранить его. Из остатков своих кораблей испанцы построили парусный барк и отправились на нем в Буэнос-Айрес. Этим-то индейцам шхуна «Андалуз» и везла миссионеров, когда мы выходили из реки Ла-Платы. Круги воска из груза погибшего корабля течениями занесло даже до берегов Малуинских островов, где их находили в 1766 г.

/*Якорная стоянка в бухте Буко*/ Как уже известно, в полдень мы вышли из Первого пролива и пошли под парусами. Ветер дул с юга, и приливо-отливное течение продолжало сносить нас на запад. В 3 часа мы лишились и ветра и прилива и были вынуждены **[110]** встать на якорь в бухте Буко на глубине 18 саженей; грунт — ил.

/*Встреча с патагонцами*/ Как только мы бросили якорь, я приказал спустить на воду одну из моих шлюпок и одну с транспорта «Этуаль». На шлюпках было десять офицеров, вооруженных ружьями. Мы высадились в глубине бухты, в целях предосторожности оставив шлюпки с гребцами на воде. Как только мы ступили на сушу, к нам галопом подскакали на лошадях шесть патагонцев. В пятидесяти шагах от нас они спешились и побежали нам навстречу с криками «шауа» [82]. Они протягивали руки, сжимали нас в объятиях, громко выкрикивая «шауа», «шауа», и мы повторяли это слово за ними. Эти славные люди, по-видимому, очень радовались нашему прибытию. Двое из них дрожали, приближаясь к нам, но скоро успокоились. После взаимных приветствий мы принесли из шлюпок сухари и немного свежего хлеба и разделили среди них; они ели с жадностью. С каждой минутой число их росло. Вскоре собралась толпа человек в тридцать. Среди них было несколько молодых людей и один ребенок 8—10 лет. Все подходили к нам доверчиво, с теми же приветствиями, что и первая группа. Они не выражали никакого удивления при виде нас и, подражая звуку ружейного выстрела, дали нам понять, что это оружие им уже знакомо. Они внимательно следили за тем, что нам может понравиться. Господин де Коммерсон и некоторые из наших офицеров стали собирать растения; несколько патагонцев также принялись за это занятие и приносили нам такие же травы, какие рвали мы. Один из них, заметив за этим занятием шевалье дю Бушажа, показал ему на свой больной глаз, спрашивая его знаками, не может ли он ему указать

растение, которое его вылечит. Значит, они имеют представление о лекарственных свойствах трав. Это была медицина Макаона [83], целителя богов; среди канадских индейцев имелся также не один такой Макаон.

Мы обменяли несколько безделушек, драгоценных на их взгляд, на шкуры гуанако [84] и вигони [85]. Они знаками просили нас дать им курительного табаку; и, по-видимому, им очень нравился красный цвет: как только они замечали на нас что-либо красное, то сейчас же поднимали руку вверх и проявляли большое желание иметь эту вещь. Кстати, каждая вещь, которую мы им дарили, малейшая любезность с нашей стороны вызывали оглушительные крики, и снова начиналось бесконечное «шауа». Мы решили дать им водки, каждому не больше одного глотка. Проглотив свою порцию, они постукивали себя рукой по горлу и издавали какой-то нечленораздельный звук, **[111]** который заканчивали, вытягивая губы. Все проделали одну и ту же церемонию; это показалось нам забавным.

Между тем приближался вечер, и пора было подумать о возвращении на корабль. Как только они увидели, что мы собираемся уезжать, они огорчились, стали делать нам знаки, чтобы мы подождали, так как скоро должны подойти еще люди. Мы старались объяснить им, что вернемся на следующий день и принесем им все, что они захотят; но патагонцы настаивали, чтобы мы ночевали на берегу. Когда они поняли, что мы все же уходим, то проводили нас до самого берега. Во время этого шествия один из патагонцев пел. Некоторые вошли в воду по колено, чтобы подольше побыть с нами. Но когда мы подошли к шлюпкам, пришлось внимательно следить за ними. Они хватали все, что им попадалось под руку. Один из них завладел серпом; когда это было замечено, он немедленно вернул его. Отходя, мы видели, как во весь опор мчались к берегу новые группы

патагонцев. На прощание мы не преминули затянуть «шауа», на что раздался ответный крик с берега.

/Описание этих американцев/ Это были те самые американцы, которых экипаж транспорта «Этуаль» видел в 1766 г. Один из матросов, находившийся тогда на транспорте, узнал одного патагонца; он запомнил его во время первого посещения этой земли. Патагонцы высокого роста; среди тех, которых мы видели, не было ни одного ниже 5 футов и 5—6 дюймов и выше 5 футов 9—10 дюймов. Мне показались гигантскими ширина их плеч, величина головы и толщина рук и ног. Они сильны и хорошо упитаны, их нервы крепки, тело выносливо. Живя на лоне природы и хорошо питаясь, эти люди достигали исключительного физического развития. Нельзя сказать, что их лица неприятны или жестоки, они круглы и несколько плоски; некоторые из них даже красивы. Глаза живые, быстрые; их зубы исключительной белизны, но в Париже они показались бы слишком большими; длинные черные волосы завязаны на макушке. У некоторых из них длинные, но не очень густые усы. Цвет лица бронзовый, и в этом отношении они не составляют исключения по сравнению со всеми американцами, живущими как в жарком поясе, так и в умеренных и холодных странах. У некоторых щеки окрашены в красный цвет; их речь показалась нам мягкой, и вообще ничто в них не могло служить признаком жестокости. Нам не удалось видеть их женщин; возможно, они собирались прийти, так как американцы все время просили нас подождать; они послали одного из своих людей к большому костру, около которого на расстоянии 1 лье от места, где мы **[112]** находились, по-видимому, был расположен их лагерь; они показывали нам, что кто-то должен оттуда прийти.

Одежда этих патагонцев почти такая же, как у индейцев с реки Ла-Платы: широкие кожаные штаны и большой плащ из шкуры гуанако или суриллос, закрепленный вокруг талии

поясом; плащ спускается почти до пят, при этом обычно та часть плаща, которая покрывает плечи, забрасывается назад, так что, несмотря на суровый климат, верхняя часть тела до пояса почти всегда обнажена. Привычка, очевидно, сделала их нечувствительными к холоду. Хотя мы были здесь летом, термометр Реомюра только один раз поднялся до 10° выше нуля. На ногах у них нечто вроде башмаков из лошадиной кожи, открытых сзади. На двух или трех патагонцах я видел ниже колен медные обручи шириной около двух дюймов. Некоторые из наших офицеров обратили также внимание на то, что многие молодые патагонцы носят стеклянные бусы.

Единственное оружие, которое мы у них видели, — это два круглых камня, привязанных к концам плетеного из жил ремня, похожего на те, которыми обычно пользуются в этой части Америки. У них имелись также маленькие железные ножи с лезвием от 1 1/2 до 2 дюймов ширины. Эти ножи, явно английского производства, были, очевидно, получены от английского мореплавателя Байрона. Лошади патагонцев, маленькие и очень худые, были оседланы и взнузданы так же, как это делают обитатели берегов Ла-Платы. У одного патагонца было седло, украшенное золотыми гвоздиками, деревянные стремена, покрытые медными пластинками, уздечка из кожи.

Главная их пища — это, кажется, мозг гуанако и вигони. У некоторых из них были привязаны к лошадям куски мяса, и мы видели, как они ели его сырым. Они имели с собою и собак — маленьких и некрасивых, которые, так же как и люди, пьют морскую воду. Пресная вода очень редко попадается на побережье и даже на остальном пространстве суши.

У нас создалось впечатление, что у них нет начальников: двум или трем старикам, бывшим в их группе, не оказывали никаких знаков уважения. Весьма примечательно, что

некоторые из них обратились к нам со следующими испанскими словами: «Magnana, muchacho, bueno chico, capitan» [86].

Я думаю, что это племя ведет такой же образ жизни, как и татары: кочуя по необозримым равнинам Южной Америки, мужчины, женщины и дети не слезают с лошадей, преследуя дичь или бродящий здесь скот. Укрываясь **[113]** шкурами зверей и ночуя в кожаных шатрах, они имеют еще одну общую с ними черту: грабят путешественников.

Закончу это описание тем, что мы впоследствии встретили в Тихом океане народ еще более рослый, чем патагонцы.

/Качества почвы этой части Америки/ Земля, на которой мы высадились, очень сухая, похожая на малуинскую. Ботаники обнаружили здесь почти такую же растительность. Побережье окаймлено теми же водорослями — фукусом пузырчатым; оно усеяно теми же раковинами. Здесь также нет леса — только несколько видов кустарников. */Замечания по поводу приливов в этой части пролива/* Когда мы стали на якорь в бухте Буко, приливное течение только начинало принимать неблагоприятное для нас направление, а за время нашего пребывания на суше было замечено, что уровень воды поднимается; следовательно, поток воды шел на восток. Этот вывод мы имели возможность сделать с уверенностью несколько раз за время нашего плавания; когда я заметил это явление впервые, оно меня поразило. В половине десятого вечера отливное течение повернуло на запад. Мы измерили глубину в промежуток между приливом и отливом, и она оказалась равной 21 сажени, а когда мы становились на якорь, глубина составляла только 18 саженей.

/Вторая постановка на якорь в бухте Буко/ 9 декабря в половине пятого утра при северо-западном ветре мы вышли из залива под всеми парусами и пошли против течения, взяв

курс на зюйд-вест-тень-вест [236 1/4°]; но едва мы прошли 1 лье, как ветер перешел на зюйд-вест [225°]. Мы снова бросили якорь на 29 саженях глубины; грунт — песок, ил и гнилая ракушка. Плохая погода продержалась весь этот и следующий день. За время небольшого пути, который мы успели проделать, корабль удалился от берега, и не было ни одной минуты, когда можно было бы спустить шлюпку на воду. Патагонцы, вероятно, были огорчены этим не меньше нашего. Мы видели толпы собравшихся у места, где мы высадились в первый раз, и могли различить в подзорную трубу, что они разбили несколько шатров. Однако я думаю, что их главный лагерь был гораздо дальше, потому что всадники беспрестанно носились туда и сюда. Мы очень сожалели, что не могли привезти им то, что обещали: ведь так легко было удовлетворить их без больших затрат.

/*Определение долготы*/ Изменения величины приливов составляли здесь разницу в глубине всего в 1 сажень. 10 декабря, измеряя расстояния между Луной и Регулусом, астроном Веррон установил нашу западную долготу на этой стоянке в 73°26'15" и долготу восточного входа во Второй пролив 73°34'30". **[114]**

Термометр Реомюра показал понижение температуры с 9° до 8°, а потом и до 7°.

/*Потеря якоря*/ 11 декабря в половине первого ночи, так как ветер перешел на северо-восточный, а течение шло на запад в продолжение часа, я дал сигнал к отплытию. Но тщетно старались мы выбрать якорь, помогая даже талями из белого несмоленого троса. В 2 часа утра якорный канат оборвался между битенгом и клюзом, и мы потеряли наш якорь. /*Проход Вторым проливом*/ Мы пошли под всеми парусами и тотчас же почувствовали враждебную силу приливного течения, против проливом которого едва могли удерживаться при слабом северо-западном ветре, хотя течение во Втором

проливе было не так уж сильно, как в Первом. Начавшийся в полдень отлив пришел нам на помощь, и мы прошли Второй пролив (От выхода из Первого пролива до входа во Второй, вероятно, около 6—7 лье, а ширина этого водного пространства также около 7 лье. Направление Второго пролива норд-ост-тень-ост — зюйд-вест-тень-вест [56 1/4°—236 1/4°]. Его ширина около 1,5 лье, а длина — от 3 до 4 лье). К 3 часам пополудни ветер переменился с весьма свежего от зюйд-зюйд-веста [202 1/2°] на порывистый с дождем от зюйд-зюйд-оста [157 1/2°] (Проходя Второй пролив, следует держаться побережья Патагонии, потому что у выхода из пролива приливо-отливные течения сносят на юг, и нужно остерегаться отмели, которая берет свое начало у оконечности острова Сен-Жорж и тянется на вест-норд-вест [292 1/2°]). */Якорная стоянка близ Сент-Элизабет/* Двумя галсами мы достигли якорной стоянки у северной части острова Сент-Элизабет и стали на якорь в двух милях от берега острова на семи саженях глубины, грунт — серый песок, гравий и гнилая ракушка. Транспорт «Этуаль» стал на якорь в 1/4 лье на юго-восток от нас на 17 саженях глубины.

Противный ветер, сопровождавшийся свирепыми шквалами, дождем и градом, заставил нас провести здесь 11 и 12 декабря. 12 декабря после полудня мы спустили шлюпку, чтобы отправиться на остров Сент-Элизабет (Остров Сент-Элизабет створится по румбу норд-норд-ост — зюйд-зюйд-вест [22 1/2°— 202 1/2°] с западным мысом Второго пролива, находящимся на территории Патагонии. Острова Сен-Бартелеми и Лион лежат друг от друга и от западного мыса Второго пролива у острова Сен Жорж также по румбу норд-норд-ост — зюйд-зюйд-вест [22 1/2°— 202 1/2°]), и высадились в северо-восточной его части.

Берега острова высокие, за исключением юго-западной и юго-восточной оконечностей, где они понижаются. Однако пристать к берегу можно в любом месте, так как внизу под

гористой местностью имеется небольшая песчаная прибрежная полоса. Описание Территория острова сильно иссушена. Мы нашли воду острова только в маленьком пруду в юго-западной части его, но **[115]** она была солоноватой. Мы видели также несколько высохших болот, где земля во многих местах покрыта налетом соли. Встретилось нам несколько дроф, настолько диких, что никак нельзя было к ним приблизиться на расстояние выстрела, хотя они сидели на яйцах.

Кажется, патагонцы посещают этот остров. Мы нашли там труп собаки, следы огня и раскрытые раковины. Здесь нет леса, и разжечь костер можно только из низкорослого кустарника. Мы даже собрали его, опасаясь, что придется заночевать на этом острове, где непогода задержала нас до 9 часов вечера и где нельзя было найти ни хорошего ночлега, ни пищи. В течение двух дней, которые мы здесь провели, термометр показывал от 8 1/2 до 7 1/2° и даже до 7° по Реомюру.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Плавание от острова Сент-Элизабет до выхода из Магелланова пролива. — Навигационные подробности этого плавания

/Трудности плавания вдоль острова Сент-Элизабет/ Мы вышли в ту часть Магелланова пролива, где берега покрыты лесом, и могли считать, что первые трудности уже позади. Лишь 13 декабря после полудня задул северо-западный ветер, и, несмотря на его штормовой характер, мы снялись с якоря и вошли в проход, отделяющий остров Сент-Элизабет от острова Сен-Бартелеми и Лион (Остров Сен-Бартелеми и Лион соединены между собой отмелью. Имеются еще две отмели: одна на зюйд-зюйд-вест [202 1/2°] от острова Лион, другая на норд-норд-ост [22 1/2°] от острова Сен-Бартелеми,

на расстоянии одного или двух лье друг от друга, эти три отмели и оба острова составляют одну цепь; между нею и островом Сент-Элизабет проходит фарватер, ведущий дальше по Магелланову проливу; начальная точка этого фарватера определяется пеленгами ост-зюйд-ост [112 1/2°] на остров Сен-Бартелеми и вест-норд-вест [292 1/2°] на остров Сент-Элизабет. Направление фарватера норд-норд-ост — зюйд-зюйд-вест [22 1/2°— 202 1/2°].

Я не думаю, что имеется проход к югу от островов Сен-Бартелеми и Лион, так же как между островом Сент-Элизабет и материком).

Приходилось приводить к ветру из-за почти непрерывно налетавших жестоких шквалов с возвышенностей острова Сент-Элизабет, которого мы вынуждены были придерживаться, чтобы избежать отмелей, окружающих два других острова (От выхода из Второго пролива до северо-восточного мыса острова Сент-Элизабет около четырех лье. Остров Сент-Элизабет тянется с зюйд-зюйд-веста на норд-норд-ост [292 1/2°— 22 1/2°] и имеет в длину приблизительно 3,5 лье. Проходя по фарватеру, следует держаться ближе к берегам этого острова. От юго-западного мыса острова Сент-Элизабет до мыса Нуар не больше одного лье).

Приливное течение в проходе имело направление на юг и показалось нам очень сильным. Мы взяли курс на материк, пониже мыса Нуар; здесь начинается лесистый **[117]** берег, имеющий очень живописный вид. Берег идет на юг, и приливное течение там не так заметно.

/1767 г., декабрь/ Очень свежий шквалистый ветер дул до 6 часов вечера, затем он утих до умеренного. Мы продолжали идти на расстоянии 1 лье от берега. Была тихая, ясная погода, и мы надеялись за ночь обогнуть мыс Ронд, */Плохая погода, ужасная ночь/* чтобы на случай непогоды иметь на

подветренной стороне от нас бухту Фамин, но тщетно: в половине первого ночи ветер внезапно переменился на юго-западный, берега затянуло пеленой тумана, и снова на нас обрушился шквалистый ветер с дождем и градом; погода ухудшалась столь стремительно, что та, которая была лишь минуту тому назад, уже казалась нам прекрасной. Такова особенность здешнего климата: погода меняется с такой быстротой, что предвидеть ее внезапные и опасные изменения невозможно; так как наш грот порвало на гитовах, мы вынуждены были лавировать, имея поставленными фок, грот-стеньги-стаксель и марсели, на которых были взяты все рифы, чтобы попытаться обогнуть оконечность мыса Сент-Анн и укрыться в бухте Фамин.

Нам нужно было продвинуться всего лишь на одно лье на ветер, но это никак не удавалось. Как ни коротки были галсы, на которые нам приходилось ложиться, поворачивая через фордевинд, и как ни стремительно было течение, увлекавшее нас в большую бухту Огненной Земли, мы потеряли 3 лье за девять часов этого злополучного плавания. Надо было решиться искать вдоль берега якорную стоянку, которая находилась бы под ветром.

/Якорная стоянка в бухте Дюкло/ Мы приближались к берегу, не выпуская из рук лота; к 11 часам утра мы отдали якорь в миле от берега, где глубина была 8 1/2 саженей, а грунт илистый песок, в бухте, названной мною именем Дюкло (От мыса Нуар побережье тянется на зюйд-зюйд-ост [157 1/2°] до северного мыса бухты Дюкло, который расположен приблизительно в 7 лье от него. Напротив бухты Дюкло на Огненной Земле имеется громадная бухта, и я подозреваю, что это и есть тот самый проход, который выходит восточнее мыса Горн. Мыс Монмоут является ее северным мысом) в честь моего помощника капитана 2 ранга господина Дюкло-Гюйо, познания и опыт которого оказали мне большую помощь.

/Описание бухты Дюкло/ Бухта Дюкло открыта на восток и незначительно вдается в берег. Ее северный мыс выступает немного дальше, чем южный, а расстояние между ними, вероятно, не превышает 1 лье. Повсюду в бухте хороший грунт; глубины здесь от 6 до 8 саженей на расстоянии одного кабельтова от берега. Эго превосходная якорная стоянка, так как господствующие в этих местах сильные западные ветры дуют со **[118]** стороны берега, который здесь очень высок. Две небольшие речки впадают в бухту; вода в их устье имеет солоноватый вкус, но в пятистах шагах выше она уже хороша. Вдоль песчаной береговой полосы, где можно высадиться, расстилается что-то вроде прерии, за ней амфитеатром подымаются леса, но дичи здесь почти нет. Мы обошли обширное пространство земли и видели, лишь двух-трех бекасов и болотных куликов, а также небольшое количество чирков-коростельков, уток и дроф. Мы заметили также несколько попугайчиков, которых никак не думали встретить в таком холодном климате.

У устья более южной речки мы обнаружили семь хижин, сооруженных из ветвей деревьев. Хижины были построены, вероятно, совсем недавно и наполнены грудами ракушек, превратившихся в известь, съедобными ракушками и морскими уточками. Мы поднялись на значительное расстояние вверх по реке и видели следы людей. За время, которое мы провели на берегу, уровень воды в море повысился на 1 фут, а приливное течение шло со стороны моря, с востока, — наблюдение, обратное тем, которые мы производили начиная от мыса Вьерж, так как до сих пор уровень воды повышался лишь в случае, когда течение выходило из пролива.

/Новое наблюдение над приливами/ Судя по моим многочисленным наблюдениям, после того как пройдешь узкие проливы, регулярность приливов и отливов нарушается во всей той части Магелланова пролива, которая имеет

меридиональное направление. Вероятно, такое отклонение является результатом того, что Огненная Земля изрезана множеством проходов. На протяжении двух дней, пока стояли мы здесь на якоре, термометр показывал от 8° до 5°. 15 декабря в полдень мы определили широту места: 53°20'; в этот день мы не смогли выйти, так как на море был штиль, и заняли наших матросов рубкой леса.

/*Навигационные замечания*/ С наступлением ночи облака, казалось, стали перемещаться на запад, что предвещало нам попутный ветер. Мы подтянули якорный канат до панера, и, действительно, 16 декабря в 4 часа утра подул легкий ветер, при этом как раз с той стороны, откуда его ждали, и мы снялись с якоря. Небо, правда, было закрыто облаками, и, как обычно в этих водах, восточный и северо-восточный ветры принесли туман и дождь. Мы прошли мыс Сент-Анн (От бухты Дюкло до мыса Сент-Анн около пяти лье; направление побережья зюйд-ост-тень-зюйд [146 1/4°]: приблизительно такое же расстояние между мысом Сент-Анн и мысом Ронд, которые взаимно расположены по румбу норд-норд-ост—зюйд-зюйд-вест [22 1/2°—202 1/2°]) и мыс **[119]** Ронд (От Второго пролива до мыса Ронд ширина Магелланова пролива колеблется от 5 до 7 лье. У мыса Ронд пролив суживается, и ширина его там не превышает 3 лье). Первый из них представляет собой ровную поверхность средней высоты и прикрывает глубокую бухту, где якорная стоянка надежна и удобна. В память о несчастной судьбе колонии Филиппвиль, основанной здесь в 1581 г. Сармиенто [87], бухта получила название Фамин [88]. Мыс Ронд — это возвышенность, имеющая форму, которая объясняет его название. Берега пролива здесь очень обрывистые и на всем протяжении покрыты лесом; берега Огненной Земли изрезаны несколькими проливами. Вид берегов внушает страх, горы покрыты голубоватым снегом, древним, как мир. Между мысом Ронд и мысом Форвард имеется четыре бухты, в

которых можно стоять на якоре. Две из них разделены мысом, своеобразие которого привлекало наше внимание и заслуживает специального описания.

/*Описание приметного мыса*/ Этот мыс, возвышающийся на 150 футов над уровнем моря, состоит целиком из горизонтальных пластов окаменелых ракушек. Я измерил лотом со шлюпки глубину у подножия этого великана, свидетельствующего о больших изменениях, происшедших на земном шаре, и не достал дна даже при помощи лотлиня длиной в 100 саженей. Ветер приблизил нас на расстояние 1 1/2 лье от мыса Форвард; потом внезапно наступил штиль, который длился два часа. Я воспользовался этим, чтобы отправиться на небольшой шлюпке для осмотра окрестностей мыса и чтобы промерить глубины и взять пеленги для определения места. Мыс Форвард является самой южной оконечностью Америки и всех известных материков. Проведя точные определения места, мы установили его южную широту: 54°5'45". Этот мыс представляет собой участок суши длиной около 3/4 лье с двумя вершинами, из которых восточная выше западной. Возле мыса почти бездонная глубина; однако в небольшой бухточке с довольно большим ручьем, находящимся между двумя вершинами, можно стоять на якоре на глубине 15 саженей, грунт — песок и гравий; но пользоваться этой стоянкой следует лишь в крайнем случае, так как она не защищена от южных ветров. /*Описание мыса Форвард*/ Весь мыс — это скалистый утес, круто обрывающийся вниз, с пикообразной вершиной, покрытой снегом. Тем не менее на нем кое-где растут деревья, корни которых питаются вечной влагой из расщелин. Мы высадились у подножия мыса на маленький скалистый выступ, где с трудом могли разместиться четыре человека. На этой точке, которой **[120]** кончается или начинается обширный материк, мы водрузили флаг нашего корабля, и впервые эти дикие места огласил клич: «Да

здравствует король!». Отсюда мы взяли пеленг мыса Холланд по румбу вест-4°-к норду [279°]; следовательно, отсюда береговая линия начинала поворачивать на север.

/Якорная стоянка в бухте Франсуаз/ Мы вернулись на корабль в 6 часов вечера, а несколько позже, так как ветер перешел на юго-восток, я решил найти бухту, названную господином де Женом [89] Франсуаз [90].

В 8 часов 30 минут мы бросили там якорь на глубине 10 саженей, при грунте песок с гравием, имея один из входных мысов бухты по пеленгу норд-ост-тень-ост-5°-к норду [52 1/4°], второй по пеленгу зюйд-5°- к весту [185°] и островок посередине бухты по пеленгу норд-ост [45°]. Ввиду того что нам необходимо было запастись водой и лесом для перехода через Тихий океан, а последний отрезок пути в проливе мне был незнаком, потому что в первом путешествии мы дошли как раз до бухты Франсуаз, я решил в ней остановиться, тем более что господин де Жен рекомендует ее как место очень надежное и удобное для этой цели. В тот же вечер мы спустили все наши шлюпки на воду.

/Замечания по поводу этой якорной стоянки/ За ночь ветер менял свое направление последовательно по всем румбам картушки компаса, налетая сильнейшими шквалами; море бушевало и билось об отмель, которая, казалось, простиралась по всему дну бухты. Направление ветра все время менялось, и наш корабль описывал полную циркуляцию на якоре, так что мы стали опасаться, **[121]** как бы якорь не оказался нечист. Ночь прошла в тревоге. Транспорт «Этуаль», стоявший на якоре мористее, потрепало меньше, чем нас. В половине третьего утра я послал небольшую шлюпку для измерения глубины входа в реку, которой господин де Жен дал свое имя. В это время был отлив, и шлюпка села на мель в устье реки; снялась она лишь с наступлением прилива; выяснилось, что наши шлюпки

могут подойти к реке только во время полного прилива, вследствие чего они едва ли смогли бы сделать за день один рейс.

Затруднение с приемкой пресной воды, а также сомнения в надежности якорной стоянки заставили меня ввести корабли в маленькую бухту в 1 лье к востоку от бухты Франсуаз. Там в 1765 г. мы без всяких затруднений нарубили и погрузили лес для Малуинских островов, а экипаж корабля дал бухте мое имя. Я хотел прежде всего лично убедиться в том, смогут ли экипажи обоих кораблей принять здесь пресную воду. Кроме впадающего в бухту ручья, воду которого я предназначил для повседневных нужд и стирки белья, я обнаружил, что и в каждую из двух соседних бухт впадает по ручью и что они могут полностью обеспечить нас водой, причем расстояние до этих ручьев менее полумили.

Поэтому 17 декабря в 2 часа пополудни мы снялись с якоря и, поставив фор-марсель и крюйсель, прошли мористее островка в бухте Франсуаз и вошли в чрезвычайно узкий и глубокий проход с большими глубинами между северным мысом этой бухты и возвышенным островом длиной около 1/8 лье. Этот проход ведет ко входу в бухту Бугенвиль, закрытую двумя небольшими островками, больший из которых получил название острова Обсерватуар (От мыса Ронд до островка Обсерватуар около четырех лье; побережье здесь тянется на вест-зюйд-вест [247 1/2°]. На этом пространстве имеются три хорошие якорные стоянки). Бухту, открытую на юго-запад, длиной в 200 туазов и шириной в 50 туазов окружают высокие горы, защищающие ее от всех ветров; поэтому вода в ней всегда спокойная, как в бассейне.

/Якорная стоянка в бухте Бугенвиль/ В 3 часа мы стали на якорь у входа в бухту на 28 саженях глубины и тотчас же подали на берег швартовы, чтобы втянуться в глубь бухты. В это время транспорт «Этуаль» бросил якорь мористее, на

чрезмерно большой глубине, поэтому его снесло на остров Обсерватуар, и прежде чем на нем успели выбрать швартовы, поданные на берег, чтобы его удержать, корма транспорта оказалась **[122]** в нескольких футах от островка и все еще на 30-саженной глубине. Северо-восточный берег этого островка не так крут.

Остаток дня ушел у нас на то, чтобы ошвартоваться носом в сторону открытого моря. Мы отдали один якорь прямо по носу на глубине 23 саженей, грунт — илистый песок, завезли верп за корму почти у берега; подали два перлиня с левого борта и закрепили их за деревья и два перлиня на транспорт «Этуаль», который ошвартовался к берегу таким же образом.

Близ ручья мы наткнулись на две, казалось, давно заброшенные хижины из сучьев. На этом месте в 1765 г. я велел построить такую хижину из коры, в которой оставил несколько подарков для дикарей на случай, если они сюда забредут, и укрепил наверху белый флаг; хижина была разрушена, флаг и подарки исчезли.

/*Стоянка в бухте Бугенвиль для приемки воды и погрузки леса*/ 18 декабря утром мы разбили лагерь на берегу для охраны рабочих, а также различных предметов, подлежащих выгрузке, свезли на берег все наши бочки для воды, чтобы починить их и окурить серой, приготовили корыта для стирки белья, вытащили на берег нашу шлюпку, которая нуждалась в ремонте. Конец декабря мы провели в этой бухте, где очень спокойно нарубили дров и приготовили доски. Все здесь облегчало работу: просеки в лесу уже были проложены, а срубленных деревьев оказалось даже больше, чем нужно. Все это осталось от экипажа фрегата «Эгль», который был здесь в 1765 г. Нам даже удалось наполовину килевать фрегат, а также поставить на место 18 пушек. На транспорте «Этуаль» устранили течь, которая с момента выхода из Монтевидео оставалась почти такой же

значительной, как и до полукилевания его в Энсенаде. Когда вся носовая часть транспорта поднялась из воды и было снято несколько досок обшивки, то выяснилось, что вода проникала в стыки форштевня, состоящего из двух частей. Исправление этих повреждений облегчило экипажу транспорта, изнуренному ежедневным откачиванием воды, дальнейшее плавание.

/Астрономические и метеорологические наблюдения/ С первых же дней стоянки господин Веррон установил на островке Обсерватуар свои инструменты; но большая часть его ночных дежурств пропала зря. Небо в этих краях неблагоприятно для астрономических наблюдений, и он смог произвести лишь три наблюдения квадрантом и определить южную широту островка: 53°50'25". Он определил также прикладной час во входе в бухту — 00 часов 59 минут. Уровень воды никогда не поднимался здесь выше 10 футов над ординаром. **[123]**

Во время нашего пребывания термометр обычно показывал от 8° до 9°, а однажды температура понизилась даже до 5° и ни разу не поднималась выше 12 1/2°. При такой температуре воздуха небо обычно было безоблачным, а в слабых лучах солнца таяла часть снега на горах. Господин де Коммерсон и принц Нассау воспользовались этими днями для сбора гербария. */Описание этой части Магелланова пролива/* Они встретили немало всякого рода препятствий, но этот суровый край имел в их глазах ценность новизны, и берега Магелланова пролива обогатили альбомы господина Коммерсона множеством дотоле неизвестных и очень интересных растений. Охота и рыбная ловля были мало успешны и ничего нам не дали. Единственным четвероногим, которое мы здесь видели, была лисица, почти такая же, как и в Европе; ее убили рабочие.

Мы сделали также несколько попыток обследовать соседние участки побережья материка и Огненной Земли; первая попытка оказалась неудачной. 22 декабря в 3 часа утра я отправился на шлюпке с господами де Бурнаном и дю Бушажем на шлюпке, намереваясь дойти до мыса Холланд и посетить якорные стоянки, которые могли встретиться в этих местах. Когда мы выходили, был штиль и самая прекрасная погода. Через час поднялся легкий северо-западный бриз, который внезапно перешел в очень свежий юго-западный ветер. Мы боролись с противным ветром в течение трех часов, идя под защитой берега, и с трудом добрались до устья небольшой речки, впадающей в маленькую бухту с песчаным грунтом, защищенную восточной возвышенностью мыса Форвард. Мы высадились там, рассчитывая, что ненастье будет непродолжительным, и в ожидании перемены погоды сильно промокли под дождем и окоченели от холода. Пришлось соорудить в лесу шалаш из ветвей, чтобы не ночевать под открытым небом. Для туземцев такой шалаш мог бы показаться дворцом, но у нас не было привычки так жить. Вскоре холод и сырость прогнали нас из нашего убежища, и мы расположились у большого костра, защищаясь от дождя парусом нашей шлюпки. Ночь была ужасная, ветер и дождь усилились, и нам ничего не оставалось, как пуститься с рассветом в обратный путь. В 8 часов утра мы вернулись на фрегат, чрезвычайно довольные, что достигли приюта; вскоре погода настолько испортилась, что мы вряд ли смогли бы вернуться на корабль, если бы задержались. В течение двух дней бушевала настоящая буря, и все горы снова покрылись снегом. Между тем была середина лета, и солнце стояло над горизонтом около 18 часов в сутки. **[124]**

/Рекогносцировка нескольких бухт на Огненной Земле/
Спустя несколько дней я предпринял, уже с большим успехом, еще одну попытку осмотреть часть побережья

Огненной Земли и найти там гавань против мыса Форвард; я предполагал переправиться затем на мыс Холланд и осмотреть берег начиная от этого мыса и до бухты Франсуаз, чего мы не успели сделать при первой попытке. Приказав вооружить шлюпку с фрегата «Будёз» и баркас с транспорта «Этуаль» ружьями и мушкетонами, 27 декабря в 4 часа утра я вместе с господами де Бурнаном, д'Орезоном и принцем Нассау вышел в путь под парусами к западному мысу бухты Франсуаз, чтобы отсюда переправиться к берегам Огненной Земли; к 10 часам мы подошли к устью речки в небольшой песчаной бухте у берегов Огненной Земли, неудобной даже для шлюпок. Однако при крайней необходимости с наступлением прилива шлюпки могут войти в реку и найти здесь убежище. Мы пообедали на берегу этой реки в довольно красивой роще, в тени деревьев которой стояло несколько хижин дикарей. Из этого пункта мы взяли пеленг норд-вест-тень-вест-5°-к весту [298 3/4°] западного мыса бухты Франсуаз, расстояние до которого, по нашей оценке, составляло 5 лье.

После полудня мы снова двинулись в путь на веслах вдоль берегов Огненной Земли; дул легкий западный ветер, но на море была большая зыбь. Мы пересекли большой залив, которому не видно было конца. Посреди входа в него шириною в 2 лье находится гористый островок. Множество китов, которых мы заметили в этой части моря, и сильное волнение заставили нас предположить, что это, вероятно, пролив, который выходит в море у мыса Горн.

/*Встреча с дикарями*/ Почти переправившись на противоположный берег залива, мы увидели на берегу несколько огоньков, то вспыхивавших, то гаснущих; при свете их мы различили на низком мысе бухты, где я решил остановиться, фигуры дикарей. Тотчас же мы пошли на их огни, и я узнал тех же дикарей, которых видел во время первого моего путешествия в Магелланов пролив. Мы

назвали их тогда «пешерэ» [91] — по первому слову, которое они произносили, приблизившись к нам, и которое беспрестанно повторяли, подобно тому, как патагонцы повторяли слово «шауа». Мы и на этот раз оставили за ними название «пешерэ». В дальнейшем я подробнее опишу обитателей этой лесистой части пролива. День кончался, и нам нельзя было долго оставаться с ними. Их было около сорока человек — мужчин, женщин и детей, в ближайшей бухте стояло десять или двенадцать лодок. Мы покинули их и направились, чтобы пересечь эту бухту и войти в одну из **[125]** соседних бухт; но осмотреть ее мы не успели, так как наступила ночь, которую пришлось провести у костра на берегу довольно большой реки. Паруса с наших шлюпок служили нам тентом. Если не считать того, что было холодно, погода была великолепная.

/Описание бухты и гавани Бобассен/ Утром мы увидели, что бухта эта — настоящая гавань. Мы измерили глубины в ней, а также в заливе. Якорная стоянка в бухте очень хороша. Глубина здесь от 40 до 12 саженей, грунт — песок, мелкий гравий и ракушка. Бухта защищена от всех опасных ветров. Ее восточный мыс приметен благодаря большому холму, который мы назвали Дом [le Dome] — Купол. В западной части бухты есть островок; между ним и берегом прохода для судов нет.

В гавань из бухты можно войти очень узким проходом; глубина в гавани 10, 8, 6, 5 и 4 сажени, грунт илистый; в проходе дно каменистое и глубина достигает 4,5 и 6саженей; идя этим проходом, лучше держаться его середины и даже ближе к восточному берегу, где глубины больше.

Живописность этой стоянки послужила основанием назвать и бухту и гавань Бобассен [Красивый]. Если нужно запастись лесом или пресной водой или даже отремонтировать

подводную часть корабля, лучшего места, чем бухта Бобассен с одноименной гаванью, и желать нельзя.

Оставив здесь командира шлюпки шевалье де Бурнана, я поручил ему обследовать бассейн и собрать самые подробные сведения об этом замечательном месте, а затем вернуться на корабль. Сам же я на баркасе с транспорта «Этуаль» с господином Ландэ продолжал мои поиски. Мы пошли на запад и посетили сначала один из островов, который обошли вокруг, и видели на нем дикарей, занятых рыбной ловлей. Повсюду вокруг острова можно стать на якорь, так как глубина здесь 25, 21 и 18 саженей, а грунт — песок и мелкий гравий.

/Бухта Кормората/ Следуя вдоль берега, мы к заходу солнца достигли бухты, которая может служить прекрасной стоянкой для трех или четырех кораблей. Я назвал ее бухтой Кормората из-за характерной скалы, которая виднеется на ост-зюйд-ост [112 1/2°] от нее на расстоянии 1 мили. У входа в бухту глубина 15 саженей, а на якорном месте — 8 и 9 саженей. Здесь мы провели ночь.

29 декабря на рассвете мы вышли из бухты Кормората и, подгоняемые сильным приливным течением, пошли на запад. Вскоре мы прошли между двумя островами разной величины, которым я дал имя Дё Сер [Две сестры]. Острова эти лежат в створе с серединой мыса Форвард по румбу норд-норд-ост [22 1/2°] — зюйд-зюйд-вест [202 1/2°] **[126]** на расстоянии около 3 лье от бухты. Пройдя немного дальше, мы увидели гору, по форме напоминающую сахарную голову, и дали ей название Пен-де-Сюкр. Эту гору очень легко узнать: она створится с самой южной оконечностью мыса Форвард по румбу норд-норд-ост — зюйд-зюйд-вест [22 1/2°—202 1/2°]. Приблизительно в 5 милях от бухты Кормората мы обнаружили прелестную бухту с великолепной гаванью. В глубине гавани мы увидели водопад, и поэтому порту и бухте

я дал название Каскад. */Бухта и гавань Каскад/* Середина бухты створится с мысом Форвард по румбу норд-ост — зюйд-вест [45°—225°].

Надежность и удобства якорной стоянки, наличие пресной воды и леса — все это делает бухту таким убежищем для кораблей, лучше которого мореплавателям и желать нельзя.

/Описание местности/ Водопад образуется водами маленькой речки, которая протекает между отрогами довольно высоких гор и падает с высоты 50—60 туазов. Я поднялся вверх. Вокруг вперемежку раскинулись рощи и небольшие поляны, поросшие губчатым мхом; я искал и не нашел никаких следов человека; живущие здесь дикари почти не покидают берегов моря, которое дает им средства к существованию. В общем все пространство Огненной Земли начиная от острова Сент-Элизабет показалось мне лишь беспорядочным скоплением разной величины островов — возвышенных, гористых, с вершинами, покрытыми вечным снегом. Между ними, несомненно, имеется немало узких проходов к морю. Здесь такая же растительность, как и на берегах Патагонии; за исключением деревьев, природа этого края очень похожа на природу Малуинских островов.

/Значение трех открытых нами гаваней/ Я прилагаю здесь составленную мною специальную карту этой интересной части побережья Огненной Земли, до сих пор считали, что в этом районе нет удобных якорных стоянок, и корабли избегали к нему приближаться. Открытие трех только что описанных мною гаваней намного облегчит плавание в этой части Магелланова пролива. Мореплаватели всегда считали мыс Форвард одним из самых опасных мест, где обычно господствует противный ветер, который мешает кораблям огибать мыс, и многие мореплаватели действительно вынуждены были возвращаться к бухте Фамин. В настоящее время появилась возможность использовать даже

господствующие ветры. Следует лишь держаться побережья Огненной Земли и достичь одной из трех указанных мною якорных стоянок, что почти всегда возможно, если лавировать по фарватеру, где никогда не бывает сильного волнения, опасного для кораблей. **[127]**

Отсюда все галсы будут иметь успех, а если использовать к тому же приливные течения, которые здесь становятся ощутимыми, то нетрудно будет достичь порта Галан.

Мы провели в гавани Каскад очень неприятную ночь. Было холодно и беспрерывно лил дождь, который продолжался почти весь день 30 декабря. В 5 часов утра мы вышли из гавани на шлюпке под парусами и пересекли пролив, подгоняемые сильным ветром и слишком большой для нашего слабого суденышка волной. К материку мы приблизились почти посредине между мысами Холланд и Форвард, но не могло быть и речи о том, чтобы осмотреть этот берег, и мы должны были довольствоваться хотя бы тем, что могли идти вдоль него на фордевинд, зорко следя за яростными шквалами, которые заставляли нас не выпускать из рук фалы и шкоты. Когда мы пересекали бухту Франсуаз, из-за неосторожного поворота румпеля шлюпка едва не перевернулась. Наконец к 10 часам утра я вернулся на фрегат. Во время моего отсутствия господин Дюкло-Гюйо перевез на корабль все, что у нас оставалось на берегу, и подготовился к уходу; после полудня мы начали отдавать швартовы и стали сниматься с якоря.

/Уход из бухты Бугенвиль/ 31 декабря в 4 часа утра мы закончили съемку со швартовов и якорей и, буксируемые нашими гребными судами, вышли из бухты. Погода была тихая, но в 7 часов подул бриз от норд-оста [45°], который днем усилился; до **[128]** полудня было ясно, а потом стало пасмурно и пошел дождь. В 11 часов 30 минут, находясь на середине фарватера, мы увидели водопад Каскад и взяли

пеленги: водопада — на зюйд-ост [135°], скалы Пен-де-Сюкр — на ост-зюйд-ост-5°-к зюйду [117 1/2°], мыса Форвард (От острова Обсерватуар до мыса Форвард около 6 лье, а побережье тянется примерно на вест-зюйд-вест [247 1/2°]. Пролив здесь имеет ширину от 3 до 4 лье) — на ост-норд-ост [67 1/2°] и мыса Холланд (На расстоянии около 5 лье, отделяющем мыс Форвард от мыса Холланд, имеются два других мыса и три неглубокие бухты. Я не знаю здесь мест, удобных для якорной стоянки. Ширина пролива колеблется там от 3 до 4 лье) — на вест-норд-вест-1°-к весту [288 1/2°]. От полудня до 6 часов вечера мы огибали мыс Холланд. Ветер стих; к вечеру бриз ослабел, но погода оставалась очень пасмурной. Я решил идти на рейд порта Галан и стать там на якорь; мы бросили якорь в 10 часов на глубине 16 саженей, грунт — крупный гравий, песок и мелкие кораллы; мыс Талант (Мыс Холланд и мыс Талант находятся друг от друга на расстоянии около 8 лье по румбу ост-2°-к зюйду — вест-2°-к норду [92°—272°]. Между этими двумя мысами есть еще один, менее выступающий, — мыс Ковентри. По некоторым данным, близ него имеется несколько бухт, однако мы увидели только одну бухту — Верт, или Декард, которую и посетили по суше. Это большая и глубокая бухта, но нам показалось, что она имеет несколько банок) остался у нас назюйд-вест-3°-к весту [228°[. Вскоре мы могли поздравить себя с тем, что вовремя нашли убежище, так как всю ночь шел дождь и дул сильный ветер от зюйд-веста [225°].

/1768 г., январь/ 1768 год начался для нас в бухте, называемой бухтой Фортескью (Бухта Фортескью имеет ширину между мысами около 2 лье и вдается в берег на несколько меньшее расстояние до полуострова, который выступает на ост-зюйд-ост [112 1/2°] от западного побережья бухты и прикрывает гавань, хорошо защищенную от всяких ветров. Это порт Галан, который вдается в сушу на расстояние 1 лье по румбу вест-норд-вест [292 1/2°]. Его ширина от 400

до 500 шагов. В глубине порта есть река и еще две реки у северо-восточного побережья. В середине порта глубина 4—5 саженей, грунт — ил и ракушка), в глубине которой находится порт Галан.

План порта и бухты очень точно снят французским мореплавателем де Женом; у нас было более чем достаточно времени, чтобы проверить его, так как из-за непогоды мы задержались здесь более трех недель. */Подробности о встретившихся нам неприятностях/* Что такое непогода в здешних местах, невозможно представить себе, даже если судить по самой ужасной зиме в Париже. И будет справедливо, если мое подробное описание нашего пребывания в этих местах заставит читателей хоть в какой-то мере пережить те неприятности, которые пришлось испытать нам в эти мрачные дни. **[129]**

Моей первой заботой было исследовать берег до бухты Элизабет и острова, разбросанные там и сям в Магеллановом проливе; мы установили наличие якорных стоянок возле двух из этих островов, которые Нарборо назвал Шарль и Монмоут.

Более отдаленные острова [92] он назвал Руайяль, а самому западному дал имя Руперта. Западные ветры не позволили нам продолжать плавание, и 2 января мы стали фертоинг на якорь и верп.

/Следы прохода англичан/ Несмотря на дождь, я предпринял прогулку по берегу, где обнаружил следы прохода проливом и стоянки английских кораблей: свежесрубленные деревья, распиленные на дрова, свежесрезанную кору лаврового дерева, деревянную бирку, какие в Адмиралтействе привязывают к кускам троса и полотна, с отчетливой надписью: «Chatham. Martch, 1766». На некоторых деревьях мы обнаружили также инициалы и имена с датой: «1767 г.»

/Наблюдения астрономические и навигационные/ Господин Веррон доставил свои инструменты на полуостров, образующий гавань, и в полдень с помощью квадранта определил широту места 53°40'41" южная. Эта обсервация и взятый оттуда же пеленг мыса Холланд, а также пеленг мыса Форвард, взятый 16 декабря с мыса Холланд, позволили определить расстояние между портом Галан и мысом Форвард в 12 лье. Господин Веррон также определил, что склонение компасной стрелки составляет 22°30'32" к северо-востоку, а ее наклонение 11°11'. Таковы те немногие наблюдения, которые он смог сделать за месяц, пока мы из-за дурной погоды находились здесь, причем погода днем была столь же ужасной, как и ночью. 3 января появилась возможность определить долготу места этой бухты по лунному затмению, которое началось в 10 часов 30 минут вечера, однако дождь, ливший целый день, продолжался и ночью.

4 и 5 января были ужасны: дождь, снег, жестокий холод, порывистый ветер. Такая погода описана в библейских псалмах словами: «Nix, glando, glacies, spiritus procellarum», то есть «Снег, иней, лед, дыхание бури». 3 января я направил шлюпку с заданием отыскать стоянку на Огненной Земле, и вскоре было найдено хорошее якорное место на юго-запад от островов Шарль и Монмоут. Я велел выяснить также направление приливов и отливов на фарватере. С их помощью и располагая изученными якорными стоянками как на юге, так и на севере, я хотел выйти даже при противном ветре; но нам это не удалось, так как ветер все время был недостаточно благоприятным. Впрочем, пока мы находились здесь, мы постоянно замечали, что **[130]** приливо-отливные течения в этой части Магелланова пролива такие же, как и там, где имеются узкости, то есть приливы сносят на восток, а отливы — на запад.

/Встреча с пешерэ и их описание/ 6 января после полудня у нас была короткая передышка. Казалось с зюйд-веста [225°] вот-вот подует ветер, и мы собрались было сняться с фертоинга и уйти, как вдруг снова задул ветер от вест-норд-веста [292 1/2°] со шквалами, и нам пришлось тотчас же снова стать фертоинг. В этот день у нас на борту побывало несколько дикарей. Утром из-за оконечности мыса Талант показались четыре пироги; они остановились там на некоторое время, затем три из них продвинулись в глубь бухты, а одна направилась к фрегату. Помедлив с полчаса, эта пирога подошла к борту нашего корабля, причем находившиеся в ней дикари громко кричали «пешерэ», «пешерэ». В лодке сидели мужчина, женщина и двое детей. Женщина осталась в пироге, а мужчина доверчиво поднялся на борт. Вид у него был довольно бодрый. Еще две пироги последовали примеру первой, и мужчины с детьми поднялись на фрегат. Скоро они почувствовали себя здесь как дома: пели, танцевали, слушали музыку, а больше всего ели, причем аппетит у них был исключительный. Все им нравилось: хлеб, солонина, сало; они съедали все, что им предлагали. Нам даже стоило большого труда избавиться от этих беспокойных и противных гостей, заставить их вернуться в свои пироги. Это удалось лишь после того, как мы спустили туда куски солонины. Их не удивляли ни корабли, ни различные предметы, которые они видели впервые; да это и понятно: чтобы удивляться произведениям искусства, нужно иметь об этом хотя бы элементарное представление. Эти грубые люди воспринимали шедевры техники с тем же безразличием, с каким относились к законам природы и ее явлениям.

В течение нескольких дней, пока эти люди находились в гавани Галан, мы часто видели их на корабле и на берегу. Они маленького роста, худые, некрасивые и распространяют вокруг себя невыносимый запах. Ходят они почти нагишом,

едва прикрытые грубо выделанными шкурами морского волка, слишком короткими, чтобы ими укрыться. Из таких же шкур они делают крыши для своих хижин и паруса для пирог. У них имеются также шкуры гуанако, но в незначительном количестве. Их женщины уродливы, и мужчины, кажется, уделяют им мало внимания. Женщины управляют пирогами, следят за ними; нередко им приходится, невзирая на холод, добираться вплавь до зарослей морских водорослей, чтобы **[131]** вычерпать воду из лодок; эти заросли находятся довольно далеко от берега и служат укрытием, где стоят их пироги. На берегу женщины собирают хворост, раковины; мужчины не принимают в этом никакого участия. Даже женщины, имеющие грудных детей, не свободны от работ. Детей они носят за спиной завернутыми в шкуры, служащие им одеждой.

Пироги сделаны из кусков коры, кое-как скрепленных между собой тростником; в пазы забивают мох. Посреди лодки находится небольшой очаг на песке, где постоянно поддерживается слабый огонь.

Их оружие составляет лук, сделанный, так же как и стрелы, из колючего барбариса и остролистника. Тетиву они делают из жил, а на концы стрел прикрепляют довольно искусно выточенные из камня наконечники. Но это оружие они применяют для охоты на мелкую дичь, а не против неприятеля; оно так же немощно, как и руки людей, им пользующихся.

Мы видели у них рыбьи кости длиной не менее фута, один конец которых заострен и имеет зазубрины. Но это, конечно, не кинжалы, а скорее орудие рыбной ловли. Прикрепив такую кость к длинному шесту, они пользуются им как гарпуном.

Женщины, мужчины и дети живут все вместе, в хижинах, посреди которых всегда горит огонь. Питаются они преимущественно ракушками. У них имеются собаки; пользуются они и силками, сделанными из китового уса. Я заметил, что у них у всех испорченные зубы, и полагаю, что это оттого, что они едят обожженные, но полусырые ракушки.

Впрочем, они кажутся довольно добродушными людьми, но жалкими и слабыми; они суеверны и верят в злых духов; заклинатели духов являются одновременно жрецами и лекарями. Из всех дикарей, которых я видел в своей жизни, пешерэ — самые обездоленные: они лишены всего и находятся, что называется, в первобытном состоянии. В самом деле, если мы нередко сочувствуем человеку свободному, живущему без обязанностей и забот и довольствующемуся тем, что он имеет, лишь потому, что не знает лучшего, то как не пожалеть людей, лишенных простейших жизненных удобств и к тому же страдающих от самого сурового в мире климата!

Этот народ весьма малочислен и объединяет наименьшее число людей, которое я встречал в любой части света. Как вы это увидите в дальнейшем, среди них есть и шарлатаны. Ведь как только люди собираются вместе в **[132]** количестве большем, чем семья, — я подразумеваю под семьей отца, мать и детей, — интересы усложняются, отдельные индивидуумы хотят силой или обманом подчинить себе других; понятие семья превращается тогда в понятие общество, и живет ли эта семья среди лесов, состоит ли из единокровных родичей, в ней всегда можно обнаружить в зародыше все те пороки, которые создают, движут и способствуют падению самых могучих империй. Отсюда же следует и то, что в так называемом цивилизованном обществе проявляются добродетели, к которым люди, близкие к первобытному состоянию, невосприимчивы.

7 и 8 января была такая плохая погода, что не было возможности сойти с корабля. В ночь на 9-е мы дрейфовали на якоре и были вынуждены отдать еще один якорь с крамбола. Слой снега на нашей палубе достигал порой 4 дюймов; при свете занимающегося дня мы увидели, что снегом покрыта вся земля, кроме низких мест, где влажность не дает снегу задерживаться. Термометр показывал 5°—4° и опускался даже до 2° ниже точки замерзания. 9 января после полудня погода немного улучшилась.

Пешерэ направились к нам, чтобы подняться на корабль. Они даже принарядились, то есть разрисовали себе тело красной и белой краской. Однако, увидев, что наши шлюпки отошли от кораблей и направились к их хижинам, они последовали за ними. Лишь одна пирога осталась у борта транспорта «Этуаль», но она оставалась там недолго, а затем ушла, чтобы поскорее присоединиться к остальным, с гребцами которых наши офицеры успели уже завязать дружбу.

Все женщины собрались в одной хижине, и дикари выражали неудовольствие, когда кто-либо из наших офицеров пытался туда войти. И наоборот, они приглашали гостей зайти в другие жилища, где их угощали ракушками, предварительно пососав их.

Мы сделали им небольшие подарки, которые были охотно приняты. Они пели, танцевали и проявляли больше веселости, чем можно было предположить у этих диких людей, внешний вид которых обычно суров.

/Печальный случай с ребенком/ Но радость их продолжалась недолго. У двенадцатилетнего мальчика, единственного из всей толпы показавшегося нам интересным, внезапно началось кровотечение, сопровождавшееся сильными конвульсиями. Когда этот ребенок был на транспорте «Этуаль», ему подарили кусочки зеркала и стекла, не думая о

тех роковых последствиях, которые может вызвать этот подарок. Дикари эти имеют обыкновение засовывать в горло и ноздри маленькие [133] кусочки талька. Вероятно, из суеверия они считают, что этот талисман обладает силой, которая предохраняет от различных несчастий. Ребенок, очевидно, нашел такое же применение подаренным стеклышкам. Его губы, десны и небо были изрезаны и кровоточили. Этот случай вызвал среди туземцев недоверие к нам и поверг их в уныние. Они заподозрили нас в том, что мы напустили на ребенка порчу. Шаман, который немедленно занялся больным, прежде всего быстро снял с пострадавшего подаренную ему полотняную куртку и хотел вернуть ее французам. Когда же те отказались взять ее, он бросил ее им под ноги. Правда, другой дикарь настолько заинтересовался этой вещью, что не побоялся злых чар и тотчас же поднял куртку. Шаман положил ребенка на спину в одной из хижин и, став у него между ногами на колени, наклонился над ним и, беспрерывно что-то выкрикивая, стал головой и руками изо всех сил давить ему живот. Время от времени он вскакивал и, делая вид, что держит злого духа в сложенных ладонях, раскрывал их и дул, как бы прогоняя его.

Во время этой процедуры одна старая женщина оглушительно кричала над ухом больного. Между тем несчастный мальчик, казалось, страдал от лечения не меньше, чем от болезни. Шаман сделал небольшую передышку, чтобы надеть церемониальный убор. Украсив голову двумя белыми крыльями и посыпав волосы каким-то белым порошком, он снова стал давить и мять ребенка, но все напрасно. Мальчику становилось хуже, и наш священник украдкой благословил его крестом.

Вернувшись на корабли, офицеры рассказали о том, что произошло на берегу, и я тотчас отправился туда вместе с нашим хирургом господином де ла Портом, который захватил с собой молоко и мягчительный отвар. Когда мы

подходили к хижине, больного вынесли из нее, и к первому шаману присоединился второй, разукрашенный таким же образом. Манипуляции возобновились. Они давили ребенку живот, бока и спину. Больно было смотреть, как они мучили это несчастное создание, страдавшее молча. Мальчик был уже почти мертв, а лекари все продолжали свои варварские действия, время от времени выкрикивая заклинания. Горе отца и матери, их слезы, живое сочувствие всех соплеменников не могли не тронуть наши сердца. Пешерэ, очевидно, заметили, что мы разделяем их горе, и нам показалось, что их недоверие к нам уменьшилось. Они пропустили нас к больному, и врач осмотрел его окровавленный рот, из которого отец и другой пешерэ по очереди **[134]** отсасывали кровь. С большим трудом мы убедили их дать ребенку молока; предварительно нам самим пришлось несколько раз попробовать его. Несмотря на сильное противодействие шаманов, отец наконец дал ребенку молока. Он даже согласился принять в подарок кофейник с мягчительным отваром. Шаманы ревниво смотрели на нашего хирурга, которого они в конце концов признали искусным колдуном. Они даже открыли для него кожаный мешочек, который у них всегда подвешен сбоку и содержит колпак из перьев, белый порошок, тальк и другие средства их профессии. Но как только врач бросил взгляд на мешочек, они тотчас же закрыли его. Мы заметили также, что пока один из шаманов заклинал болезнь, другой, отгоняя, заклинал злых духов, которых, как они подозревали, мы навлекли на них.

С наступлением ночи мы возвратились на корабль; ребенок страдал меньше. Но почти непрерывная рвота, которая мучила его, внушала опасение, что стекло попало в желудок. Наши подозрения оправдались. Часа в два ночи до нас донеслись с берега какие-то завывания. А с рассветом мы увидели, как, несмотря на ужасную погоду, туземцы

покинули это место. Это было бегство от места, отмеченного смертью, от зловещих иноземцев, которые, как им казалось, пришли, чтобы уничтожить их. Они никак не могли обогнуть западный мыс бухты; наконец, выбрав момент затишья, они снова пустились в путь, но сильный шквал швырнул в открытое море и рассеял их жалкие суденышки. Они так торопились уйти от нас, что бросили на берегу одну пирогу, нуждающуюся в ремонте: «Satis est gentem effugisse nefandam», то есть «Достаточно с нас и того, что мы остались живы». Они были убеждены, что мы носители зла. И как не извинить их чувств при таком стечении обстоятельств? В самом деле, какая эта потеря для такого малого племени: погиб подросток, избежавший всех опасностей и риска, связанных с детским периодом роста!

/Плохая погода продолжается/ Неистовый восточный ветер не прекращался до 13 января, когда стало довольно тихо и появилась какая-то надежда сняться с якоря после полудня. Ночь с 13 на 14 января была спокойной. В половине третьего утра мы снялись с фертоинга и подтянули якорный канат до панера, но в 6 часов пришлось снова становиться на два якоря.

15 января почти весь день светило солнце, но ветер был слишком сильный, чтобы можно было выйти.

Утром 16 января был почти штиль, но вскоре с севера подул свежий ветер, и мы снялись с якоря с попутным **[135]** отливным течением; */Опасность, которой подвергался фрегат/* уровень воды уже уменьшался, и течение несло нас на запад. Но вскоре ветер переменился на западный и подул с вест-зюйд-веста [247 1/2°], и фрегат мы никак не могли с приливом достичь острова Руперт. Ход у фрегата был очень малый, почти не поддающийся измерению, и транспорт «Этуаль» имел перед нами небывалое преимущество. Весь день мы лавировали между островом Руперт и одним из

мысов материка, называемым мысом Пассаж, дожидаясь отлива, с которым я надеялся добраться либо до якорного места в бухте Дофин на острове Луи-ле-Гран, либо до бухты Элизабет (От мыса Талант до бухты Элизабет побережье имеет направление почти точно на вест-норд вест [292 1/2°], и расстояние между ними составляет около 4 лье. В этом промежутке нет якорных стоянок у побережья материка, так как глубины здесь очень большие, даже у самого берега. Бухта Элизабет открыта на зюйд-вест [225°], расстояние между ее мысами 3/4 лье, и приблизительно на такое же расстояние она вдается в сушу. Побережье в глубине бухты песчаное, так же, как и юго-восточный берег. В северной части бухты имеется отмель, выступающая довольно далеко в море. Хорошая якорная стоянка в этой бухте имеется на глубине 9 саженей, грунт — гравий и кораллы; она определяется следующими пеленгами: восточный мыс бухты — зюйд-зюйд-ост-5° к осту [152 1/2°], западный мыс — вест-норд-вест [292 1/2°]; восточный мыс острова Луи-ле-Гран — зюйд-зюйд-вест-5° к зюйду [197 1/2°]; отмель находится на норд-вест-тень-норд [326 1/4°]). Но так как мы много теряли при лавировке на каждом галсе, я послал шлюпку для определения глубины к юго-востоку от острова Руперт, рассчитывая отстояться там до начала более благоприятного для нас приливного течения. Мы приняли сигнал со шлюпки, которая сообщала, что якорная стоянка обнаружена там, где шлюпка стояла на дреке, но мы уже слишком увалились под ветер. Мы сделали еще один галс к берегу, чтобы попытаться выйти на ветер другим галсом, однако фрегат дважды не смог сделать поворот оверштаг, и нам пришлось повернуть через фордевинд. Но в тот момент, когда в результате маневрирования и буксировки с помощью наших шлюпок фрегат стал выходить на ветер, силой приливного течения его снова увалило под ветер, и стремительное течение отнесло нас на полкабельтова от берега. Я приказал стать на якорь на 8 саженях глубины, но якорь упал на скалистый грунт и не

забрал, а из-за близости берега нельзя было травить якорный канат. Уже под кормой было всего 3 1/2, сажени глубины и берег находился на расстоянии не более тройной длины корабля, как внезапно подул слабый бриз. Мы тотчас же подняли паруса, и корабль упал под ветер. Все наши шлюпки, а также шлюпки транспорта «Этуаль» поспешили на помощь и взяли нас с носа на буксир. Мы травили якорный канат **[136]** с привязанным к нему томбуем, причем половина его длины была уже за бортом, как вдруг канат заело под палубой, что заставило фрегат развернуться на якоре. Фрегат оказался в исключительно опасном положении. Но якорный канат тотчас же обрубили, и быстрота маневра спасла судно. Бриз между тем крепчал, и, сделав еще два бесполезных галса, я решил вернуться в бухту Галан, где мы стали на якорь в 8 часов вечера на 20 саженях глубины, грунт — ил. Шлюпки, которые я оставил для подъема нашего якоря, вернулись к ночи с якорем и якорным канатом. Видимость хорошей погоды появилась, казалось, лишь для того, чтобы доставить нам излишнюю и жестокую тревогу.

/*Сильный ураган*/ Следующий день был еще более штормовым, чем все предыдущие. Ветер вздымал в проливе смерчи вышиной с горы; не раз видели мы по нескольку смерчей одновременно, налетавших с противоположных сторон. К 10 часам как будто стало стихать, но в полдень удар грома, впервые услышанного нами в проливе, послужил как бы сигналом ветру, который возобновился с еще большей яростью, чем утром; нас гнало к ветру, и мы принуждены были отдать правый якорь и спустить нижние реи и стеньги. Между тем кусты и травы находились в цвету и деревья ярко зеленели, но все это не могло разогнать уныние, которое наводило на нас постоянное лицезрение этого мрачного района. Самый веселый характер становился вялым в этом ужасном климате, от которого бежало в равной мере все

живое и где изнемогала горстка людей, которую наша обменная торговля сделала еще более несчастной.

18 и 19 января погода временами улучшалась. Мы выбрали наш правый якорь, подняли стеньги и нижние реи, и я послал шлюпку транспорта «Этуаль», высокие мореходные качества которой позволяли ей выходить в море почти в любую погоду, на рекогносцировку входа в пролив Сент-Барб.

/*Спорные предположения о проливе*/ Судя по выдержкам, заимствованным господином Фрезье [93] из путевого журнала господина Маркана [94], открывшего этот пролив и прошедшего по нему, пролив должен находиться между румбами зюйд-вест [225°] и зюйд-вест-тень-зюйд [213 3/4°] от бухты Элизабет. Шлюпка вернулась 20 января, и ее командир господин Ландэ доложил мне, что, следуя курсами, указанными в выдержках из журнала Маркана, и выполняя его рекомендации, он не обнаружил узкости. По мнению Ландэ, это прямой пролив, упирающийся в сплошной лед и землю, вдоль которого идти опасно, так **[137]** как на всем пути там нет ни одной хорошей якорной стоянки, и, кроме того, почти в самой его середине находится банка, покрытая ракушками. Затем он обошел вокруг острова Луи-ле-Гран, начиная с южной стороны, и вернулся в Магелланов пролив, не обнаружив никакого другого пролива. Он только видел на Огненной Земле довольно хорошую бухту, очевидно, именно ту, которую Бошен [95] назвал Нативите. Впрочем, если, выйдя из бухты Элизабет, идти курсом зюйд-вест [225°] и зюйд-вест-тень-зюйд [213 3/4°], как это, по утверждению господина Фрезье, сделал Маркан, то остров Луи-ле-Гран окажется разрезанным пополам.

На основании этого рапорта я предположил, что подлинный пролив Сент-Барб находится напротив той бухты, где мы стояли. С вершин гор, окружающих порт Галан, мы не раз видели к югу от островов Шарль и Монмоут широкий пролив

с множеством островков, который на юге не был ограничен землей, но так как одновременно мы видели и другой проход на юг от острова Луи-ле-Гран, то мы принимали последний за пролив Сент-Барб, что больше всего соответствовало записям Маркана. Как только мы убедились, что этот проход является всего лишь глубокой бухтой, мы уже не сомневались, что пролив Сент-Барб находится напротив порта Галан, к югу от островов Шарль и Монмаут. Действительно, перечитывая соответствующие места у господина Фрезье и сопоставляя их с составленной им картой пролива, мы убедились, что господин Фрезье на основании донесения Маркана считал, что бухта Элизабет, из которой вышел Маркан для следования его проливом, находится в 10 или 12 лье от мыса Форвард. Маркан, очевидно, принял за бухту Элизабет бухту Декорд, которая действительно находится в 11 лье от мыса Форвард и в 1 лье к востоку от порта Галан; выйдя из этой бухты и направляясь на зюйд-вест [225°] и зюйд-вест-тень-зюйд [213 3/4°], он обогнул восточные мысы островов Шарль и Монмаут, приняв их за остров Луи-ле-Гран, допустил ошибку, которую легко может совершить любой мореплаватель, не располагающий надежным руководством для плавания, и вышел через пролив, усеянный островками, который мы видели с вершины гор.

/Значение пролива Сент-Барб как обходного пути/
Детальное знакомство с проливом Сент-Барб было бы очень полезно и потому, что это позволило бы значительно сократить время прохода через Магелланов пролив. Не так уж много времени нужно для того, чтобы добраться до порта Галан; на этом пути большой опасностью являлась необходимость огибать мыс Форвард, однако открытие трех гаваней на Огненной Земле в настоящее время **[138]** значительно облегчает этот переход: как только корабль достигнет порта Галан и если северные ветры не позволят ему

пройти обычным путем, для него всегда будет открыт другой проход, находящийся напротив этой гавани, и тогда можно будет за 24 часа пройти в Южное море. Я собирался послать в этот проход две шлюпки, которые могли бы окончательно разрешить проблему, так как был совершенно уверен, что это и есть подлинный пролив Сент-Барб. Однако плохая погода не позволила осуществить мое намерение.

/*Ураган небывалой силы*/ 21, 22 и 23 января шквалы, снег и дождь продолжались почти непрерывно. В ночь с 21 на 22 января наступило некоторое затишье. Но ветер как будто лишь для того и дал нам передышку, чтобы набраться сил и с новой яростью обрушиться на нас. Так оно и случилось. Внезапно налетевший с зюйд-зюйд-веста [202 1/2°] страшный ураган разразился с такой силой, какой не припомнят самые бывалые моряки. Оба корабля дрейфовали, и пришлось снова отдать правый якорь и спустить нижние реи и стеньги; нашу бизань унесло со всеми снастями. К счастью, ураган продолжался недолго, 24 января погода улучшилась, стала солнечной и тихой, и мы приготовились к выходу. Придя в порт Галан, мы взяли там несколько тонн балласта и изменили расположение груза в трюме, чтобы попытаться вернуть фрегату его нормальную скорость; частично это нам удалось. Кстати сказать, каждый раз, когда приходится следовать среди течений, испытываешь большие трудности в управлении таким длинным кораблем, как наш фрегат.

/*Выход из бухты Фортескью*/ 25 января в час ночи мы снялись с фертоинга и развернулись; в 3 часа мы вышли, буксируемые нашими шлюпками; с севера повеяло ветром; в 5 часов 30 минут с востока подул бриз, и мы поставили все свои паруса, даже брамсели и лисели, которыми приходится пользоваться в этих районах довольно редко. Мы вышли на середину фарватера по извилинам этой части пролива, которую Нарборо справедливо называет «извилистым

рукавом». Между островами Руайяль и материком пролив имеет ширину около двух лье, между островом Руперт и противолежащим мысом материка — не больше 1 лье, а между островом Луи-ле-Гран и бухтой Элизабет — 1,5 лье; у восточного мыса этой бухты находится покрытая водорослями отмель, выступающая в море на 1/4 лье.

/Описание Магелланова пролива от мыса Галант до выхода в Тихий океан/ От бухты Элизабет побережье тянется на вест-норд-вест [292 1/2°] приблизительно на 2 лье, до реки, которую от Нарборо называет Бачелор, а Бошен — Массакр; в ее устье имеется якорная стоянка. Эту реку узнать легко, она выходит из глубокой долины; на запад от нее очень высокая **[139]** гора; западный мыс у ее устья низкий и покрыт лесом, а побережье песчаное.

От реки Массакр до входа в ложный пролив, или, вернее, канал Сен-Жером, расстояние около 3 лье, а направление пролива — по румбу норд-вест-тень-вест [303 3/4°]. Вход в этот канал имеет, по-видимому, ширину 1/2 лье; в глубине виден берег, удаляющийся на север. Когда находишься на траверзе реки Массакр, то виден только этот ложный пролив, и его очень легко принять за настоящий, что с нами и случилось, ибо побережье здесь снова имеет направление по румбу вест-тень-зюйд [258 3/11°] и вест-зюйд-вест [247 1/2°] до мыса Куад, который сильно выдается в море и кажется, что он сливается с западным мысом острова Луи-ле-Гран, закрывая таким образом выход. Впрочем, есть надежный путь, идя которым невозможно не заметить настоящий фарватер: следует только все время держаться побережья острова Луи-ле-Гран, вдоль него можно без риска идти довольно близко. Расстояние от канала Сен-Жером до мыса Куад примерно 4 лье, и этот мыс створится по румбу ост-тень-норд-2°-к осту [35 3/4°] — вест-тень-зюйд-2°-к весту [260 3/4°] с западным мысом острова Луи-ле-Гран.

Длина этого острова, по-видимому, 4 лье. Его северное побережье идет на вест-норд-вест [292 1/2°], до бухты Дофин, вдающейся в берег приблизительно на 2 мили; ширина входа в нее 1/2 лье; затем берег острова идет на запад и заканчивается мысом Сен-Луи. Поняв свою ошибку, мы пошли вдоль острова Луи-ле-Гран на расстоянии от него в 1 лье и отчетливо увидели бухту Фелиппо, которая показалась нам очень удобной и хорошо укрытой. В полдень мыс Куад остался у нас по румбу вест-тень-зюйд-2°-к зюйду [256 3/4°], в расстоянии 2 лье, а мыс Сен-Луи приблизительно в 2,5 лье на ост-тень-норд [78 3/4°]. Весь день стояла хорошая погода, и мы шли, поставив все верхние паруса.

От мыса Куад пролив идет на вест-норд-вест [292 1/2°] и на норд-вест-тень-вест [303 3/4°] без значительных извилин, что и заставило назвать его «длинной улицей». Строение мыса Куад очень любопытно: он состоит из крутых утесов, причем самые высокие из них, вершины которых покрыты снегом, напоминают античные руины. Остальная часть побережья покрыта лесом, и зелень листвы смягчает суровость этих обледенелых горных вершин. Но стоит только обогнуть мыс Куад, и перед вами откроется совершенно иная картина. Берега пролива с обеих сторон окружены лишь голыми скалами, без малейшего слоя земли. **[140]**

Вершины скал всегда покрыты снегом, а глубокие ущелья заполнены нагромождениями льда, цвет которого свидетельствует о его глубокой древности. Нарборо [96], пораженный этим мрачным зрелищем, назвал эту часть побережья «Опустошенным Югом» [«Desolation du Sud»] [97]; трудно представить себе что-либо более удручающее.

Если находиться на траверзе мыса Куад, то побережье Огненной Земли кажется заканчивающимся сильно выдающимся мысом, называемым Мондей; я же полагаю, что он находится в 15 лье от мыса Куад. У побережья материка мы

увидели три мыса. Первый из-за его формы мы назвали Фандю; он находится почти в 5 лье от мыса Куад, между двумя удобными бухтами, в которых имеются надежные якорные стоянки, если только грунт там столь же хорош, как и сами бухты в качестве убежища. Два других мыса получили названия наших кораблей: мыс Этуаль — в 3 лье к западу от мыса Фандю и мыс Будёз — в том же направлении и на таком же расстоянии от мыса Этуаль. Все это побережье высокое и скалистое; оба берега кажутся безопасными и имеют удобные якорные стоянки, но так как дул благоприятный для нашего пути ветер, ты не стали терять времени на их обследование. Пролив имеет в ширину около 2 лье, однако против мыса Мондей он сужается до четырех миль.

/Опасная ночь/ В 9 часов вечера мы находились приблизительно в 3 лье на ост-тень-зюйд [101 1/4°] и на ост-зюйд-ост [112 1/2°] от мыса Мондей. По-прежнему дул очень свежий восточный ветер; погода была великолепная, и я решил идти по фарватеру ночью, имея мало парусов. Мы убрали лиселя и взяли рифы марселей. К 10 часам вечера видимость стала уменьшаться, и ветер настолько усилился, что мы вынуждены были поднять шлюпки. Шел сильный дождь, и ночь была такая темная, что к 11 часам мы потеряли из виду землю. Спустя полчаса, находясь по счислению на траверзе мыса Мондей, я приказал лечь в дрейф правым бортом к ветру, и таким образом мы провели остаток ночи, наполняя паруса или отнимая ветер, в зависимости от того, к какому из двух берегов мы слишком приближались. Эта ночь была одной из самых опасных за все время нашего плавания. В 3 часа 30 минут утренняя заря открыла нам землю, и я приказал сняться с дрейфа. До 8 часов мы шли курсом вест-тень-норд [281 1/4°], а с 8 до 12 часов — курсами между вест-тень-норд и вест-норд-вест [281 1/4° и 292 1/2°]. Легкий свежий ветер дул с востока при сплошном тумане, и лишь

время от времени мы могли видеть какую-нибудь часть побережья, но чаще мы совсем теряли его из виду. **[141]**

Наконец в полдень открылись мысы Пилье и Эванжелистс. Последний мыс можно было видеть лишь с высоты мачт. По мере того, как мы приближались к мысу Пилье, перед нами открывался безбрежный горизонт, не ограниченный сушей, а крупная зыбь, шедшая с запада, свидетельствовала о близости океана. Ветер не сохранял восточного направления и перешел на вест-зюйд-вест [247 1/2°]; мы шли на норд-вест [315°] до 2 часов 30 минут, когда запеленговали мыс Виктуар на норд-вест [315°] и мыс Пилье на зюйд-3°-к весту [183°].

/Выход из Магелланова пролива и описание этой его части/
За мысом Мондей северный берег имеет форму дуги, а пролив расширяется до 4, 5 и 6 лье. Я определил, что от мыса Мондей до мыса Пилье, которым оканчивается южный берег, расстояние около 16 лье.

Заключенный между этими двумя мысами пролив вытянулся по румбу вест-тень-норд [281 1/4°]. Южный берег — высокий и скалистый; у северного много небольших островков и скал, что делает приближение к нему опасным; из предосторожности следует держаться ближе к южному берегу. Больше я ничего не могу рассказать об этих местах, так как мы не успели как следует рассмотреть их в те короткие промежутки времени, когда туман позволял нам видеть лишь некоторые участки побережья.

Последняя земля, скрывающаяся из виду, — это невысокий мыс Виктуар; таким же низким является и мыс Дезире, находящийся уже вне пролива, на Огненной Земле, приблизительно в 2 лье на зюйд-вест [225°] от мыса Пилье. Берег между этими двумя мысами окаймлен на ширину 1 лье многочисленными островками и подводными скалами, известными под названием Дуз Апотр.

Мыс Пилье — это значительная возвышенность, или, точнее, большой скалистый массив, заканчивающийся двумя скалами, изрезанными в форме башен, наклоненными к северо-западу и составляющими оконечность мыса.

В 6 или 7 лье на северо-запад от этого мыса виднеются четыре островка Эванжелистс [Катр-Эванжелистс]. Три из них плоские, а четвертый имеет форму стога сена и находится на значительном расстоянии от первых трех. Островки эти лежат в 4—5 лье на зюйд-зюйд-вест [202 1/2°] от мыса Виктуар. Чтобы выйти из пролива, можно идти на север или на юг — это безразлично; если же необходимо войти в пролив, я советовал бы идти с юга. Предпочтительнее следовать вдоль южного побережья, так как северное побережье окаймлено островками и, по-видимому, изрезано большими бухтами, что может явиться причиной серьезных ошибок. **[142]**

С 2 часов пополудни ветер сильно посвежел и изменил направление с вест-зюйд-веста [247 1/2°] на вест-норд-вест [292 1/2°] мы лавировали до захода солнца, поставив все верхние паруса и пытаясь обогнуть мыс Дуз Апотр. Очень долго мы боялись, что не сумеем это осуществить и вынуждены будем провести еще одну ночь в проливе, что еще задержало бы нас более чем на сутки. Однако к 10 часам вечера ветер изменился на попутный, и в 7 часов утра мы уже обогнули мыс Пилье, а в 8 часов окончательно отошли от земли, и попутный северный ветер помог нам под всеми парусами выйти в океан. */Отшедший пункт в Магеллановом проливе/* При помощи пеленгов я определил свой отшедший пункт в широте 52°50' южной и в долготе 79°9' западной от Парижа.

Ненастная погода держала нас в порту Галан целых двадцать шесть дней; но достаточно было 36 часов попутного ветра, на который мы уже не смели и надеяться, чтобы выйти в Тихий

океан. Вероятно, это редчайший случай, когда корабль, не становясь на якорь, прошел от порта Галан до выхода из пролива. По моим расчетам, длина Магелланова пролива от мыса Вьерж до мыса Пилье не менее 114 лье. Чтобы проделать этот путь, нам понадобилось 52 дня.

/Общие замечания о плавании Магеллановым проливом/ Я хочу напомнить, что от мыса Вьерж до мыса Нуар приливное течение сносит на восток, а отливное — на запад и что приливы здесь очень сильны. От мыса же Нуар до порта Галан течения становятся менее сильными, и к тому же направления их здесь непостоянны. Наконец, от порта Галан до мыса Куад они становятся стремительными, а от мыса Куад до мыса Пилье почти не ощущаются. Однако во всей этой части пролива, начиная от порта Галан, течения подчинены тому же закону, который управляет ими начиная от мыса Вьерж: то есть приливное течение имеет направление к восточному морю, а отливное — к западному. Одновременно я хочу обратить внимание на то, что мои выводы относительно направления течений в Магеллановом проливе совершенно противоположны выводам, которые сделали другие мореплаватели. Однако вряд ли можно признать нормальным, что на этот счет существует несколько мнений.

Мы много раз сожалели, что в нашем распоряжении нет полных путевых журналов Нарборо и Бошена и что мы должны довольствоваться лишь искаженными выдержками из них; авторы, опубликовавшие эти выдержки, исключили из них даже то, что могло бы быть полезным для судоходства, а если и оставили кое-какие подробности, то в результате полного незнания морских терминов, которыми пользуются моряки, они принимали общепринятые **[143]** специальные термины за неприличные и заменяли их нелепостями. Их целью было написать нечто развлекательное для любителей

легкого чтения обоего пола, и в конце концов все их усилия сводились к созданию книги скучной и никому не нужной.

/Выводы/ Несмотря на трудности, которые мы испытали при проходе Магеллановым проливом, я всегда советую пользоваться этим путем, а не идти вокруг мыса Горн в период с сентября по конец марта. В течение остальных месяцев года, когда ночи имеют продолжительность 16, 17 и 18 часов, я избрал бы путь открытым морем. Противный ветер и большая волна не столь опасны, чтобы пуститься в необдуманное плавание вслепую через узкости. Несомненно, в проливе придется задержаться, но эта задержка не будет напрасной тратой времени. В проливе можно найти в изобилии пресную воду, строевой лес и различные раковины, а иногда и прекрасную рыбу. Я уверен, что цинга произведет большее опустошение среди экипажа корабля, который войдет в Западное море, обогнув мыс Горн, чем корабля, который проникнет туда через Магелланов пролив: когда мы выходили из этого пролива, у нас не было ни одного лежачего больного.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Часть вторая

От выхода из Западного моря до возвращения во Францию

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Плавание от выхода из Магелланова пролива до прихода на Таити. — Открытия, которые этому предшествовали

«Et nos jam *tertia* portat
Omnibus errantes terris et fluctibus

aestas» [98].

«Тебя ведь третье уж носит
По всевозможным, в блужданьях, морям и областям лето».

Вергилий. Энеида. кн. 1-я

/1768 г., январь/ Когда мы вышли в Западное море [99], несколько дней подряд дули переменные ветры юго-западного и северо-западного направлений. Затем ветер внезапно переменился на южный и юго-юго-восточный. Обычно ветры западных румбов сопровождают корабли до параллели 30°. */Направление нашего пути после выхода из Магелланова пролива/* Учитывая это, я решил предварительно идти к острову Хуан Фернандес, чтобы попытаться произвести там астрономические наблюдения и точно определить наш отшедший пункт, прежде чем пуститься в путь через безбрежный океан, протяженность которого разные мореплаватели указывают по-разному. Однако преждевременная встреча с южными и юго-восточными ветрами заставила меня отказаться от захода на остров, так как это только удлинило бы наш путь.

/Наблюдения над направлением побережья Чили/ В первые дни я приказал держать курс на запад, поскольку это могло помочь нам как выбраться на ветер, так и удалиться от незнакомого побережья, которое еще не было точно нанесено на карты. Но так как ветры все время дули с западного направления, мы обязательно должны были бы увидеть землю, если бы карта дона Хорхе Хуана [100] и дона Антонио де Ульоа [101] была точной. Эти испанские офицеры — люди высокого ранга, что придавало особый вес их мнению,

исправили старые карты Южной Америки и нанесли на них побережье от мыса Коре до острова Чилоэ по румбу норд-ост — зюйд-вест, опираясь на свои предположения, которые они, несомненно, считали вполне обоснованными. Однако исправленные ими карты требуют уточнения и мало утешительны для мореплавателей, которые, выйдя из Магелланова пролива, пытаются **[148]** возвратиться на север с использованием постоянно дующих ветров в пределах от юго-запада до северо-запада через запад. Мореплаватель Нарборо, выйдя из Магелланова пролива в 1669 г., прошел вдоль побережья Чили и обследовал все небольшие бухты и извилины побережья вплоть до реки Бальдивия, в которую он и вошел. Нарборо утверждает, что путь от мыса Дезире до Бальдивии лежит по курсу норд-5°-к осту. Это ближе к истине, чем предположения дона Хорхе и дона Антонио. Впрочем, если бы указанный ими путь оказался правильным, то путь, которым мы вынуждены были идти, как я уже говорил, привел бы нас к земле.

/Походный порядок «Будёза» и «Этуаля»/ Когда мы вышли в Тихий океан, я решил исследовать возможно большее пространство океана и с этой целью условился с командиром транспорта «Этуаль», что ежедневно с утра в зависимости от погоды он будет отходить на юг на такое расстояние, чтобы не терять нас из виду, а к вечеру мы будем сближаться и держаться друг друга на расстоянии полулье. Таким образом, если в ночное время с нами вдруг что-нибудь случилось бы, «Этуаль» всегда смог бы оказать нам помощь. Этот порядок мы соблюдали в течение всего перехода.

/Гибель матроса, упавшего за борт/ 30 января один из наших матросов упал за борт, и, несмотря на все наши усилия, мы не могли его спасти, так как было очень свежо и на море было сильное волнение. **[149]**

/Безуспешные поиски земли Давида [102]/ Я направил свой корабль таким курсом, чтобы обследовать землю, которую английский флибустьер Давид видел в 1686 г. на параллели 27°—28° южной широты и которую в 1722 г. безуспешно искал голландец Роггевен. Поиски этой земли я продолжал до 17 февраля. Если верить карте Беллена, 14 февраля мы должны были пройти мимо этой земли. */1768 г., февраль/* Я решил прекратить поиски острова Пасхи, так как его широта не была достаточно точно определена. Некоторые географы сошлись на том, что он расположен на параллели 27—28° южной широты; только один господин Бюаш [103] отмечает его положение в широте 31°. Во всяком случае 14 февраля днем, находясь в обсервованной широте 27°7' и счислимой долготе западной 104°12', мы увидели двух птиц, очень похожих на морских ласточек [equerret]; */Неуверенность в правильности широты острова Пасхи/* эти птицы обычно никогда не залетают дальше чем на 60—80 лье от берега; мы обратили также внимание на то, что к подводной части корпуса корабля прилипла еще совсем свежая трава; все эти признаки близости земли заставили меня идти не меняя курса до 17 февраля. Впрочем, рассказ Давида позволяет предположить, что земля, которую он видел, была не чем иным, как островами Сен-Амбруаз и Сен-Феликс, которые находятся в 200 милях от берегов Чили.

/Метеорологические наблюдения/ С 23 февраля по 3 марта погода была неустойчива: то было тихо и шли дожди, то дули западные ветры, меняя свое направление между юго-западом и северо-западом; ежедневно до или после полудня разражались грозы со шквалистым ветром и громом. И мы часто задавали себе вопрос: почему под тропиками в океане, который больше других славился постоянными свежими пассатными восточным и юго-восточным ветрами, как говорят, господствующими в нем круглый год, вдруг появилась эта странная изменчивая погода?

/Астрономические определения места корабля, сопоставленные со счислением пути/ В течение февраля господин Веррон произвел четыре обсервации для определения нашей долготы. Результаты первой обсервации, полученные в полдень 6 февраля, дали разницу лишь в 31' по сравнению с моим счислением, причем наше счислимое место оказалось западнее его обсервованного; вторая обсервация, произведенная в полдень 11 февраля, дала уже разницу с моим счислением на 3'45", причем по счислению мы оказались восточнее его обсервованного места. На основании третьей обсервации, произведенной 22 февраля в полдень, мы оказались западнее его места на 42'30"; наконец, по обсервации 27 февраля получилось расхождение к западу на 1°25'. Как раз в это время был то штиль, то противные ветры. Термометр, пока мы не оказались на параллели 45°, показывал от 5° до 8° **[150]** над точкой замерзания. Затем температура продолжала постепенно повышаться, и когда мы шли вдоль параллелей от 27° до 24°, она менялась от 17° до 19°.

Как только мы вышли из пролива, на фрегате вспыхнула эпидемия горловых болезней. Так как мы объясняли это холодной погодой в проливе, я приказал вливать ежедневно в лагун с питьевой водой пинту уксуса и подогревать ее при помощи раскаленных ядер. К счастью, нам удалось покончить с этой болезнью самыми простыми средствами, и к концу февраля в нашем лазарете не было уже ни одного больного. Лишь четверо матросов заболели цингой. В этот же период мы успешно занимались рыбной ловлей и поймали много бонитов; за восемь-десять дней мы наловили их столько, что обеспечили рыбой экипажи обоих кораблей.

/Открытие первых островов. 1768 г., март/ В течение марта мы шли по параллели, на которой должны были находиться первые острова, нанесенные на карту Белленом под названием островов Кироса. 21 марта мы поймали тунца

и нашли в его желудке несколько еще не переваренных небольших рыбок, которые обычно держатся вблизи берегов. Это служило признаком близости какой-то земли. И действительно, 22 марта в шесть часов утром мы одновременно увидели и четыре островка по румбу зюйд-зюйд-ост-5°-к осту [152 1/2°] и небольшой островок, который остался в четырех лье к западу от нас. Я назвал эти островки Катр Факарден [104].

/Замечания по поводу одного из этих островов/ Ввиду того что они были слишком на ветре, чтобы к ним приблизиться, я стал держать на небольшой островок, находившийся у нас по носу. Приблизившись к нему, мы увидели, что он окаймлен ровным песчаным пляжем и что весь он покрыт густой растительностью, среди которой высились отягченные плодами кокосовые пальмы. Море сильно билось о северный и южный берега, а высокий прибой, бушевавший вдоль всего восточного побережья, преграждал путь к острову и с этой стороны. Между тем зелень острова ласкала взор, а разбросанные повсюду пальмы прельщали нас своими плодами и тенью на пестрящих цветами лужайках. Вдоль побережья летало множество птиц, что как бы предвещало богатый улов, и нам очень хотелось высадиться здесь. Мы решили, что, возможно, западное побережье острова будет доступнее для высадки, и пошли вдоль берега, держась от него на расстоянии около двух миль. Но повсюду море билось о берег с огромной силой, и нигде не видно было ни заливчика, ни бухточки, которые могли бы служить для нас убежищем. **[151]**

/Остров обитаем, несмотря на его малые размеры/ Потеряв всякую надежду высадиться без риска разбить шлюпки, мы уже было легли на прежний курс, как вдруг кто-то закричал, что видит на берегу людей. Было их два или три человека. Мы никак не могли подумать, что такой маленький островок может быть обитаем, и первой моей мыслью было,

что это, вероятно, потерпевшие кораблекрушение европейцы. Я тотчас же приказал лечь в дрейф, решив пойти на все, но их спасти. Тем временем люди скрылись в лесу, оттуда вскоре вышла толпа человек в пятнадцать-двадцать. Приблизившись скорым шагом к берегу, они угрожающе потрясали длинными копьями, после чего удалились под деревья, где мы рассмотрели в подзорные трубы их хижины. Островитяне были совершенно нагие и казались нам очень высокими; цвет кожи у них — бронзовый.

Кто может сказать, как они попали сюда, связаны ли они с другими обитателями земного шара, что ждет их в будущем и как живут они на острове, диаметр которого не больше одного лье? Я назвал этот остров островом Копьеносцев [105].

Когда мы находились на расстоянии менее одного лье на северо-восток от этого острова, я приказал транспорту «Этуаль» бросить лот; лотлинь был вытравлен на глубину двести саженей, однако до дна не достал.

С этого дня мы уменьшали ночью нашу парусность, опасаясь наскочить на один из таких низменных островов, подходить к которым так опасно.

/Ряд встреченных нами островов/ Часть ночи с 22 на 23 марта мы вынуждены были держаться на траверзе какой-то земли; была гроза с громом и дул сильный ветер. На рассвете мы увидели землю, которая протянулась по отношению к нам с норд-ост-тень-норда [78 3/4°] до норд-норд-веста [337 1/2°.] Мы выбрались на ветер и к восьми часам утра находились в трех лье от ее восточной оконечности.

Несмотря на легкий туман, мы увидели, что вдоль побережья этой земли, которое казалось очень низким и было покрыто лесом, тянется гряда подводных скал. Повернув в открытое море, мы решили выждать, пока погода прояснится и

позволит нам подойти к берегу с меньшим риском; это нам удалось около десяти часов утра.

/Описание самого большого из этих островов/ Подойдя к острову на одно лье, мы шли вдоль него в поисках удобного для высадки места; мы не достали дна при длине лотлиня в 120 саженей. Рифы, о которые с яростью билось море, окаймляли все побережье. Вскоре мы увидели, что остров состоит как бы из двух длинных языков суши, соединенных на северо-западе; на юго-востоке между оконечностями этих языков имеется проход. **[152]**

Таким образом, середина этого острова на протяжении десяти-двенадцати лье по румбу зюйд-ост — норд-вест [135°—315°] занята морем. Словом, остров представляет собой вытянутую подкову, концы которой разъединены на юго-востоке. Оба языка суши настолько узки, что за северным видно море. Эти языки суши состоят лишь из песчаных дюн, пересеченных низменными участками, лишенными растительности, и более высоких дюн, покрытых кокосовыми пальмами и зарослями, образуемыми густыми низкорослыми деревьями.

После полудня мы увидели пироги, которые двигались внутри острова по подобию озера — одни под парусами, другие на веслах. Сидевшие в них дикари были совершенно голые. К вечеру островитяне толпами вышли на побережье. В руках у них, казалось, тоже были длинные пики, какими нам угрожали обитатели первого острова. Мы все еще не нашли места, где могли бы пристать шлюпки. Повсюду море билось с большой силой. Ночь прервала наши поиски и прошла в лавировке под марселями.

Не найдя и утром 24 марта подходящего места, где можно было бы пристать, мы отказались от мысли высадиться на этом недоступном острове и продолжали свой путь. Я назвал

этот остров из-за его формы островом Арп [106]. Но что это за необычайная страна? Давно ли она существует? Не разрушается ли? Кем населена? Ее обитатели показались нам высокими и хорошо сложенными людьми. Я восхищаюсь их мужеством: жить спокойно на этой песчаной полосе, которую ураган может в любой момент смести и похоронить в пучине! Впрочем, у них есть пироги, на которых они могут перебраться на соседние острова, тем более что у них почти нет никакого имущества.

/Первая цепь открытых островов. Архипелаг Данжерё/ В тот же день в пять часов вечера, мы увидели новую землю на расстоянии семи-восьми лье; неясность ее положения, неустойчивая погода со шквалами и грозами, а также наступившая темнота заставили нас провести и эту ночь в лавировке. 25 марта утром мы подошли к земле и убедились, что это очень низменный остров, тянущийся с зюйд-оста на норд-вест [135°—315°], длина его около 24 лье.

До 27 марта мы шли среди низких и полузатопленных островов, из которых осмотрели четыре, все одинаково трудно доступные и не заслуживающие того, чтобы тратить время на их осмотр. Это скопление островов, из которых мы видели одиннадцать, но которых было, вероятно, гораздо больше, я назвал архипелагом Данжерё [Опасный].

Среди этих низких земель, окруженных множеством рифов и окаймленных кольцом бурунов, плавание крайне **[153]** опасно, и следует, особенно ночью, принимать меры предосторожности.

/Ошибки на картах этой части Тихого океана/ Чтобы выйти из этих опасных мест, я снова взял курс на юг. И действительно, 28 марта мы потеряли из виду землю. Кирос первым в 1606 г. открыл южную часть этой цепи островов, которая тянется на вест-норд-вест [292 1/2°]. Здесь, у

пятнадцатой параллели, адмирал Роггевен в 1722 г. сбился с пути. Он назвал этот архипелаг Лабиринтом. Я никак не пойму, чем руководствуются наши географы, когда вслед за этими островами наносят начало побережья, которое, как они утверждают, видел Кирос и протяженность которого они считают равным 70 лье, ибо из путевого журнала этого мореплавателя можно узнать лишь, что первая земля, к которой он подошел после своего выхода из Перу, имела в длину более восьми лье. Однако, вовсе не собираясь рассматривать ее как значительное побережье, он говорит, что из бесед с дикарями, живущими здесь, он сделал вывод, что должен встретить на своем пути большие земли. Если бы здесь действительно находилась такая земля, мы не могли бы ее не заметить, поскольку минимальная широта, которой мы до сих пор достигали, была 17°40', то есть широта, обсервованная Киросом на этом побережье. Географы же пожелали сделать из него землю значительной протяженности.

Я согласен с тем, что большое количество низких островов и уходящих за горизонт почти затопленных земель заставляет предполагать, что где-то по соседству находится материк. Но география — это наука, основанная на фактах, и нельзя, сидя в кабинете, утверждать что-либо, ибо это чревато серьезными ошибками, которые мореплавателям впоследствии приходится исправлять подчас ценой собственного горького опыта.

/*Сопоставление астрономических наблюдений со счислением*/ В марте господин Веррон представил мне три обсервации долготы. Первая, сделанная 3 марта в полдень при помощи октанта Хадли [107], расходилась с моим счислением всего на 21'30", причем по сравнению с обсервацией я оказался по долготе западнее. Вторая обсервация, произведенная 10 марта в полдень при помощи мегаметра [108], уже существенно отличалась от моего

счисления, так как счислимая долгота была западнее на 3°6', чем обсервованная; и наоборот, результаты третьей обсервации при помощи октанта, относящиеся к 27 марта, почти совпадали с моим счислением и дали расхождение к востоку всего на 39'15". Следует иметь в виду, что с момента выхода из Магелланова пролива я все время придерживался долготы, принятой для моего отшедшего пункта, не внося никаких поправок и не пользуясь обсервацией. **[154]**

/*Метеорологические наблюдения*/ Весь март термометр показывал 19—20° по Реомюру, даже у берегов. В конце месяца пять дней подряд дул порывистый западный ветер со шквалами и грозами; дождь лил беспрестанно. /*Употребление лимонадного порошка и опресненной воды*/ На кораблях усилилась цинга: заболели восемь или десять матросов. Влажность — самый активный фактор этой болезни. Я велел ежедневно выдавать каждому матросу пинту лимонада, изготовленного из порошка Фасьо; порошок этот оказался весьма полезным в путешествии.

С 3 марта для получения пресной воды мы стали пользоваться перегонным кубом Пуассонье [109] и вплоть до Новой Британии употребляли опресненную таким образом воду для варки супа, мяса и овощей. /*1768 г., апрель*/ Куб был большим подспорьем в нашем длительном плавании. Мы разводили огонь в 5 или 6 часов утра и к ночи получали больше бочонка пресной воды. Наконец, чтобы экономить пресную воду, мы замешивали хлеб на морской воде.

/*Вторая цепь открытых островов. Архипелаг Бурбон*/ 2 апреля в десять часов утра на норд-норд-осте [22 1/2°] показалась одинокая отвесная гора. Я назвал ее Будуар или пик Будёз. Мы легли курсом на север, собираясь обследовать ее, и вдруг на вест-тень-норд [281 1/4°] увидели другую землю, побережье которой было не менее возвышенным и имело неопределенную протяженность. Мы нуждались в

стоянке, в пополнении своих запасов леса и питьевой воды и рассчитывали найти все это на увиденной нами земле. Весь день было почти полное безветрие. К вечеру подул бриз, и до двух часов ночи мы шли в направлении земли, к которой пытались подойти в течение трех часов, затем снова повернули в открытое море. К девяти часам утра сквозь тучи и туман пробилось солнце, и мы снова увидели землю, южная оконечность которой оставалась у нас на вест-тень-норд [281 1/4°]; пик Будёз был виден только с высоты мачт. */Вид Таити/* Ветер дул от северных и северо-восточных румбов, и мы старались держаться как можно ближе к ветру, чтобы находиться на ветре острова. Приближаясь к нему, мы увидели, что вдали за его северной оконечностью также имеется земля, удаленная еще более к северу, но не могли установить, относится ли она к первому острову, или это самостоятельный остров.

/Маневрирование с целью высадки на Таити/ Всю ночь на 4 апреля мы продолжали лавировать, чтобы подняться на север, и вскоре с радостью увидели на берегу множество огней. Земля была обитаема.

4 апреля на рассвете мы увидели, что два острова, которые накануне казались нам самостоятельными, соединены более низменной полосой суши, изгибающейся дугой и образующей бухту, открытую на северо-восток. Когда мы под **[156]** всеми парусами направились к берегу, находившемуся на ветре этой бухты, мы увидели пирогу под парусом и на веслах, шедшую с моря к берегу. Вскоре она обогнала нас и присоединилась ко множеству других пирог, которые устремились нам навстречу со всех берегов острова. На одной из пирог, шедшей впереди других, было двенадцать голых мужчин; они протягивали нам ветви бананового дерева. Их дружелюбие свидетельствовало о том, что в данном случае эти ветви служат оливковой ветвью мира.

/Первая обменная торговля с островитянами/ Мы также различными знаками старались заверить их в своих дружеских намерениях. Тогда они подошли к кораблю и один из них выделявшийся своей огромной взъерошенной шевелюрой, протягивая ветку мира, предложил нам принять в подарок поросенка и связку бананов. Мы согласились и спустили с корабля веревку, к которой он привязал свой подарок. В знак благодарности мы преподнесли ему шапки и носовые платки, и первые подарки были залогом нашей дружбы с этим народом.

Вскоре более ста пирог различной величины, все с балансирами, окружили оба наших корабля. Пироги были нагружены кокосовыми орехами, бананами и другими плодами. Все это островитяне предлагали в обмен на разного рода безделушки; обмен происходил самым честным образом, при обоюдном согласии; и тем не менее ни один островитянин не решился подняться к нам на корабли. Пришлось спускаться к ним в пироги или показывать предметы обмена с корабля, а когда обе стороны приходили к соглашению, то на конце веревки мы спускали корзину или сетку, куда они клали свои предметы, а мы — наши, или наоборот, сначала мы спускали им предметы обмена, а они посылали нам свои. Эта доверчивость островитян свидетельствовала об их добродушии. К тому же в пирогах не видно было никакого оружия; не было в пирогах при первой встрече и женщин.

Пироги сновали вокруг наших кораблей до наступления ночи, когда мы повернули в открытое море; тогда удалились и они.

Мы пытались за ночь подняться на север, не удаляясь от берега более чем на 3 лье. На всем побережье, как и в предшествующую ночь, светились на небольшом расстоянии один от другого огоньки; можно было подумать, что это

иллюминация, устроенная специально для нас. В свою очередь мы пустили с обоих кораблей несколько ракет.

Весь день 5 апреля прошел в лавировке, чтобы выйти на ветер от острова, и в измерении глубин в поисках якорного места. **[157]**

/Описание берега со стороны моря/ Возвышающийся амфитеатром берег представлял чарующее зрелище. Хотя горы здесь и очень высоки, однако нигде не видно голых скал: все покрыто лесами. Мы не верили своим глазам, когда увидели, что пик, возвышающийся среди гор в глубине южной части острова, до самой вершины покрыт деревьями. Он имел, пожалуй, не более 30 туазов в диаметре у основания и постепенно сужался к вершине. Издали его можно было принять за огромную пирамиду, которую рука искусного декоратора украсила гирляндами из зелени. Менее возвышенные участки острова перемежались лугами и рощами, а по всему побережью у подножия гор тянулась кромка ровной низменности, покрытой растительностью. Там среди бананов, кокосовых пальм и других деревьев, отягощенных плодами, мы увидели жилища островитян.

Продвигаясь вдоль берега, мы любовались величественным водопадом, низвергающимся с высоты гор и стремительно несущим к морю свои пенистые воды.

Деревня находилась у подножия гор, и у берега не видно было подводных скал.

Всем нам очень хотелось стать на якорь перед этой прекрасной местностью; с наших кораблей беспрерывно производились измерения глубин, а наши шлюпки бросали лот до самого уреза воды, но всюду находили лишь скалистое дно, потому якорную стоянку пришлось искать в другом месте.

/Возобновление обмена с островитянами/ С восходом солнца к кораблям снова подошли пироги, и весь день мы занимались обменом. При этом появилась даже новая отрасль торговли: кроме фруктов, вроде тех, что привозили накануне, и некоторой другой провизии, в том числе кур и голубей, островитяне привезли для обмена орудия рыбной ловли, каменные топорики, ткани, раковины и т.п. В обмен они просили изделия из железа и серьги. Торговые сделки, как и накануне, совершались добросовестно и честно. На этот раз явились и женщины — красивые и полуголые. На транспорт «Этуаль» поднялся один островитянин и преспокойно провел там всю ночь.

Продолжая лавировать, 6 апреля утром мы подошли к северной оконечности острова. Перед нами был второй остров, но так как нам показалось, что проход между двумя островами изобилует подводными скалами, то я вынужден был повернуть назад и искать место для якорной стоянки в бухте, которую мы увидели в тот день, когда впервые подходили к этой земле. Наши шлюпки, производившие измерения глубин у берега, обнаружили, что вдоль северного побережья бухты на 1/4 лье от берега тянется подводная скалистая гряда, обнажающаяся во время отлива. Однако на расстоянии одного лье от северного мыса бухты **[158]** оказался проход между рифами шириной самое большее в два кабельтова, в котором глубина достигала 30—35 саженей, а внутри бухты — довольно просторный рейд с глубинами от 9 до 30 саженей. Этот рейд с южной стороны ограничен рифом, который начинается у самого берега и соединяется с рифами, окаймляющими побережье. При измерении глубин с наших шлюпок оказалось, что везде грунт — песок. Со шлюпок видели также несколько небольших речек, очень удобных для пополнения запасов пресной воды. У скалистого северного берега видны три маленьких острова.

/Якорная стоянка у острова Таити/ Все это убедило меня стать на якорь на этом рейде, и мы тотчас же направились туда. Оставив оконечность рифа с правого борта и войдя на рейд, мы бросили правый якорь на глубине 34 саженей, грунт — серый песок, ракушка и гравий, тотчас же завезли верп в направлении норд-вест [315°] и стали фертоинг. Транспорт «Этуаль» прошел мимо нас на ветре и встал на якорь на расстоянии одного кабельтова к северу. Как только наш корабль стал фертоинг, были спущены нижние реи и стеньги.

/Попытка пристать к берегу/ По мере приближения кораблей к берегу островитяне окружали нас кольцом пирог. Их было так много, что наша шлюпка с трудом продвигалась вперед. С пирог слышались возгласы «тайо», что значит «друг». Бурно выражая самые дружеские чувства, все просили у нас гвозди и серьги. В пирогах было много женщин, которые красотой не уступали большинству европейских женщин, а стройностью фигур могли бы даже с успехом поспорить с ними. Большинство их были обнажены, так как мужчины и старухи, сопровождавшие их, сняли с них лоскуты материи, в которые они обычно драпируются. Женщины начали с нами заигрывать, и, несмотря на непосредственность их ужимок, в них чувствовалось какое-то смущение: потому ли, что женский пол от природы наделен украшающей его застенчивостью, или потому, что даже в среде дикарей, где еще царят откровение и вольность золотого века, женщины умеют притворяться и скрывать свои желания. Мужчины более прямодушны или более вольны, поэтому они вскоре ясно выразили свое желание. Они уговаривали нас выбрать себе женщин и следовать за ними на берег, а их недвусмысленные жесты говорили о том, как следует завязать с ними знакомство. Нужно признаться, что при виде такого зрелища нелегко было удержать за работой четыре сотни молодых французских моряков, которые вот уже шесть месяцев не видели женщин. Несмотря

на принятые нами предосторожности, на фрегат все же проникла одна молодая девушка. Она прошла на **[159]** полуют и стала возле люка над кормовым шпилем. Люк был открыт для доступа воздуха работающим на шпиле. Девушка сбросила набедренную повязку и оказалась в том виде, в каком Венера предстала перед взором фригийского пастуха. Она была сложена божественно. Матросы и солдаты, увидев девушку, старались протиснуться к люку, и еще никогда шпиль не вращался с такой быстротой.

Все же нам удалось удержать мужчин на кораблях. Только один француз, мой кок, несмотря на строгий запрет, улизнул на берег; но вскоре он вернулся оттуда напуганным и полуживым. Едва он ступил на берег с избранной им красоткой, как его окружила толпа туземцев. Его схватили и раздели донага. Кок уже считал себя погибшим, не понимая, что означают возгласы людей, которые поспешно ощупывали все его тело. После осмотра они вернули ему одежду и все, что было у него в карманах, а затем подвели к нему девушку и стали торопить выполнить то, что привело его на берег. Но все было напрасно. Поэтому островитяне вернули на корабль бедного кока, который просил меня наказать его самым строгим образом, заверяя, что он никогда не испытывал передо мною такого страха, какой испытал на берегу.

* * *

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пребывание на острове Таити. — Подробное изложение всего того хорошего и плохого, что там с нами произошло

/Высадка на берег/ Я уже говорил о препятствиях, которые нам пришлось преодолеть, прежде чем удалось стать на якоря, после чего я с группой офицеров сошел на берег, чтобы найти место, где мы могли бы запастись пресной

водой. Нас встретила огромная толпа мужчин и женщин, настороженно разглядывавших нас. Наиболее смелые подходили к нам, заглядывали даже нам под одежду, как бы желая удостовериться, что мы такие же, как и они, и ничем не отличаемся от них; ни у кого из них не было при себе никакого оружия, даже простой палки. Они не знали, как выразить свою радость при виде нас.

/*Посещение вождя округа*/ Вождь округа пригласил нас к себе в дом. Там было пять или шесть женщин и один почтенный старец. Женщины приветствовали нас, поднося руку к груди и произнося «тайо». Старик оказался отцом вождя. О его возрасте свидетельствовала лишь та печать благородства, которую обычно годы налагают на красивое лицо. Его седая голова, длинная борода, сильное и гибкое тело, его лицо без единой морщинки не носили никаких следов дряхлости. Почтенный старец не обратил внимания на наше появление и удалился, не отвечая на приветствия и, казалось, не выражая ни страха, ни удивления, ни любопытства и отнюдь не разделяя своего рода восторга, который мы возбуждали у всех представителей этого народа. Весь его озабоченный вид говорил о том, что он боится, как бы их счастливая жизнь, протекавшая до сих пор в безмятежном покое, не была нарушена появлением пришельцев другой расы.

/*Описание дома таитян*/ Нам предоставили полную свободу для ознакомления с внутренним устройством дома. В нем не было никакой мебели, никаких украшений, что отличало бы его от других домов, разве что его размеры. Он имел 80 футов в длину и **[161]** 20 футов в ширину. С крыши дома свисало нечто вроде цилиндра из ивовых прутьев длиной в 3—4 фута, украшенного черными перьями; мы заметили также две деревянные фигуры, которые мы приняли за идолов. Одна из них, изображавшая бога, стояла у столба; напротив, привязанная к сплетенной из тростника стене, превосходя ее

по высоте, стояла наклонно фигура богини. Обе фигуры, сделанные грубо, без всякого соблюдения пропорций, достигали каждая 3 футов высоты и были установлены на полых резных пьедесталах в форме башен высотой в 6—7 футов при одном футе в диаметре. Все это было сделано из очень твердого черного дерева.

/*Прием, оказанный нам вождем*/ Вождь предложил нам сесть на траве перед домом и велел подать сюда фрукты, жареную рыбу и воду. Сюда же он велел принести куски ткани и два больших ожерелья из ивовых прутьев, украшенных черными перьями и зубами акулы и напоминавших по форме пышные гофрированные брыжи, какие носили во времена Франциска I. Одно из них вождь надел на шею шевалье д'Орезону, другое — на меня. Принесенные ткани он преподнес нам. Мы уже были готовы вернуться на корабль, когда шевалье Сюзаннэ обнаружил, что у него из кармана ловко вытащили пистолет. Мы сказали об этом вождю. Грубо накричав на некоторых туземцев, он хотел было тотчас же обыскать всех окружающих нас людей. Мы просили не делать этого, пытаясь только объяснить ему, что виновник может стать жертвой своей проделки и что его может постигнуть смерть.

Вождь и все население округа вышли нас провожать. Мы уже подходили к нашим шлюпкам, когда один красивый островитянин, лежавший под деревом, предложил нам присесть около него на траву. Мы согласились. Он наклонился над нами и тихонько, под звуки дудки, на которой играл другой островитянин, спел нам песню, вероятно, анакреонтического [110] содержания: прелестная сцена, достойная кисти Буше [111]! Четверо островитян поднялись к нам на корабль, остались с нами ужинать и пробыли у нас до утра. Они слушали музыку: флейту, контрабас, скрипку; им показали также фейерверк из ракет и

шутих. Это зрелище вызвало у них удивление, смешанное с ужасом.

Утром 7 апреля на корабль явился вождь, которого звали Эрети. Он доставил нам свиней и кур, а также пропавший накануне пистолет. Этот поступок вождя произвел на нас хорошее впечатление.

На следующее утро мы высадили на берег больных и занялись перевозкой бочек для воды. Для охраны людей на берегу мы поставили часовых. **[162]**

/*Устройство нашего лагеря на берегу*/ После полудня я сошел на берег с оружием и вещами, и мы разбили лагерь на берегу речки, из которой собирались брать воду. При виде вооруженных людей и наших приготовлений к устройству лагеря Эрети сначала не проявлял ни недовольства, ни удивления. /*Противодействие этому со стороны островитян*/ Однако спустя несколько часов он подошел ко мне со своим отцом и несколькими старейшинами общины и знаками дал мне понять, что наше пребывание на их земле им не нравится, что мы можем находиться здесь весь день, сколько нашей душе угодно, но к ночи должны возвращаться на корабли. Я настаивал на устройстве лагеря, пытаясь объяснить ему, что лагерь нам нужен только для того, чтобы запастись водой, дровами и наладить товарообмен между двумя народами. /*Островитяне разрешили устройство лагеря*/ Посовещавшись со старейшинами, Эрети спросил меня, собираемся ли мы остаться здесь совсем или рассчитываем снова двинуться в путь и когда. Я ответил ему, что мы снимаемся через 18 дней, пояснив это при помощи 18 маленьких камешков. По этому поводу снова состоялось совещание, на этот раз с моим участием. Один почтенный человек, очевидно имеющий вес в совете, предлагал сократить срок до 9 дней; я настаивал на своем, и они согласились.

/Лагерь для больных и для рабочих/ С этого момента радость охватила всех. Эрети даже предложил нам воспользоваться большим открытым сараем, стоявшим у самой реки, где у них под навесом хранилось несколько пирог. Их тотчас же убрали, и мы раскинули в сарае палатки для наших цинготных больных: двенадцати с фрегата «Будёз» и двадцати двух с транспорта «Этуаль» и назначили несколько матросов для обслуживания их. */Приняты меры предосторожности. Поведение островитян/* Охрану должны были нести 30 солдат. Кроме того, я приказал доставить на берег ружья для рабочих и больных. Эту первую ночь я оставался на берегу. Эрети также пожелал провести ночь в наших палатках. Он велел принести себе ужин, присоединил его к нашему, отогнал толпу, которая окружила лагерь, и оставил с собой лишь пять или шесть своих друзей. После ужина он попросил пустить ракеты, что вызвало у него, пожалуй, больше страха, чем доставило удовольствия. Затем Эрети послал за одной из своих жен, которой велел остаться на ночь в палатке принца Нассау. Она была стара и некрасива.

Следующий день прошел в заботах по благоустройству лагеря. Сарай был построен хорошо и покрыт чем-то вроде циновок. Мы оставили там лишь один выход, загородив его барьером и поставив караул. Разрешение на вход в лагерь имели только Эрети, его жены и друзья. Туземцы толпились вокруг, но достаточно было одного вооруженного шомполом солдата, чтобы оттеснить их. Сюда со всех сторон **[163]** островитяне приносили фрукты, кур, свиней, рыбу, куски полотна и меняли все это на железные изделия, бусы, пуговицы и другие безделушки, казавшиеся им бесценными сокровищами. Они внимательно наблюдали за нами, чтобы узнать, что нам может нравиться. Заметив, что мы собираем противоцинготные растения и разыскиваем раковины, женщины и дети поспешили натаскать нам целые охапки

таких же растений, какие собирали мы, и целые корзины самых различных раковин. Их труды мы оплачивали пустяками.

/Помощь, оказанная нам островитянами/ В этот же день я попросил Эрети указать мне, где можно рубить лес. Низменность, на которой мы разбили лагерь, была покрыта фруктовыми деревьями и еще какими-то деревьями, выделяющими смолу и имеющими непрочную древесину. Деревья же с твердой древесиной росли в горах. Эрети указал мне, какие деревья можно рубить, и даже объяснил, в какую сторону их лучше валить. Вообще островитяне очень помогали нам в работе; наши люди валили деревья и распиливали их на части, а туземцы доставляли на корабли. Они помогали нам также наполнять водой бочки и перевозить их на шлюпках. В вознаграждение они получали гвозди в соответствии с проделанной работой. Единственное неудобство при этом состояло в том, что надо было зорко следить за всем, что приносилось с кораблей на берег, и даже за собственными карманами, так как более ловких плутов, чем эти островитяне, не сыщешь во всей Европе.

/Мероприятия против воровства/ Между тем не похоже, чтобы воровство было обычным явлением среди них. В их домах ничего не запирается, все лежит открыто на земле или подвешивается к крыше, нигде нет ни замков, ни сторожей. Вероятно, любопытство, вызванное невиданными доселе предметами, возбудило в них сильное желание обладать ими; впрочем, воришки найдутся повсюду. Кражи начались в первые же две ночи, несмотря на наличие патрулей и часовых, в которых даже бросали камни. Воры скрывались в болоте, находившемся за нашим лагерем и заросшем травами и тростником. Болото пришлось местами очистить, и я приказал караульному офицеру стрелять в первого попавшегося вора.

Это предложил сам Эрети, при этом, показывая мне, где находится его дом, он настойчиво просил стрелять в противоположную сторону. Каждый вечер по моему приказанию три шлюпки, вооруженные фальконетами и мушкетонами [112], становились на дреках напротив нашего лагеря.

/Странные обычаи островитян/ В остальном все протекало самым дружелюбным образом. Ежедневно наши матросы совершали прогулки по острову без оружия в одиночку или группами. Островитяне зазывали их в хижины, угощали. **[164]**

Однако здесь гостеприимство хозяев не ограничивается легким ужином: они предлагают гостям молодых девушек. Хижина мгновенно наполняется толпой любопытных мужчин и женщин, которые окружают гостя и молодую жертву долга гостеприимства; пол усеян листьями и цветами, исполняется гимн наслаждению под аккомпанемент тростниковой дудки. Богиня гостеприимства здесь — Венера, и ее культ не допускает никаких тайн; всякое наслаждение является народным праздником. Проявленное нами замешательство их удивило; наши обычаи не допускают подобной откровенности. Однако я не могу поручиться, что ни один из наших людей не поборол чувства стыда и не подчинился местным обычаям.

/Красоты внутренней части острова/ Неоднократно вдвоем или втроем мы забирались в глубь острова. Казалось, что я попал в эдем. Мы проходили по зеленой равнине, покрытой фруктовыми деревьями, пересеченной речками, которые создают здесь восхитительную прохладу и притом без каких-либо неприятных явлений, обычно сопутствующих чрезмерной влажности.

Многочисленное население острова наслаждается щедрыми дарами природы. Мы видели группы мужчин и женщин, сидящих в тени фруктовых садов. Все дружески приветствовали нас; если мы встречали на дороге кого-либо из островитян, то последние сторонились, чтобы дать нам пройти. Повсюду царили гостеприимство, покой, радость, веселье — все признаки полного благополучия.

/*Европейская домашняя птица и семена, преподнесенные нами вождю в подарок*/ Я подарил вождю округа, в пределах которого мы находились, две пары индеек и уток — самцов и самок. Конечно, для него мои дары были всего лишь лептой вдовицы. Я предложил также обработать для него участок земли по европейскому образцу и посеять там разные семена. Мое предложение было принято с радостью. Эрети велел подготовить и огородить участок земли, выбранный нашими садоводами и который я приказал вскопать. Таитяне очень удивлялись нашим орудиям садоводства. У них также вокруг жилищ имеется нечто вроде огородов, где растут пататы [113], тыквы, ямс [114] и другие овощи.

Участок засеяли рожью, овсом, рисом, маисом, а также луком и другими культурами. Мы были уверены, что за ними будет хороший уход, так как таитяне как будто склонны к сельским занятиям: думаю, что островитяне быстро привыкнут извлекать пользу из этой богатейшей в мире почвы.

/*Посещение вождя соседнего округа*/ В первые же дни нашего пребывания на острове меня навестил вождь соседнего округа. Он явился на корабль с подношениями в виде фруктов, свиней и тканей. Его **[165]** звали Тутаа. Это был очень красивый чрезвычайно высокого роста человек. Сопровождавшие его родичи также были очень высоки: почти все они были ростом по 6 футов. Я подарил им гвозди, инструменты, искусственный жемчуг и шелковые ткани.

Пришлось отдать ему визит; Тутаа принял нас очень хорошо и любезно, предложил мне одну из своих жен — молоденькую и довольно хорошенькую женщину. Сборище было многочисленным, и музыканты затянули брачные обрядовые песнопения во славу Гименея. Такова здесь церемония приема гостей.

/Убийство островитянина/ 10 апреля был убит один таитянин, и островитяне пришли с жалобой. Я послал людей к дому, куда внесли труп. Было очевидно, что он убит выстрелом из ружья. Между тем никому из наших людей — ни с корабля, ни из лагеря — не разрешалось выходить с огнестрельным оружием. Я провел самое тщательное расследование этого злодейского убийства, но безуспешно. Туземцы полагали, очевидно, что их соотечественник был в чем-либо виноват перед нами, так как продолжали с привычным доверием посещать нас. Однако мне донесли, что жители уносят свои вещи в горы и что даже дом Эрети почти опустел. Я сделал ему новые подарки, и славный вождь продолжал выказывать нам самую искреннюю дружбу.

/Потеря наших якорей и угрожавшая нам опасность/ Между тем я спешил с окончанием работ: хотя это место и было превосходным для удовлетворения наших нужд, я понимал, что якорная стоянка здесь ненадежна. Ненадежность эта заключалась в том, что, как мы обнаружили, морское дно здесь усеяно крупными кораллами, о которые могли порваться наши якорные канаты, хотя, судя по почти ежедневным их осмотрам, они были еще достаточно прочны. В случае сильного ветра со стороны океана и обрыва канатов у нас не оставалось бы свободного места для маневрирования с целью ухода. Только крайняя необходимость вынудила нас стать на якорь именно на этом месте, так как выбора у нас не было, и вскоре мы убедились, что наше беспокойство являлось обоснованным.

/Подробности маневрирования, благодаря которому нам удалось спастись/ 12 апреля в 5 часов утра ветер перешел на южные румбы, вследствие чего оборвались у самого дна и наш якорный канат, имевший направление на зюйд-ост [135°], и перлинь стоп-анкера, который мы из предосторожности завезли на ост-зюйд-ост [112 1/2°]. Мы немедленно отдали большой запасной якорь, однако не успел еще он забрать грунт, как фрегат бросило в сторону нашего якоря, положенного на норд-вест [125°], то есть в сторону транспорта «Этуаль», причем мы ударили в его левый борт и развернулись на якоре, **[166]** а на транспорте «Этуаль» быстро потравили якорный канат, в результате чего корабли разошлись и обошлось без аварий. Тогда с транспорта нам перебросили конец троса, шедшего от якоря, отданного к востоку, в сторону которого мы протянулись, чтобы еще больше удалиться от транспорта. Затем мы выбрали на борт большой запасной якорь, якорный канат и перлинь от стоп-анкера, оборвавшиеся у самого дна. Якорный канат оборвался у скобы, соединяющей его с якорем, на глубине 30 саженей. Пришлось его заменить и прикрепить к запасному якорю, взятому из трюма транспорта «Этуаль». Наш якорь, отданный на юго-восток и не имевший буйрепа из-за большой глубины, был потерян, и мы тщетно пытались найти стоп-анкер, у которого затонул томбуй. Мы тотчас же подняли фор-стеньгу и фока-рей, чтобы, как только позволит ветер, выйти в море.

После полудня ветер стих и перешел на восточные румбы. Тогда мы завезли верп и якорь, взятый с транспорта, в юго-восточном направлении, я послал также шлюпку с заданием произвести промер в северном направлении, чтобы узнать, нет ли там прохода, которым мы могли бы выйти почти при любом ветре.

/Убиты еще три островитянина/ Беда никогда не приходит одна. Пока все мы были заняты работами, от которых

зависело спасение кораблей, мне доложили, что трое островитян убиты или ранены штыками в своих хижинах, что население острова охвачено тревогой, старики, женщины и дети бегут в горы, унося с собой скарб и даже трупы своих близких, и что, возможно, скоро нам предстоит встретиться лицом к лицу с целой армией разъяренных людей. Положение было незавидным: нам угрожала война на суше как раз в тот момент, когда наши корабли могло выбросить на берег. Я направился в лагерь и в присутствии вождя приказал заковать в кандалы четырех солдат, подозреваемых в убийстве. Казалось, эта мера успокоила население.

/*Принятые нами предосторожности против могущих возникнуть последствий*/ Часть ночи я провел на берегу и, опасаясь мести островитян усилил охрану. Мы занимали отличную позицию между двумя реками, находящимися одна от другой на расстоянии не более чем 1/4 лье. С фронта лагерь прикрывало болото; а за ним раскинулось море, где уж, конечно, хозяевами были мы. Здесь нам было бы легко справиться со всеми объединенными силами острова; к счастью, кроме нескольких тревог, вызванных появлением воришек, ночь прошла спокойно.

/*Продолжающееся опасное положение кораблей*/ Но мои основные опасения заключались не в этом. Угроза потерять корабли у побережья была для нас самой страшной. С 10 часов вечера ветер с восточных румбов сильно **[167]** засвежел и вызвал значительное волнение на море, а дождь, гроза и другие зловещие признаки ухудшения погоды усугубили наше тяжелое положение.

Около 2 часов утра налетел сильный шквал, и наши корабли стали дрейфовать в направлении побережья. Я вернулся на корабль. К счастью, шквал продолжался недолго, и вскоре подул ветер с суши. Рассвет принес нам новые огорчения: лопнул отданный на северо-запад якорный канат. Через

несколько минут той же участи подвергся и трос, полученный нами с «Этуаля» и удерживавший нас на его верпе. Фрегат начало сносить в сторону якоря и верпа, завезенного на юго-восток, и он оказался на расстоянии меньше одного кабельтова от побережья, о которое яростно бились волны. Чем ближе надвигалась грозная опасность, тем меньше оставалось шансов на спасение; оба якоря, канаты которых оказались оборванными, были для нас потеряны; их томбуи исчезли: то ли они затонули, то ли таитяне утащили их ночью. За сутки мы потеряли четыре якоря, но нам предстояло перенести еще и другие потери.

В 10 часов утра новый якорный канат, который мы прикрепили к запасному якорю, взятому на транспорте «Этуаль», и который удерживал нас с зюйд-веста [225°], оборвался, и фрегат, удерживаемый лишь перлинем, начал дрейфовать в направлении побережья. Мы отдали последний имевшийся у нас большой запасной якорь под самым носом корабля, но чем он мог нам помочь? Мы находились так близко от подводных камней, что оказались бы на них прежде, чем успели бы вытравить канат достаточной длины, чтобы якорь прочно забрал грунт. С минуты на минуту должна была наступить печальная развязка. Внезапно подул юго-западный бриз, и мы вновь обрели надежду избежать гибели. Вскоре мы поставили на фок-мачте все паруса, которые начали наполняться ветром; мы старались следовать под парусами таким образом, чтобы выбрать якорный канат и перлинь и выйти в открытое море. Но почти тотчас возобновился восточный ветер. Однако мы все же успели принять конец перлиня второго верпа транспорта «Этуаль», который только что был отдан последним в восточном направлении и спас нас в данный момент. Мы развернулись на обоих перлинях, и нам удалось немного отойти от побережья. Тогда я направил нашу шлюпку к транспорту «Этуаль», чтобы помочь ему надежно укрепиться на своих

якорях, которые, к счастью, оказались на грунте, где было меньше коралловых рифов, чем там, где были отданы наши якоря. Закончив этот маневр, мы отправили шлюпку поднять запасной якорь, взятый нами с транспорта и имевший томбуй; прикрепив **[168]** к его буйрепу пеньковый трос, мы стали выбирать его в направлении на норд-ост [45°]; затем был поднят верп, принадлежащий транспорту «Этуаль», и возвращен ему обратно. В течение этих двух дней командир транспорта Жиродэ оказал нам очень большую помощь, и ему принадлежит главная роль в спасении фрегата; мне доставляет особое удовольствие отдать должное этому офицеру, усердие которого равно его способностям. Он сопутствовал мне и в прежних путешествиях.

/*Мир, заключенный с островитянами*/ Между тем, хотя уже давно наступил день, ни один островитянин не подошел к лагерю. На воде не видно было также ни одной пироги, дома были брошены, вся местность казалась опустевшей. Принц Нассау с четырьмя или пятью спутниками прошел в глубь острова, чтобы отыскать туземцев и успокоить их. Вскоре он встретил большую группу людей во главе с Эрети. Как только последний узнал принца Нассау, он подошел к нему со скорбным видом. Заплаканные женщины бросились на колени; они целовали ему руки, беспрестанно повторяя: «Тайо, матэ», то есть «Вы наши друзья и вы нас убиваете!» Ласками и дружескими словами ему удалось уговорить их вернуться обратно. С корабля я увидел толпы людей, бегущих к месту стоянки с курами, кокосовыми орехами, связками бананов, что предвещало восстановление мира.

Я тотчас же сошел на берег с кусками шелковых тканей и различными инструментами и роздал все это вождям. Выразив им соболезнование по поводу случившегося накануне несчастья, я заверил их, что виновники будут наказаны. Добрые люди осыпали меня ласками, народ приветствовал наш союз, и вскоре обычная толпа, а также

обычные плутишки снова вернулись на стоянку, напоминавшую ярмарку. В эти и в последующие дни нам приносили провизии больше, чем когда бы то ни было. Островитяне попросили нас также выстрелить несколько раз из ружья и были страшно испуганы, когда все животные, в которых стреляли, были убиты наповал.

/Уход транспорта «Этуаль»/ Шлюпка, которую я послал обследовать северное побережье, вернулась с приятной вестью: найден очень хороший проход. Однако было уже слишком поздно, чтобы мы могли им воспользоваться в тот же день. К счастью, ночь прошла спокойно на берегу и на море. 14 апреля утром я приказал транспорту «Этуаль», который уже запасся водой и вся команда которого была на борту, сняться с якоря при восточном ветре и выйти новым северным проходом. Так как «Этуаль» стоял на якорях севернее нас, мы могли выйти этим проходом лишь после транспорта. В 11 часов при **[169]** помощи поданного нам перлиня он снялся с якоря; я оставил у себя его шлюпку и два малых якоря; как только транспорт вступил под паруса, я принял на борт конец якорного каната от его юго-восточного якоря, отданного на хорошем грунте. После этого мы выбрали свой большой запасной якорь и оба верпа и, таким образом, остались стоять на двух больших и трех малых якорях. В 2 часа пополудни мыс радостью увидели, что транспорт «Этуаль» находится уже за линией рифов. С этого момента наше положение было уже не столь опасным, по крайней мере мы обеспечили себе возможность возвращения на родину, так как один из наших кораблей был уже вне опасности. Как только командир транспорта Жиродэ достиг открытого моря, он прислал мне шлюпку с офицером торгового флота Лавари Леруа, которому было поручено обследовать проход.

/Зарытый акт/ Мы проработали весь день и часть ночи, чтобы закончить приемку пресной воды, свернуть госпиталь

и сняться с лагеря. Я зарыл близ сарая вырезанный на дубовой доске акт о принятии во владение острова и плотно закупоренную и засмоленную бутылку со списком офицеров обоих кораблей. Так я поступал постоянно на всех открытых нами в течение этого плавания землях.

Когда команда в полном составе оказалась на борту корабля, было уже 2 часа утра; ночь была довольно грозовой, так что мы снова лишились спокойствия, несмотря на якоря, на которых мы стояли.

/Выход фрегата «Будёз». Нас подстерегала новая опасность/ 15 апреля в 6 часов утра при береговом ветре и грозовом небе мы снялись с якоря, выбрали якорный канат транспорта «Этуаль», обрубили один из перлиней, выбрали два других и с поднятыми фоком и двумя марселями вышли в море через восточный проход. Обе шлюпки были оставлены для подъема якорей, и как только фрегат оказался в открытом море, я направил два вооруженных баркаса под командой лейтенанта Сюзаннэ для охраны матросов, занятых подъемом якорей в бухте.

От открытого моря нас отделяло не более четверти лье, и мы уже поздравляли себя с благополучным выходом с якорной стоянки, доставившей нам столько жестоких треволнений, как вдруг ветер внезапно стих. Приливным течением и большой зыбью от востока нас понесло на рифы, находившиеся на подветренной стороне прохода. Худшее, что нам угрожало при кораблекрушениях, которых мы до сих пор избежали, — было лишь одно: провести остаток наших дней на острове, располагающем всеми дарами природы, и сменить прелести нашей родины на беззаботную и мирную жизнь на острове. Теперь же нам угрожало нечто ужасное: **[170]** корабль быстро несло на скалы, где он и двух минут не мог бы противостоять бешеному натиску могучих волн, и едва ли кто-либо даже из наших лучших пловцов мог бы спастись.

Как только возникла эта опасность, я подал всем шлюпкам и катерам сигнал сбора к фрегату для его буксировки. Они подоспели в момент, когда до рифа оставалось не более 50 саженей и положение наше казалось безнадежным, тем более что здесь нельзя было стать на якорь. */Уход с острова Таити; потеря якорей/* Бриз, подувший в это время с запада, снова вернул нам надежду: действительно, мало-помалу свежея, он отнес нас далеко, и к 9 часам утра мы были уже в полной безопасности.

Я немедленно направил шлюпки на поиски якорей и стал лавировать, ожидая их возвращения. В полдень мы присоединились к транспорту «Этуаль». В 5 часов вечера прибыла наша шлюпка с большим якорем и якорным канатом транспорта «Этуаль»; вскоре вернулись и доставили наш верп и один перлинь вторая наша шлюпка и шлюпка с транспорта «Этуаль». Что касается двух других верпов, то приближение ночи и крайнее утомление матросов не позволили поднять их в тот же день. Сперва я рассчитывал провести всю ночь в лавировке близ стоянки и послать за ними на следующий день, но в полночь поднялся очень свежий ветер от ост-норд-оста [67 1/2°] и заставил меня взять шлюпки на борт и идти под парусами в море, чтобы удалиться от побережья.

Таким образом, девятидневная стоянка стоила нам шести якорей, чего не случилось бы, если бы мы имели железные якорные цепи. Этого никогда не должны забывать мореплаватели, собираясь в подобные плавания.

/Сожаления островитян по поводу нашего ухода/ Теперь, когда нашим кораблям ничто не угрожает, сделаем отступление и опишем прощание с нашими островитянами. Рано утром, как только было замечено, что мы ставим паруса и готовимся к отплытию, Эрети вскочил в первую попавшуюся на берегу пирогу и прибыл к нам на корабль. Он

обнимал нас и плакал и был, по-видимому, сильно взволнован нашим уходом. Несколько позже подошла к борту его большая пирога, нагруженная всякого рода провизией, в ней сидели его жены и тот островитянин, который в день нашего прибытия побывал на транспорте «Этуаль». Взяв его за руку, Эрети пытался объяснить, что этот человек по имени Аотуру хочет следовать с нами, и упрашивал меня взять его. Затем он представил его офицерам — каждому в отдельности, говоря, что это его друг, которого он поручает нам, своим друзьям. Мы снова поднесли Эрети всякого рода подарки, после чего он покинул нас и присоединился к своим женам, не перестававшим **[171]** плакать все время, пока пирога находилась у борта. */По личной просьбе и просьбе всех таитян один из них остается с нами на корабле/* Среди них была одна хорошенькая и молоденькая женщина, которую наш будущий спутник обнял и поцеловал. Он дал ей три жемчужины, висевшие у него в ушах, и поцеловал ее еще раз. Несмотря на слезы молодой женщины, его жены или возлюбленной, он освободился из ее объятии и поднялся на корабль.

Так мы покинули этот славный народ, и я больше был поражен скорбью, которую причинил им наш уход, чем тем сердечным доверием, которое они выказали нам, когда мы прибыли на остров.

* * *

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Описание нового острова, нравов и обычаев его жителей

«...Lucis habilamus opacis,
Riparumque toros et prata recentia vicis

Incolumus».

«...Мы в лесах
обитаем тенистых,
Ложницы по
берегам и по рекам
зеленые нивы
Мы населяем».

Вергилий. Энеида,
кн. 6-я

/Географическое положение Таити/ Остров Таити [115], называемый так его обитателями, вначале получил имя Новой Цитеры. Его широта в 17°35'3" была определена в нашем лагере измерением нескольких меридиональных высот солнца, полученных на берегу квадрантом. Его долгота была определена одиннадцатью обсервациями Луны, согласно методу часовых углов. Господин Веррон в течение четырех дней и четырех ночей сделал много других наблюдений на земле для определения той же долготы, но так как тетрадь с его записями была у него похищена, остались только данные последних наблюдений, сделанных перед нашим уходом. Он полагает, что их средний результат довольно точен, несмотря на то что их наибольшие отклонения между собою составляли от 7 до 8°.

Потеря якорей и все те злоключения, о которых я подробно рассказал выше, заставили нас покинуть эту стоянку гораздо раньше, чем мы предполагали, так что у нас уже не было возможности осмотреть берега острова. Южная сторона острова нам совершенно неизвестна, а та, которую мы обследовали от юго-восточной до северо-западной оконечности, мне кажется, имеет протяженность в 15—20 лье, а пеленги на главные мысы находятся между румбами норд-вест [315°] и вест-норд-вест [337 1/2°].

/Более удобное якорное место/ Между юго-восточной оконечностью острова и другим большим выступающим на север мысом, на расстоянии от 7 до 8 лье от нее видна бухта, открытая на норд-ост [45°], вдающаяся в берег на 3—4 лье. Ее берега, уходя в глубь бухты, постепенно понижаются; затем они немного **[173]** повышаются, образуя, по-видимому, самый красивый и наиболее населенный район острова. Мне кажется, что в этой бухте можно легко найти несколько удобных мест для якорной стоянки. Однако судьба не благоприятствовала нам в выборе нашей якорной стоянки. Командир транспорта «Этуаль» господин де ла Жиродэ уверял меня, что, если войти сюда через тот проход, которым он вышел, то между двумя самыми северными островами можно найти очень надежное якорное место не менее чем для 30 линейных кораблей с глубинами в 23, 12 и 10 саженей, с грунтом из серого илистого песка; ширина для разворачивания корабля на якоре якобы равна там одной миле, и, кроме того, там никогда не бывает волнения. Остальная часть побережья высокая и, по-видимому, со всех сторон окружена рифами, не везде одинаково покрытыми водой. В некоторых местах рифы образуют небольшие островки, на которых таитяне всю ночь поддерживают огни, служащие ориентиром находящимся в море рыбакам.

Кое-где между рифами имеются проходы, позволяющие войти внутрь, за рифы, однако следует остерегаться характера грунта. Лот всегда приносит только серый песок, прикрывающий массу твердых и острых кораллов, способных за одну ночь перерезать якорные канаты; мы уже имели случай в этом убедиться на собственном печальном опыте. */Живописное расположение острова/* За северной оконечностью этой бухты никаких других бухт или заметных мысов нет. Самый западный мыс заканчивается низменной полосой земли, к северо-западу от которой на расстоянии

приблизительно одного лье виднеется невысокий остров, имеющий протяженность 2—3 лье к норд-весту [315°].

Высота гор острова Таити поразительна, в особенности, если принять во внимание сравнительно небольшие его размеры. Однако горы не производят мрачного и угрюмого впечатления, наоборот, они способствуют красоте острова, меняя поминутно перспективу: вашему взору представляются изумительные пейзажи, где богатейшие произведения природы рассеяны в том художественном беспорядке, прелесть которого художнику никогда так не удастся передать кистью. С гор спускается множество небольших речек, орошающих почву и способствующих столь же пользе жителей, сколь и украшению полян. */Что здесь произрастает/* Вся равнина, начиная от побережья и кончая подножием гор, покрыта фруктовыми деревьями, в тени которых, как я уже говорил, стоят беспорядочно разбросанные жилища таитян, никогда не образующие отдельных деревень; очутившись здесь, вы можете подумать, что перенеслись на Елисейские поля [116]. Разумно проложенные и **[174]** заботливо поддерживаемые в порядке тропинки облегчают связь между различными частями острова.

На острове произрастают главным образом кокосовые орехи, бананы, плоды хлебного дерева, померанцы, ямс, тыква и различные корни и плоды. Здесь много сахарного тростника, который совсем не обрабатывается; встречается дикое индиго [117]. Островитяне употребляют очень красивые краски — желтую и красную, но не знаю, из чего их приготовляют. Господин де Коммерсон нашел здесь такие же виды растений, как и в Индии. Аотуру, когда путешествовал вместе с нами, узнал и назвал многие наши фрукты и овощи, а также многие растения, которые любители выращивают в теплицах. В горах растут деревья, годные для обработки, но островитяне

мало их используют. Они применяют лишь кедровое дерево для постройки пирог.

Мы видели у них также пики из твердого и тяжелого черного дерева, похожего на железное. Для обычных пирог они используют хлебное дерево. Это дерево не колется, но оно очень мягкое и сильно пропитано смолистой массой, вследствие чего инструмент его только кромсает.

/По-видимому, ископаемых здесь нет/ Очень высокие горы занимают большую часть площади острова, но не похоже, чтобы недра земли содержали рудные залежи, да и обильная растительность, покрывающая горы, подтверждает это. Установлено, что островитяне совсем незнакомы с металлом. Любую металлическую вещь, которую мы им показывали, они называли одним словом — аури. Это же слово они употребляли, выпрашивая железные предметы. Но откуда им знакомо железо? Что я думаю об этом, будет сказано ниже.

/Имеется прекрасный жемчуг/ Здесь существует лишь одна отрасль бойкой торговли — это прекрасные жемчужины. Жены и дети местной знати носят их в ушах, но во время нашего пребывания они их прятали. Из створок раковин они изготовляют нечто вроде кастаньет, которыми пользуются во время танцев.

/Животный мир острова/ Из четвероногих мы видели здесь только свиней, небольших собак и множество крыс. Жители разводят кур, ничем не отличающихся от наших. Мы видели также прелестных горлиц с зеленым оперением, больших голубей с бирюзовыми перьями, крохотных сине-красных попугайчиков.

Свиней и птицу островитяне кормят бананами. За время нашего пребывания здесь мы выменяли более 800 штук птицы и около 150 свиней, считая как тех, что мы съели на

берегу, так и тех, что взяли с собой на оба корабля. И если бы не напряженная работа последних дней, мы могли бы иметь их значительно больше, так как жители приносили их нам каждый день. **[175]**

/*Метеорологические наблюдения*/ Мы не могли жаловаться на сильную жару на острове. За время, пока мы здесь находились, термометр Реомюра ни разу не поднялся выше 22°, а иногда показывал и 18°. Правда, солнце уже находилось на 8 или 9° по другую сторону экватора. Очень большим достоинством острова является полное отсутствие здесь полчищ отвратительных насекомых, что превращает в пытку жизнь в странах, расположенных между тропиками; не видели мы здесь и ядовитых тварей.

/*Польза климата. Здоровье жителей*/ Климат острова настолько здоровый, что, несмотря на тяжелые работы, которыми были заняты наши люди, целыми днями находившиеся в воде и на солнцепеке, а ночи проводившие под открытым небом на земле, никто не заболел. Больные цингой, которых мы свезли на берег и которые не имели ни одной спокойной ночи, быстро восстановили свои силы, а некоторые по возвращении на корабль выздоровели окончательно. Наконец, здоровье островитян, живущих в открытых всем ветрам домах и спящих на едва покрытой листьями земле, безмятежное существование без всяких болезней, когда до глубокой старости сохраняется острота всех чувств, исключительная красота зубов, — что может быть лучшим доказательством целительных свойств воздуха и пользы режима, которому следуют все обитатели острова.

/*Пища таитян*/ Основная их пища — овощи и рыба. Мясо они едят редко, а дети и молодые девушки — никогда, и этот режим, несомненно, предохраняет их от всех наших болезней. То же я могу сказать и о напитках — они не пьют ничего, кроме воды: один лишь запах вина или водки

вызывает у них отвращение, так же как и табак, пряности и вообще всякие острые вещи.

/Наличие среди жителей острова двух рас/ Население Таити состоит из двух резко отличающихся друг от друга рас, говорящих, однако, на одном языке, имеющих одинаковые обычаи и вступающих между собой в брачные отношения. Первая и самая многочисленная народность — это высокие, не менее 6 футов роста, люди; я никогда не встречал мужчин лучше и более пропорционально сложенных, нигде вы не найдете лучших натурщиков для изображения Геркулеса или Марса. Ничто в чертах лица не отличает их от европейцев: если бы они носили одежду, меньше бывали на солнце и открытом воздухе, кожа их была бы такой же белой, как и у нас. Как правило, у них черные волосы. Люди второй народности — среднего роста, с курчавыми и жесткими, как конская грива, волосами. По цвету кожи и по чертам лица они мало отличаются от мулатов. Таитянин, который отправился вместе с нами, **[176]** принадлежал ко второй народности, хотя его отец был старейшиной округа; он некрасив, зато очень умен.

/Подробности некоторых обычаев/ Те и другие отпускают бороду, но все бреют усы и верхнюю часть щек. Они отращивают также ногти, за исключением одного — на среднем пальце правой руки. Некоторые стригутся очень коротко, у других длинные волосы завязаны на макушке. Все имеют привычку смазывать волосы и бороду кокосовым маслом. Я видел там только одного калеку, да и то причиной этого было падение. Наш главный хирург уверял меня, что видел на некоторых из жителей следы оспы, и я принял меры для того, чтобы мы не занесли им сифилис, так как не предполагал, что они им уже заражены.

/Их одежда/ Обычно таитяне ходят совсем голыми, с одним лишь поясом на талии. Знатные же люди острова

прикрываются большим куском ткани, спадающим до колен. Так же одеты и женщины, которые умеют очень искусно придать изящество и кокетливость этому простому одеянию. Таитянки никогда не показываются на солнце непокрытыми, маленькая тростниковая шляпа, украшенная цветами, защищает их лицо от солнечных лучей. Поэтому кожа у них гораздо белее, чем у мужчин; у таитянок довольно тонкие черты лица, но что особенно их отличает, так это красота форм их тела, не обезображенного ради моды.

/Обычай татуировки/ Так же как женщины в Европе подкрашивают щеки румянами; таитянки красят поясницу и ягодицы в темно-синий цвет; это украшение и в то же время отличие; такого же обычая придерживаются и мужчины. Я не знаю, как накладываются эти несмываемые краски; вероятно, с помощью уколов и смазывания кожи соком известных им трав, как это делают туземцы Канады. Интересно, что такая мода существовала у людей, близких к первобытному состоянию, во все времена. Когда Цезарь впервые высадился в Англии, он обнаружил там установившийся обычай раскрашивать себя: «Omnes vero Britanni se vitro inficiunt, quod coeruleum efficit colorem», что значит: «Все британцы расписывают себя краской цвета лазури». Один остроумный автор философских изысканий об американцах объясняет причину этого распространенного в нецивилизованных странах обычая необходимостью предохранить себя от болезненных укусов насекомых, которых там неисчислимое количество.

Но такое объяснение отпадает, поскольку, как мы уже говорили, на Таити нет этих несносных насекомых. Раскрашивание здесь только мода, как любая мода в Париже. Другой обычай, общий для мужчин и женщин, — это **[177]** прокалывание ушей: они вдевают в них жемчужины или цветы. Исключительная чистоплотность еще более украшает

этот приятный народ. Они без конца купаются и всегда умываются до и после приема пищи.

Характер этого народа нам показался мягким и добродушным. Мы не заметили на острове никаких признаков междоусобной войны или каких-нибудь неприязненных отношений между отдельными лицами, хотя страна и разделена на небольшие округа с независимыми правителями во главе каждого из них.

/*Внутренние взаимоотношения*/ Таитяне питают полное доверие друг к другу и, вероятно, никогда не подвергают его сомнению. Дома они или нет, днем или ночью, их жилища никогда не запираются. Каждый может срывать плоды с любого встретившегося ему на пути дерева, брать их в любом доме, куда он вошел. По-видимому, на предметы первой необходимости у них нет права собственности, и все принадлежит всем. В отношениях с нами они проявили изрядное плутовство наряду с робостью, заставлявшей их обращаться в бегство при малейшей угрозе. Впрочем, мы видели, что вожди не оправдывали воровства и что они, наоборот, уговаривали нас убивать виновников кражи. Однако сам Эрети не применял тех строгостей, которые рекомендовал нам. Когда мы жаловались на какого-либо воришку, он сам бежал за ним со всех ног и если настигал его, что ему почти всегда удавалось, так как Эрети был неутомим в беге, то наказание сводилось к тому, что он бил виновника палкой и отбирал украденное. Я даже думаю, что им незнакомо более строгое наказание, потому что они проявляли жалость, когда видели некоторых из наших матросов в оковах. Однако я узнал впоследствии и не сомневаюсь в том, что у них в обычае вешать воров на дереве, как это практикуется в наших армиях.

/*Таитяне воюют с жителями соседних островов*/ Таитяне почти все время находятся в состоянии войны с обитателями

соседних островов. Мы видели большие пироги, на которых они совершают переходы к чужим берегам и даже ведут морские бои. Их оружие — лук, праща и нечто вроде копья — из очень прочного дерева. Войны здесь носят жестокий характер. По словам Аотуру, они убивают пленных мужчин и детей мужского пола, сдирают у мужчин с подбородка кожу вместе с бородой и носят с собой как трофей. Они оставляют в живых только женщин и девушек, которые являются добычей победителей. Аотуру — сын таитянского вождя и пленницы с острова Оопоа, соседнего с Таити: между этими островами существует постоянная вражда. Этому смешению я приписываю те различия, которые мы заметили между здешними жителями. Мне неизвестно, **[178]** как они лечат раны, но наших хирургов поражали почти незаметные рубцы на их теле.

/Важный обычай/ В конце этой главы я изложу то, что успел узнать о формах правления, о степени власти их повелителей, о различиях, существующих между правителями и народом, о том, что объединяет под властью одного человека это множество сильных людей, потребности которых столь скромны, здесь же я замечу только, что в особо сложных случаях вождь округа выносит решения лишь с согласия совета. Мы видели, что потребовалось совещание старейшин острова, когда решался вопрос об устройстве нашего лагеря на берегу. Следует добавить, что все подчинялись вождю без возражений. Знатным особам прислуживают лица, над которыми они имеют неограниченную власть.

/Похоронные обряды/ Трудно дать разъяснения относительно религии таитян.

Мы видели у них деревянных идолов. Но в чем выражается служение им? Единственный религиозный обряд, который мы имели возможность наблюдать, был связан с погребением покойника. Трупы здесь долгое время лежат распростертыми

на специальном помосте, похожем на эшафот, установленном под крышей. Запах разложения не мешает женщинам ежедневно приходить оплакивать своих близких и смазывать кокосовым маслом их хладные останки. Некоторые женщины, знавшие нас, разрешали нам приблизиться к месту царства теней. «Эмое» — «Он спит», — говорили они. И лишь когда от трупа остается только скелет, его переносят в дом, и уж не знаю, сколько времени он там хранится. Я только сам видел, как уважаемый в народе человек отправлял священные обряды; во время этих мрачных церемоний он надевал довольно изящные украшения.

/*Суеверия таитян*/ Мы задавали Аотуру много вопросов о его религии и пришли к заключению, что его соотечественники весьма суеверны, что жрецы имеют над ними страшную власть; помимо высшего существа по имени «Эри-т-эра», бога солнца или света, существа, не получившего какого-либо материального изображения, они допускают еще существование нескольких божественных начал — добрых и злых; эти божества или гении называются у них «эатуа»; каждое значительное событие в жизни объясняется влиянием злых или добрых духов, определяющих успех или неудачу. Мы поняли твердо лишь то, что в период, когда Луна находится в определенной фазе, называемой ими «малама тамаи» (Луна в состоянии войны), и период, который мы не смогли в точности установить, они приносят человеческие жертвы. Из всех их обычаев меня больше всего удивило пожелание чихающим, выражаемое такими словами: «эваруа-т-эатуа», то **[179]** есть «чтобы добрый эатуа тебя разбудил», или: «чтобы злой эатуа не усыпил тебя». Вот где обнаруживаются следы общности происхождения с народами Старого Света.

/*Многоженство*/ Скептицизм особенно уместен в рассуждениях о религии разных народов, поскольку нет

другой такой области, где бы так легко было принять проблеск за очевидность.

Полигамия очень распространена среди таитян, по крайней мере среди привилегированных лиц. Так как любовь единственная их страсть, то многоженство единственная роскошь богачей. Отец и мать одинаково заботятся о детях. На Таити нет таких порядков, чтобы мужчины занимались исключительно рыбной ловлей и военными делами, предоставляя слабому полу тяжелые работы по хозяйству и обработку земли. Поэтому удел женщины — приятная праздность, и самым серьезным ее занятием является уход за своей наружностью, чтобы нравиться мужчинам.

Я не берусь утверждать, являются ли их браки гражданским союзом, или освящены религией, считаются ли нерасторжимыми, или допускаются разводы. Как бы то ни было, но женщина обязана во всем подчиняться мужу; она может заплатить кровью за измену, если на то не было согласия мужа. Правда, получить такое согласие нетрудно, ибо ревность здесь совершенно незнакомое чувство, и обычно сам муж предлагает свою жену. Девушка же вообще совершенно свободна и поступает так, как ей подсказывает сердце или в соответствии со своим темпераментом, и сколько бы она ни имела временных связей, это не является препятствием в дальнейшем к ее замужеству. Поэтому ей незачем противиться влиянию климата и соблазну примеров. Воздух, которым она дышит, пение, эротические танцы — все напоминает ей о прелестях любви и призывает предаться им.

Они танцуют под звуки особого барабана, а поют под аккомпанемент очень нежной дудки с тремя или четырьмя отверстиями, в которую, как уже было сказано, дуют через нос. У них есть особый вид борьбы, которая одновременно является и физическим упражнением и игрой.

/Характер таитян/ Жизнь, представляющая собой постоянное наслаждение, сделала таитян жизнерадостными и привила им склонность к милой шутливости. Их характеру присуще также какое-то легкомыслие, которое нас постоянно удивляло. Все их поражает и ничто не занимает. Никогда их внимание не задерживалось более двух минут на чем-либо, даже если они видят какой-либо предмет впервые. */Сведения об их занятиях/* Малейшее усилие мысли кажется им невыносимой работой, и они стараются не утомлять свой мозг, как и тело. Я не могу, однако, обвинить их в отсутствии ума и сообразительности. Ловкость **[180]** и умение при выполнении тех немногих необходимых работ, от которых их все же не могли избавить щедрая природа и благодатный климат, лишь подтверждают это. Искусство, с которым сделаны их орудия рыбной ловли, — поразительно; рыболовные крючки из перламутра исполнены с такой тонкостью, как если бы их делали при помощи специальных инструментов; их сети, сплетенные из волокон алоэ, нисколько не уступают нашим. Мы восхищались их искусству строительства просторных жилищ, покрытых листьями латании [118].

/Постройка пирог/ У них имеется два вида пирог: одни маленькие, почти без всяких украшений, выдолбленные целиком из стволов деревьев; другие — намного больше и с очень искусной отделкой. Выдолбленный древесный ствол служит, как и у малых пирог, дном пироги и составляет от носовой части примерно две трети всей ее длины; второй ствол служит в качестве кормы, которая загнута и сильно приподнята, так что конец кормы находится на высоте 5 или 6 футов над водой; обе части соединены друг с другом по дуге окружности, а так как у таитян нет гвоздей, чтобы соединить обе части, они проделывают в них отверстия и продевают в эти отверстия сплетенные кокосовые волокна, представляющие собою нечто вроде прочных веревок. Борта

у пирог обшиты досками шириной примерно в один фут. Доски прикреплены к дну пироги такими же веревками. Для скрепления и здесь используются кокосовые волокна, причем швы ничем не промазываются. Доска, прикрывающая носовую часть пироги, выступает вперед на 5—6 футов и не позволяет носу пироги зарываться в воду при сильном волнении. Для придания большей устойчивости этим легким суденышкам на одном из бортов пироги устанавливают балансир. Это довольно длинный деревянный брус, положенный на две перекладины длиной от 4 до 5 футов каждая; концы этих перекладин закреплены на пироге. Когда пирога идет под парусом, доска выдвигается наружу с противоположной от балансира стороны; назначение ее — прикрепление в ней снастей, удерживающих мачту, а для того чтобы пирога была менее валкой, на конец доски становится человек или кладут какой-нибудь груз.

Их сметка проявляется еще нагляднее в том, как они приспосабливают свои пироги для плавания на соседние острова, с которыми они общаются, не имея в пути других ориентиров, кроме звезд. Они ставят две большие пироги борт к борту на расстоянии около 4 футов одна от другой и соединяют их при помощи нескольких перекладин, прикрепленных к бортам обеих пирог. В кормовой части **[181]** соединенных таким способом пирог устраивается нечто вроде шатра очень легкой конструкции с тростниковой крышей. Этот шатер защищает их от дождя и солнца, и в то же время здесь хранятся продукты. В такой сдвоенной пироге может поместиться много людей; пирога не может перевернуться. Мы заметили, что такими пирогами всегда пользуются вожди; эти пироги, так же как и обычные, передвигаются с помощью весел или парусов; паруса делаются из циновок, натянутых на рамки из прутьев, причем один из углов рамки закруглен.

Для всех работ у таитян имеется одно орудие — тесло, острая часть которого сделана из очень твердого черного камня. Тесло, точно такое же, каким пользуются наши каменщики, и островитяне владеют им очень ловко. Для того чтобы сделать отверстия в дереве, они используют острые куски раковин.

/*Их ткани* [119]/ Изготовление оригинальных тканей, которые служат им одеждой, является далеко не последним из их ремесел. Они изготовляют их из коры деревца, которое все жители разводят возле своих домов. Куском твердого дерева, обтесанного в виде бруска с нарезанными на его гранях бороздками, они колотят эту кору, положив ее на гладкую доску. Смачивая кору водой, они колотят ее до тех пор, пока она не превращается в очень тонкую, похожую на бумагу, но гораздо более мягкую и прочную массу. Изготовленная таким образом «ткань» бывает довольно широкой. Таким же способом они производят несколько сортов более плотной материи. Чем они окрашивают ее, я не знаю.

/*О таитянине, привезенном во Францию*/ Я хочу закончить эту главу несколькими словами в свое оправдание. Я вынужден сделать это, так как меня обвиняют в том, что я злоупотребил согласием Аотуру совершить путешествие, продолжительность которого он, конечно, не мог предвидеть. Я хочу также поделиться тем, что я узнал от Аотуру за время, проведенное им со мною.

/*Почему он был взят на корабль*/ Страстное желание этого островитянина отправиться с нами не вызывало никаких сомнений. С первых же дней нашего пребывания на Таити он выражал это самым откровенным образом, и его собратья, казалось, одобряли это желание. Мы были вынуждены плавать в неизведанных морях и отдавали себе отчет в том, что ту или иную помощь и свежие продукты, необходимые для поддержания нашей жизни, мы сможем получить лишь при доброжелательном отношении к нам народов тех земель,

которые нам предстоит открыть. Поэтому было чрезвычайно важно, чтобы с нами находился житель одного из самых значительных островов этого моря. Мы были уверены, что он говорит на том же **[182]** языке, что и его соседи, что у них одинаковые обычаи и что доверие к нему может оказаться для нас решающим. Он сможет подробно рассказать им и о нашем отношении к его соотечественникам и к нему самому. К тому же мы предполагали, что наше отечество захочет воспользоваться союзом с народом, населяющим одну из красивейших стран земного шара. Мы связали бы этот народ узами вечной благодарности, если бы смогли вернуть назад их соотечественника, с которым хорошо обращались, обогащенного знаниями, полезными его родине. Каким бы это послужило залогом укрепления союза! Но, видно, богу было угодно, чтобы вдохновлявшее нас рвение не принесло счастья отважному Аотуру.

/Его пребывание в Париже/ Я не жалел ни денег, ни внимания, чтобы сделать его пребывание в Париже приятным и полезным. Он оставался здесь 11 месяцев, в течение которых не проявлял ни печали, ни скуки, ни тоски. В парижском обществе он вызвал живой интерес. Многие желали видеть его. Но у людей, движимых лишь праздным любопытством, его появление вызывало ложные суждения. Упорствуя в своих предрассудках, эти люди, никогда не выезжавшие из столицы, легко впадающие во всякого рода заблуждения и не стремящиеся углубить свои знания, не задумываясь, выносят, однако, строгие и безапелляционные решения.

Например, многие удивлялись, что на родине этого человека не говорят ни по-французски, ни по-английски, ни по-испански. Что я мог сказать? Однако вовсе не удивление, вызванное подобными вопросами, заставляло меня молчать. Ко всему этому я был подготовлен, тем более что после моего возвращения многие из тех, кого считали образованными,

уверяли, что я вовсе не совершил кругосветного путешествия, поскольку не был в Китае. Другие строгие критики распространили дурное мнение о бедном таитянине, потому что, проведя два года среди французов, он еле-еле научился неправильно произносить несколько слов на нашем языке. Разве мы не видим ежедневно, говорили мне, итальянцев, англичан и немцев, для которых пребывание в Париже в течение года оказалось достаточным для того, чтобы научиться говорить по-французски? Я мог бы ответить не без основания, что независимо от физического недостатка, который препятствовал Аотуру научиться говорить по-французски (об этом недостатке будет сказано дальше), следовало считаться с тем, что этому человеку было уже не менее 30 лет, что никто никогда не развивал его память, что его ум, сознание не были приучены ни к какому труду; я согласен, что итальянец, англичанин или немец действительно может через год научиться кое-как говорить на **[183]** ломаном французском языке, но ведь все эти иностранцы имеют такую же грамматику, какую имеем и мы; моральные, физические, политические и социальные понятия у них те же, что и у нас, и выражены они на их языке такими же словами, как и на французском языке; поэтому им остается только переводить, обращаясь к своей памяти, развиваемой с детских лет.

Аотуру, наоборот, было знакомо лишь ограниченное число понятий, относящихся к довольно примитивному, неразвитому обществу; с другой стороны, его потребности были предельно просты и немногочисленны. Поэтому он должен был создавать в своем уме, таком же ленивом, как и его тело, целый мир простейших идей, прежде чем сумел бы выразить их словами на нашем языке. Вот что мог бы я ответить; однако на все эти разъяснения потребовалось бы много времени, а я уже неоднократно замечал, что когда меня забрасывали вопросами и я собирался на них отвечать,

те, кто только что удостаивали меня своим вниманием, были уже далеко от меня. В столицах считается обычным явлением, что люди задают вопросы не из любопытства и желания узнать что-либо новое, но в качестве судей, готовых вынести приговор, а потому, услышат они ответ или нет, их приговор уже предрешен.

Хотя Аотуру с трудом произносил несколько слов на нашем языке [120], он всегда один гулял по городу и ни разу не заблудился. Он часто делал покупки и почти никогда не переплачивал за купленные им вещи. Из наших зрелищ ему нравились только опера и балет, так как он страстно любил танцы. Он прекрасно знал, когда дают эти спектакли, шел туда сам, платил за вход, как и все, и садился на свое любимое место на галерее. Среди множества лиц, желающих его видеть, он всегда отмечал тех, кто делал ему добро, и его благодарное сердце никогда не забывало их. Он был чрезвычайно привязан к герцогине Шуазель, которая осыпала его благодеяниями и проявляла к нему внимание и дружеские чувства, к чему он был более чувствителен, чем к подаркам. Каждый раз, когда его щедрая покровительница приезжала в Париж, Аотуру ходил ее навешать.

/*Отъезд Аотуру из Парижа. Меры, принятые для его возвращения на родину* [122]/ Он выехал из Парижа в марте 1770 г. и в Ла-Рошели перешел на торговое судно «Бриссон», которое должно было доставить его на остров Иль-де-Франс [121]. На время перехода забота о нем была поручена одному негоцианту, являвшемуся совладельцем судна и следовавшему на нем. Министерство дало приказ губернатору и интенданту острова Иль-де-Франс переправить оттуда Аотуру на Таити. **[184]**

Я представил достаточно подробную записку о маршруте, по которому надо следовать до Таити, и пожертвовал 36 000 франков (треть моего имущества) на подготовку судна к

этому плаванию. Герцогиня Шуазель также пожертвовала значительную сумму денег для закупки и доставки на Таити различных предметов первой необходимости, в том числе зерна и скота; испанский король соизволил разрешить судну, если явится такая необходимость, зайти на Филиппины. Только бы Аотуру удалось поскорее увидеть своих соотечественников!

/Новые подробности о нравах таитян/ А сейчас я расскажу о том, что, как мне кажется, я понял из моих разговоров с ним о нравах его страны.

Я уже говорил, что таитяне признают какое-то высшее существо, которое не имеет определенного образа и не может быть изображено руками человека, а также два низших божества, олицетворяющих, как выражается Амьо [123], два начала и изображенных в виде деревянных фигур. Таитяне молятся во время восхода и захода солнца; в частности, они выполняют различные суеверные обряды, считая, что этим можно оградить себя от влияния злых духов.

Комета, которую Аотуру видел в Париже в 1769 г., позволила мне убедиться, что таитянам знакомы эти небесные явления; Аотуру сказал, что они появляются только после большого количества «Лун». Они называют кометы «эвету эаве» и не связывают с их появлением никаких зловещих предзнаменований. Совсем не так обстоит дело с тем видом метеоров, которые их народ считает «эпао» — падающими звездами и приписывает им силу злых духов — «эатуа-тоа».

Впрочем, более сведущие представители этого народа, не будучи астрономами, как это утверждали наши газеты, имеют собственную номенклатуру самых замечательных созвездий; им знакомо суточное движение, и они руководствуются им находясь во время плавания в открытом море от острова к острову. Во время такого плавания, дальность которого

иногда превышает 300 лье, земля совсем теряется из виду. Днем компасом им служит солнце, а ночью — звезды, которые между тропиками всегда чрезвычайно ярки.

/Соседние острова/ Аотуру говорил мне о нескольких островах; на одних острова союзники таитян, на других — враги. Дружественными были острова Аимеа, Маоруа, Ака, Умаитиа, Тапуа-массу; враждебными — Папара, Аиатеа, Отоа, Тумараа, Оопоа. Эти острова по величине равны Таити. Остров Паре выступает то союзником, то противником [124]. Энуа-моту и Тупаи — маленькие необитаемые острова, изобилуют фруктами, **[185]** свиньями, дичью, рыбой и черепахами, но в народе считают, что эти острова являются местом пребывания духов и их владениями и что с теми судами, которых любопытство приводит к этим священным островам, случается несчастье. Почти все, кто приближался к этим островам, платились за это жизнью.

Эти острова находятся на различных расстояниях от острова Таити. До самого дальнего острова, о котором говорил мне Аотуру, не менее 15 дней пути. По всей вероятности, он, решившись сопровождать нас, предполагал, что приблизительно на таком же расстоянии находится и наше отечество.

/Неравенство среди сословий на Таити/ Я уже говорил, что, как нам казалось, жители Таити живут счастливо, достойные зависти. Мы думали, что почти все они равны между собой или, по крайней мере, пользуются свободой, подчиняясь лишь законам, установленным для общего блага. Я ошибался. Различие в рангах, в общественном положении и жестокое неравенство очень глубоко укоренились на Таити. Короли и вельможи имеют право на жизнь и на смерть своих рабов и слуг. Я даже склонен думать, что жертвами этого варварского права является та часть народа, которую таитяне называют «тата-эйну», то есть люди низкого звания; из этой

категории отверженных и избираются человеческие жертвы. Мясо и рыба предназначены для стола знатных особ; народ ест лишь фрукты и овощи. Неравенство сказывается даже в способе освещения жилищ людей разных сословий, и даже дровами, предназначенными для очага знатного человека, не разрешается пользоваться простому туземцу. Лишь короли имеют право сажать перед своим домом дерево, которое мы называем плакучей ивой. Нагибая ветви этого дерева и зарывая концы их в землю, можно создать какую угодно тень; на Таити — это столовая короля.

Слуги знатных особ носят отличительные одеяния. Чем выше ранг господина, тем выше у его слуг повязывается более или менее широкий кусок ткани. У слуг вождей эта ткань повязывается под мышками и спускается до колен; слуги менее знатных господ опоясывают только бедра. Обедают островитяне обычно после полудня и ужинают после захода солнца. Мужчины едят отдельно; женщины лишь подают мужчинам блюда, приготовленные слугами.

/Соблюдение траура/ Жители Таити соблюдают траур; он называется «ээва». Весь народ носит траур по верховному вождю. Траур по отцу очень длителен. Жены соблюдают траур по мужу, однако мужья от этого свободны. В знак траура на голове носят украшение из перьев, цвет которых символизирует смерть, **[186]** и закрывают лицо покрывалом. Когда люди, носящие траур, выходят из дому, впереди них идут несколько рабов с особыми трещотками; звук их предупреждает людей посторониться — то ли в знак уважения к скорби людей, то ли как предупреждение против неприятной встречи с ними.

Впрочем, на острове Таити все обстоит так же, как и в других местах: нарушаются самые почтенные обычаи. Аотуру рассказывал, что этими пышными церемониями пользуются для устройства любовных свиданий и прежде всего с теми

женами, мужья которых не очень снисходительны. Трещотка, звуки которой заставляют всех немедленно отойти в сторону, а также покрывало, скрывающее лицо, обеспечивают влюбленным тайну и безнаказанность переговоров о встречах.

/Взаимная помощь при болезнях/ В случае мало-мальски серьезной болезни все близкие родственники собираются у постели больного. Они там и едят и спят, пока не пройдет опасность. Дежурят у постели больного и ухаживают за ним все по очереди. Здесь в обычае кровопускание. Но надрез делается не на руке или на ноге, «Тауа», то есть врач или младший жрец, ударом заостренного куска дерева по голове больного вскрывает вену, которая носит у нас название сагиттальной [125]. Когда вытечет достаточное количество крови, он перевязывает голову больного куском ткани; на следующий день рану обмывают водой.

Вот что я узнал об обычаях этой любопытной страны — как на месте, так и из бесед с Аотуру.

/Замечания по поводу языка таитян/ В конце этой книги помещен словарь таитянских слов, которые мне удалось собрать. Прибыв на этот остров, мы вскоре обратили внимание на то, что некоторые слова, произносимые туземцами, мы встречали в книге Лемера [126] под названием «Словарь Кокосовых островов», помещенный после описания этого путешествия. Действительно, судя по определению Лемера и Схоутена [127], эти острова должны были находиться где-то очень близко от острова Таити; может быть, это как раз те, которые называл мне Аотуру. Язык Таити мягок, гармоничен и прост для произношения. С юза состоят почти из одних гласных букв; в нем совсем не встречается немых слогов, глухих или носовых звуков и того количества согласных и артикуляции звуков, что так усложняет некоторые языки. Поэтому-то Аотуру и не мог произносить

французские слова. Те же причины, которые позволяют упрекать наш язык в отсутствии музыкальности, делали его недоступными для речевых органов Аотуру. Скорее можно было бы заставить его произносить испанские и итальянские слова. Господин Перейр [128], [187] прославившийся своим искусством обучать глухонемых от рождения говорить и даже хорошо произносить слова, внимательно обследовал Аотуру и нашел, что он физически не может произносить большую часть наших согласных и ни одной из носовых гласных. Перейр очень любезно согласился передать мне свое письменное заключение, которое помещено в данной книге после таитянского словаря.

Язык этого народа довольно богат. Я сужу по тому, что во время путешествия Аотуру в ритмичных строфах говорил обо всем, что поражало его взгляд. Это походило на импровизацию, произносимую речитативом. Нам казалось, что в его языке достаточно средств, чтобы обрисовать множество предметов, совершенно новых для него. Кроме того, он ежедневно произносил новые, еще незнакомые нам слова; между прочим, он читал очень длинную молитву, которую называл молитвой королей. Из всех слов, составляющих ее, я знал едва десяток.

Я узнал от Аотуру, что за 8 месяцев до нашего прибытия на Таити к острову подошел английский корабль. Это был корабль под командой Уоллиса [129]. Тот же случай, благодаря которому мы открыли этот остров, привел туда и англичан; в это время мы находились на реке Ла-Плате. Они пробыли там целый месяц и, если не считать попытки островитян захватить корабль, пришли к общему согласию. Вот откуда, вероятно, им знакомо слово железо, которое мы слышали от таитян. Слово «аури», как они его называют, созвучно английскому слову «iron», произносимому «айрон».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Уход с острова Таити. — Открытие новых островов. — Описание плавания вплоть до ухода с Больших Циклад

/1768 г., апрель/ Вы уже знаете, что на стоянке у острова Таити было много и хорошего и плохого: волнения и опасности преследовали нас на каждом шагу до самого последнего момента; и все же эта страна была для нас другом, и мы любили ее со всеми ее недостатками. 16 апреля в 8 часов утра мы находились приблизительно в 10 лье на норд-ост-тень-норд [33 3/4°] от ее северной оконечности, и отсюда я установил свой отшедший пункт. В 10 часов мы обнаружили под ветром землю, состоявшую, как нам показалось, из трех островов; в это время еще видна была оконечность Таити. В полдень мы совершенно отчетливо увидели, что то, что мы приняли за три острова, на самом деле всего лишь один, вершины которого издали показались нам обособленными. */Вид острова Умаитиа/* За этой землей вдали виднелся другой остров средней высоты, покрытый деревьями; он открывается с моря на расстоянии 8—10 лье. Аотуру называет его Умаитиа.

Он достаточно ясно дал понять, что там живет дружественный им народ, что он посещал этот остров и даже имеет там подругу, что нам будет там оказан такой же прием, как на острове Таити, и что мы сможем получить там провизию.

/Направление нашего пути/ Днем мы потеряли остров из виду, и я проложил курс так, чтобы избежать архипелага Данжерё, памятуя о бедствиях адмирала Роггевена в этих водах. Двумя днями позже мы получили неоспоримое доказательство того, что обитатели островов Тихого океана общаются между собой даже на значительных расстояниях. В безоблачном небе сверкали звезды; внимательно их разглядывая, Аотуру указал нам на яркую звезду в поясе Ориона, говоря, что если взять направление на эту звезду, то

через два дня мы увидим богатую землю, где он бывал и где у него есть друзья. Жестами **[189]** он объяснил нам, что у него там есть ребенок. Так как я не хотел менять курс, он повторил мне несколько раз, что там есть кокосовые орехи, бананы, куры, свиньи и особенно женщины. Задетый тем, что меня не трогают эти доводы, он бросился к штурвалу, с управлением которого уже ознакомился, и хотел, несмотря на протесты рулевого, повернуть его, чтобы заставить нас идти в направлении указанной им звезды. Нам стоило немало труда успокоить его, и отказ причинил ему большое огорчение. На следующий день с рассветом Аотуру поднялся на верхушку мачты и провел там все утро, глядя не отрываясь в сторону той земли, куда он хотел нас вести, словно надеясь ее увидеть. Накануне этого дня он, не задумываясь, назвал на своем языке большую часть ярких звезд, на которые мы ему указывали; тогда же мы убедились, что ему прекрасно известны фазы Луны и различные приметы, по которым можно предсказать изменение погоды на море. Он совершенно ясно дал нам понять, что, по их твердому убеждению, и Луна и Солнце обитаемы. Какой Фонтенель [130] разъяснил им множественность миров?

В остальные дни апреля стояла очень хорошая погода, но ветра было мало и восточный ветер держался больше северных, чем южных румбов. В ночь на 27 апреля наш французский лоцман-практикант скоропостижно умер от апоплексического удара. Таких практикантов называют «прибрежными лоцманами», и они имеются на всех кораблях французского королевского флота. Они отличаются от тех, кого в составе экипажей называют лоцманами, помощниками лоцманов или учениками лоцманов. Существует неверное представление об обязанностях, выполняемых этими лоцманами на наших кораблях. Обычно думают, что они прокладывают курс корабля и служат чем-то вроде палки для слепых. Не знаю, есть ли такая нация, которая подобным

чинам неофицерского звания доверяет искусство кораблевождения — основной элемент навигации. На наших кораблях в обязанности этих лоцманов входило наблюдение за точным выполнением рулевыми заданного капитаном курса и фиксирование всех изменений курса, происходящих под влиянием ветров или же по приказанию капитана; они должны также наблюдать за сигналами. Все эти обязанности они выполняют под руководством вахтенного офицера. Конечно, офицеры французского королевского флота выходят из училищ с более глубокими знаниями по геометрии, чем это требуется для освоения всех правил кораблевождения. Собственно же лоцманам поручается обслуживание путевых и главных магнитных компасов, лагов и лотов, сигнальных огней, спуск и подъем флагов и т.д., из чего видно, что все **[190]** эти обязанности требуют лишь четкости выполнения. Моим первым лоцманом в этом путешествии был молодой человек двадцати лет, второй тоже был такого же возраста, а помощники лоцманов плавали на корабле впервые в жизни.

/*Астрономические наблюдения*/ Мое счисление сверялось с астрономическими наблюдениями господина Веррона дважды в этом месяце: первый раз на острове Таити, когда счислимое место оказалось на 13'10" к западу от обсервованного, и второй — 27 апреля в полдень, когда невязка между нашими данными составляла 1°13'37" к востоку.

/*Вторая группа островов*/ Различные острова, открытые в этом месяце, составляют вторую группу островов этого обширного океана. Я назвал ее архипелагом Бурбон.

/*Май*/ 3 мая перед самым рассветом мы открыли новую землю на северо-западе, в 10—12 лье от нас. В это время ветер дул от северо-востока, и я, чтобы лучше распознать эту землю, приказал маневрировать таким образом, чтобы

оставить на ветре ее северную возвышенную оконечность. Навигационные познания Аотуру не распространялись так далеко: при виде новой земли он решил, что это и есть наша родина. В продолжение дня мы испытали несколько шквалов, после которых наступал штиль, шел дождь и задували бризы от восточных румбов, такие, какие приходится испытывать в этом море при подходах к самой небольшой суше. Перед заходом солнца мы обнаружили три острова, из которых один был значительно больше двух остальных. */Вид новых островов/* В течение светлой лунной ночи мы оставались на видимости земли и направились к ней лишь днем, следуя вдоль восточного берега самого крупного из островов — от южного его мыса до северного; это самая большая протяженность побережья; длина его равна приблизительно 3 лье; восточное и западное побережья острова повсюду обрывисты, и на нем имеется лишь одна значительная гора, покрытая деревьями до самой вершины; ни долин, ни пляжей на острове нет. Вдоль всего побережья бушевал сильный прибой. На острове были видны огни, несколько хижин из камыша с остроконечными крышами, стоящие в тени кокосовых пальм; десятка три жителей выбежали на берег моря. Оба небольших острова находятся на расстоянии одного лье на вест-норд-вест [292 1/2°] от большого; взаимное их расположение такое же. Их разделяет неширокий пролив, а у западного мыса, самого западного из этих островов, находится небольшой островок. Протяжение каждого из них не более 1/2 лье, и берега их также высоки и отвесны. В полдень я лег на курс, чтобы пройти между большим и малыми островами, и в это время мы увидели идущую к нам пирогу и легли в дрейф, чтобы ее обождать. Она подошла **[191]** к нам на расстояние пистолетного выстрела. В ней находилось пять человек. Мы приветливо махали им руками, но приблизиться к кораблю они все же не решались. Островитяне были почти голые, с одной лишь повязкой спереди. Они предлагали нам кокосовые орехи и

разные коренья. Наш таитянин разделся, так же как они, и обратился к ним на своем языке, но они его не поняли; здесь совсем другой народ [131]. Мне наконец надоело смотреть, как, невзирая на большой интерес к разного рода безделушкам, которые мы им показывали, они не решаются подойти к нам, и я спустил на воду небольшую шлюпку. Как только они заметили это, то налегли на весла, чтобы уйти от нас. Я приказал не преследовать их. Спустя некоторое время показались другие пироги, часть их была под парусами. Сидевшие в них люди выказывали меньше недоверия, чем первые, и приблизились к нам на расстояние, при котором можно было наладить обмен; но ни один островитянин не решился все же подняться на борт. */Обменная торговля с островитянами/* Мы выменяли у них иньям, кокосовые орехи, водяную курочку с великолепным оперением и несколько очень красивых раковин. У одного из них был петух, но они не хотели его продать. Они предложили нам на обмен также несколько кусков тканей, таких же, какие мы видели на Таити, но менее красивых, — красного, коричневого и черного цветов. Предлагали они и плохо сделанные рыболовные крючки из рыбьей кости, несколько циновок и копья длиной в 6 футов из твердого, обработанного огнем дерева. Островитяне не интересовались металлическими предметами и предпочитали кусочки красной ткани гвоздям, ножам и серьгам, имевшим исключительный успех на Таити. Я не думаю, чтобы эти люди были так простодушны, как таитяне: их лица более суровы; нам приходилось все время следить, чтобы они не плутовали при обмене.

Островитяне показались нам низкого роста, но ловкими и подвижными. Грудь и бедра их до колен выкрашены ярко-синей краской; цвет кожи — бронзовый; среди них мы заметили одного человека с гораздо более светлой кожей, чем остальные. Они срезают или выщипывают себе бороду;

только у одного была длинная борода; волосы у них преимущественно черные, зачесанные кверху. */Описание островитян/* Их пироги искусно сделаны и снабжены балансирами; нос и корма у этих пирог не приподняты, но имеют палубу; в средней части палубы находится крепление, имеющее вид ряда больших гвоздей, головки которых покрыты красивыми раковинами ослепительной белизны. Паруса этих пирог составлены из нескольких циновок и имеют треугольную форму; две стороны такого паруса привязаны к рейкам, один из которых **[192]** служит для прикрепления паруса к мачте, а другой, находящийся на наружном ликтросе, выполняет роль шпринтова. Когда наши паруса наполнились, пироги последовали за нами довольно далеко в море; несколько пирог вышли с двух маленьких островов; на одной из них находилась старая и некрасивая женщина. Аотуру проявлял по отношению к этим островитянам величайшее презрение.

Когда мы оказались с подветренной стороны большого острова, заштилело, что заставило меня отказаться от намерения пройти между большим и двумя малыми островами. Пролив между ними имеет длину в 1 1/2 лье, и мне показалось, что в нем можно становиться на якорь. В 6 часов вечера с верхушки мачт мы увидели на вест-зюйд-вест [247 1/2°] новую землю, которая представилась нам в виде трех одиноких скал. Мы взяли курс на зюйд-вест [225°] и в 2 часа ночи снова увидели на вест-2°-к зюйду [268°] эту же самую землю; первые острова, которые нам удалось различить при ярком лунном свете, остались на норд-ост [45°] от нас.

/Ряд островов/ 5 мая утром мы обнаружили, что новая земля является красивым островом; накануне мы видели лишь вершины ее гор. Остров перерезан горными хребтами и широкими долинами, покрытыми кокосовыми пальмами и множеством других деревьев. Мы пошли вдоль его южного

побережья, на расстоянии 1—2 лье от него, и не обнаружили никаких признаков якорной стоянки: всюду волны яростно бились о берега. К западу от его западной оконечности выступает отмель шириной около двух лье. Несколько определений по пеленгам дали нам точное положение берега. К нашим кораблям, сохраняя почтительное расстояние, подошло большое количество парусных пирог, похожих на те, которые мы видели у предыдущих островов; лишь одна из них подошла к транспорту «Этуаль». Как нам показалось, эти люди знаками, приглашали нас сойти на берег; однако прибой не позволял нам сделать это. Несмотря на то, что мы шли со скоростью 7—8 миль в час, эти парусные пироги свободно ходили вокруг наших кораблей, точно мы стояли на якоре. С верхушки мачт было видно также много пирог, которые двигались на юг от нас.

В 6 часов утра мы увидели на западе еще одну землю; позже облака закрыли ее от нас, и мы снова увидели ее в 10 часов. Побережье ее тянулось на юго-запад, и нам показалось, что она такой же протяженности и с такими же возвышенностями, как и первая, по отношению к которой она расположена приблизительно на той же параллели, на расстоянии около 12 лье. Густой туман, поднявшийся после полудня, держался всю ночь и весь следующий день и не **[193]** позволил нам обследовать эту землю. Мы только смогли различить у ее северо-восточной оконечности два маленьких острова разной величины.

/*Положение этих островов, составляющих третью группу*/ Долгота этих островов приблизительно соответствует той, на которой находился Абель Тасман, когда открыл острова Амстердам, Роттердам, Пилстаарт, Пренс Гильом [принца Вильгельма] и банку Флеемскерк. Примерно на этой долготе обозначают и Соломоновы острова. Между тем пироги, которые мы видели в открытом море и на юге, свидетельствовали о том, что, вероятно, в этой части океана

есть еще какие-то острова. Таким образом, эти земли образуют как бы вытянутую по меридиану цепь. Это третье скопление островов я назвал архипелагом Навигаторов [Мореплавателей].

Когда последние острова оказались уже вне видимости, мы шли курсом вест-тень-зюйд [258 3/4°] и 11 мая утром обнаружили землю на расстоянии 7—8 лье на вест-зюйд-вест [247 1/2°]. Сперва мы подумали, что перед нами два отдельных острова, но весь день штиль держал нас вдали от них. 12 мая мы убедились, что это один остров, две части которого соединены низменностью; изгиб этой низменности образует бухту, открытую на северо-восток. Большая земля тянется на норд-норд-вест [337 1/2°]. Противный ветер помешал нам приблизиться более чем на 6—7 лье к этому острову, который я назвал Анфан пердю.

/Метеорологические наблюдения/ Плохая погода, начавшаяся 6 мая, продолжалась почти непрерывно до 20 мая, и все это время нас преследовали штиль, дожди и западные ветры. Обычно в этом океане, называемом Тихим, приближению к земле сопутствуют грозы, которые учащаются, когда Луна на ущербе. Шквалы и большие тучи, стоящие неподвижно на горизонте, являются почти верным признаком того, что поблизости находятся какие-то острова, и предупреждением, что их нужно опасаться. Трудно себе представить, сколько тревог доставляет плавание в этих незнакомых водах и какой оно требует осторожности. Повсюду возникает опасность неожиданной встречи с землей и подводными рифами, особенно в период долгих ночей в жарком поясе. */Критическое положение из-за незнания своего места/* Мы были вынуждены идти «ощупью», меняя курс, как только горизонт впереди начинал темнеть. Недостаток воды и продовольствия, а также необходимость использовать ветер, когда он наконец начинал дуть, не

позволяли нам продолжать медленнее и осторожное плавание, а в темноте ложиться в дрейф или лавировать.

Тем временем снова появилась цинга. У большей части матросов и почти у всех офицеров кровоточили десны и воспалилась слизистая оболочка рта. Свежая провизия у нас **[194]** оставалась только для больных, и мы все с трудом привыкали к скверной солонине и сушеным овощам.

На обоих кораблях оказалось несколько больных венерической болезнью, подхваченной на острове Таити. Признаки этой болезни те же, что и в Европе. Я приказал осмотреть Аотуру, он также оказался больным, но, по-видимому, в его стране эта болезнь не вызывает беспокойства. Тем не менее, он согласился лечиться. Колумб вывез эту болезнь из Америки [132], а она вдруг оказалась распространенной на острове, посреди самого обширного океана. Может быть, туда ее завезли англичане? Неужели прав тот врач, который утверждал на пари, что если запереть здоровую женщину вместе с четырьмя здоровыми, сильными мужчинами, то в результате их общения у них неминуемо возникнет венерическая болезнь?

/Открытие новых земель/ На рассвете 22 мая, когда мы шли на запад, по носу показалась длинная возвышенная земля. С восходом солнца перед нами открылись два острова. Более южный из них лежал между румбами зюйд-тень-вест [191 1/4°] и зюйд-вест-тень-зюйд [213 3/4°]; он тянулся, по-видимому, на истинный румб норд-норд-вест [337 1/2°] и простирался в этом направлении на расстояние приблизительно в 12 лье. Мы назвали его островом Пантекот [Пятидесятницы], так как он был открыт в день этого праздника. Второй остров располагался между румбами зюйд-вест-тень-зюйд [213 3/4°] и вест-норд-вест [292 1/2°]. Так как мы его увидели на заре, то назвали этот **[195]** остров Орор [Аврора]. Сначала мы держались насколько возможно

ближе к нему и шли левым галсом, чтобы пройти между двумя островами. Однако ветер не позволил нам этого, и пришлось спуститься, чтобы пройти под ветром острова Орор. Продвигаясь на север вдоль его восточного берега, мы заметили на норд-тень-ост [11 1/4°] маленький островок, возвышающийся в форме сахарной головы, который мы назвали пиком Этуаль. Мы продолжали идти вдоль острова Орор, на расстоянии полутора лье от него. Начиная от южной оконечности он тянется по меридиану приблизительно до половины всей своей длины, равной 10 лье; затем он принимает направление на норд-норд-ост [337 1/2°]. Ширина острова не превышает двух лье. Берега — крутые, покрытые деревьями. В 2 часа пополудни мы увидели за этим островом вдалеке на расстоянии около 10 лье вершины высоких гор; это была земля, юго-западную оконечность которой мы увидели в 3 часа 30 минут на зюйд-зюйд-вест [202 1/2°] по компасу, через крайнюю северную точку острова Орор. Обогнув эту оконечность, мы взяли курс на зюйд-зюйд-вест [202 1/2°], и тогда нашим взорам на закате представилось новое возвышенное побережье большой протяженности. Оно тянется с вест-зюйд-веста [247 1/2°] до норд-вест-тень-норда [326 1/4°] на 15 или 16 лье.

Ночью мы сделали несколько галсов, чтобы удалиться на зюйд-ост [135°] и узнать, соединяется ли та земля, которую мы видели на зюйд-зюйд-вест [202 1/2°], с островом Пантекот, или она является третьим островом.

23 мая на рассвете мы это проверили и убедились, что все три острова отделены друг от друга. Остров Пантекот и остров Орор находятся приблизительно на одном меридиане, на расстоянии 2 лье друг от друга. Третий остров лежит на юго-запад от острова Орор, а наименьшее расстояние между ними равно 3—4 лье. Северо-западное побережье острова имеет протяженность не менее 12 лье; оно возвышенное, утесистое, сплошь покрыто лесом. 23 мая утром мы шли вдоль этого

побережья. У берега показалось несколько пирог, но ни одна не захотела приблизиться к нам. Хижин было не видно, но из леса поднимались многочисленные столбы дыма — от самого берега моря до вершин гор. Мы несколько раз измеряли глубины лотлинем длиной в 50 саженей, причем близко от берегов, однако дна не достали.

/*Высадка на один из островов*/ 23 мая в 9 часов утра мы увидели удобное для высадки место, и я решил послать людей на берег для заготовки крайне нужного нам леса; эти люди должны были также ознакомиться с местностью и достать свежей провизии для наших больных. Я отправил три вооруженные шлюпки под **[196]** командой лейтенанта шевалье де Керуэ, и мы лавировали у побережья в готовности оказать им помощь и даже, если потребуется, поддержать их артиллерией наших кораблей. Мы следили, как они сошли на берег, причем островитяне как будто не оказали им при высадке сопротивления. Около часу дня я в сопровождении еще нескольких человек направился на небольшой шлюпке на берег, чтобы присоединиться к ним.

/*Недоверчивость островитян*/ Мы застали наших матросов в лесу. Они валили лес, а островитяне помогали им грузить его в шлюпки. Офицер, командовавший высадкой, рассказал мне, что когда шлюпки подошли к берегу, их встретила многочисленная толпа островитян, вооруженных луками и стрелами и знаками запрещавших им приставать к берегу. Когда же, несмотря на угрозы, лейтенант приказал команде высаживаться, островитяне отступили на несколько шагов; затем по мере продвижения наших людей островитяне отступали все дальше и дальше, готовые выпустить стрелы и не разрешая приблизиться к себе. Тогда лейтенант приказал отряду остановиться, и принц Нассау подошел к ним поближе. Видя, что он один, они перестали отступать. Им роздали куски красной ткани, после чего установилось некоторое доверие. Шевалье де Керуэ тотчас занял позицию

на опушке леса, поставил людей на рубку деревьев под вооруженной защитой отряда и послал группу матросов с заданием поискать плодов.

Постепенно островитяне стали приближаться, и вид у них был уже более дружелюбный; они даже передали матросам несколько плодов, не пожелав ничего взять в обмен. Они упорно отказывались обменивать также свои луки и дубинки и уступили лишь несколько стрел. В конце концов они окружили отряд большой толпой, не выпуская, однако, из рук оружия; у кого не было луков, те держали наготове камни, чтобы в любую минуту бросить их. Они пытались объяснить, что воюют с населением соседнего округа. Действительно, с западной части острова приближалась в полном порядке вооруженная группа, которую наши островитяне намеревались, кажется, соответствующим образом встретить, но столкновения между ними не произошло.

/*Островитяне нас атакуют*/ Таково было положение, когда мы высадились на берег. Мы оставались там до тех пор, пока наши шлюпки не были нагружены лесом и плодами. Возле одного дерева я закопал дубовую доску с вырезанным на ней актом владения этими островами, после чего мы сели в шлюпки. Наш уход, несомненно, нарушил план островитян, у которых, вероятно, **[197]** не все было готово к нападению на нас. Мы это поняли, когда они приблизились к берегу и осыпали нас градом камней и стрел. Несколько ружейных залпов в воздух не остановили их; они даже вошли в воду, чтобы целиться в нас на более близком расстоянии; боевой залп моментально рассеял их атаку, с громкими криками они убежали в лес. Один наш матрос получил легкую рану камнем.

/*Описание островитян*/ По цвету кожи островитяне принадлежат к двум разновидностям: у одних цвет кожи черный, другие похожи на мулатов. У них толстые губы,

густые курчавые волосы; у некоторых волосы желтого цвета. Роста они небольшого, некрасивы, плохо сложены; большинство со следами проказы; по этой причине мы дали этой земле название острова Лепрё [Прокаженных] [133]. Среди них было мало женщин; последние были не менее безобразны, чем мужчины; единственная одежда их состоит из передников; они носят шарфы, которыми привязывают своих детей к спине. Мы видели несколько кусков ткани, из которой сделаны эти шарфы, украшенной прелестными узорами, нарисованными темно-красной краской. Островитяне не носят бороды. Ноздри у них проколоты, чтобы вдевать украшения, на руках браслеты из зубов кабана или большие кольца, кажется, из кости, на шее — пластинки из панциря черепах, которых здесь на побережье много.

/Описание их оружия/ Их оружие — это лук и стрелы, дубинки из железного дерева и камни, которые они бросают без пращи. Стрелы сделаны из тростника, с длинными острыми костяными наконечниками. Некоторые из этих наконечников имеют четырехгранную форму, и на них насажена рыбья кость с загнутыми назад остриями, чтобы труднее было вытащить стрелу из раны. Кроме того, мы видели также тесаки из железного дерева. Их пироги не приближались к нам. Издали нам показалось, что они построены точно так же, как и на островах Навигаторов, и снабжены такими же парусами.

/Описание места высадки/ Пляж, к которому мы пристали, имел очень небольшую протяженность. В 20 шагах от берега моря находится подошва горы; обращенный к морю склон ее хотя и очень крут, но весь покрыт лесом. Почвенный слой на острове неглубок и состоит из осыпающейся легкой земли. Поэтому плоды здесь хотя и такие же, как и на Таити, но менее красивы по виду и худшего качества. Здесь растет особый сорт финиковых пальм.

В лесах много просек и участков, обнесенных частоколом высотой в три фута. Что это? Укрепления или просто границы владений? Мы видели всего пять или шесть маленьких шалашей, в которые можно войти лишь на **[193]** четвереньках. Между тем это довольно многочисленный народ; люди показались мне несчастными. Междоусобная война, свидетелями которой мы были, — жестокий бич для них. Из глубины лесов и с вершин гор до нас неоднократно доносился глухой треск, напоминающий барабанный бой; он служит, несомненно, сигналом сбора, потому что вскоре после того, как наши выстрелы рассеяли островитян, снова послышался бой барабана. Как мы заметили, его зловещий звук возобновлялся с новой силой, лишь только показывались неприятельские отряды. Наш таитянин, пожелавший высадиться с нами, нашел, что люди этого племени очень плохие. Он не понимал ни одного слова на их языке.

/Продолжение плавания между островами/ Вернувшись на свой корабль, мы подняли шлюпки, и я приказал наполнить паруса и взять курс на зюйд-вест [225°] в направлении побережья, которое мы видели целиком начиная от зюйд-веста [225°] до вест-норд-веста [292 1/2°]. Ночью ветра было мало, и он все время менял направление, вследствие чего мы оказались в зависимости от приливных течений, сносивших нас на норд-ост [45°]. Такая погода удерживалась 24 мая весь день и следующую ночь, и мы едва смогли удалиться на 3 мили от острова Прокаженных.

25 мая в 5 часов утра подул довольно сильный бриз от ост-зюйд-оста [112 1/2°], но транспорт «Этуаль», который находился еще у берега, не ощутил его влияния и остался в зоне штиля. Тем не менее я продолжал идти вперед под всеми парусами с намерением обследовать землю на западе. В 8 часов мы увидели земли почти по всем румбам горизонта, и нам казалось, что мы находимся в громадном заливе.

Остров Пантекот на юге тянулся навстречу открытому нами новому побережью, и мы никак не могли определить, отделен ли он от этого побережья, или же то, что мы принимали за разделяющий их проход, на самом деле является большой бухтой. Некоторые места на побережье также казались нам разделяющими проходами или бухтами; один из этих проходов, на западе, представлял собой широкий выход. Несколько пирог двигались от острова к острову. В 10 часов мы были вынуждены изменить курс в направлении острова Прокаженных. Транспорт «Этуаль», который не был виден даже с верхушки мачты, все еще находился в зоне штиля, хотя в открытом море господствовал бриз от ост-зюйд-оста [112 1/2°]. Мы шли в направлении нашего транспорта до 4 часов дня, и только к этому времени он почувствовал дуновение бриза. Когда мы соединились с ним, было уже слишком поздно проводить какое-либо обследование. Таким образом, день 25 мая был потерян, и мы провели ночь в лавировке. **[199]**

Определение нашего места по пеленгам, проведенное нами 26 мая при восходе солнца, показало, что течения снесли нас на несколько миль к югу относительно нашего счисления.

Остров Пантекот все еще виднелся, отделенный от земель на юго-западе более узким проходом. На этом побережье мы обнаружили еще несколько проходов, но не могли сосчитать количество островов окружавшего нас архипелага. Перед нами простиралась земля от ост-зюйд-оста [112 1/2°] через зюйд до вест-норд-веста [292 1/2°], и ей не видно было конца. Я приказал следовать курсом норд-вест-тень-вест [303 3/4°], постепенно склоняясь к весту вдоль живописного берега, покрытого деревьями. Мы шли вдоль северного берега, в 3/4 лье от него.

Берег здесь слегка возвышен и покрыт деревьями. Нам показалось, что здесь простираются большие пространства

обработанных земель; возможно, это был лишь обман зрения. С первого взгляда можно было убедиться, что это богатая страна; вершины обнаженных гор местами были красного цвета; по-видимому, в их недрах содержатся минералы. Взятый нами курс привел нас к большой излучине берега, которая была замечена нами еще накануне, на западе. В полдень мы уже находились в середине этой бухты и там взяли высоту солнца [134]. Ширина входа в бухту, расположенную по румбу ост-тень-зюйд — вест-тень-норд [101 1/4°—281 1/4°], 5—6 лье. На ее южном побережье мы увидели несколько человек; другие островитяне приблизились к нашим кораблям на пироге, но, оказавшись на расстоянии мушкетного выстрела, они остановились и, несмотря на наши приглашения, ближе не подходили; у всех у них кожа была черного цвета. Мы шли вдоль северного побережья, на расстоянии 3/4 лье от него; побережье мало возвышено и покрыто деревьями. На берегу видно было множество островитян; вот от берега отделилось несколько пирог, но туземцы в них держались недоверчиво, как и в пироге, появившейся с противоположной стороны. Пройдя вдоль берега 2—3 лье, мы обнаружили большую бухту, у входа в которую находятся два больших острова. */Поиски якорной стоянки/* Я тотчас же отправил наши вооруженные шлюпки для осмотра бухты. В это время мы лавировали на расстоянии одного лье от берега, часто измеряя глубину лотлинем длиной в 200 саженей, но дна так и не достали.

Около пяти часов вечера мы услышали ружейный залп, вызвавший у нас большое беспокойство: стреляли с одной из наших шлюпок, которая, несмотря на мое запрещение, отделилась от других и оказалась почти у самого берега **[200]** в положении, очень удобном для внезапного нападения со стороны островитян. В шлюпку было пущено две стрелы, что и послужило предлогом для открытия огня. После этого шлюпка двинулась вдоль берега, ведя частый

огонь из мушкетонов и ружей как по суше, так и по трем пирогам, которые прошли от шлюпки на расстоянии выстрела и также пустили в нее несколько стрел. Выступ мыса скрыл от нас шлюпку, но не прекращавшаяся стрельба свидетельствовала о том, что шлюпка, видимо, была атакована целой флотилией пирог. Я уже хотел было посылать на помощь, но стрелявшая шлюпка снова вышла из-за мыса, временно закрывшего ее от нас. Из лесу, куда бросились туземцы, доносились страшные крики и частый бой барабанов. Я подал шлюпке сигнал идти к кораблю и принял меры, чтобы впредь не позорить себя подобным злоупотреблением своего превосходства.

/*Что нам мешало стать на якорь*/ Шлюпки фрегата «Будёз» вернулись с сообщением, что земля, которую мы считали одним сплошным целым, не что иное, как скопление расположенных крестообразно островов, и бухта является лишь пересечением разделяющих эти острова проливов. Между тем шлюпки обнаружили там довольно хороший песчаный грунт на глубине 40, 30 и 20 саженей; однако неровный рельеф дна делал эту якорную стоянку ненадежной, особенно для нас, так как мы уже не могли рисковать якорями. Кроме того, пришлось бы отдать якорь на расстоянии более 54 лье от берега, так как ближе дно было каменистое. Но при этих условиях корабли не могли бы защищать свои шлюпки. К тому же местность здесь настолько лесистая, что нам пришлось бы не выпускать оружия из рук, чтобы оградить наших матросов от всяких неожиданностей. Не следовало тешить себя надеждой, что островитяне забудут причиненное им зло и принесут для обмена провизию. Здесь была такая же растительность, как и на острове Прокаженных. Местные жители почти все имеют черный цвет кожи и носят такие же ожерелья и браслеты, как и жители острова Прокаженных. Вооружены они так же, как и те.

/Новая попытка найти якорное место/ Ночь прошла в лавировке. 27 мая мы спустились и пошли вдоль побережья на расстоянии приблизительно 1 лье место от берега. В 10 часов на его низменной оконечности показались ряды деревьев, образующих нечто вроде садовой аллеи. Земля под деревьями была, казалось, утрамбована и посыпана песком; в этой части острова мы увидели довольно много жителей; создавалось впечатление, что по другую сторону этой оконечности имеется бухта, и я приказал спустить шлюпки. Но бухта оказалась лишь изгибом **[201]** побережья, и мы пошли вдоль него до северо-западного мыса, так и не обнаружив места для якорной стоянки. За этим мысом берег на значительное расстояние снова принимал направление на норд-норд-вест [337 1/2°]. Остров был чрезвычайно возвышенный, и вершины его горной цепи уходили в облака. Погода была пасмурная, со шквалами и дождями. Несколько раз в течение дня нам казалось, что в туманной дымке мы видим перед собой землю, но горизонт прояснялся, и все исчезало. Всю ночь, которая была очень бурной, мы провели лавируя и делая короткие галсы; в то же время течение сносило нас на юг, значительно дальше наших предположений. Весь день 28 мая до заката мы могли видеть высокие горы, тянувшиеся с оста [90°] до норд-норд-оста [22 1/2°] на расстояние приблизительно 25 лье.

Утром 29 мая земля исчезла из виду, и мы легли на вест-норд-вест [292 1/2°]. Вновь открытым землям я дал название архипелага Больших Циклад.

/Наши догадки об этих землях/ Судя по пройденному нами расстоянию и по тому, что мы видели издали, архипелаг занимает по широте не менее 3° и по долготе 5°. Охотно допускаю, что его северную оконечность и видел адмирал Роггевен на параллели 11°, дав отдельным островам названия Тиенховен и Гронинг [135]. Что касается нас, то, подойдя к

берегу, мы были уверены в том, что находимся у земли Австралия святого Духа [136].

Казалось, что подтверждались сообщения Кироса, а наши ежедневные открытия поощряли нас к продолжению поисков. Но вот что странно: точно в той широте и долготе, где Кирос поместил свою большую бухту Сен-Жак и Сен-Филипп, на побережье, казавшемся на первый взгляд побережьем материка, мы обнаружили проход, ширина которого соответствует ширине входа в открытую им бухту. Может быть, испанский мореплаватель плохо разглядел? А может быть, он пожелал замаскировать свои открытия? Верна ли догадка географов, считавших, что земля Австралия святого Духа относится к тому же континенту, что и Новая Гвинея?

Чтобы получить ответ на эти вопросы, следовало пройти по той же параллели еще более 350 лье. Я решился на это, хотя состояние и количество нашего провианта настоятельно требовало захода в какую-нибудь европейскую колонию; в дальнейшем я расскажу, как мы едва не стали жертвой своего упорства.

/Невязка между счислением и обсервациями/ Господин Веррон в течение мая сделал несколько наблюдении, и результаты их дали нашу долготу 5, 9, 13 и 22 мая.

Еще никогда не была так значительна разница, которая **[202]** получилась между результатами его наблюдений и нашим счислением; невязка наблюдалась все время в одном и том же направлении. 5 мая в полдень я оказался на 4°00'42" восточнее обсервованного места; 9-го — на 4°23'4"; 13-го — на 3°38'15" и, наконец, 22-го — на 3°35". Из этого следует, что разница получилась вследствие значительного сноса нас течениями после ухода с острова Таити на запад. Именно этим может быть объяснен тот факт, что все мореплаватели,

пересекавшие Тихий океан, встречали Новую Гвинею гораздо раньше, чем предполагали. Вследствие этого они определили протяженность океана с востока на запад намного меньше, чем это есть в действительности. Однако я должен обратить внимание на то, что в то время года, когда солнце находилось в южном полушарии, наши счислимые места находились к западу от обсервованных, а с тех пор, как солнце перешло на другую сторону, невязка получилась в другом направлении. В этом месяце термометр обычно показывал от 19 до 20°, и только два раза температура снизилась до 18° и один раз до 15°.

В то время, когда мы находились между Большими Цикладами, кое-какие дела потребовали моего присутствия на транспорте «Этуаль», и там я имел возможность проверить один интересный факт. С некоторых пор на наших кораблях прошел слух, что слуга господина де Коммерсона по имени Барэ — женщина. Ее сложение, голос, отсутствие бороды, а также то, что слуга старательно избегал переодеваться в присутствии кого бы то ни было, и некоторые другие признаки породили и утвердили эти подозрения. Между тем трудно было признать женщину в этом неутомимом Барэ, который стал уже довольно опытным ботаником и сопровождал своего господина во всех экскурсиях по сбору растений среди снегов и обледенелых гор в Магеллановом проливе. Помимо всего прочего, в этих тяжелых походах ему приходилось к тому же тащить на себе провизию, оружие и ботанические альбомы. И все это он проделывал с такой выносливостью и мужеством, что заслужил прозвище вьючного животного. Но на Таити произошла сцена, превратившая подозрение в уверенность. Господин де Коммерсон высадился на берег для сбора растений. Едва Барэ, следовавший за ним с альбомами под мышкой, ступил на землю, как его окружили таитяне с криками «женщина», желая оказать ей прием соответственно обычаям этого

острова. Шевалье де Бурнану, который был дежурным офицером на берегу, пришлось прийти слуге на помощь и проводить его до шлюпки. С тех пор матросы своими шутками то и дело задевали его стыдливость, и прекратить это было довольно трудно. **[203]**

Когда я был на транспорте «Этуаль», Барэ со слезами на глазах призналась, что она действительно девушка. В Рошфоре она обманула своего господина, явившись к нему перед самым отплытием в мужской одежде. Девушка рассказала, что она уже работала лакеем у одного женевца в Париже, что она сирота и родилась в Бургони, где проиграла процесс о наследстве и впала в нищету. Тогда ей пришла в голову мысль переодеться мужчиной, чтобы найти работу. Вступая на корабль, она узнала, что предстоит кругосветное путешествие, и это ее заинтересовало. Так девушка оказалась на корабле. Должен отдать ей справедливость, что ее поведение во время плавания было самым благоразумным. Она не красива, но и не дурнушка, и ей не более 28—27 лет. Надо признаться, что если бы оба корабля потерпели крушение у какого-нибудь необитаемого острова в безбрежном океане, судьба этой девушки могла бы стать совершенно необычайной.

* * *

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дальнейшее плавание от Больших Циклад. — Открытие залива Луизиады. — Крайние лишения, испытанные нами. — Открытие новых островов. — Стоянка у Новой Британии

/Наш курс после ухода с Больших Циклад/ С 29 мая, как только земля исчезла из виду, мы взяли курс на запад при очень свежем восточном и юго-восточном ветре. Транспорт «Этуаль» сильно задерживал нас. Каждые 24 часа мы

измеряли глубину при помощи лотлиня длиной в 240 саженей и не доставали дна. Днем мы форсировали парусами, а ночью шли под зарифленными марселями, лавируя, когда погода была слишком пасмурной. */1768 г., июнь/* В ночь с 4 на 5 июня мы шли курсом на запад под марселями при свете Луны; в 11 часов вечера в южном направлении, на расстоянии около 1/2 лье, внезапно появились подводные скалы и песчаное, очень низкое побережье. Мы немедленно повернули на другой галс и одновременно сигнализировали транспорту «Этуаль» об опасности. Так мы шли до 5 часов утра, затем легли на курс вест-зюйд-вест [247 1/2°], чтобы иметь возможность обследовать землю. */Встреча последовательно нескольких бурунов/* Мы увидели ее снова в 8 часов на расстоянии 1 1/2 лье от нас. Это был маленький песчаный островок, который еле виднелся над водой, что делало его очень опасным для кораблей ночью или в тумане. Остров этот до того плоский, что на расстоянии 2 лье даже при чистом горизонте его можно увидеть только с верхушек мачт; на острове очень много птиц. Я назвал его отмелью Диан.

5 июня в 4 часа дня нам показалось, что в западном направлении виднеются земля и буруны, но это была ошибка. Мы продолжали идти в том же направлении до 10 часов вечера и остаток ночи провели частично в дрейфе, частично делая короткие галсы; на рассвете легли на свой курс под всеми парусами.

/Признаки земли/ В течение суток мимо корабля проносились куски дерева и неизвестные нам плоды; несмотря на сильный юго-восточный ветер, море почти совершенно успокоилось; все **[205]** это заставило нас предположить, что где-то поблизости на юго-востоке должна находиться земля. В этих водах нам повстречался также редкий вид летучих рыб: черных с красными крыльями; у них

как будто четыре крыла вместо двух, величина рыб несколько больше обычной.

6 июня в 1 час 30 минут дня по носу приблизительно на расстоянии 3/4 лье от нас показалась отмель; она как бы предупреждала, что следует изменить курс, который мы продолжали держать на запад. Отмель имела протяженность не менее 1/2 лье и тянулась с вест-тень-зюйда на вест-норд-вест [с 258 3/4° на 292 1/2°], а некоторым из нас даже показалось, что они видят на зюйд-вест [225°] от бурунов какую-то низкую землю. Я приказал держать курс на север до 4 часов, а затем повернул на запад. Однако долго держаться на этом курсе не пришлось: в 5 часов 30 минут наблюдатели с верхушек мачт увидели новые буруны на норд-вест [315°] и на норд-вест-тень-вест [303 3/4°] на расстоянии около 1 1/2 лье от нас. Мы приблизились к ним, чтобы лучше разглядеть их. Они тянулись с норд-норд-оста [22 1/2°] на зюйд-зюйд-вест [202 1/2°] на расстоянии более 2 миль, и конца им не было видно. Возможно, что они являлись продолжением тех рифов, которые мы обнаружили 3 часа назад. Море с яростью разбивалось об эти рифы, а в нескольких местах их верхушки возвышались над водой. Обнаружение этих рифов мы восприняли как предостережение судьбы и подчинились ей. Осторожность не позволяла идти ночью по совершенно неизвестному пути в этих опасных местах, и потому мы провели ночь, делая короткие галсы на том пространстве, которое уже было изучено днем, а 7 июня утром я приказал взять курс на норд-ост-тень-норд [33 3/4°], отказавшись от намерения идти дальше на запад вдоль параллели 15°.

/Вынужденное изменение в направлении пути/ Мы, конечно, имели все основания полагать, что южная часть земли Австралия св. Духа есть не что иное, как архипелаг Больших Циклад, который Кирос принял за материк и описал в романтическом духе. Настаивая на том, чтобы идти по параллели 15°, я надеялся что вид восточных берегов

Новой Голландии [137] подтвердит наши догадки. Однако, судя по астрономическим наблюдениям, совпадение которых с моими расчетами уже больше месяца обеспечивало нам их точность, мы уже 6 июня в полдень находились в долготе 146° восточной, то есть на 1° западнее земли Австралия св. Духа, согласно определению Беллена. */Географические соображения/* Встречи с бурунами, которые мы наблюдали вот уже три дня подряд, поминутно проплывавшие мимо стволы деревьев, плоды, особый вид водорослей — фукус пузырчатый, **[206]** направление течений, спокойствие моря — все это явно указывало на близость какой-то большой земли, и вероятнее всего, где-то на юго-востоке. Эта земля могла быть только восточным побережьем Новой Голландии. Действительно, все возрастающее количество рифов и их направление в сторону открытого моря являются предвестником низменной земли, и когда я думаю о том, что Дампир [138] решил на нашей же параллели 15°35' покинуть западное побережье этой пустынной местности, где он не нашел даже пресной воды, то делаю вывод, что и восточное побережье этой земли не лучше. Я склонен даже согласиться с Дампиром, что это не земля, а лишь нагромождение островов, окруженных бушующим морем, изобилующим множеством рифов и отмелей. Выяснив все это, было рискованно прижиматься к берегу, от которого нельзя было ожидать никакой помощи и от которого можно было отойти лишь в борьбе с господствующими здесь ветрами. Хлеба у нас оставалось всего лишь на два месяца и овощей на сорок дней; солонины, правда, было довольно много, но она протухла, и мы предпочитали есть крыс, если только удавалось их поймать. Итак, все говорило за то, что пора подняться на север, взяв даже немного на восток от намеченного нами пути.

К несчастью, юго-восточные ветры нас здесь покинули, когда же потом они снова возобновились, то это поставило нас в

такое критическое положение, в какое мы вряд ли когда-либо попадали. Начиная с 7 июня мы имели возможность следовать только курсом норд-тень-ост [11 1/4°], и 10-го на рассвете перед нами открылась земля, тянувшаяся между румбами ост и норд-вест [90° и 315°]. Еще задолго до восхода солнца до нас донесся чудесный аромат, предвещавший близость этой земли, образующей большой залив, открытый на зюйд-ост [135°]. */Открытие новых земель/* Редко видел я более великолепную панораму. Пологая равнина, разделенная долинами и рощами, начиналась от берега моря и амфитеатром поднималась до самых гор, вершины которых терялись в облаках. Горы тянулись тремя ярусами, и самая высокая горная цепь отстояла от берега более чем на 25 лье.

Тяжелое положение, в котором мы находились, не позволяло нам ни тратить время на посещение этой прекрасной земли, где все говорило о богатстве и изобилии, ни идти на запад, чтобы искать к югу от Новой Гвинеи проход, который открыл бы нам через залив Карпентария новый и короткий путь к Молуккским островам. Правда, существование этого прохода было весьма проблематично; некоторые даже считали, что земля простирается вплоть до румба **[208]** вест-тень-зюйд [258 3/4°]. Надо было пытаться выйти как можно скорее и тем путем, который казался открытым заливом, куда мы углубились гораздо дальше, чем предполагали. Здесь-то нас и поджидал юго-восточный ветер, чтобы подвергнуть наше терпение крайним испытаниям.

/Критическое положение, в котором мы оказались/ Весь день 10 июня, несмотря на штиль, крупной зыбью от зюйд-оста [135°] нас относило в сторону берега.

В 4 часа дня мы находились на расстоянии не более 3/4 лье от небольшого низменного острова, восточная оконечность которого соединена с отмелью, выступающей на 2—3 лье к востоку. Около 5 часов нам удалось обогнуть мыс и лечь на

курс в открытое море. Ночь прошла в тревоге: мы ловили каждое дуновение бриза, стараясь подняться на ветер. 11 июня после полудня мы находились примерно в 4 лье от берега; в двух лье от него — море бездонное.

Несколько пирог продвигалось вдоль берега, на котором все время горело множество огней.

Здесь водились черепахи; в желудке пойманной нами акулы были найдены их останки.

11 июня при заходящем солнце самые восточные видимые нами земли находились на компасных пеленгах от оста [90°] до ост-тень-норд-2°-к осту [80 3/4°], а наиболее западные — по пеленгу вест-норд-вест [202 1/2°]; и те и другие примерно на расстоянии 15 лье. В последующие дни все было против нас: ветер засвежел и имел постоянное направление между румбами ост-зюйд-ост [112 1/2°] и зюйд-ост [135°]; шел дождь и опустился такой плотный туман, что мы вынуждены были поддерживать связь с транспортом «Этуаль», на котором еще оставалась часть запасов нашей провизии, пушечными выстрелами; наконец, сильное волнение относило нас к берегу. Мы с трудом удерживались, лавируя, и были вынуждены поворачивать через фордевинд и нести очень мало парусов. /*Многочисленные опасности, которые нам угрожали*/ Таким образом, мы наугад делали галсы среди моря, изобилующего рифами, и были вынуждены закрыть глаза на грозившие нам со всех сторон опасности. В ночь с 11 на 12 июня на шкафут выпрыгнуло шесть или восемь рыб, называемых «корнетами», которые держатся обычно на глубине. Кроме того, на баке мы обнаружили песок и водоросли со дна, занесенные туда накрывшей нас волной.

Я не стал измерять глубину, так как грозившие нам опасности нисколько от этого не уменьшились бы и, что бы мы в то время ни предпринимали, все оставалось бы без перемен. Но

сознание, что еще 10 июня утром, незадолго до наступления непогоды и тумана, мы видели землю, придавало нам бодрости. Действительно, при ветрах, дувших **[209]** от ост-зюйд-оста [112 1/2°] и оста [90°], можно было предполагать, что, идя курсом норд-ост [45°], я проявлял особую осторожность, к которой вынуждала меня плохая видимость. Однако этот курс означал для нас угрозу сбиться с пути, поскольку земля находилась от нас на ост-зюйд-ост [112 1/2°].

16 июня погода прояснилась, и хотя ветер оставался по-прежнему противным, все же стало светлее. В 6 часов утра мы увидели землю, расположенную между компасными пеленгами от норда [0°] до норд-ост-тень-норда [33 3/4°], и начали лавировать, чтобы ее обогнуть. 17 июня утром на рассвете мы уже не видели никакой земли, но в половине десятого усмотрели островок по компасному пеленгу норд-норд-ост [22 1/2°] на расстоянии 5 или 6 лье и другую землю — примерно на норд-норд-вест [337 1/2°] в 9 лье от нас. Немного позже мы обнаружили еще один островок на норд-ост-5°-к осту [50°] на расстоянии 4 или 5 лье, который был так похож на Уэссан [139], что мы и дали ему это имя.

Мы продолжали лавировать на норд-ост-тень-ост [56 1/4°], надеясь обогнуть все эти земли, когда в 11 часов внезапно увидели еще одну землю на ост-норд-ост-5°- к норду [62°], а на ост-норд-ост [67 1/2°] — буруны на рифах, которые, казалось, являлись продолжением острова Уэссан. На норд-вест [315°] от этого островка виднелась еще цепь бурунов; они тянулись на расстоянии 1/2 лье. Первый остров, как нам показалось, также находился между двумя линиями бурунов.

Все мореплаватели, заходившие в эти места, всегда боялись очутиться на юг от Новой Гвинеи и обнаружить там залив, противолежащий заливу Карпентария, из которого им было бы очень трудно выйти. Вследствие этого все они старались заблаговременно достичь параллели Новой Британии [140], идя

по которой они открывали последнюю. Все эти мореплаватели следовали одним и тем же путем, мы же открывали новые, и эти новые открытия следовало бы отпраздновать. /*Ограничения в пище*/ К несчастью, на корабле царил злейший наш враг — голод. Мне пришлось резко сократить рацион хлеба и овощей и запретить употребление в пищу кожи, которой обиты реи и вообще всякой другой старой кожи, так как это могло бы вызвать серьезные желудочные заболевания. У нас еще оставалась коза — наш верный спутник со времени выхода с Малуинских островов, где мы ее взяли. Она давала нам ежедневно немного молока. Изголодавшиеся матросы, поддавшись тяжелому настроению, осудили животное на смерть; мне оставалось только пожалеть козу, а мясник, **[210]** так долго кормивший ее, оросил слезами бедную жертву. Через некоторое время та же участь постигла щенка, взятого нами в Магеллановом проливе.

17 июня после полудня течения были настолько нам благоприятны, что мы снова могли лавировать в направлении на норд-норд-ост [22 1/2°], держась на ветре далеко от островка Уэссан и его отмелей. Однако в 4 часа мы убедились, что полоса бурунов тянется намного дальше, чем мы предполагали; мы их обнаружили даже до румба ост-норд-ост [67 1/2°], но и там они еще не кончались. Ночью пришлось снова лавировать в направлении на зюйд-зюйд-вест [202 1/2°], а днем — на ост [90°]. Все утро 18 июня мы не видели никакой земли и уже думали, что нам удалось обогнуть островки и буруны. Однако наша радость была непродолжительной. В час дня на норд-ост-тень-норд [33 3/4°] по компасу показался остров, и вскоре мы увидели еще 9 или 10 других островов. Они виднелись даже вплоть до румба ост-норд-ост [67 1/2°], а позади этих островов, на расстоянии около 10 лье от них, тянулась на норд-ост [45°] более возвышенная земля. Мы лавировали всю ночь; на

следующий день перед нами была все та же картина: двойная цепь земель, тянувшихся приблизительно по параллели; на юге находились островки, соединенные рифами на уровне воды; на севере виднелись более высокие земли. Нам показалось, что земли, которые мы открыли 20 июня, тянутся не в южном направлении, а на ост-зюйд-ост [112 1/2°]; в нашем положении это обстоятельство являлось весьма благоприятным. Я принял решение делать двадцатичетырехчасовые галсы, так как, часто меняя галсы, мы много теряли бы при большой волне и постоянном сильном ветре одного и того же направления; впрочем, мы принуждены были нести мало парусов, ибо нужно было беречь ветхий рангоут и поврежденный такелаж; поэтому наши корабли шли очень плохо, к тому же мы не были удифферентованы и длительное время не имели возможности килеваться для очистки подводной части корабля.

Мы видели землю 25 июня на рассвете между румбами от норда [0°] до норд-норд-оста [22 1/2°]; но эта была уже не низкая суша, а, наоборот, очень высокая земля, которая, по-видимому, оканчивалась большим мысом. Вполне вероятно, что за мысом она имела северное направление.

/Мы наконец вышли из залива/ Весь день мы шли курсами от норд-ост-тень-оста [56 1/4°] до ост-норд-оста [67 1/2°] и не видели земли восточнее этого мыса, который обогнули с чувством неописуемого удовлетворения. 26 июня утром мыс был значительно под ветром у нас, и, не видя на ветре никакой другой земли, можно **[211]** было преложить курс на норд-норд-ост [22 1/2°]. Мыс, о котором все так долго мечтали, мы назвали мысом Деливранс [141], а залив, восточной оконечностью которого он является, — заливом Луизиады. Мы заслужили право так их назвать [142]. В продолжение 15 дней, проведенных нами в заливе, течения все время сносили нас на восток. 26 и 27 июня ветер весьма

сильно засвежел, на море появилось большое волнение, налетали шквалы и наступил мрак. Ночью идти по курсу было невозможно.

Мы прошли уже около 60 лье на север от мыса Деливранс, когда 28-го утром совершенно неожиданно увидели на северо-западе землю, на расстоянии 9 или 10 лье. Это были два острова, из которых более южный в 8 часов остался на норд-вест-тень-вест [303 3/4°] по компасу. В это же время открылось другое длинное и высокое побережье, тянувшееся от ост-зюйд-оста [112 1/2°] до ост-норд-оста [67 1/2°]. Это побережье имело направление на север, и по мере нашего продвижения на северо-восток оно, казалось, все белее удлинялось и поворачивало на норд-норд-вест [337 1/2°].

/Обнаружение новых островов/ Мы обнаружили участок, где побережье имело разрыв; это мог быть либо пролив, либо вход в большую бухту, ибо нам показалось, что в глубине его видна земля. 29 июня утром побережье, которое находилось от нас на восток, продолжало тянуться на норд-вест [315°], однако не ограничивая горизонт с этой стороны. Я хотел подойти к нему и идти вдоль него, пока не обнаружил бы места для якорной стоянки. В 3 часа пополудни, находясь приблизительно в 3 лье от земли, мы достали дно на глубине 48 саженей; грунт — белый песок и осколки ракушек; мы взяли курс на небольшую, казавшуюся очень удобной бухту; однако внезапно наступил штиль, и остаток дня был для нас потерян. Ночью мы делали короткие галсы, а 30 июня на рассвете я направил шлюпки с небольшим отрядом под командованием шевалье де Бурнана для обследования нескольких бухт на побережье, возле которого могли оказаться хорошие якорные места, так как грунт, обнаруженный нами в открытом море, был вполне подходящим. Я следовал за отрядом под малыми парусами, готовый оказаться рядом с ним по первому его сигналу.

/Описание островитян/ 30 июня около 10 часов примерно дюжина пирог различной величины подошла довольно близко к кораблю, но не решалась пристать к нему. В самой большой из них находилось 22 человека, в средних — по восьми-девяти, а в маленьких — по два или по три. Пироги эти хорошо сделаны; корма и нос у них сильно приподняты, это первые **[212]** пироги без балансира, какие мы увидели в этих морях. Островитяне черны, как африканские негры; у них курчавые длинные волосы, у некоторых рыжего цвета. Они носят браслеты, а на лбу и на шее пластинки из какого-то белого материала, все вооружены луками и длинными деревянными копьями. Они громко кричали, и их намерения, по-видимому, не были мирными. К трем часам я подал сигнал нашим шлюпкам вернуться к кораблям. Шевалье де Бурнан доложил мне, что почти всюду он обнаружил подходящие глубины для якорной стоянки в 30, 25, 20, 15 и 11 саженей, грунт — илистый песок, однако берег открытый, рек нет; на всем этом пространстве он видел лишь один ручей. Открытый берег почти недоступен, повсюду бьет прибой, горы подымаются от самого берега, и вся земля покрыта лесом. */Неудачная попытка найти якорную стоянку/* На берегах маленьких бухточек обнаружено всего лишь несколько хижин — островитяне живут в горах. За нашей небольшой шлюпкой некоторое время следовали три или четыре пироги и, кажется, хотели на нее напасть. Один островитянин даже несколько раз вставал, чтобы метнуть копье. Но он так и не сделал этого, и шлюпка благополучно вернулась к кораблю, не открывая огня.

Впрочем, наше положение было достаточно критическим. Мы открыли неизвестные до этого времени земли, тянущиеся, с одной стороны, с зюйда [180°] до норд-норд-веста [337 1/2°] через ост [90°] и норд [0°]; с другой — с вест-тень-зюйда [258 3/4°] до норд-веста [315°]. К сожалению, горизонт был настолько темен между румбами норд-вест

[315°] и норд-норд-вест [337 1/2°], что с этой стороны ничего не было видно дальше двух лье. Однако именно в этом районе я рассчитывал найти проход; мы ушли уже слишком далеко вперед, чтобы отступать. Правда, сильное приливное течение, которое шло с севера на юго-восток, позволяло надеяться, что проход будет найден. Самое сильное приливное течение мы ощущали с 4 часов до 5 часов 30 минут вечера. Корабли, хотя и подгоняемые очень свежим ветром, плохо слушались руля. К 6 часам сила течения ослабла. Ночью мы лавировали с зюйда [180°] на зюйд-зюйд-вест [202 1/2°] на одном галсе и с ост-норд-оста [67 1/2°] на норд-ост [45°] — на другом. Временами налетали шквалы с сильным дождем.

1 июля в 6 часов утра мы снова очутились на том же месте, где были накануне вечером, — доказательство того, что здесь наблюдался прилив и отлив. Мы маневрировали с расчетом идти между румбами норд-вест [315°] и норд-вест-тень-норд [326 1/2°]. В 10 часов утра мы вошли в пролив шириной в 4—5 лье между берегом, простирающимся **[214]** отсюда на восток, и землями, лежащими на западе. */Опасный район/* Чрезвычайно сильное приливо-отливное течение, имеющее неопасный правление на зюйд-ост [135°] и норд-вест [315°], образует посреди этого пролива пересекающий его поперек водоворот; море здесь клокочет, кипит и бьется так, как это бывает при подводных рифах, подымающихся до поверхности моря. Я назвал это течение именем Дениса, в честь нашего боцмана, славного старого служаки. Транспорт «Этуаль», который проходил проливом через два часа после нас и более к западу, оказался на глубине 5 саженей при скалистом грунте. Море было настолько бурным, что на транспорте пришлось закрыть выходные люки. Фрегат же измерил глубину в 44 сажени при песчаном грунте с гравием, раковинами и кораллами. Восточный берег здесь начинает понижаться и поворачивает на север. Мы были почти на

середине пролива, когда заметили чудесную бухту, которая по всем признакам могла оказаться хорошей якорной стоянкой. Благодаря почти полному отсутствию ветра и течению, которое направлялось тогда на норд-вест [315°], мы достигли ее в одну минуту. Почти тотчас же мы получили ветер и намеревались ее осмотреть. Вдруг в половине двенадцатого разразился проливной дождь — настоящий потоп; земля и солнце скрылись из виду, и мы были вынуждены отложить наши изыскания.

/Новая попытка найти якорное место/ В час дня я послал вооруженные шлюпки под командованием лейтенанта шевалье д'Орезона для промера и осмотра бухты. Во время этой операции мы старались держаться на таком расстоянии, чтобы можно было следить за их сигналами. Погода была прекрасная, но маловетреная. В 3 часа мы обнаружили под нами дно на глубине 10 и 8 саженей при скалистом грунте. В 4 часа наши шлюпки подали сигнал, что найдено хорошее якорное место, и мы тотчас же поставили все верхние паруса и стали маневрировать к нему. Дул слабый ветер, и приливо-отливное течение было противным.

В 5 часов мы снова прошли над скалистой банкой с глубинами 10, 9, 8, 7 и 6 саженей. Мы даже видели на зюйд-зюйд-ост [157 1/2°], приблизительно в одном кабельтове, водоворот, который свидетельствовал о том, что в этом месте, вероятно, не более 2—3 саженей глубины. Маневрируя на норд-вест [315°] и на норд-вест-тень-норд [326 3/4°], мы достигли большей глубины. Я поднял сигнал транспорту «Этуаль» «спуститься», чтобы он не наскочил на эту банку, и направил ему свою шлюпку, которая провела бы его на якорную стоянку. Однако мы не двигались вперед, так как ветер был очень слабый и не мог помочь нам идти против **[216]** течения, а ночь быстро спускалась. За целых два часа мы не продвинулись и на пол-лье, и пришлось отказаться от этой якорной стоянки, ибо немыслимо было идти к ней почти

на ощупь, среди скал и рифов, находясь во власти быстрых и непостоянных течений. Я приказал маневрировать в направлении вест-тень-норд [281 1/4°] и вест-норд-вест [292 1/2°], чтобы вновь выйти в открытое море, и часто измеряя глубины. Приведя северную оконечность земли к норд-осту [45°], мы спустились на норд-вест [315°], потом на норд-норд-вест [22 1/2°] и на норд [0°].

Теперь я возвращусь к описанию экспедиции, проведенной нашими шлюпками. Прежде чем войти в бухту, они обогнули сначала ее северный мыс, образованный полуостровом, вдоль которого глубины были от 9 до 13 саженей, грунт — песок и кораллы. Затем наши шлюпки углубились в бухту и на расстоянии 1/4 лье от входа нашли очень хорошее якорное место, где глубина от 9 до 12 саженей при грунте — серый песок и гравий, укрытое от зюйд-оста [135°] до зюйд-веста [225°], через ост [90°] и норд [0°].

/Островитяне атакуют наши шлюпки/ В то время как со шлюпок измеряли глубины, внезапно у входа в бухту появились десять пирог, в которых было около 150 человек, вооруженных луками, копьями и щитами. Пироги вышли из губы, представляющей собой устье реки, берега которой усеяны хижинами, и, следуя на веслах, стали в строгом порядке приближаться к шлюпкам. Подойдя на близкое расстояние, пироги быстро разделились на два отряда, чтобы окружить шлюпки. С воинственными криками, потрясая копьями и луками, островитяне устремились в атаку, рассчитывая, видимо, шутя справиться с такой горсточкой людей. Первый ружейный залп не остановил их, и они продолжали метать копья и стрелы, прикрываясь щитами, которые они считали надежной защитой. Второй залп обратил их в бегство. Некоторые из островитян бросились в море, чтобы добраться до земли вплавь.

/Описание их пирог/ Мы захватили у них две пироги. Они хорошо построены и имеют значительную длину; корма и нос их сильно приподняты для защиты от стрел. Нос одной из пирог украшало деревянное скульптурное изображение человеческой головы с глазами из перламутра и ушами из панциря черепахи; лицо этой скульптуры напоминало маску с большой бородой; губы были выкрашены ярко-красной краской. В пирогах были найдены луки, большое количество стрел, шиты, кокосовые орехи, плоды арековой пальмы [143] и некоторые другие незнакомые нам плоды, кое-какая утварь, бывшая у этих туземцев в употреблении, искусно **[217]** сплетенные сети с очень мелкими ячейками и почти обуглившаяся человеческая челюсть.

/Описание островитян/ У островитян кожа черного цвета; волосы курчавые, окрашенные в белый, желтый и красный цвета. Их смелое нападение на нас, привычка носить с собой оборонительное и наступательное оружие, ловкость и умение им пользоваться свидетельствуют о том, что они постоянно воюют. За время нашего путешествия мы убедились, что островитяне с черной кожей вообще более злые, чем те, у которых кожа по цвету приближается к белой. Эти островитяне были совершенно голые, если не считать набедренной повязки, сплетенной из волокон. Щиты у них овальной формы, сплетены из нескольких слоев камыша, положенных один поверх другого и хорошо между собой скрепленных. Щиты эти, вероятно, хорошо защищают от стрел. Мы назвали реку и губу, из которой вышли эти храбрые островитяне, рекой Геррье [Воинов], остров и бухту — именем Шуазеля. Северный полуостров сплошь покрыт кокосовыми пальмами.

/Продолжение наших открытий/ В следующие два дня ветра было мало. Выйдя из пролива, мы увидели на западе длинное и гористое побережье, вершины гор которого терялись в облаках. 2 июля вечером мы еще видели берега

острова Шуазель. 3 июля утром мы видели уже только новое побережье, которое поражает своей огромной высотой и тянется на норд-вест-тень-вест [303 3/4°]. Нам показалось, что его северная часть, значительно понижаясь, образует приметный мыс. Я назвал его мысом Аверди. 3 июля в полдень мыс остался приблизительно в 12 лье на вест-тень-норд [281 1/4°] по компасу, а взятая нами меридиональная высота позволила точно определить его положение по широте. На закате облака, окутавшие вершины гор, рассеялись, и мы увидели пять горных вершин огромной высоты. 4 июля первые лучи солнца дали нам возможность увидеть земли более западные, чем мыс Аверди. Это был новый берег, менее возвышенный по сравнению с предыдущим и протянувшийся на норд-норд-вест [337 1/2°]. Между его зюйд-зюйд-остовым мысом и мысом Аверди раскинулось обширное водное пространство, образующее пролив или большой залив. В значительном удалении можно было заметить возвышенности. Позади этой новой земли мы увидели еще более высокий берег, тянувшийся в том же направлении, как и предыдущий. Мы держались все утро близ более низкого берега, предполагая на нем высадиться.

К полудню мы находились от него на расстоянии около 5 лье, а его норд-норд-вестовый мыс находился от нас на зюйд-вест-тень-вест [236 1/4°]. После полудня три пироги **[218]** с 5—6 островитянами на каждой отделились от берега и направились на разведку к кораблям. Они остановились от нас на расстоянии ружейного выстрела. Мы всячески приглашали их приблизиться к нам, но прошел целый час, пока они решились на это. Несколько безделушек, которые, прикрепив к дощечкам, бросили им матросы, казалось, заставили их отнестись к нам с некоторым доверием. Островитяне подошли к кораблю, показывая нам кокосовые орехи и выкрикивая «бука, бука, онеллэ». Они беспрестанно произносили эти слова, и мы стали повторять их вслед за

ними, что, кажется, доставило им удовольствие. Они пробыли возле нас недолго и знаками показали, что пойдут за орехами. Мы одобрили их намерение; но едва они отошли шагов на двадцать, как один из этих вероломных людей пустил стрелу, которая, к счастью, никого не задела. Затем они налегли на весла и обратились в бегство. Мы были слишком сильны, чтобы их наказывать.

/Описание островитян, приближавшихся к кораблям/
Чернокожие островитяне были совершенно голые. У них короткие курчавые волосы; уши, сильно удлиненной формы, проколоты. У некоторых из них волосы были окрашены в красный цвет, а на разных частях тела имелись белые пятна. Вероятно, они жуют бетель [144], так как у них красные зубы. Жители острова Шуазель также употребляли его, потому что в их пирогах мы нашли мешочки с листьями бетеля и известь. В пирогах мы подобрали длинные, в 6 футов, луки и стрелы с насаженными на конце остриями из очень твердого дерева.

Пироги этих островитян гораздо меньшего размера, чем те, которые мы видели в бухте Воинов. Мы были удивлены, не обнаружив ничего общего в устройстве тех и других пирог. Нос и корма у этих пирог мало приподняты, нет балансира, но они достаточно широки, и два гребца могут сидеть в них рядом. Этот остров, который мы назвали Бука, показался нам сильно населенным, если судить по количеству хижин и по некоторым другим признакам культуры, которые мы здесь обнаружили.

На косогоре расстилалась прекрасная равнина, усаженная кокосовыми пальмами и другими деревьями, что являло весьма приятное зрелище, и мне очень хотелось найти на этом побережье место для якорной стоянки; однако ветер был противный, и сильное течение, увлекавшее нас на норд-вест [315°], заметно относило корабль от берега. Ночью мы пытались держаться возможно ближе к берегу и шли на

зюйд-тень-вест [191 1/4°] и на зюйд-зюйд-вест [202 1/2°]. Но на следующее утро остров Бука остался довольно далеко от нас на ост [90°] и на зюйд-ост [135°]. Накануне **[220]** вечером с верхушек мачт был замечен небольшой островок, расположенный между румбами норд-вест [315°] и норд-вест-тень-вест [303 3/4°] по компасу. В конце концов Новая Британия была где-то недалеко, и мы рассчитывали именно там сделать остановку.

/Остановка у острова Новая Британия/ 5 июля после полудня мы усмотрели два небольших острова на норд [0°] и на норд-норд-вест [337 1/2°] от нас на расстоянии от 10 до 12 лье; почти одновременно показался более крупный остров между румбами норд вест [315°] и вест [270°]. Последний остров, ближе всего к которому мы находились в 5 часов 30 минут вечера, остался от нас на норд-вест-тень-вест [303 3/4°] на расстоянии около 7 лье. Побережье его казалось возвышенным и охватывающим несколько бухт. Ввиду того что у нас не было уже ни хлеба, ни дров и состояние наших больных резко ухудшилось, я решил здесь остановиться. Поэтому всю ночь мы лавировали, выбирая наиболее благоприятные галсы, чтобы сохранить землю у нас под ветром. 6 июля на рассвете мы находились от нее в 5—6 лье, но как только мы взяли курс на эту землю, открылась новая возвышенная, очень красивая земля на расстоянии от 18 до 12 и 10 лье на вест-зюйд-вест [247 1/2°] от первой. Около 8 часов, будучи в 3 лье от первой земли, я направил шевалье дю Бушажа во главе двух вооруженных шлюпок осмотреть землю и найти якорное место. В час пополудни он подал сигнал, что нашел стоянку, и мы тотчас же наполнили паруса, направились к посланной нам навстречу шлюпке и последовали за нею. В 3 часа мы стали на якорь на глубине 33 саженей при белом песчаном илистом грунте. Транспорт «Этуаль» стал на якорь ближе к берегу, чем мы, на глубине 21 сажени, на таком же грунте.

/Качества и особенности якорного места/ Входя в бухту, оставляют с левого борта на вест [270°] небольшой остров и островок, находящийся в 1/2 лье от берега. Мыс, выдающийся в море против островка, образует на своей внутренней части настоящую гавань, защищенную от ветров всех румбов; грунт там всюду белый песок и глубина от 35 до 15 саженей. У восточного мыса виднеется отмель, которая не простирается до открытого моря. Кроме того, к северу от бухты также видны две небольшие отмели, осыхающие во время отлива. У круто обрывающегося рифа глубина достигает 12 саженей. Вход в эту гавань очень удобен; необходимо лишь держаться поближе к восточному мысу и иметь как можно больше парусов, потому что, обогнув мыс, корабль попадает в зону штиля, и тогда можно войти, только пользуясь инерцией корабля. Место нашей стоянки определялось следующими пеленгами: островка у входа — **[221]** вест-тень-зюйд-1°30'-к весту [257 1/2°] восточного входного мыса — вест-тень-зюйд-1°-к зюйду [260 3/4°] западного входного мыса — вест-тень-норд [281 1/4°]; внутренней части гавани — зюйд-ост-тень-ост [123 3/4°]. Мы стали фертоинг, отдав якоря на восток и на запад. Оставшаяся часть дня ушла у нас на подачу концов на берег, спуск рей и стеньг, спуск шлюпок на воду и обследование бухты.

/Описание места стоянки и его окрестностей/ Всю следующую ночь и почти весь следующий день 7 июля шел дождь. Мы выгрузили на сушу наши бочки, поставили несколько палаток и приступили к заготовке воды, дров и приготовлению щелока для стирки белья и всех предметов первой необходимости. Место высадки оказалось великолепным: везде был мелкий песок, не было ни подводных камней, ни прибоя. В глубине бухты, в четырехстах шагах, текли четыре ручья; мы использовали три из них: один для фрегата «Будёз», второй для транспорта «Этуаль», третий для стирки. Деревья различных пород

росли у самого побережья, и все были пригодны для топлива, а некоторые отлично годились для плотничных, столярных и даже токарных работ. Оба корабля стали на таком расстоянии, что можно было переговариваться друг с другом и с берегом. Впрочем, бухта и ее окрестности были необитаемы, что дало нам неоценимый покой и свободу. Мы и мечтать не могли о более надежной стоянке и более удобном месте, чтобы запастись водой, лесом и произвести кое-какой ремонт, в котором срочно нуждались оба корабля. Нашим цинготным больным тоже было полезно спокойно побродить по лесу.

Таковы были преимущества этой стоянки, но были у нее и неудобства. Несмотря на все поиски, мы не нашли здесь ни кокосов, ни бананов, ни какого-либо другого съестного, что можно было бы добровольно или силой получить на обитаемой земле. Если бы еще и рыбная ловля оказалась неудачной, то мы не могли бы рассчитывать получить здесь даже самое необходимое. И тогда наши больные не поправились бы. По правде говоря, у нас не было тяжело больных, но некоторые все же страдали от цинги, и если бы они здесь не выздоровели, то болезнь их вскоре усилилась бы.

/Замечательная находка/ В первый же день мы обнаружили на берегу речки, протекавшей в 3 1/2 лье от нашего лагеря, пирогу, стоявшую в бухте, и две хижины. Пирога была с балансиром, очень легкая и в хорошем состоянии. Рядом находились следы нескольких костров, обломки крупных обожженных раковин и черепа животных, которые, по определению господина де Коммерсона, принадлежали кабанам. Дикари, **[222]** по-видимому, недавно побывали здесь, потому что в хижинах были найдены еще свежие финики и бананы. Нам даже показалось, что мы слышали в горах крики людей, но впоследствии выяснилось, что это были не человеческие голоса, а воркованье хохлатых диких голубей с лазурным оперением, которых на Молуккских

островах называют венценосцами. На берегу этой реки мы сделали замечательную находку. Матрос с моей шлюпки, занятый поисками раковин, обнаружил врытый в песок кусок свинцовой пластины, на которой можно было прочесть обрывки английских слов:

«HOR'D HERE ICK MAJESTY'S»

На пластине еще заметны были следы гвоздей, которыми она была, очевидно, прибита; сама надпись казалась сделанной недавно. Несомненно, дикари оторвали пластину и разделили ее на части.

Эта находка заставила нас внимательно осмотреть все окрестности нашей стоянки. Мы обошли также на шлюпке побережье бухты, прикрытое островом на протяжении /*Следы английского лагеря*/ 2 лье, и уткнулись в глубокую, но неширокую бухту, открытую на юго-запад; высадившись внутри бухты близ прекрасной речки, мы сразу же увидели несколько деревьев, спиленных или срубленных топором, и поняли, что здесь была стоянка англичан. Затем нам не стоило большого труда разыскать место, где была прибита пластина. Это было очень толстое, приметное дерево на правом берегу реки, посредине большой площадки, на которой, по нашему мнению, стояли палатки англичан. Гвозди еще оставались в стволе, а пластина с надписью была оторвана, вероятно, лишь несколько дней тому назад, так как место под нею было еще совсем свежее. На дереве англичанами или островитянами были вырублены ступени. Свежие побеги, которые подымались на месте среза одного из деревьев, позволили нам установить, что англичане находились в этой бухте не более четырех месяцев тому назад. Найденный тонкий пеньковый трос также являлся достаточным тому подтверждением, так как, несмотря на царившую здесь сырость, он еще не сгнил.

Я больше не сомневался, что корабль, посетивший эти места, был «Суаллоу» — четырнадцатипушечное судно под командованием Картерета [145], вышедшее из Европы в августе 1766 г. вместе с судном «Дельфин», которым командовал Уоллис. Позже, в Батавии, мы получили сведения об этом судке, а из дальнейшего изложения будет видно, что мы шли по следам Картерета до самой Европы. Интересно, что, **[223]** посетив столько земель, мы случайно попали именно в то место, где соперничавшая с нами нация только что оставила по себе память о предприятии, равноценном нашему.

Дождь лил почти беспрерывно до 11 июля. В открытом море был, очевидно, сильный ветер, но высокие горы защищали бухту со всех сторон. */Растительность острова/* Мы спешили с окончанием работ насколько позволяла плохая погода. Я приказал также осмотреть якорные канаты и поднять один из якорей, чтобы узнать качество грунта; оказалось, что лучшего дна нельзя было и желать. Одной из важнейших наших забот было найти свежую провизию для больных и какую-нибудь пищу для здоровых. Наши поиски оказались бесплодными. Рыбная ловля не дала никаких результатов, а в лесах мы нашли только пальму латанию и несколько капустных пальм, да еще пришлось их оспаривать у огромных муравьев, бесчисленные полчища которых заставили нас бросить несколько уже срубленных деревьев. Правда, мы видели пять или шесть кабанов или диких свиней, но сколько наши охотники ни выслеживали их, ни одного не удалось убить. Это — единственное четвероногое, которое мы здесь встретили.

Несколько человек наткнулись на следы кошки-тигра. Мы убили несколько больших, редкой красоты голубей. Их оперение изумрудно-золотое; шея и брюшко бело-серые, а на голове маленький хохолок. Есть здесь также горлицы и какой-то вид воробьев большего размера, чем в Бразилии; попадаются попугаи, голуби, а также птица, крик которой

настолько похож на лай собак, что трудно не ошибиться, услышав его впервые. В разных частях бухты мы видели черепах; но время, когда они кладут яйца, еще не наступило. В этой бухте есть прекрасные песчаные пляжи, и я думаю, что если бы мы попали сюда в сезон кладки яиц, то набрали бы их множество.

Вся местность здесь гористая; почва очень легкая; скалы едва покрыты землей. Однако на них растет много высоких деревьев, среди которых встречаются бетель, капустная пальма и такой же индийский тростник, какой растет на Малайских островах. Но качество здешнего тростника значительно хуже; причина этого — то ли болотистая местность, то ли отсутствие ухода, а может быть его цветению и созреванию мешают деревья, которыми сплошь покрыта местность; возможно также, что в это время года тростник не достиг еще зрелости. Распространен здесь перец, но тогда еще не наступило время для его цветения и плодоношения. В общем флора этой страны не очень богата. Ничто не говорило о том, что она когда-нибудь была **[224]** обитаема. Казалось несомненным только одно, что время от времени остров посещают какие-то люди; мы часто встречали места, где они приставали к берегу; эти места легко было узнать по оставленным здесь объедкам.

10 июля на транспорте «Этуаль» умер матрос. У него была тяжелая болезнь, ничего общего не имеющая с цингой.

В последующие три дня стояла очень хорошая погода, и мы с успехом ее использовали: починили нижнюю часть нашей фок-мачты, которая была истерта в степсе, а транспорт «Этуаль» укоротил свою фок-мачту, топ которой оказался поврежденным. Мы приняли с транспорта «Этуаль» муку и сухари, которые еще находились на нем, но предназначались для нас — пропорционально численности нашего экипажа. */Жестокая нужда, которую мы испытали/* Овощей на

транспорте оказалось гораздо меньше, чем мы рассчитывали, и пришлось урезать более чем на треть порцию бобов, из которых нам варили суп; я говорю «нам» потому, что все на кораблях распределялось поровну, офицеры и экипаж были на одном и том же питании. Перед лицом смерти все были равны.

Мы воспользовались хорошей погодой также для того, чтобы произвести необходимые астрономические наблюдения. 11 июля утром господин Веррон установил на земле свой квадрант и секундный маятник; он воспользовался ими в тот же день для наблюдения меридиональной высоты Солнца. Колебания маятника были точно определены по соответствующим высотам Солнца, взятым в течение двух дней подряд. 13 июля должно было произойти видимое для того района затмение Солнца, и следовало быть наготове, чтобы наблюдать его, если позволит погода. Погода была очень хорошая, и мы могли видеть все фазы затмения.

/Астрономические наблюдения по долготе/ Господин Веррон вел наблюдения при помощи зрительной трубы длиной 9 футов, шевалье дю Бушаж — при помощи ахроматической зрительной трубы Доллонда длиной 4 фута, мой пост был у маятника. Для нас затмение началось 13 июля в 10 часов 50 минут 45 секунд утра и кончилось в 00 часов 28 минут 16 секунд истинного времени, а его величина составляла 3'22". Под тем местом, где находился маятник, мы зарыли в землю дощечку с надписью и назвали эту бухту порт Праслин. Эти наблюдения тем более важны, что при их помощи, а также при помощи астрономических наблюдений, сделанных на побережье Перу, наконец удалось совершенно точно установить протяженность по долготе обширного Тихого океана, которая до сих пор была определена неверно. Нам повезло еще и в том, что в момент затмения Солнца стояла хорошая погода, так как с этого дня она резко испортилась, и до самого **[225]** нашего ухода отсюда мы не

видели клочка чистого неба размером больше трех локтей; из-за непрерывных дождей, сопровождаемых удушливой жарой, наше пребывание здесь становилось для нас просто губительным. 16 июля фрегат был готов к выходу, и мы использовали все наши шлюпки, чтобы помочь транспорту «Этуаль» закончить свои работы. Транспорт почти не имел груза, и так как здесь не было камней для балласта, то пришлось использовать для этого лес; это была долгая и изнурительная работа, связанная с пребыванием в здешних лесах, где постоянно очень высокая влажность.

/*Описание двух насекомых*/ Мы ежедневно убивали змей, скорпионов и множество странного вида насекомых: длиной в палец, с панцирным щитком на туловище, с шестью ножками, выступающими по бокам, и с довольно длинным хвостом. Мне доставили еще одно существо, которое показалось необыкновенным. Это насекомое из семейства богомолов; оно имеет 3 дюйма в длину, почти все части его тела даже при самом близком рассмотрении легко принять за листья; каждое его крылышко представляет собой как бы половину листка; если же крылья сблизить, получается целый листок; нижняя часть его тела тоже вроде листка, только более светлого цвета, чем верх. У насекомого два усика и шесть лапок, верхние части которых также напоминают части листьев. Господин де Коммерсон описал это исключительное насекомое и заспиртовал его; по возвращении во Францию я передал его в Королевский музей.

Мы находили здесь множество раковин; некоторые из них были поразительно красивы. Здешние отмели представляют огромную ценность для конхиологии [146]. В одном месте нам даже посчастливилось найти десять раковин-молоточков — вид очень редкий, как говорят (Их нашли в небольшой бухточке и в связи с этим назвали большой остров, в берег

которого вдается эта бухта, островом Марто [Молоток]), поэтому интерес к ним был огромный.

/Матрос, ужаленный водяной змеей/ Однако он сильно уменьшился после случая, происшедшего с одним из матросов: когда он доставал из воды невод, его ужалила какая-то змея. Действие яда сказалось через полчаса. Матрос внезапно почувствовал страшную боль во всем теле. Место укуса на левой стороне тела потемнело и стало распухать на глазах. Матросу сделали четыре или пять надрезов, из которых вытекло много сукровицы. Врач заставил матроса ходить, и как только он переставал двигаться, с ним начинались судороги. В течение пяти или шести часов больной сильно мучился. Наконец териак [147] **[226]** и лечебный отвар, принятые через полчаса после укуса, вызвали обильный пот, и можно было считать, что он благополучно избежал беды. После этого случая все входили в воду с большой опаской.

Наш таитянин внимательно наблюдал за больным во время его лечения. Он дал понять нам, что в его стране у побережья водятся змеи, укус которых всегда смертелен. У таитян имеется своя медицина, но, по-видимому, она несовершенна. Таитянин был удивлен, когда матрос через четыре-пять дней после происшествия приступил к работе. Впоследствии, знакомясь с изделиями наших ремесел и различными методами, при помощи которых мы увеличивали наши возможности, этот островитянин поражался всему, что видел, и краснел за свою родину. «Ауау Таити» — «Фи Таити», — говорил он скорбно. Между тем он не любил признавать наше превосходство над его народом. Трудно передать, до какой степени он был горд. Однако мы заметили, что он столь же и уступчив, сколь и высокомерен. Эта черта его характера доказывает, что он живет в стране, где сословия неравны, и что он считает это нормальным.

/Неблагоприятная погода, задержавшая нас/ 19 июля вечером мы наконец были готовы к выходу в море, но погода стала ухудшаться: подул сильный южный ветер, дождь лил потоками, гремел гром и налетали шквалы. В открытом море бушевал шторм, и даже птицы-рыболовы укрылись в бухте.

/Землетрясение/ 22 июля в половине одиннадцатого утра мы ощутили толчки землетрясения. Они были очень чувствительны для наших кораблей и продолжались около двух минут. Море вздымалось и опускалось несколько раз, и это очень напугало наших моряков, ловивших рыбу у скал; они вернулись на корабли в поисках убежища.

/Безуспешные попытки отыскать продукты питания/ В это время года дожди идут беспрерывно; грозы следуют одна за другой, постоянно слышны раскаты грома, а ночь дает полное представление о тьме первозданного хаоса. Несмотря на дурную погоду, мы ежедневно отправлялись в лес за латанией и капустной пальмой и пытались подстрелить несколько горлиц. Мы разделялись на отряды, но результат этих тяжелых экспедиций обычно был один и тот же: все возвращались промокшими до костей, но с пустыми руками. В последние дни мы все же нашли некоторое количество плодов мангиферы [148] и диких испанских слив. Каким это было бы для нас подспорьем, если бы мы нашли их раньше! Встречали мы здесь также нечто вроде ароматического плюща, которому врачи приписывают антицинготные свойства; по крайней мере наши больные, **[227]** которые делали из него настойку для питья и полоскания, испытывали значительное облегчение.

/Описание красивого каскада/ Все ходили любоваться изумительным водопадом, питающим воды ручья, который мы выделили для нужд транспорта «Этуаль». Тщетно пытались бы люди искусственно воспроизвести в королевских дворцах те прелести, которыми природа

наделила этот необитаемый уголок. Мы восторгались уступами, образующими почти правильные ступеньки, по которым низвергались воды; с восхищением следили за тем, как после падения эти массы воды образуют сотни разных бассейнов, наполняющихся прозрачными потоками, в которых отражаются огромные деревья; корни некоторых из них тянутся из самого бассейна. Водопад этот достоин кисти великого живописца. И есть, наверное, немало талантливых людей, смелая кисть которых могла бы запечатлеть эти неповторимые красоты.

/Наше положение ухудшалось с каждым днем/ Между тем время шло, а мы не двигались с места, и наше положение ухудшалось; количество больных цингой росло, болезнь усиливалась. В еще более тяжелом положении был экипаж транспорта «Этуаль». Ежедневно я посылал в открытое море шлюпки разведать погоду, но все оставалось по-прежнему: южный, почти штормовой ветер и сильное волнение на море.

В таких условиях выход в море был невозможен, тем более что выйти из гавани можно было, только вытягиваясь кормой вперед при помощи якоря, заранее завезенного со шлюпки; к тому же пришлось бы немедленно вступить под паруса, не ожидая шлюпки, посланной за якорем; в открытом море из-за большой волны мы не подняли бы на корабль шлюпку и якорь, лишиться которого мы никак не могли. Все это заставило меня 23 июля отправиться на поиски прохода между островом Марто и большой землей.

Я обнаружил один такой проход, по которому при южном ветре мы могли пройти и поднять наши шлюпки в проливе. Правда, и здесь мы встретили бы много трудностей, но, к счастью, этим проходом нам не пришлось воспользоваться. В ночь с 23 на 24 июля беспрерывно лил дождь, однако утренняя заря принесла нам хорошую погоду и штиль. Мы немедленно снялись с фертоинга, послали матросов на берег

для крепления швартовов к деревьям и, имея завезенный верп, развернулись на якоре. Целый день ждали мы подходящего момента для выхода и уже стали отчаиваться, так как приближение ночи вынуждало нас вновь стать фертоинг, но внезапно в 5 часов 30 минут из глубины гавани подул легкий бриз. Мы немедленно отдали свои швартовы, выбрали перлинь верпа, при помощи **[228]** которого транспорт «Этуаль» должен был выйти после нас, и уже через полчаса оказались под парусами. */Выход из бухты Праслин/* Шлюпки отбуксировали нас до середины пролива, где было достаточно ветра, чтобы мы могли обойтись уже без их помощи. Мы тотчас отправили их к транспорту «Этуаль», чтобы они вывели его из гавани. В открытом море мы встали на траверзе пролива на расстоянии 2 лье в ожидании выхода транспорта и в то же время поднимали на борт другие шлюпки. В 8 часов мы увидели, что транспорт «Этуаль» вышел из гавани, но штиль не позволил ему присоединиться к нам до 2 часов ночи. В это же время вернулась наша большая шлюпка, которая также была поднята на корабль.

Ночью с 23 на 24 июля беспрерывно налетали шквалы и шел дождь, а к рассвету установилась хорошая погода и штиль. Ветер дул от зюйд-веста [315°], а мы шли курсами от ост-тень-зюйда [101 1/4°] до норд-норд-оста [22 1/2°], соответственно изгибам берега земли, но было бы все же неосторожным пытаться выйти отсюда на ветер. Мы предполагали, что земля, на которой мы высадились, — Новая Британия, и все признаки подтверждали это. Действительно, земли, открытые нами дальше на запад, находятся недалеко от нее, а посреди водного пространства, которое можно было принять за проход, виднелись отдельные холмы, принадлежащие, без сомнения, более низменным землям. Такой именно рисует Дампир большую бухту, названную им бухтой Сен-Жорж [149]. Наша последняя стоянка и находилась у северо-восточного мыса этой бухты, в чем мы удостоверились в первые же дни

выхода оттуда. Дампир был счастливее нас: он бросил якорь у обитаемого места, где нашел свежую провизию; полученные продукты породили в нем большие надежды на эту страну; мы же, не менее обездоленные, чем он, попали в пустынное место, где нашли лишь воду и лес.

Выходя из порта Праслин, я исправил свою долготу по данным вычислений во время затмения солнца, которое мы там наблюдали; разница получилась приблизительно в 3°, причем я находился более к востоку. Термометр во время нашего пребывания в порту постоянно показывал от 22° до 23°, но фактически жара там была больше, чем он показывал. Я приписываю это недостатку воздуха, так как бассейн закрыт со всех сторон и прежде всего со стороны господствующих ветров.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Плавание от порта Праслин до Молуккских островов. — Стоянка на острове Боеро.

После восьмидневной стоянки, во время которой, как это уже было видно, погода все время была плохая, а ветер почти всегда дул от южных румбов, мы вышли в море. 25 июля ветер снова задул от зюйд-оста [135°], меняясь в пределах до оста [90°], и мы шли вдоль берега на расстоянии 3 лье от него. Берег постепенно закруглялся, и вскоре в открытом море были замечены острова, расположенные один за другим на некотором расстоянии друг от друга. Мы прошли между ними и большой землей, и я дал им имена некоторых из наших офицеров. Мы больше не сомневались, что идем вдоль побережья Новой Британии. Земля эта очень гористая и, по-видимому, изрезана хорошими бухтами, в которых мы заметили огни и другие признаки обитаемости.

/Распределение одежды между матросами/ На третий день после выхода в море я велел сшить из наших тентов одежду для матросов обоих экипажей. Мы уже не раз практиковали подобную раздачу разного рода одежды. Да и во что одевались бы бедные люди в таком длительном походе, когда все время холода сменялись жарой или бесконечными ливнями? В конце концов мне уже больше нечего было им дать: все запасы были исчерпаны. Мало того, снова пришлось урезать на унцию наш рацион хлеба.

/Крайняя нужда в продовольствии/ Небольшое количество оставшейся у нас провизии было частично испорчено. При других обстоятельствах такая солонина давно полетела бы за борт, но сейчас приходилось считать ее годной в пищу. Кто мог знать, когда этим бедствиям наступит конец? Таково было наше положение: мы страдали как от физически ослабивших нас тяжелых испытаний в прошлом, так и от печальных обстоятельств в настоящем, но самым жестоким мне казалась неопределенность нашего **[230]** будущего. Мои личные переживания усугублялись еще страданиями моих спутников. Я призвал всех не падать духом, ибо терпение побеждает в самых критических случаях. Офицеры подавали пример матросам, и те по-прежнему танцевали по вечерам, как и в период самого большого изобилия. Они даже не требовали увеличения жалованья.

/Описание обитателей Новой Британии/ Вплоть до 3 августа Новая Британия все время была у нас на виду. В это время ветра было мало, часто шли дожди, течения не благоприятствовали нам, и корабли шли хуже, чем когда-либо. Побережье все больше принимало западное направление. 29 июля утром мы подошли к нему гораздо ближе, чем до сих пор. Благодаря этому нас посетило несколько пирог: две из них приблизились к фрегату на расстояние слышимости человеческого голоса и пять к транспорту «Этуаль». В каждой пироге находилось по пять

или шесть островитян с черным цветом кожи и густыми курчавыми волосами; у некоторых из них волосы были посыпаны каким-то белым порошком. У них были довольно длинные бороды и на руках белые украшения в виде браслетов. Листья кое-как прикрывали их наготу. Все они большого роста и производят впечатление ловких и сильных. Туземцы показывали нам нечто вроде хлеба и знаками приглашали на берег; мы в свою очередь предлагали им подняться на борт, но наши приглашения, даже подарки в виде кусочков тканей, брошенные в море, не внушили им доверия, и никто из них не решился подойти к борту корабля. Островитяне подобрали брошенные нами предметы и в благодарность за это один из них метнул в нас камень из пращи, но не попал. Мы не хотели платить им злом за зло. Вскоре они удалились с громкими криками. Очевидно их недружелюбие по отношению к транспорту «Этуаль» зашло еще дальше, так как до нас донеслось оттуда несколько ружейных выстрелов, которые обратили их в бегство. Пироги у них узкие, удлиненные и все с балансирами. Нос и корма украшены где больше, где меньше резьбой, делающей честь их мастерству.

На следующий день появилось еще больше пирог; островитяне без всяких колебаний приблизились к кораблю. Один из них, по-видимому, вождь, держал в руках дубинку длиной в два или три фута, разрисованную красной краской, с набалдашниками на обоих концах. Подойдя совсем близко к нам, он поставил ее на голову, придерживая руками, и в такой позе оставался некоторое время. Цвет кожи у этих островитян черный, они, вероятно, **[231]** принарядились; у некоторых волосы были выкрашены в красный цвет, в волосах у других — пучки перьев, у третьих в ушах висели подвески из каких-то зерен, на шее большие белые круглые дощечки; у некоторых в ноздри были продеты кольца; но обычным для всех украшением были браслеты из больших

раскрытых раковин. Мы хотели завязать с ними обмен и уговорить привезти нам кое-какую провизию. Но их недобросовестность говорила о том, что ничего из этого не выйдет. Они старались захватить все, что им предлагали, и ничего не хотели дать в обмен. С трудом мы получили от них несколько корней ямса. Наконец нам это надоело, и тогда они удалились. К ночи две пироги подошли к фрегату, но ракета, пущенная с корабля для сигнала, обратила их в бегство. В конце концов визиты, с которыми они являлись к нам в течение последних двух дней, служили, вероятно, лишь разведкой для того, чтобы выработать план нападения.

/Островитяне атакуют транспорт «Этуаль»/ 31 июля с рассветом мы увидели, как целый рой пирог отделился от берега. Часть из них прошла у нас на траверзе, и все они направились к транспорту «Этуаль»; они, конечно, обратили внимание на то, что это меньшее судно держится позади. Островитяне начали атаку градом камней и стрел. Бой был короткий. Ружейная стрельба расстроила их планы; некоторые из них бросились в море, и несколько пирог было покинуто. С тех пор мы их больше не видели.

/Описание северной части острова Новая Британия/ Земли Новой Британии тянулись теперь только на вест-тень-норд [281 3/4°] и вест [270°], и в этой части они значительно понижались. Это было уже совсем не то возвышенное побережье с несколькими горными цепями; северный мыс острова, который мы увидели; представлял собою почти совершенно затопленную сушу с растущими там и сям деревьями.

/1768 г., август/ Первые пять дней августа были дождливыми. Надвигались грозы, дул шквалистый ветер. В момент прояснения лишь мельком показывался берег, и невозможно было рассмотреть его детали. Но мы видели все же достаточно, чтобы установить, что приливо-отливные

течения по-прежнему отнимают у нас часть и без того небольшого расстояния, которое мы проходили каждый день. Поэтому я приказал взять курс на норд-вест [315°], затем на норд-вест-тень-вест [303 3/4°], чтобы избежать лабиринта островов, которыми усеяно море у северной оконечности Новой Британии. 4 августа после полудня мы явственно увидели два острова; я думаю, что это те самые, один из которых Дампир назвал островом Матиас, а второй островом Оражез [Грозовой]. **[232]**

Остров Матиас высокий и гористый, тянется по румбу норд-вест [315°] на расстоянии 8—9 лье. Длина другого острова не превышает 3—4 лье, и между ними находится островок. Остров, который показался нам 5 августа в 2 часа ночи на западе, заставил нас вновь повернуть на север. Мы не ошиблись, и когда в 10 часов густой туман рассеялся, мы увидели на зюйд-ост-тень-зюйд [146 1/4°] этот низкий, маленький остров. Приливо-отливные течения перестали сносить нас на север и восток; по-видимому, это явилось следствием того, что мы уже прошли мимо северного мыса Новой Британии, который голландцы называют мысом Соломасвер. Следовательно, мы находились не севернее широты 00°41' южной. Мы почти ежедневно измеряли глубины, но дна не доставали.

/Остров Анахорет/ Мы шли на запад до 7 августа при довольно свежем ветре и при хорошей погоде, не видя земли. 7 августа вечером мне показалось, что туманный горизонт на закате является признаком наличия земли, простирающейся от веста [275°] до вест-зюйд-веста [247 1/2°], поэтому я решил ночью держать курс зюйд-вест-тень-вест [236 1/4°], днем мы снова повернули на запад. Утром примерно в 5—6 лье мы увидели по носу низкую землю. Маневрируя в направлении между румбами вест-тень-зюйд [258 3/4°] и вест-зюйд-вест [247 1/2°], чтобы пройти от нее к югу, мы шли вдоль ее побережья примерно на расстоянии 1 1/2 лье. Это был низкий

остров длиной около 3 лье, покрытый деревьями и состоящий из нескольких частей, в свою очередь соединенных между собою отмелями и песчаными банками. На острове росло множество кокосовых пальм, а берега его были усеяны таким количеством хижин, что нетрудно было судить о его чрезвычайной населенности. Хижины высокие, четырехугольные, с хорошими крышами. Они показались нам более просторными и красивыми, чем обыкновенные тростниковые хижины, и можно было подумать, что перед нами снова хижины острова Таити. Мы обнаружили много пирог, занятых рыбной ловлей вокруг острова. На наше появление никто не обратил внимания, никто не оторвался от своего занятия. Эти нелюбопытные жители, наверное, довольны своей судьбой. Мы назвали новую землю островом Анахорет [150]. В трех лье к западу от этого острова с верхушек мачт был обнаружен другой низкий остров.

/Архипелаг, названный нами Эшикье/ Ночь была очень темная, и несколько неподвижных облаков на юге заставили нас предположить, что поблизости находится земля. Действительно, когда стало светло, мы обнаружили на расстоянии 8—9 лье по румбу **[233]** зюйд-ост-тень-зюйд -3°-к зюйду [123 3/4°]два небольших островка. В половине девятого, когда мы еще не потеряли их из виду, перед нами открылся другой низкий остров на вест-тень-зюйд [258 3/4°], а несколько далее — множество мелких островов, протянувшихся на вест-норд-вест [292 1/2°] и зюйд-вест [225°] от последнего острова, имеющего длину около 2 лье. Все остальные, в сущности говоря, — просто цепь плоских островов вулканического происхождения с растущими кое-где деревьями. Злосчастное открытие! Среди них находился островок, расположенный несколько южнее и особняком и показавшийся нам более значительным. Мы стали править в проход между ним и архипелагом мелких островков, которые я назвал Эшикье [Шахматная доска] и которые хотел

оставить к северу. Но мы никак не могли выйти из этого архипелага. Цепь, которую мы увидели утром, тянулась гораздо дальше на зюйд-вест, чем мы предполагали.

Мы стремились обогнуть ее с юга, как я уже говорил, однако, когда наступила ночь, мы все еще находились среди островов, не зная точно, где они кончаются. */Опасность, которой мы подвергались/* Из-за плохой погоды и бесконечных шквалов мы не могли сразу заметить опасности; к довершению несчастья, ночь принесла нам штиль, не прекращавшийся до утра. Ночь прошла в беспрестанной тревоге. С минуты на минуту мы ждали, что течения выбросят нас на берег. Я приказал приготовить к отдаче два якоря и распустить бухты их канатов по палубе; но это было почти бесполезной предусмотрительностью, так как, неоднократно измеряя глубину, мы дна не доставали. В этом заключается основная опасность этих земель: почти на расстоянии двойной длины корабля от рифов, окаймляющих эти земли, нет места для стоянки. К счастью, погода не изменилась и не было грозы; около полуночи с севера даже повеял бриз, что позволило нам немного продвинуться на зюйд-ост [135°]. С восходом солнца ветер засвежел и помог нам отойти от этих низких островов, которые, казалось, были необитаемы; по крайней мере, пока мы могли их видеть, никто не заметил на них огня, хижин и пирог. В ту ночь транспорту «Этуаль» угрожала еще большая опасность, чем нам, так как он очень долгое время не слушался руля и приливо-отливное течение заметно сносило его к берегу; однако вскоре на помощь ему пришел ветер. В 2 часа дня мы обогнули самый западный островок и взяли курс на вест-зюйд-вест [247 1/2°].

/Обнаружение Новой Гвинеи/ 11 августа в полдень, находясь в широте 2°17' южной, мы заметили на юге высокий берег, который приняли за **[234]** Новую Гвинею. Позднее, через несколько часов, мы увидели землю яснее: высокий гористый берег в этой своей части простирался на вест-норд-вест [292

1/2°]. 12 августа в полдень мы находились в двух лье от ближайшего к нам побережья. На таком расстоянии невозможно было рассмотреть его обстоятельно; нам только показалось, что в южной широте 2°25' имеется большая бухта с низкими берегами в глубине, которые можно было увидеть лишь с высоты мачт. По скорости, с которой корабли обогнули берега, мы оценили, что теперь течение нам благоприятствует; но чтобы вычислить сколько-нибудь точно поправку, которую они вносили в наше счисление, нужно было идти ближе к суше. Мы продолжали двигаться вдоль побережья на расстоянии 10—12 лье от него. Направление берега продолжало оставаться на вест-норд-вест [292 1/2°]. Мы заметили там прежде всего два очень высоких пика, стоящих рядом друг с другом и превосходящих высотой все другие горы на берегу, и назвали их Дё-Сиклоп. Выяснилось, что приливо-отливное течение направлялось на северо-запад. Фактически на следующий день мы оказались еще дальше от побережья Новой Гвинеи, которое здесь снова вытянуто на запад. 14 августа на рассвете мы увидели два острова и один островок; нам показалось, что он расположен между ними, но более к югу. Взаимное их расположение по румбу ост-зюйд-ост — вест-норд-вест [112 1/2°—292 1/4°] на расстоянии двух лье один от другого; высота их небольшая, протяженность каждого не более 1 1/2 лье.

/Ветры и течения, влияние которых мы чувствовали/
Ежедневно мы продвигались вперед на очень небольшое расстояние. С тех пор как мы находились у побережья Новой Гвинеи, достаточно регулярно дул слабый восточный или северо-восточный бриз, который начинался около 2 или 3 часов дня и продолжался до полуночи; после бриза наступал более или менее длительный период штиля, за которым следовал береговой бриз переменного направления от зюйд-веста [225°] до зюйд-зюйд-веста [202 1/2°], последний переходил около полудня в штиль продолжительностью 2—3

часа. 15 августа в полдень мы снова увидели самый западный из двух островов, обнаруженных нами накануне. Одновременно мы усмотрели и другие земли, которые показались нам островами, расположенными между румбами зюйд-ост-тень-зюйд [146 1/4°] и вест-зюйд-вест [247 1/2°] за этими низкими землями мы вдали видели высокие горы материка. Самая высокая гора, запеленгованная нами в 8 часов утра на зюйд-зюйд-ост [157 1/2°] по компасу, выделялась среди других гор, и мы назвали **[235]** ее Жеан Мулино [Великан Мулино]. Самый западный из низких островов, находящийся на норд-вест [315°] от горы Мулино, получил наименование Немф Али. В 10 часов утра мы попали в сулои приливо-отливных течений, которые сносили нас на норд и норд-норд-ост [22 1/2°]. Эти течения были настолько сильны, что до полудня корабли не слушались руля, и так как они увлекали нас в открытое море, мы не могли точно определить их действительное направление. Вода в русле приливного течения несла с собой стволы деревьев, разные фрукты и морские водоросли и в то же время была так мутна, что мы начали опасаться, не находится ли под нами отмель, однако при длине лотлиня в 100 саженей лот не доставал дна. */Сравнение счислимого и обсервованного места/* Казалось, что сулои указывают на существование большой реки на материке или прохода, перерезающего землю Новой Гвинеи, с выходами, обращенными почти на север и на юг. На основании измерения двух лунных расстояний, произведенных шевалье дю Бушажем и господином Верроном, наша долгота 15 августа в полдень была 136°16'30" к востоку от Парижа. Мое счисление, которое я продолжал вести с того момента, когда определил долготу в порту Праслин, давало невязку в 2°47' по долготе. Мы определили в тот же день, что находимся в широте 1°17' южной.

16 и 17 августа было почти безветренно, иногда дул слабый ветер переменного направления. 16 августа в 7 часов утра с

верхушек мачт увидели землю — очень высокую и пересеченную. Мы потеряли весь день, ожидая транспорт «Этуаль», который из-за сильного течения не мог идти нашим курсом; и 17 августа, ввиду того что он был очень далеко от нас, я должен был развернуться, чтобы вновь соединиться с ним; это удалось нам сделать только поздно вечером. Ночь была грозовой, с ливнем и страшнейшими раскатами грома. Последующие шесть дней были такими же несчастливыми; шли дожди, был штиль и даже если и начинал дуть ветер, то он был противным. Понять то положение, в котором мы находились, может только тот, кто сам испытал нечто подобное.

17 августа после полудня, приблизительно на расстоянии 16 лье, между румбами зюйд-зюйд-вест-5°-к зюйду [197°] и зюйд-вест-5°-к весту [230°], мы увидели возвышенное побережье; однако ночью потеряли его из виду. 18 августа в 9 часов утра мы открыли возвышенный остров на зюйд-вест-тень-вест [236 1/4°] на расстоянии 12 лье; мы его снова увидели на следующий день, и в полдень он остался за нами между румбами зюйд-зюйд-вест [202 1/2°] и зюйд-вест [225°] на расстоянии 15—20 лье. Течения в **[236]** последующие три дня вызвали снос на 10 лье к норду; мы так и не смогли определить, к какой невязке пришли в долготе.

/Переход через экватор/ 20 августа, второй раз за время плавания, мы пересекли экватор. Течения продолжали уносить нас от берегов — мы их не видели ни 20, ни 21 августа, несмотря на то, что шли галсами, наиболее приближавшими нас к ним. Было, однако, совершенно необходимо подойти и держаться близко к берегам, чтобы не совершить какой-либо ошибки, вследствие чего мы могли бы пропустить проход в Индийский океан и войти в один из заливов острова Жилоло. 22 августа на рассвете перед нами открылся гористый берег, выше которого на Новой Гвинее мы еще не видели. Мы взяли курс на берег, и в полдень он

находился между румбами от зюйд-зюйд-оста-5°-к осту [152 1/2°] и до зюйд-веста [225°], где, по-видимому, еще не кончался. В третий раз мы пересекли экватор. Земля тянулась на вест-норд-вест [292 1/2°]. Мы подошли к ней, решив больше не удаляться от нее, пока не достигнем оконечности, которую географы называют мысом Мабо. Ночью мы обогнули мыс, по другую сторону которого все еще сильно возвышенная земля тянулась не далее румбов вест-тень-зюйд [258 3/4°] и вест-зюйд-вест [247 1/2°]. 23 августа в полдень мы увидели участок берега протяжением около 20 лье, самая западная часть которого оставалась от нас почти на зюйд-вест [225°] на расстоянии 13 или 14 лье. */Бесполезная попытка высадки на берег/* Значительно ближе мы находились от двух низких островов, покрытых деревьями и удаленных один от другого приблизительно на 4 лье. Мы приблизились к ним на 1 1/2 лье, и, пока поджидали транспорт «Этуаль», сильно отставший от нас, я командировал шевалье де Сюзаннэ с двумя вооруженными шлюпками к более северному из островов. Нам показалось, что здесь должно быть жилище и можно надеяться добыть провизию. Отмель, простирающаяся вдоль острова и вытянутая довольно далеко на восток, заставила наши шлюпки сделать большой крюк, чтобы ее обогнуть. Шевалье де Сюзаннэ не обнаружил ни хижин, ни жителей, ни продуктов. То, что мы издали приняли за деревню, оказалось лишь грудой скал и пещер. На деревьях, покрывавших остров, не было никаких съедобных плодов. На острове мы зарыли запись о своем праве на него. Шлюпки вернулись на корабли лишь в 10 часов вечера. Транспорт «Этуаль» шел к нам на соединение. Мы все время находились на видимости берегов и убедились, что течение здесь идет от норд-веста [315°]. Подняв шлюпки, мы пытались следовать вдоль берега, пока это позволяли нам устойчивые ветры, дувшие от **[237]** зюйда [180°] и зюйд-зюйд-веста [202 1/2°]. */Следование вдоль берега Новой Гвинеи/* Мы были вынуждены сделать

несколько галсов, чтобы пройти на ветре большого острова, усмотренного нами при заходе солнца между румбами вест [270°] и вест-тень-норд [281 1/4°]. На утренней заре этот остров все еще был у нас под ветром. Его восточное побережье, которое имеет з длину около 5 лье, дальше идет по меридиану, а возле южной оконечности виден низкий островок небольшой протяженности. Между ним и берегом Новой Гвинеи, который тянется здесь почти по румбу зюйд-ост-тень-ост [123 3/4°], открылся широкий пролив, вход в который, шириной около 8 лье, имеет направление норд-ост—зюйд-вест [45°—225°]. Ветер дул из прохода, а приливо-отливное течение имело направление на норд-вест [315°]. Как же идти вперед, лавируя против ветра и течения? До 9 часов утра я предпринял не одну такую попытку, но с огорчением убедился, что это бесполезно. Тогда я решил спуститься, чтобы идти вдоль северного побережья острова, и с сожалением покинул проход, который, я думаю, мог быть весьма удобен, чтобы вывести нас из этой нескончаемой цепи островов [151].

/Скрытая опасность/ В это утро на корабле одна за другой прозвучали две тревоги. Сначала с салингов заметили прямо по носу длинную полосу прибоя. Мы тотчас же легли на другой галс. Когда мы рассмотрели эти буруны более внимательно, то оказалось, что они являются результатом необыкновенно сильного приливо-отливного течения. Поэтому мы продолжали свой путь прежним курсом. Часом позже несколько человек на баке закричали, что под нами мель; надо было принять срочные меры. Но, к счастью, тревога была столь же кратковременной, сколь и сильной. Мы даже посчитали бы ее ложной, если бы с транспорта «Этуаль», который шел нам в кильватер, не заметили эту самую мель примерно двумя минутам позже; там ее приняли за коралловую банку, где могли встретиться еще и меньшие глубины.

Почти на меридиане этой мели есть небольшая песчаная бухточка, на побережье «которой стоят несколько домиков, окруженных кокосовыми пальмами. Это тем более хороший ориентир, что до сих пор мы не видели никаких признаков того, что этот берег обитаем. В час дня мы обогнули северо-восточную оконечность большого острова, который тянется далее на вест [90°] и на вест-тень-зюйд [258 3/4°] примерно на 20 лье. Чтобы следовать вдоль него, пришлось бы идти почти против ветра; вскоре мы увидели в направлении на вест [90°] и на вест-тень-норд [281 1/4°] другие острова. На закате солнца мы увидели также один остров по пеленгу норд-ост-тень-норд [33 3/4°], к которому **[238]** примыкала отмель, простирающаяся, как нам показалось, на норд-тень-вест [348 3/4°]; таким образом, мы еще раз оказались бы в ловушке.

/Смерть нашего боцмана/ В этот день умер от цинги наш боцман Денис. Он был уроженцем порта Сен-Мало; ему было 50 лет, и почти вся его жизнь прошла на королевской службе. Это был честный и хорошо знавший свое дело человек, и его смерть вызвала единодушное сожаление. Цингой болели 45 человек. Лимонный напиток и вино были единственными средствами, оттягивавшими роковой исход болезни.

/Затруднительная навигация/ Ночь прошла в лавировке. 25 августа с восходом солнца. Мы увидели себя окруженными со всех сторон землями. Перед нами открылись три прохода: один с выходом на зюйд-вест [225°], второй — на вест-зюйд-вест [247 1/2°], а третий имел направление почти по параллели. Ветер позволил нам воспользоваться только последним, и я ничего не имел против этого, не сомневаясь, что мы находимся среди островов Папус. Следовало избежать дальнейшего продвижения на север, чтобы, как я уже сказал, не углубиться в какой-нибудь из заливов восточного берега острова Жилоло. Основное, что нам следовало сделать, чтобы покинуть эти опасные места, — это перейти в южные широты;

там, по ту сторону юго-западного прохода, на юге, насколько может охватить глаз, виднелся безграничный простор открытого моря. Поэтому я решил лавировать, чтобы использовать этот проход.

Все окружавшие нас острова и островки имели довольно крутые, но не очень высокие берега и были покрыты лесом. Мы не заметили никаких признаков их обитаемости.

/*Пересечение экватора в четвертый раз*/ В 11 часов утра мы обнаружили песчаное дно на глубине 45 саженей; это было для нас неожиданной удачей. В полдень мы определили широту своего места 0°5' северную. Итак, мы пересекли экватор в четвертый раз. В 6 часов вечера мы по-прежнему были у прохода, ведущего на вест-зюйд-вест [247 1/2°]. Значит, за целый день мы продвинулись только на расстояние около 3 лье. Ночь благоприятствовала нам больше. При свете луны мы могли лавировать между скалами и островами. К тому же течение, имевшее противное направление пока мы находились перед первыми двумя проходами, теперь, когда нам открылся юго-западный проход, стало благоприятным.

/*Описание прохода, которым мы вышли в открытое море*/ Проход, по которому мы наконец вышли этой ночью, шириной приблизительно от двух до трех лье. На западе он ограничен скоплением довольно возвышенных море островов и островков. Его восточное побережье, которое **[239]** мы сперва приняли за самый западный мыс большого острова, в действительности было лишь скоплением маленьких островов и скал, которые издали кажутся сплошной массой, а промежутки между этими островами выглядят укрытыми бухтами; в этом мы убеждались с каждым галсом, приближавшим нас к этим землям. Лишь в половине пятого утра нам удалось обогнуть самые южные острова нового пролива, который мы назвали Франсуа

[Французов]. В середине этого архипелага глубина, казалось, увеличивается в южном направлении. Наши измерения определили глубины от 55 до 75 саженей, грунт — серый песок, ил и ракушка. Когда мы совсем вышли из прохода, то снова провели измерения глубины, но дна не достали. Я приказал тогда лечь на курс зюйд-вест [225°].

26 августа на рассвете по румбу зюйд-зюйд-вест [202 1/2°] открылся новый остров, а позднее по румбу вест-норд-вест [292 1/2°] — другой.

В полдень мы уже не видели лабиринта, из которого вышли, а меридиональная высота дала нам широту 0°23' южную. */Пятое пересечение экватора/* Мы уже в пятый раз пересекли экватор и, продолжая держаться левым галсом, после полудня увидели на юго-востоке небольшой остров. На следующий день на заре мы открыли еще один мало возвышенный остров в 9—10 лье на зюйд-зюйд-ост [157 1/2°]. По-видимому, его протяжение от норд-оста [45°] на зюйд-вест [225°] около 2 лье. В 10 часов утра мы усмотрели чрезвычайно высокую обрывистую скалу, которую назвали Гро Тома. У ее южной оконечности расположен небольшой островок, и два островка находятся у ее северной оконечности. Течения перестали нас сносить на север, наоборот, мы имели невязку между счислимыми и обсервованными местами к югу. Это обстоятельство, а также астрономические определения широты нашего места, показывавшие, что мы находимся южнее мыса Мабо, полностью убедили меня, что мы вошли наконец в воды Молуккского архипелага.

/Дискуссия о мысе Мабо/ Кстати, могут задать вопрос: что такое мыс Мабо и где он находится? Считают, что это тот самый мыс, которым заканчивается на севере западная часть Новой Гвинеи; Дампир и Вуд Роджерс [152] помещают его: первый — в одном из заливов острова Жилоло, в широте 30'

южной; второй — самое большее в 8 лье от этого большого острова. Однако вся эта часть является лишь довольно большим архипелагом маленьких островов, которые адмирал Роггевен, прошедший среди них в 1722 г., назвал архипелагом Тысячи островов. Каким же образом мыс Мабо, находящийся вблизи острова Жилоло, может принадлежать к Новой Гвинее? **[240]**

Где же его расположить, если, как имеется полное основание предполагать, Новая Гвинея сама представляет лишь скопление больших островов, многие проходы между которыми еще неизвестны? Должно быть, мыс находится на самом большом и самом западном острове.

/Вход в архипелаг Молукккских островов/ 27 августа в полдень мы открыли 5—6 островов, расположенных между румбами вест-зюйд-вест-5°-к зюйду [253 3/4°] и вест-норд-вест [292 1/2°] по компасу. Ночью мы лавировали по генеральному курсу зюйд-зюйд-ост [157 1/2°] и, таким образом, 28 августа больше их не увидели. Мы обнаружили пять других маленьких островов и пошли в направлении их. Они остались от нас в полдень в направлении от зюйд-зюйд-вест-1°-к весту [203 1/2°] до вест-тень-зюйд-1°-к зюйду [257 1/4°] на расстоянии 2, 3, 4 и 5 лье. Приблизительно на 5 лье на ост-норд-ост-5°-к норду [62 1/2°] еще виднелась гора Гро Тома. В это время на расстоянии около 7—8 лье на вест-зюйд-вест [247 1/2°] показался еще один новый остров. За последние сутки нам пришлось почувствовать несколько раз сильные приливные течения, которые, казалось, шли с западного направления. Однако разница между результатами нашего счисления и меридиональных обсерваций составляла от 10 до 11 лье к зюйд-вест-тень-зюйду [213 3/4°] и зюйд-зюйд-весту [202 1/2°]. В девять часов утра я отдал приказ транспорту «Этуаль» изготовить свои пушки к стрельбе и отправить шлюпку к юго-западным островам на поиски

удобного якорного места, а также выяснить, можем ли мы достать там провизию.

/Встреча с чернокожим/ После полудня почти заштилело, ввиду чего шлюпка возвратилась только к 9 часам вечера. Она подходила к двум из этих островов и не обнаружила никаких жилищ и следов обитаемости, а также каких-либо плодов. Матросы уже собирались отойти от берега, когда с удивлением увидели чернокожего, приближавшегося к ним на пироге с двумя балансирами. В одном ухе у него было продето золотое кольцо; оружием служили два копья. Он перешел на шлюпку без страха и удивления. Матросы попросили у него еды и питья, и он предложил им нечто похожее на муку, которая, видимо, и являлась его пищей. Ему дали платок, зеркальце и несколько других подобных безделушек. Он принимал подарки со смехом и не восхищался ими. Вероятно, негр уже был знаком с европейцами; возможно, это был беглый с какого-либо из соседних островов, где у голландцев имеются посты, или, быть может, он был послан сюда для рыбной ловли. Голландцы называют эти острова Пятью островами и время от времени посещают их. Нам **[241]** говорили, что когда-то островов было семь, но два из них были разрушены во время землетрясения, и их поглотило море — явление довольно частое в этих местах. Между островами проходит сильное течение и нет никакого якорного места. Деревья и растения здесь почти те же, что и на Новой Британии. Матросы поймали здесь черепаху весом около 200 фунтов.

/Обнаружение острова Серам/ С этих пор мы продолжали постоянно испытывать сильные приливо-отливные течения, которые направлялись на юг, и мы шли курсами, наиболее близкими к этому направлению. Несколько раз мы измеряли глубину, и лот не доставал дна. Вплоть до 30 августа мы видели лишь один остров на расстоянии 10 или 12 лье на запад. 30 августа после полудня на юге, в большом отдалении

от нас, возникла земля значительных размеров. Течение служило нам лучше, чем ветер, и ночью мы приблизились к ней; 31 августа на рассвете мы находились от нее всего лишь в 7 или 8 лье. Это был остров Серам. Его лесистые, частью расчищенные берега тянутся почти точно по параллели, и им не видно конца. Это очень высокий остров: огромные горы поднимаются над землей в разных местах. Множество огней, светившихся со всех сторон, говорило о его большой населенности. Следующие сутки мы провели у северного побережья этого острова, лавируя, чтобы продвинуться на запад и достичь его западной оконечности. Течение было для нас благоприятным, но ветер слабый.

/Замечания о муссонах в этих районах/ При случае я расскажу о всех неприятностях, которые мы давно уже испытывали из-за западных ветров, называемых на Молуккских островах северными муссонами, и восточных, называемых здесь южными муссонами, так как в первом случае ветры обычно дуют с норд-норд-веста [337 1/2°], а не с запада, а во втором они дуют чаще всего с зюйд-зюйд-оста [157 1/2°]. Эти ветры господствуют как на островах Папус, так и на побережье Новой Гвинеи; мы все это трижды испытали на своем собственном опыте, пройдя за 36 дней 450 лье.

/1768 г., сентябрь/ 1 сентября при свете занимающегося дня мы увидели, что находимся у входа в бухту, в глубине которой светилось несколько огней. Вскоре мы заметили два парусных судна, имеющих вид малайских шлюпок. Я велел поднять голландский флаг и вымпел и сделать выстрел из пушки, чем совершил ошибку, сам не зная того. Позже нам сообщили, что жители Серама воюют с голландцами и что они изгнали их почти отовсюду со своего острова. Мы сделали бесполезный галс в глубину бухты; шлюпки укрылись под берегом, а мы, используя свежий ветер, продолжали свой **[242]** путь. Местность в глубине бухты низкая и пологая, окруженная высокими горами, а сама бухта

прикрыта несколькими островами. Для того чтобы обогнуть один довольно большой остров, нам пришлось направиться на вест-норд-вест [292 1/2°]; у оконечности этого острова находятся островок, песчаная банка и отмель, выдающаяся на расстояние одного лье в открытое море. Остров называется Бонао; он разделен на две части очень узким проливом. Когда мы обогнули его, то до полудня шли курсом на вест-тень-зюйд [258 3/4°]. Весьма свежий ветер перешел от зюйд-зюйд-веста [202 1/2°] на зюйд-зюйд-ост [157 1/2°], и остальную часть дня мы лавировали между островами Бонао, Келанг и Манипа, стараясь продвигаться на зюйд-вест [225°]. В 10 часов вечера по зажженным огням мы узнали остров Боеро. Ввиду того что я намеревался здесь остановиться, мы провели ночь в лавировке, чтобы, если возможно, оставаться против входа в бухту и в то же время на ветре по отношению к нему.

/Проект, обеспечивающий нашу безопасность/ Я знал, что голландцы имели на этом острове крупную контору, обеспеченную продовольствием. Поскольку мы находились в полном неведении относительно положения дел в Европе, было бы рискованно получать первые новости от иностранцев, разве только в том случае, если мы окажемся хотя бы немного сильнее их.

/Печальное состояние наших экипажей/ Мы очень обрадовались, обнаружив на рассвете вход в залив Кажели. Здесь у голландцев есть поселение; это был предел, где должны были кончиться наши самые тяжелые бедствия. С тех пор как мы вышли из порта Праслин, жестокая цинга свирепствовала среди нас, и не было человека, которого бы она не задела; половина наших экипажей была не способна к какой-либо работе. Восемь лишних дней, проведенных в море, стоили бы жизни многим из нас и ухудшили бы здоровье почти всех остальных. Оставшаяся у нас провизия настолько испортилась и от нее несло таким запахом падали,

что наиболее тяжким в нашем печальном существовании был тот час, когда колокол приглашал к принятию этих противных и вредных для здоровья продуктов питания. Как все это усиливало в наших глазах прелесть берегов Боеро! Уже с середины ночи приятный аромат благовонных растений, покрывающих Молуккские острова, доносился в море на несколько лье и служил как бы предвестником окончания наших бед. Вид довольно большого городка, стоящего в глубине залива, корабли на якоре, скот, бродящий по лугам, окружающим городок, — все это вызвало восторги, которые, несомненно, разделял и я и для описания которых у меня не хватает слов. Нам пришлось сделать несколько галсов, **[243]** прежде чем удалось войти в залив, северный мыс которого называется Лиссатетто, а юго-восточный — Руба.

Только к 10 часам мы смогли лечь на курс, ведущий к городу. Несколько лодок продвигались по бухте. Я поднял голландский флаг и дал пушечный выстрел, но никто не подошел к нам. Тогда я приказал спустить на воду шлюпку; она пошла впереди нас, так как я опасался отмели у юго-восточного берега залива. В половине первого пирога, управляемая туземцами, подошла к кораблю. Начальник пироги спросил нас по-голландски, кто мы такие, но отказался подняться на корабль. Тем временем мы шли под всеми парусами, следуя за сигналами шлюпки, измерявшей глубину.

/Отмель залива Кажели/ Вскоре мы увидели отмель, которой я так опасался. На море был отлив, и угрожающая нам опасность была хорошо видна. Это была цепь скал и коралловых рифов, начинавшаяся у юго-восточного побережья залива, приблизительно на расстоянии 1 лье от мыса Руба, и тянувшаяся внутрь залива по румбу зюйд-ост — норд-вест [90°—270°] полосой шириною 1/2 лье. На расстоянии длины четырех шлюпок от ее оконечности

глубина достигает 5—6 саженей при очень плохом коралловом грунте, а затем глубина сразу возрастает до 17 саженей при песчаном и илистом грунте. Мы следовали курсом почти на зюйд-вест [225°] с 10 часов до половины второго и, пройдя около 3 лье, стали на якорь против торговой конторы [153], возле нескольких небольших голландских судов, менее чем в 1/4 лье от берега. Мы находились на глубине 27 саженей, грунт — песок и ил. Место наше определялось следующими пеленгами: мыс Лиссатетто — норд-4°-к осту [4°], расстояние 2 лье; мыс Руба — норд-ост-4°-к осту [49°], расстояние 1/2 лье; полуостров — вест-тень-норд-1°-к весту [280 1/4°], расстояние 3/4 лье; оконечность отмели, которая тянется более чем на 1/2 лье в открытом море от полуострова — норд-вест-тень-вест [303 3/4°]; флагшток на здании голландской конторы — норд-вест-тень-вест-5°-к весту [308 3/4°] транспорт «Этуаль» стал на якорь около нас, немного далее к вест-норд-весту [292 1/2°].

/Стоянка у острова Боеро/ Едва мы стали на якорь, как два безоружных голландца, из которых один говорил по-французски, прибыли на фрегат, чтобы узнать у меня от имени резидента конторы, какие причины привели нас в этот порт, несмотря на то что, как нам должно было быть известно, входить сюда разрешается лишь кораблям голландской компании. Я послал с ними офицера, который должен был передать резиденту, что нужда в провианте заставила меня войти **[244]** в первую встречную гавань, невзирая на соглашения, по которым иностранным судам воспрещен заход в молуккские порты, и что мы тотчас же покинем порт, если получим крайне необходимую нам помощь. Через некоторое время оба солдата вернулись, чтобы сообщить мне приказ, подписанный губернатором Амбойна, у которого резидент Боеро находится в непосредственном подчинении: в приказе резиденту категорически воспрещалось принимать в своем порту

иностранные корабли. */Помеха со стороны резидента/* В то же время резидент просил дать ему письменное объяснение цели нашего захода в порт для пересылки начальству и оправдания того, что он допустил наш заход. Требование было справедливым, и я согласился выдать ему подписанное мною обязательство; в нем я сообщал, что, выйдя с Малуинских островов и направляясь в Индию через Южное море, мы, из-за противных муссонов и недостатка провианта, не смогли дойти до Филиппинских островов, а поэтому были вынуждены зайти в первый встретившийся нам порт Молуккских островов за безотлагательной помощью, которую и прошу его оказать нам во имя человечности.

/Хорошая встреча со стороны резидента/ С этой минуты никаких затруднений более не существовало; урегулировав все, что нужно для отчета компании, резидент предложил нам помощь с таким независимым видом, как будто он здесь полный хозяин. Около пяти часов я сошел на берег с несколькими офицерами, чтобы нанести ему визит. Несмотря на беспокойство, причиненное нашим прибытием, он принял нас наилучшим образом, предложив нам даже поужинать, и мы, конечно, согласились. Жадность и удовольствие, с которыми мы все поедали, доказали ему лучше всяких слов, что мы действительно умирали с голоду. Голландцы были этим очень взволнованы и сами не решались есть, боясь, что гости, увлекшись обильной едой после голодовки, причинят себе вред. Нужно быть моряком и дойти до крайних лишений, которые мы испытывали в последние месяцы, чтобы понять, какие чувства вызвал вид всевозможных салатов и прекрасного ужина в людях, находившихся в подобном положении. Этот ужин был одним из самых приятных моментов моей жизни, тем более что я отослал на корабли провизию, из которой можно было приготовить для всех такую же хорошую еду.

Мы договорились, что ежедневно будем получать по целому оленю, чтобы во время пребывания здесь экипаж питался свежим мясом, а к отходу нам дадут 18 быков, несколько баранов и столько дичи, сколько мы запросим. Пришлось заменить хлеб рисом — основной пищей **[245]** голландцев. Островитяне едят хлеб из саго, который они добывают из сердцевины пальмы, названной ими саговой; этот хлеб похож на лепешки из маниоки [154]. К сожалению, мы не могли иметь здесь того количества овощей, которое было бы нам так полезно: местные жители не разводят их, но резидент был так любезен, что доставлял для больных овощи из огорода компании.

/Права Голландской компании/ Вообще здесь все принадлежит компании — прямо или косвенно: крупный и мелкий скот, сельскохозяйственные продукты и товары всякого рода. Только она имеет право продавать и покупать. Правда, туземцы-мавры продавали нам птицу, коз, рыбу, яйца и некоторые плоды; но деньги, вырученные от продажи, недолго у них задерживаются. Голландцы быстро отбирают их, продавая им по высоким ценам простые тряпки. Даже охота на оленей им не разрешена: только резидент имеет на это право. Он выдает своим охотникам три заряда пороха и свинца, за что они обязаны доставлять пару оленей по шести су за штуку. Если они приносят только одно животное, у них удерживают в счет долга стоимость пороха и свинца.

3 сентября с утра мы перевезли больных на сушу на все время нашего пребывания здесь. Кроме того, большую часть матросов мы отпускали ежедневно на берег для прогулки и развлечений. Для пополнения запасов пресной воды и доставки различных грузов на корабли мы использовали невольников, которых на дневное время нам предоставлял резидент. Транспорт «Этуаль» воспользовался этим временем, чтобы укрепить эзельгофты мачт, получившие опасную слабину. После прихода мы стали фертоинг, однако,

узнав от голландцев о хорошем качестве грунта и регулярности бризов, дующих с суши и со стороны открытого моря, мы выбрали второй якорь. Действительно, голландские корабли стояли только на одном якоре.

Во время нашей стоянки погода была великолепная. В самую большую жару днем термометр не поднимался выше 23°; береговой бриз, дувший днем между румбами норд-ост [45°] и зюйд-ост [135°], к вечеру менялся и имел направление с суши; поэтому ночи были достаточно прохладные. Мы имели возможность ознакомиться с внутренней частью острова. Нам предложили участвовать в охоте на оленей, на что мы, конечно, с радостью согласились. Страна восхитительна; рощи перемежаются с равнинами и холмами, живописные долины между которыми орошаются реками. Голландцы завезли сюда первых оленей, которые очень быстро размножились; мясо их превосходно. Здесь также много кабанов и различной пернатой дичи. **[246]**

/Подробности об острове Боеро/ Остров Боеро, или Бурру, тянется на 18 лье с востока на запад и на 13 лье с севера на юг. Когда-то он подчинялся королю острова Тернате, облагавшего его данью. Главный пункт — Кажели, расположенный в глубине одноименного залива на болотистой равнине, находящейся между реками Совей и Аббо. Аббо — самая большая река этого острова; ее воды очень мутны. Высадка здесь очень неудобна, особенно во время отлива, когда корабли вынуждены стоять очень далеко от пляжа. Голландская контора и четырнадцать туземных поселков, когда-то разбросанных в разных местах, а теперь собранных вокруг конторы, образуют городок Кажели. Сначала здесь был выстроен каменный форт, который в 1689 г. в результате несчастного случая взорвался, и с тех пор голландцы довольствуются незначительными ограждениями, вооруженными батареей из шести малокалиберных пушек. Этот форт как бы в насмешку носит название «Форта

обороны». Гарнизон, приданный резиденту, состоит из сержанта и двадцати пяти солдат; на всем острове нет и пятидесяти белых. В разных местах разбросаны домишки, в которых живут невольники-негры, обрабатывающие рисовые поля.

В то время, когда мы там находились, силы голландцев были подкреплены тремя кораблями, из которых самым большим являлась шхуна «Драак», вооруженная четырнадцатью пушками. Этим кораблем командовал саксонец по имени Коп-ле-Клерк; экипаж состоял из 50 европейцев и предназначался для военных действий в районе Молуккских островов, главным образом против папуасов и жителей острова Серам.

/О местных жителях/ Местные жители делятся на мавров [155] и альфуров [156]. Первые объединены компанией и целиком подчинены голландцам, внушающим им страх к чужеземным нациям. Они — рьяные поклонники Магомета, совершают частые омовения, не едят свинины и имеют столько жен, сколько могут прокормить; прибавьте к этому, что мавры очень ревнивы и держат жен взаперти. Питаются они саго, рыбой и некоторыми плодами. В праздничные дни лакомятся рисом, купленным у компании. Их вожди, или «оранкаи», подчиняются резиденту, который с ними как будто считается, а управляет народом по своим законам. Компания искусно разжигает между вождями рознь, что обеспечивает ей всеобщее подчинение. Такая же политика проводится и во всех других конторах. Если какой-нибудь вождь готовит заговор, другой его обязательно раскроет и тотчас же выдаст голландцам. Мавры некрасивы, ленивы и невоинственны. Они чрезвычайно боятся **[247]** папуасов, которые иногда появляются в количестве двух-трех сотен, сжигают дома, уносят все, что могут, и уводят невольников. Память о последнем набеге, совершенном три года назад, все еще свежа. Голландцы не обращают туземцев Боеро в

рабство. Компания набирает невольников или с Целебеса или с Серама, жители которых занимаются перепродажей рабов.

/Разумный народ/ Альфуры сохранили свободу, не став врагами компании. Довольствуясь своей независимостью, они не интересуются теми безделушками, которые европейцы дарят или продают в обмен на свободу. Они живут в домах, рассеянных в недоступных горах, занимающих внутреннюю часть острова. Питаются они саго, фруктами и тем, что дает охота. Какая у них религия, неизвестно; говорят только, что они не магометане, так как разводят и едят свиней. Время от времени вожди альфуров посещают резидента; с таким же успехом они могли бы оставаться дома.

/Растительность острова Боеро/ Не знаю, какие были когда-то пряности на этом острове; во всяком случае совершенно очевидно, что их теперь больше нет. В этом пункте компания добывает только эбеновое черное и белое дерево и некоторые другие ценные сорта дерева, применяемые в столярном деле. Здесь имеется прекрасная плантация перца, вид которого подтвердил нам, что это растение ничем не отличается от перца, произрастающего в Новой Британии. Плодов здесь мало, имеются кокосовые орехи, бананы, пампельмусы, немного лимонов, горьких апельсинов и очень мало ананасов. Здесь растет хороший сорт ячменя, называемый оттонг, а также борнейское саго, из которого варят кашу отвратительного вкуса.

В лесах много пернатой дичи самых разнообразных видов, и с ярким оперением; между ними попадаются попугаи редкой красоты. Здесь встречается также дикая кошка, которая носит своих детенышей в мешке в нижней части живота; летучие мыши с колоссальным размахом крыльев; чудовищные змеи, проглатывающие сразу целого барана, и очень опасная змея, которая обитает на деревьях и бросается на прохожих, жаля их в глаза, обращенные кверху. Когда мы охотились за

оленем, то убили две таких змеи. Против ее укуса не известно никаких средств.

Река Аббо, берега которой почти сплошь покрыты густыми лесами, кишит огромными крокодилами, пожирающими людей и животных. Они выползают ночью на берег; были случаи, когда они выхватывали людей из пирог. Их отгоняют горящими факелами. На побережье Боеро добывается мало красивых раковин. Те драгоценные раковины, которыми торгуют голландцы, находят на **[248]** побережьях островов Серам, Амблав и Банда, откуда их вывозят в Батавию. /*Хорошее отношение к нам резидента*/ На острове Амблав водится и самый красивый вид хохлатых попугаев — какаду. Генрих Оуман, резидент Боеро, живет здесь как верховный повелитель. Сто рабов обслуживают его дом, в котором все в изобилии — и необходимое, и утонченное. Он заместитель главного торгового директора компании; это третий по значению чин на службе компании. Оуман родился в Батавии и женат на креолке с острова Амбойн. Я не могу нахвалиться его добрым к нам отношением. Наше прибытие, конечно, причинило ему неприятности, но он вел себя очень разумно. Уладив все формальности, без которых нельзя было обойтись, он был очень любезен с нами, проявив все качества искреннего и благородного человека. Его дом был нашим домом; в любое время мы могли там есть и пить, а такого рода любезность стоит всякой другой, особенно для людей, еще не оправившихся от голода. Он дал в нашу честь два торжественных обеда; чистота, изящество и прекрасный стол в таком захолустье нас поразили. Жилище этого голландца очень красиво и меблировано в китайском стиле. Все устроено так, чтобы предоставить людям как можно больше прохлады; дом окружен садами, и участок пересекает река. От берега моря к нему ведет аллея из больших деревьев. Жена и дочери резидента носят китайское платье и очень мило

принимают гостей. Они проводят время, собирая цветы для настоек и букетов, приготовляют бетель.

Воздух в этом уютном доме напоен восхитительными ароматами, и мы все там охотно проводили довольно много времени. Какой контраст между этим тихим и спокойным существованием и той противоестественной жизнью, которую мы вели в течение десяти месяцев!

/Поведение Аотуру на острове Боеро/ Я должен сказать несколько слов о впечатлении, которое произвел на Аотуру вид этого европейского поселения. Можно себе представить, как велико было его удивление при виде людей, одетых так же, как мы, домов, садов, множества разнообразных домашних животных. Он не уставал разглядывать все эти новые для него предметы. Особенно ценил он гостеприимство, оказываемое в открытой и непринужденной манере. Не видя обменных сделок, Аотуру не думал, что мы оплачиваем получаемые нами предметы, а полагал, что все это нам дарят. В общем наш таитянин вел себя разумно по отношению к голландцам. Он начал с того, что дал им понять, что он был вождем у себя на родине и что теперь путешествует со своими друзьями для удовольствия. В гостях, за столом, во время прогулок он старался подражать нам во всем. В первый наш визит я не **[249]** взял его с собой, поэтому он решил, что его оставили из-за его кривых ног, и просил матросов выпрямить их. Он часто спрашивал нас, так же ли красив Париж, как эта контора.

/Хорошее качество предоставляемой нам провизии/ Между тем 6 сентября после полудня мы погрузили на корабль рис, скот и всю другую провизию. Счет от почтенного резидента был очень солидный, но нас заверили, что цены устанавливаются компанией и отклонение от тарифа провизии невозможно. Но в конце концов качество продуктов было превосходное. Ни в какой жаркой стране, за

немногими исключениями, нет таких прекрасных быков и баранов, а здешняя дичь имеет чрезвычайно тонкий вкус. Масло в этой стране имеет такую славу, что бретонцы могли бы ей позавидовать. Утром 7 сентября я переправил больных на корабль, и все было готово, чтобы уйти вечером с береговым бризом. Свежие продукты и здоровый воздух Боеро оказали на цинготных больных благотворное влияние. Пребывание на суше, хотя и продолжавшееся не более шести дней, способствовало их выздоровлению в пути на кораблях; по крайней мере, их состояние в дальнейшем не могло ухудшиться, особенно при употреблении свежей пищи, которую отныне мы были в состоянии им предоставить.

Конечно, неплохо было бы и для больных и для здоровых продлить эту стоянку; но предстоящее в ближайшее время прекращение восточного муссона заставило нас торопиться с уходом отсюда. */Замечания по поводу муссонов и течений/* Стоит только ветру изменить направление, и мы уже не сможем идти в Батавию, потому что, кроме необходимости бороться с противным ветром, нам пришлось бы преодолевать силу течений, подчиняющихся законам господствующего муссона. Правда, эти течения еще около месяца находятся под влиянием предыдущего муссона, однако перемена направления муссона, которая обычно имеет место в октябре, может произойти месяцем раньше или позже. В сентябре ветров мало, в октябре и ноябре их еще меньше. Это сезон штилей. В это время губернатор Амбойна отправляется для осмотра островов, находящихся под его управлением. Июнь, июль и август очень дождливы. В северной части островов Серам и Боеро восточный муссон дует обычно между румбами от зюйд-зюйд-оста [157 1/2°] до зюйд-зюйд-веста [202 1/2°], а на островах Амбойн и Банда — между остом и зюйд-остом [135°].

Западный муссон дует между вест-зюйд-вестом [247 1/2°] и норд-вестом [315°]. В апреле обычно перестают дуть западные

муссоны, которые являются грозовыми, в то время как восточные муссоны — дождливые. **[250]**

Капитан Клерк говорил нам, что он тщетно в течение всего июля крейсировал перед Амбойном и не мог войти туда; на них обрушились бесконечные ливни, уложившие на больничные койки весь экипаж. Это происходило в то время, когда мы так основательно мокли в порту Праслин.

/Замечания о землетрясениях/ В этом году на Боеро были три последовательных землетрясения — 7 июня и 12 и 27 июля. 22 июля мы испытали толчки на Новой Британии. Эти землетрясения имеют здесь страшные последствия для мореплавания. Иногда при этом исчезают целые острова и уже известные песчаные банки; иногда наоборот, возникают новые банки там, где их до сих пор не было, и в этом споре с природой ничего нельзя выиграть. Для мореплавателей было бы гораздо безопаснее, если бы этих изменений не происходило.

7 сентября после полудня все уже было погружено, и мы ждали лишь берегового бриза, чтобы поставить паруса. */Уход с острова Боеро/* Дуновение бриза почувствовалось лишь к восьми часам вечера. Я тотчас же послал шлюпку с фонарем, приказав ей стать на дрек у оконечности отмели юго-восточного берега, и начал готовиться к съемке с якоря. Нас не обманули, уверяя, что на данной якорной стоянке засасывающее действие илистого грунта очень сильно. Мы затратили очень много напрасных усилий, применяя шпиль, причем кабаля-ринг лопнул и нам удалось вытянуть якорь из засосавшего его илистого грунта только при помощи блока с насмоленым тросом. Лишь к 11 часам мы были под парусами; обогнув оконечность песчаной отмели, мы подняли наши шлюпки, а транспорт «Этуаль» свои и направились последовательно курсами на норд-ост [45°], на норд-ост-тень-

норд [33 3/4°] и на норд-норд-ост [22 1/2°], чтобы выйти из залива Кажели.

/Астрономические наблюдения/ Во время нашего пребывания на острове Боеро господин Веррон произвел на корабле несколько измерений лунных расстояний, средний результат которых послужил ему для определения долготы этого залива и поселений, оказавшихся на 2°53' более к западу, чем мы считали, основываясь на обсервованной долготе Новой Британии. Кстати, хотя на Молуккских островах и была установлена, как это и следовало, истинная европейская дата, руководствуясь которой мы теряли один день при кругосветном плавании в направлении по движению солнца, я продолжал отмечать дату по судовым журналам, оговорив, что среду 7 сентября надо считать в Индии четвергом 8-го. Я исправил свою дату лишь по прибытии на остров Иль-де-Франс.

* * *

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Плавание от острова Боеро до Батавии

/1768 г., сентябрь/ Хотя я убежден, что голландцы больше преувеличивают опасности навигации в водах, окружающих Молуккские острова, чем это есть в действительности, тем не менее не стану отрицать, что плавание здесь связано с опасностями и трудностями. И наибольшая трудность состояла в том, что у нас не было точной карты этих вод; французские же карты этого района Индии способны были скорее потопить корабли, чем вести их к цели. От голландцев с острова Боеро я смог вытянуть лишь очень приблизительные данные и очень неточные сведения об этих местах. */Трудности плавания среди Молуккских островов/* Вскоре после нашего прибытия сюда с острова Боеро должна

была уйти шхуна «Драак», чтобы доставить одного инженера в Макасар, и я рассчитывал идти за ней до этого пункта. Но резидент приказал командиру шхуны оставаться в Кажели, пока мы не покинем порт. Поэтому мы вышли одни, и я направил свой путь с расчетом пройти к северу от острова Боеро, а затем искать пролив Бутон, который голландцы называют Бутонс страт.

/Наш путь/ Мы пошли вдоль побережья острова Боеро на расстоянии от него приблизительно 1 1/2 лье и до полудне не ощутили никакого заметного сноса, вызванного течениями: утром 8 сентября мы увидели острова Келанг и Манипа. Начинаясь низкой землей у выхода из залива Кажели, побережье, тянущееся на вест-норд-вест [292 1/2°] и на вест-тень-норд [281 1/4°], дальше значительно повышается.

Ранним утром 9 сентября открылся остров Ксилабесси. Он мал; у голландцев здесь есть контора в редуте, называемом Клаверблад или Трефль. Местный гарнизон состоит из сержанта и 25 солдат под командой сьёра Арнольдуса Хольтмана, который по должности является только бухгалтером. Этот остров раньше был подчинен губернатору острова **[252]** Амбойн, а теперь — губернатору острова Тернате. Пока мы шли вдоль берегов острова Боеро, мы имели мало ветра и бризы были примерно такими же, как и в бухте; за эти два дня течения снесли нас к западу приблизительно на 8 лье. Мы довольно точно установили эту разницу путем частых определений места по пеленгам. В последний день течения начали слегка сносить нас также и на юг, что было проверено путем определения меридиональной высоты, произведенного 10 сентября.

Мы видели последние земли острова Боеро 9 сентября на закате. В открытом море ветер сильно засвежел и дул с юга между румбами зюйд и зюйд-зюйд-ост [157 1/2°]; нам пришлось преодолевать значительные сулои при встрече

приливо-отливных течений. */Рекомендация для плавания/* Когда ветер позволил, я приказал взять курс на зюйд-ост [135°], чтобы подойти к берегу между островами Вавони и Бутон, ибо хотел пройти одноименным проливом. Считают, что в это время года опасно идти к востоку от острова Бутон, так как можно оказаться прижатым к берегу силой ветра и течения, а чтобы отойти от берега, нужно ждать, пока не установится западный муссон. Об этом сказал мне один голландский моряк, но за достоверность этих сведений я не ручаюсь. Я могу лишь утверждать, что проходить через этот пролив гораздо удобнее, чем идти другим путем, то есть севернее или южнее рифа, названного Тукан-бесси, так как этот последний путь изобилует видимыми некрытыми опасностями, которые страшны даже для самых опытных лоцманов.

10 сентября утром умер от цинги наш портной Жюльен Лонэ. Он начинал было поправляться, но две попойки его доконали.

11 сентября в 8 часов утра мы усмотрели землю между румбами вест-тень-зюйд [258 3/4°] и зюйд-вест-тень-зюйд [213 3/4°]. В 9 часов мы опознали в ней остров Вавони. Он довольно высок, особенно в центре. */Вид пролива Бутон/* К 11 часам открылась северная часть острова Бутон. В полдень мы определили по астрономическим наблюдениям широту 4°6' южную. Северный мыс острова Вавони в это время остался на вест-5°-к норду [275°], его южная оконечность — на зюйд-вест-тень-вест-4°-к весту [240 1/4°] на расстоянии от 8 до 9 лье, а северо-восточная оконечность острова Бутон на зюйд-вест-тень-вест-4°-к зюйду [232 1/4°] на расстоянии около 9 лье. После полудня мы были в 2 лье от острова Вавони, а затем снова отошли в открытое море.

Чтобы выйти на ветер относительно входа в пролив Бутон и с рассветом войти туда, мы лавировали всю ночь.

Действительно, 12 сентября в 6 часов утра пролив оказался **[254]** у нас между румбами норд-вест-тень-вест [303 3/4°] и вест-норд-вест [292 1/2°], и я стал держать на северную оконечность острова Бутон. В то же время приказал спустить шлюпки и взял их на буксир. В 9 часов мы вступили в пролив, подгоняемые ровным бризом, который продолжался до 10 часов 30 минут и снова задул немного раньше полудня.

/*Описание входа в пролив*/ Войдя в пролив, следует держаться острова Бутон, северный мыс которого имеет незначительную высоту и разделен на несколько холмов. Входной мыс, остающийся с левого борта, имеет крутые скалистые берега. Перед ним находится несколько белых скал, довольно значительно подымающихся над поверхностью моря, а на востоке расположена хорошая бухта, в которой мы увидели небольшое судно под парусами. Противоположный мыс острова Вавони — низменный с довольно ровной поверхностью; он тянется дальше на запад. Здесь перед нами открылся остров Целебес; между этим большим островом и Вавони открывается на север проход, являющийся ложным; настоящий проход южный, но он кажется почти закрытым; в нем в отдалении видна низкая земля, как бы разделенная на небольшие островки.

По мере того как мы продвигались по проливу, перед нами на побережье Бутона открывались большие круглые мысы и превосходные бухточки. Против одного из этих мысов стоят две скалы — одна довольно большая, другая поменьше, издали они поразительно похожи на два парусных корабля. Приблизительно в 1 лье на восток от них и в 1/4 лье от побережья измерения показали глубину в 45 саженей, грунт — песок и ил. Пролив, начиная от входа, имеет направление сначала на зюйд-вест [225°], а потом на зюйд [180°].

В полдень мы определили широту места 4°29' южную; в это время мы уже несколько отошли от двух скал, находящихся

мористее небольшого островка, за которым виднеется хорошая бухточка. Там мы увидели небольшое судно в форме прямоугольного ящика с пирогой на буксире. Судно это шло одновременно под парусом и на веслах, держась у самого берега. Француз-матрос, взятый нами на Боеро и плававший в течение четырех лет на голландских судах в Молуккском архипелаге, сказал нам, что это пиратское судно, охотящееся за невольниками. Встреча с нами, казалось, помешала пиратам. Они спустили парус и подтянулись шестами к самому берегу, укрывшись за островком.

/*Характер побережий*/ Мы продолжали двигаться вдоль пролива, причем ветер менял свое направление соответственно изгибам пролива, что позволило нам держать курсы зюйд-вест [225°] и зюйд [180°]. Около 2 часов дня нам показалось, что течение **[255]** становится противным; мы видели, как вода омывала подножия деревьев на побережье, что свидетельствовало о том, что прилив шел с севера, во всяком случае в данное время года. В 2 часа 30 минут мы прошли мимо прекрасной гавани на острове Целебес. Благодаря разнообразию низменных берегов, наличию холмов и гор Целебес представляет собой живописное зрелище. Зеленая листва оживляет пейзаж, и все здесь говорит о богатстве страны. Когда мы прошли остров Пангесани, расположенные к северу от него несколько островов как бы отделились друг от друга, и мы смогли видеть многочисленные между ними проливы. Горы Целебеса, казалось, возвышаются над этими островами и находятся к северу от них. В этой своей части пролив проходит между островами Пангесани и Бутон. В 5 часов 30 минут со всех сторон нас окружили острова, и не было видно ни входа, ни выхода из пролива. Между тем лот показал глубину 27 саженей при прекрасном грунте — ил.

/*Первая якорная стоянка*/ Бриз, который теперь дул с ост-зюйд-оста [112 1/2°], заставил нас привести возможно ближе

к ветру, чтобы не отрываться от берега острова Бутон. В 6 часов 30 минут ветер постепенно стих, а противное приливо-отливное течение стало достаточно сильным. Поэтому мы бросили верп почти на середине прохода, на той же глубине, которую мы и раньше измеряли, — 27 саженей, грунт — мягкий ил; это подтвердило, что здесь в проливе грунт всюду одинаковый. Ширина пролива, начиная от входа до этой первой якорной стоянки, меняется от 7 до 10 миль. Ночь была прекрасная. Мы думали, что эта часть Бутона обитаема, так как видели огни. Судя по множеству огней, Пангесани показался нам более населенным. Эта часть острова низменная, ровная, здесь растет много хороших деревьев, и я уверен, что здесь произрастают пряности.

/*Торговля с островитянами*/ Утром 13 сентября к кораблям подошло много пирог с балансирами. Островитяне привезли нам кур, яйца, бананы и много разных видов попугаев. За свои товары они хотели получить голландские деньги, особенно серебряные монеты, которые стоят на наши деньги два с половиной су, но охотно брали ножи с красными рукоятками. Островитяне прибыли из довольно большого поселка, находившегося напротив нашей якорной стоянки — на холмах Бутона и раскинувшегося на склонах пяти или шести горных вершин. Земля здесь везде расчищена, хорошо обработана, проведены канавы. Часть домов объединена в деревни, а некоторые стоят особняком посреди поля, обнесенные изгородью. Туземцы возделывают рис, маис, пататы, ямс и другие овощи. Нигде еще мы не ели бананов с таким нежным вкусом. Имеются здесь **[256]** также в изобилии кокосовые орехи, лимоны, яблоки, плоды мангиферы и ананасы. Люди живущего здесь племени имеют темный цвет кожи, они низкого роста и некрасивы. Говорят здесь так же, как и на Молуккских островах, по-малайски; исповедуют магометанство. Островитяне производят впечатление хитрых торговцев, но добрых и порядочных

людей. Они предлагали нам куски раскрашенной довольно грубой ткани. Я показал им мускатный орех и гвоздику и спросил, нет ли у них таких пряностей. Они ответили, что дома у них этого сколько угодно в сушеном виде, и если нужно, они едут за ними на остров Серам и в окрестности Банды, где уж, конечно, не голландцы их ими снабжают. Они сообщили нам, что около десяти дней тому назад проливом прошел большой корабль Голландской компании.

С восходом солнца ветер был слабым и противным, меняющегося направления — с южного на юго-западный; в 10 часов 30 минут мы снялись с якоря при небольшом течении и начали лавировать, поворачивая с галса на галс, но продвигались вперед медленно. В 4 часа дня мы вошли в один из проливов, ширина которого не превышает четырех миль. Со стороны Бутона он образован далеко выступающим низменным мысом, а в северной его части имеется большая бухта с тремя островами; со стороны острова Пангесани в проливе имеется семь или восемь небольших покрытых лесом островков, удаленных от Пангесани не более чем на 1/2 лье. Во время одного из галсов мы приблизились к ним почти на расстояние пистолетного выстрела; мы измеряли глубины лотлинем длиной в 15 саженей и не достали дна. На фарватере измерения показали глубины в 35, 30 и 27 саженей при илистом грунте. Мы прошли с внешней стороны, то есть к западу от трех островов, относящихся к побережью острова Бутон. Они довольно большие и обитаемые.

/Вторая якорная стоянка/ Берег острова Пангесани здесь возвышается амфитеатром, перед которым у подножия гор расположена низменная прибрежная полоса, вероятно, часто затопляемая. Островитяне строят свои жилища на вершинах гор. Возможно, что они поступают так вследствие почти непрерывного состояния войны со своими соседями, оставляя полосу леса между своими домами и врагами, которые могут попытаться высадиться. Обитатели Бутона, кажется, очень

боятся их и считают пиратами, не заслуживающими доверия. Те и другие всегда носят за поясом кинжалы. В 8 часов вечера ветер совершенно стих, и мы бросили верп на глубине 36 саженей при мягком илистом грунте; транспорт «Этуаль» стал на якорь севернее, ближе к берегу. Таким образом, первый узкий проход был нами пройден. **[257]**

/Третья и четвертая якорные стоянки/ 14 сентября в 8 часов утра мы вышли под всеми парусами; бриз был слабый, и до полудня мы лавировали; увидев банку на зюйд-зюйд-вест [202 1/2°], я приказал стать на якорь на глубине 20 саженей; грунт — песок и ил; шлюпку направил измерять глубины вокруг банки. Утром несколько пирог подошло к борту; на корме одной из них развевался голландский флаг. При ее приближении остальные пироги удалились, чтобы уступить ей место. Это была лодка оранкая, то есть вождя. Компания разрешает им пользоваться голландским флагом.

В час дня мы снова поставили паруса для того, чтобы попытаться пройти несколько миль, но это оказалось невозможным; ветер был очень слабый и дул недолго; мы потеряли около полулье и в 3 часа 30 минут снова стали на якорь на глубине 13 саженей при грунте ил, песок, ракушка и кораллы.

/Советы по навигации/ Однако господин ле Корр, которого я направил со шлюпкой измерять глубины между банкой и берегом, вернулся и сообщил мне, что возле банки глубина достигает 8—9 саженей, а по мере приближения к побережью Бутона, возвышенного и утесистого, на траверзе которого находится прекрасная бухта, глубины увеличиваются, и приблизительно в середине пролива, между банкой и берегом, лотлинь длиной в 80 саженей уже не достает дна. Следовательно, если в этой части пролива наступит штиль, то отдавать здесь якорь можно только вблизи банки. Кстати, вокруг нее грунт хороший. Несколько других банок

расположены между этой банкой и побережьем Пангесани. Таким образом, следует усиленно рекомендовать ориентироваться в этом проливе на остров Бутон. Вдоль этого побережья расположены самые лучшие якорные стоянки, они совершенно безопасны, и ветры здесь чаще всего дуют с берега. До самого выхода из пролива это побережье выглядит как непрерывная цепь островов, настолько оно изрезано бухтами, образующими чудесные гавани.

Ночь была прекрасная и безветренная. 15 сентября в 5 часов утра мы снялись с якоря при слабом бризе от ост-зюйд-оста [112 1/2°], и я взял курс как можно ближе к берегам Бутона. В 7 часов 30 минут мы обогнули банку и почувствовали, что бриз ослаб. Я распорядился спустить на воду шлюпки и сигналом приказал транспорту «Этуаль», чтобы он поступил так же. Течение было благоприятным, и наши шлюпки вели нас на буксире до 3 часов дня.

/Продолжение описания пролива/ Мы прошли мимо двух чудесных бухт, где, очевидно, можно было найти место для якорной стоянки, но вдоль побережья довольно близко от возвышенных земель находятся очень большие глубины. В 3 часа 30 минут задул свежий **[258]** ветер от ост-зюйд-оста [112 1/2°], и мы направились искать место для якорной стоянки вблизи узкого прохода, который служит выходом из этого пролива. Но мы не обнаружили никаких признаков этого прохода. Наоборот, чем дальше мы продвигались, тем меньше оставалось надежды найти его. Земли обоих берегов, сходящиеся здесь, кажутся продолжением одного побережья, и здесь даже нельзя предположить наличие какого-либо прохода.

В 4 часа 30 минут мы находились на траверзе и к западу от весьма открытой бухты. Мы увидели местное судно, которое, казалось, шло на юг. Я послал следом за ним свою шлюпку, приказав привести его к нашему фрегату, чтобы иметь

лоцмана. В это время остальные наши шлюпки занимались измерением глубин. Ближе к открытому морю, почти на траверзе северного мыса бухты, оказалась глубина в 25 саженей при грунте песок и кораллы, а дальше наши лоты уже не доставали дна. Я приказал повернуть корабль на другой галс, затем под марселями привести к ветру, чтобы дать шлюпкам время произвести промер. Пройдя мимо входа в бухту, можно снова обнаружить дно вдоль земли, прилегающей к ее южному мысу. Наши шлюпки сообщили о наличии глубин в 45, 40, 35, 29 и 28 саженей при грунте ил; при помощи шлюпок мы начали маневрировать, чтобы подойти к этой якорной стоянке. В 5 часов 30 минут мы бросили там один из наших якорей, подвешенный под крамболом, на глубине 35 саженей при грунте мягкий ил. Транспорт «Этуаль» стал на якорь к югу от нас.

/*Пятая якорная стоянка*/ Как только мы стали на якорь, к нам вернулась наша шлюпка с малайской лодкой. Нам ничего не стоило уговорить островитян следовать за нами; одного из них мы взяли на фрегат, причем он запросил с нас четыре дукатона (около 15 франков). Мы быстро сошлись в цене. Наш лоцман переночевал у нас на фрегате; его пирога осталась на другой стороне пролива. Он сказал нам, что она перейдет в глубь бухты, соседней с той, возле которой мы находились, откуда только придется немного тащить ее волоком. Впрочем, мы могли бы легко обойтись и без помощи этого лоцмана. За несколько минут до того как мы стали на якорь, наступила более благоприятная погода. Солнце осветило вход в залив и помогло нам открыть на зюйд-зюйд-вест-4°-к весту [206 1/2°] правый выходной мыс. Но об этом нелегко было догадаться: справа выдвигается скала с двойным уступом, прикрывающим выход. Некоторые наши офицеры воспользовались остатком дня и отправились на прогулку. Они не видели никакого жилья вблизи нашей стоянки и, обшарив лес, которым покрыта эта часть берега,

не обнаружили в нем никаких **[259]** ценных плодов. Только у берега нашли небольшой мешочек с несколькими сушеными мускатными орехами.

На следующий день в 2 часа 30 минут утра я приказал развернуть корабль на якоре; было уже 4 часа утра, когда мы оказались под парусами. Ветер был очень слабый, тем не менее, буксируемые шлюпками, мы достигли выхода из пролива. В это время был полный отлив на обоих берегах. Ввиду того что, по нашим прежним наблюдениям, приливное течение идет здесь с севера, мы с минуты на минуту ждали благоприятного течения. Но это было заблуждением: приливное течение идет здесь с юга, по крайней мере, в это время года, и я не знаю, где границы этих двух течений. /*Шестая якорная стоянка*/ Ветер значительно усилился и дул в корму. Но напрасно даже с его помощью полтора часа боролись мы с течением. Транспорт «Этуаль» первым отступил и стал на якорь почти у самого выхода в пролив около берега острова Бутон, у колена, где приливное течение образует противотечение и уже не так чувствительно. Пользуясь ветром, я еще около часу боролся с течением, но безуспешно — ветер прекратился и в этом месте, и я потерял добрую милю; в час дня мы стали на якорь на глубине 30 саженей при грунте песок и кораллы. Мы оставались под парусами и маневрировали, чтобы облегчить нагрузку на наш отданный якорь, который являлся лишь очень слабым верпом.

/*Выход из пролива Бутон; описание выхода*/ Весь день пироги окружали корабли. Они двигались взад-вперед, как на ярмарке, нагруженные провизией, редкостями и кусками тканей. Торговля не мешала судовым работам. В 4 часа пополудни ветер посвежел, но море было совершенно спокойным, и мы снялись с якоря; буксируемый всеми шлюпками, фрегат вошел в проход, а следом за нами, также на буксире, шел транспорт «Этуаль». В 5 часов 30 минут

самая узкость, к счастью, уже была нами пройдена. В половине седьмого мы стали на якорь вне бухты, называемой Бутон, у голландского поста.

Но вернемся к описанию выхода из пролива. Если подходить к нему с севера, то он открывается только тогда, когда приблизишься к нему на расстояние одной мили. Первый объект, который приметен со стороны острова Бутон, — это стоящая отдельно скала, подмытая у основания, очень похожая на галеру с тентом, с наполовину обломанным тараном; кустарник, покрывающий скалу, создает впечатление тента; при отливе галера соединяется с берегом, а во время прилива она является островком. Остров Бутон в этой части мало возвышен; здесь очень много домов и берега уставлены рыболовными сетями. Другая сторона выхода отвесная. Ее мыс можно узнать по двум террасам, которые **[260]** образуют на скале два этажа. Проходя мимо «галеры», можно видеть, что оба берега совершенно отвесны и в некоторых местах даже нависают над проливом. Создается впечатление, что бог моря ударом своего трезубца пробил проток для скопившихся здесь вод. Впрочем, берега представляют собой живописное зрелище. Прибрежная часть острова Бутон образует амфитеатр, и на ней всюду, куда только крутизна позволяет забраться человеку, виднеются хижины. Берега острова Пангесани — почти совсем голые скалы, на которых лишь кое-где растут деревья и виднеются две или три хижины.

В полутора или двух милях к северу от входа, ближе к Бутону, чем к Пангесани, глубина достигает 20, 18, 15, 12 и 10 саженей при илистом грунте; к югу грунт в проливе меняется; там можно найти песок и кораллы на различных глубинах — от 35 до 12 саженей, а затем лот уже не достает дна.

/Советы по навигации/ Длина входа в пролив около полумили; его ширина на глаз колеблется от 150 до 400

саженей; фарватер имеет изгибы и со стороны острова Пангесани, примерно на 2/3 его длины; имеется рыболовная тоня, поэтому не следует проходить у этого побережья, а лучше идти ближе к побережью острова Бутон. В общем рекомендуется держаться насколько возможно середины пролива. На случай если нет свежего попутного ветра, необходимо держать на воде свои шлюпки, чтобы иметь возможность маневрировать в извилинах пролива. Впрочем, течение в нем достаточно сильное, чтобы можно было пройти пролив в штиль и даже при слабом ветре, противоположном течению; но оно недостаточно сильное, чтобы победить противный свежий ветер и дать возможность кораблю под марселями использовать попутное течение. При выходе из пролива создается впечатление, что земли Бутона, несколько островов, которые находятся от них на юго-запад, и земля Пангесани как бы образуют большой залив. Лучшая стоянка — напротив голландской конторы, примерно в одной миле от берега.

Лоцман с Бутона помог нам своим опытом и знаниями, насколько это может сделать человек, знакомый с местными условиями, но ничего не понимающий в управлении нашими кораблями. Он своевременно предупреждал нас об опасностях, о банках, о якорных местах, но все время настаивал, чтобы мы шли прямым курсом, и не придавал значения нашим методам: умению выходить на ветер, чтобы использовать его и применяться к нему. Он полагал также, что осадка нашего корабля равна 8—10 саженям.

/*Посещение кораблей островитянами*/ Утром к нам на борт явился еще один островитянин, очень опытный старик, которого мы приняли за отца нашего **[261]** лоцмана. Они оставались с нами до вечера, и я отправил их на берег в одной из наших шлюпок. Их жилище находится рядом с голландской конторой. Они не прикоснулись к нашим блюдам, даже к хлебу; несколько бананов и бетель — вот и вся

их пища. Но в отношении спиртных напитков они не были столь же сдержанны. Наш лоцман и его отец пили много водки, полагая, несомненно, что Магомет запретил только вино.

17 сентября в 5 часов утра мы были уже под парусами. Слабый противный ветер вскоре засвежел, и мы стали лавировать. С первыми лучами солнца к нам со всех сторон устремилось множество пирог. Вскоре они окружили корабли, и началась торговля. Обе стороны считали ее очень удачной.

Индейцы запрашивали с нас безусловно дороже, чем с голландцев, но, как правило, уступали свои товары за низкую цену. Матросы сумели закупить у них кур, яйца и фрукты. Куры были на кораблях повсюду; они заполнили их вплоть до самых марсов. Я советую тем, кто будет в этих местах, запастись на всякий случай той монетой, которой голландцы пользуются на Молуккских островах, особенно серебряной мелочью, равной на наши деньги двум с половиной су. Ввиду того что островитяне не знакомы с нашими деньгами, они не могут оценить ни испанских реалов, ни наших монет в 12 и 24 су и зачастую вообще не берут их. Они предлагали нам красивые и тонкие ткани — лучше тех, что мы видели до сих пор, и множество попугаев самой яркой окраски.

В 9 часов утра пятеро вождей с Бутона нанесли нам визит. Они прибыли в лодке, похожей на европейскую, с той лишь разницей, что гребцы гребли байдарочными веслами, а не обычными. На корме развевался большой голландский флаг. Оранкаи были хорошо одеты. На них были длинные штаны, камзолы с металлическими пуговицами и тюрбаны, в то время как остальные островитяне были нагими. Кроме того, у всех имелся отличительный знак, данный им компанией, — трость с серебряным набалдашником, на котором имелся значок **V**. Самый старший имел над этим значком букву **M**.

Они явились, по их словам, засвидетельствовать свою покорность компании; когда же выяснилось, что мы французы, они нисколько не были этим смущены и заявили, что охотно окажут честь Франции. Приветствуя нас с прибытием, они подарили нам козленка. В свою очередь я преподнес им от имени короля шелковые ткани, которые они разделили на пять кусков, и показал им наш национальный флаг. Мы угостили их **[262]** ликером, чего они только и ждали. С разрешения Магомета они осушили немало бокалов за процветание повелителей Бутона, за Францию, за Голландскую компанию и за наше удачное путешествие. Они предложили мне любую помощь и сообщили, что за последние три года в разное время здесь побывали три английских корабля, которых они снабжали водой, лесом, птицей, фруктами, что они были их друзьями и надеются стать также и нашими друзьями. В этот момент их бокалы были полны, но и до этого они успели уже осушить немало. Между прочим, они заявили мне, что в этом округе находится резиденция короля Бутона, о чем, конечно, можно судить по их столичным нравам. Их повелитель зовется султаном; слово это заимствовано, очевидно, у арабов вместе с их религией. Если только число подданных является признаком могущества, а остров велик и густо населен, то султан — могущественный деспот. Попрощавшись с нами, вожди отправились на «Этуаль». Там они также выпили за здоровье новых друзей, и их пришлось поддерживать, когда они садились в свои пироги.

/Положение голландцев на Бутоне/ Между двумя глотками вина я спросил, производит ли их остров пряности. Они ответили, что нет, и я охотно этому верю, принимая во внимание, что пост, который голландцы здесь содержат, невелик — сержант и три солдата. Семь или восемь бамбуковых хижин с водруженным на ограде древком с флагом — вот и весь пост. Берег исключительно красив.

Земля повсюду вспахана, множество хижин, часто встречаются плантации кокосовых пальм. Местность полого подымается по склону горы, повсюду виднеются огороженные и обработанные участки земли. На побережье развито рыболовство. Берег, находящийся напротив острова Бутон, не менее живописен и не менее населен.

Утром снова явился наш лоцман. Он принес мне несколько кокосовых орехов; таких хороших я еще никогда не встречал. Лоцман предупредил нас, что после восхода солнца подует очень крепкий юго-восточный бриз; в награду за добрую весть я угостил его стаканом водки. Действительно, к 11 часам мы увидели, как все пироги направились к берегу. Они не хотели оставаться в открытом море с приближением свежего ветра, который вскоре не преминул задуть, как это и предсказывал островитянин. Когда мы лежали на галсе в направлении одного из островов, расположенного на запад от Бутона, нас захватил сильный и свежий бриз юго-восточного направления; он позволил нам править на вест-зюйд-вест [247 1/2°] и идти хорошим ходом, несмотря на приливное течение.

/Советы по навигации/ Я должен предупредить, что здесь следует остерегаться отмели, выступающей далеко в открытое море от острова, о **[263]** котором я только что говорил. Впрочем, лавируя все утро, мы измеряли глубины и при длине лотлиня в 50саженей не достали дна. В полдень мы определили астрономическими наблюдениями широту 5°31'30" южную, и эта обсервация вместе с полученной при входе в пролив позволила нам точно определить долготу. К 3 часам открылась южная оконечность острова Пангесани. С раннего утра мы видели высокие хребты острова Камбона. Вершина имеющегося на этом острове пика скрывается в облаках. Около 4 часов 30 минут мы увидели часть земель острова Целебес. На закате мы подняли на борт наши шлюпки и, поставив все паруса, шли в направлении румбов

вест-зюйд-вест [247 1/2°] до 10 часов вечера, после чего взяли курс на вест-тень-зюйд [258 3/4°]; мы шли этим курсом всю ночь с поставленными верхними и нижними лиселями. */Замечание по поводу этой навигации/* Я намеревался обследовать остров Салейер, в трех или четырех лье от его северного мыса, то есть в широте от 5°55' до 6°, с тем, чтобы после этого искать одноименный пролив, который находится между этим островом и островом Целебес; однако можно пройти вдоль его побережья и не заметить пролив, так как это побережье от самого острова Пангесани образует громадный залив. Впрочем, если идти мимо островков и рифов Тукан-бесси, то также придется возвращаться, чтобы найти пролив Салейер, из чего можно заключить, что, как уже детально здесь установлено, путь через пролив Бутон во всех отношениях предпочтительнее, так как он самый надежный и приятный из всех существующих.

/Преимущества избранного нами маршрута/ Помимо хороших якорных стоянок и удовольствия, которое доставляет спокойное плавание, к этому присоединяются все преимущества хорошего снабжения продовольствием. Изобилие продуктов на кораблях было столь же велико, сколь раньше их недоставало. Цинга исчезла на глазах. Правда, от перемены пищи появились желудочные заболевания. Эти болезни, всегда чрезвычайно опасные в жарком климате, где они обычно переходят в кровавый понос, становятся особенно угрожающими в Молуккских водах. Здесь как на суше, так и на море спать на открытом воздухе, особенно при вечерней росе, опасно для жизни.

/Проход проливом Салейер/ 18 сентября утром мы не видели больше земли, и мне кажется, что за ночь течения заставили нас потерять около трех лье; мы продолжали идти курсом вест-тень-зюйд [258 3/4°]. В 9 часов 30 минут показались высокие горы острова Салейер между румбами вест-зюйд-вест [247 1/2°] и ост-тень-норд [78 3/4°]. Когда мы

приблизились к ним, перед нами открылся менее высокий мыс, которым как будто заканчивается на севере этот остров. Я приказал держать курс на **[264]** вест-тень-норд [281 1/4°], а затем постепенно перейти на норд-вест-тень-норд [326 1/4°], чтобы тщательно обследовать пролив. Этот пролив, расположенный между островами Целебес и Салейер, суживается и упирается в три загораживающих его острова; голландцы называют их Бужерон, а пролив — Бутсарон. Они имеют на Салейере пост, во главе которого теперь стоит приказчик Ян Гендрик Фолл.

/Описание этого прохода/ В полдень мы определили обсервацией 5°55' южной широты. Сперва нам показалось, что мы видим первый из этих островов к северу от среднего участка суши, который мы приняли за мыс острова Салейер; но оказалось, что это довольно возвышенная земля, заканчивающаяся почти совсем затопленным мысом, соединенным с островом Салейер очень низкой косой. Затем мы открыли сразу два острова — довольно длинных, средней высоты, находящихся на расстоянии 4—5 лье друг от друга. Наконец, между этими островами мы заметили третий, очень маленький и низкий. Удобные проходы находятся к северу и югу от этого маленького острова. Чтобы рассказ был более понятен, мы будем называть малый остров — Пассаж, а два других — Южным и Северным.

Когда мы их достаточно рассмотрели, я приказал с наступлением темноты привести к ветру, чтобы дождаться транспорта «Этуаль». Он присоединился к нам лишь к 8 часам вечера, и мы вошли в пролив, стараясь держаться середины прохода, ширина которого достигала 6—7 миль. В 9 часов 30 минут мы находились на меридиане острова Пассаж, а средняя часть Южного острова осталась у нас между румбами зюйд [180°] и зюйд-тень-вест [191 1/4°]. В час ночи я приказал держать на вест-тень-зюйд [258 3/4°], а затем привел к ветру и шел левым галсом до 4 часов утра. У входа в

пролив и в самом проливе мы несколько раз измеряли глубины лотлинем длиной в 20 и 25 саженей, но так и не достали дна.

/*Описание данной части острова Целебес*/ 19 сентября на рассвете мы приблизились к острову Целебес и пошли вдоль него на расстоянии 3 или 4 миль от берега. Трудно найти более красивое место в мире. Отсюда открывается чудесная панорама: в глубине острова высятся горы, у подножия которых раскинулась обширная равнина, обработанная и сплошь усеянная домами. На побережье — плантации, окаймленные кокосовыми пальмами, и моряки, еще недавно питавшиеся одной солониной, с восхищением разглядывали стада быков, бродивших по этим живописным равнинам, раскинувшимся там и сям рощам. В этой части Целебеса население, вероятно, довольно значительно. В 12 часов 30 минут мы находились против большого поселения; дома жителей были **[265]** расположены среди кокосовых пальм и тянулись на большое расстояние вдоль побережья, у которого глубина достигает 18 и 20 саженей, грунт серый песок; глубины уменьшаются постепенно по направлению к земле.

Эта южная часть побережья Целебеса заканчивается тремя длинными, ровными и низкими мысами, между которыми находятся две довольно глубокие бухты. Около двух часов дня мы помчались за малайской лодкой, рассчитывая таким образом узнать кое-какие сведения об этих водах. Но лодка тотчас же повернула к берегу; когда же мы подошли к ней на расстояние мушкетного выстрела, она находилась уже между нами и берегом, причем глубина под нами не превышала 7 саженей. Я приказал сделать два или три выстрела из пушки, но это не произвело никакого впечатления. Нас приняли, несомненно, за судно Голландской компании и боялись попасть в рабство. Почти все прибрежные жители пираты. Если голландцам удается их захватить, они обращают их в невольников. Вынужденный отказаться от преследования

лодки, я вызвал шлюпку транспорта «Этуаль» и направил ее измерять глубины перед нами.

/Трудности мореплавания в этом районе/ В это время мы находились почти на траверзе третьего мыса острова Целебес, называемого Танакека, за которым побережье тянется на норд-норд-вест [337 1/2°].

Почти на северо-запад от этого мыса находятся четыре острова, из них самый значительный, так же как и юго-западный мыс острова Целебес, называется Танакека; остров низкий, плоский и имеет в длину около трех лье. Три других острова, расположенных севернее, очень маленькие. Трудность навигации заключается в том, что необходимо обогнуть опасную банку Брилл, или Люнетт, которая, как мне кажется, находится на меридиане острова Танакека на расстоянии от него не более 4—5 лье. Представлялась возможность выбрать один из двух проходов: один, расположенный между мысом Танакека и островами, и говорят, что именно этим путем пользуются голландцы; другой проход находится между островом Танакека и опасной банкой Люнетт. Я предпочел последний путь, фарватер которого менее сложный и, как мне показалось, более широкий.

Я приказал шлюпке транспорта «Этуаль» идти таким курсом, чтобы пройти приблизительно в 1 1/2 лье от острова Танакека, и последовал за ней, а транспорт «Этуаль» шел у нас в кильватере. Мы медленно шли по глубинам в 8, 9, 10, 11 и 12 саженей в направлении между румбами вест-норд-вест [292 1/2°] и вест-тень-норд [281 1/4°], а когда оказались на глубинах 13, 14, 15 и 16 саженей и самый северный остров остался у нас на норд-норд-ост [22 1/2°], мы легли на **[266]** курс вест [270°]. Тогда я отослал обратно шлюпку транспорта «Этуаль» и пошел на зюйд-вест-тень-зюйд [213 3/4°], производя измерения глубины через каждую склянку

(Каждая склянка на корабле имеет продолжительность полчаса), — повсюду глубина была от 15 до 16 саженей при грунте крупный серый песок и гравий. В 10 часов вечера глубина увеличилась: в 10 часов 30 минут она достигала 70 саженей, грунт — песок и кораллы; затем, имея длину лотлиня 120 саженей, мы уже не доставали дна. В полночь я сигналом приказал транспорту «Этуаль» поднять свою шлюпку и поставить все паруса, а сам пошел курсом на зюйд-вест [225°], чтобы пройти посередине прохода между банкой Люнетт и банкой Сарае; при этом мы производили ежечасные измерения глубины и не доставали дна. Впрочем, когда ветер неблагоприятный и недостаточно свежий, чтобы попытаться обогнуть опасную банку Люнетт, следует стать на якорь в одной из бухт у побережья острова Целебес и там ждать подходящей погоды; в противном случае течения могут снести корабль на эту опасную банку; причем не будет никакой возможности сопротивляться этому.

/Продолжение плавания по данному пути/ На рассвете никакой земли больше не было видно; в 10 часов я приказал изменить курс на вест-зюйд-вест [247 1/2°], и в полдень мы определили нашу широту — 6°10'. Считая, что мы уже обогнули банку Сарае, и вполне уверенный на основании произведенных наблюдений в том, что мы находимся к югу от нее, я лег на вест [270°] и, пройдя 5—6 лье, приказал повернуть на вест-тень-норд [281 1/4°] и ежечасно измерять глубину. Однако лот так и не достал дна. Таким образом, мы удерживались в проходе между банками Сестенбанк и Ла-Пуль на севере, островами Патерностер и банкой Тангайанг — на юге, находясь днем и ночью под всеми парусами, чтобы выиграть по отношению к транспорту «Этуаль» время, необходимое нам для измерения глубин. Я получил сведения, что течения здесь сносят в сторону островов и банки Тангайанг; однако в результате определения меридиональной высоты солнца была получена широта 5°44',

то есть мы, наоборот, имели невязку не менее чем в 9' к северу. Лучший совет, который можно дать, — это держаться здесь на большой глубине, где лот не достает дна. Это даст уверенность в том, что действительно находишься на фарватере; при слишком большом приближении к южным островам начинаешь находить глубины, не превышающие 30 саженей.

Весь день 21 сентября мы шли с расчетом открыть острова Аламбаи. На французских картах нанесены все три острова **[267]** и еще один, более значительный, на юго-восток от них на расстоянии 7 лье. Этот последний остров не находится там, где он нанесен на картах; в действительности все четыре острова Аламбаи находятся вместе. Я рассчитывал на закате достичь их параллели и приказал идти курсом на вест-тень-зюйд [258 3/4°] до тех пор, пока они не покажутся. Днем мы не производили измерения глубин. В 8 часов вечера лот показал глубину в 40 саженей при грунте песок и ил. Тогда мы направились дальше курсами зюйд-вест-тень-вест [236 1/4°] и вест-зюйд-вест [247 1/2°] и так шли до 6 часов утра, а затем, полагая, что уже прошли острова Аламбаи, держали до полудня на вест-тень-зюйд [258 3/4°]. Произведенные ночью измерения все время показывали глубину в 40 саженей при мягком илистом грунте; после 4 часов глубина оказалась в 38 саженей. В полночь мы увидели шедшее нам навстречу судно. Как только на судне заметили нас, немедленно стали держать ближе к ветру, и даже два пушечных выстрела не могли заставить их спуститься. Этим людям голландцы внушали больший страх, чем пушечные выстрелы. На другой лодке, которую мы видели утром, проявили не больше любопытства и также не пожелали подойти к нам. В полдень произвели астрономические наблюдения, в результате была определена полуденная широта в 6°8', что дало разницу с нашим счислением на 8' к северу.

/Общие навигационные замечания по поводу этого плавания/ Наконец мы миновали все опасные места, затрудняющие мореплавание от Молуккских островов до Батавии. Голландцы принимают самые большие предосторожности, чтобы держать в секрете карты, по которым они плавают в этих водах. Вероятно, они преувеличивают опасности этой навигации; я по крайней мере мало встречался с ними в проливах Бутон и Салейер и в последнем проходе, из которого мы вышли, а как раз об этих объектах на Боеро нам наговорили всяких ужасов. Я согласен с тем, что навигация с запада на восток была бы намного труднее; на востоке нет хороших мест для якорных стоянок, и даже их может совсем не быть, в то время как западные якорные стоянки очень хорошие и надежные. Однако самым важным при следовании любым из этих двух направлений должны быть ежедневные точные обсервации широты. Эти обсервации являются большой поддержкой, и их отсутствие может быть причиной роковых ошибок. В последние дни мы не смогли определить направление течений: восточное оно или западное, потому что не располагали данными о месте корабля, определенными по береговым предметам.

Я должен предупредить, что все французские морские карты этого района недоброкачественны. Они неточны не **[268]** */Неточность имеющихся карт этого района/* только в расположении берегов и островов, но даже и в определении основных широт. Проливы Бутон и Салейер нанесены особенно неверно; на наших картах совершенно отсутствуют даже те три острова, которые делают трудно проходимым последний пролив, а также те острова, которые находятся на норд-норд-вест [22 1/2°] от острова Танакека. Господин д’Апре [157] по крайней мере предупреждает, что не может гарантировать точность составленной им карты Молуккских островов, точно так же, как и карты Филиппинских островов, так как он не смог опереться на надежные источники,

относящиеся к этому району. Для безопасности мореплавателей я желал бы, чтобы все составители карт проявляли подобную честность. Только карта Азии, составленная господином Данвилем [158] и опубликованная в 1752 г., оказалась для меня очень полезной. Эта карта особенно точно отражает зону от острова Серам до островов Аламбаи. Путем определений, произведенных в продолжение нашего пути на этом этапе, я проверял точность положения берегов и их направления, которые он дал самым интересным объектам этого трудного для судоходства района. Я должен сказать, что Новая Гвинея и острова Папус положены им на карту гораздо более правильно, чем они нанесены на любой другой карте из тех, которые побывали у меня в руках. Я с особым удовлетворением отдаю должное работе господина Данвиля. Я знал его лично, и он произвел на меня впечатление как хорошего гражданина, так и умного критика и просвещенного ученого.

С утра 22 сентября мы следовали по курсу вест-тень-зюйд [258 3/4°] до 8 часов 23 сентября, а затем по курсу вест-зюйд-вест [247 1/2°]. Измерения глубин лотом дали следующие результаты: 47, 45, 42 и 41 сажень; я утверждаю, что и здесь и у всего побережья Явы всюду прекрасный мягкий илистый грунт. По меридиональной высоте солнца мы определили широту места 6°24' и установили разницу между обсервованным и счислимым местом в 7' к северу. Уже с 6 часов утра с транспорта «Этуаль» сигналом известили нас о том, что они видят землю, но погода становилась все более шквалистой, и мы тогда так ее и не увидели. После полудня я взял курс более к югу, и в 2 часа с высоты мачт мы увидели северный берег острова Мадуре. В 6 часов его пеленговали между румбами зюйд-ост-тень-зюйд [146 1/4°] и вест-зюйд-вест-5°-к весту [252 1/2°]; горизонт был слишком темен, и потому определить, на каком расстоянии находится от нас берег, оказалось невозможным. Измерения глубины,

произведенные после полудня, все время показывали 40 саженей. Мы видели множество рыболовных судов, из **[269]** которых несколько стояло на якоре с выставленными сетями.

/Вид острова Ява/ Ночью ветер имел переменное направление от зюйд-оста [135°] до зюйд-веста [225°]; мы шли в бейдевинд левым галсом; измерения начиная с 10 часов вечера показывали глубины в 28, 25 и 20 саженей, а когда в 9 часов утра мы подошли к земле, глубина была 17 саженей; в полдень она оказалась всего только 10 саженей. Тогда большой полуостров с мысом Аланг на острове Ява остался у нас на зюйд-ост-тень-зюйд [146 1/4°] приблизительно в 2 лье, остров Мандали — на зюйд-ост-тень-ост-2°- к зюйду [125 3/4°] в 2 лье и наиболее западные земли — на вест-зюйд-вест [247 1/2°] в 4 лье. Находясь в этом счислении, мы определили широту нашего места 6°22'30'', что вполне соответствовало счислимой широте.

/Географические наблюдения/ Перенеся по пеленгам это полуденное место на карту д’Апре большого масштаба, я обнаружил следующее:

1. Что побережье острова Ява нанесено на карте от 9' до 12' южнее его действительного положения, полученного на основании средней широты, выведенной из наших определений меридиональной высоты;

2. Что направление береговой черты у мыса Аланг нанесено неточно: это направление на карте от вест-зюйд-веста [247 1/2°] до зюйд-вест-тень-веста [236 1/4°], тогда как в действительности берег тянется от острова Мандали приблизительно на 15 лье к вест-тень-зюйду [258 3/4°], после чего опять поворачивает на зюйд [180°] и образует большой залив.

3. Что д'Апре ошибся в определении протяженности этой части побережья, и если проложить наши пеленги на его карте, то окажется, что мы с полудня за 24 часа прошли на 13 лье меньше на запад, чем в действительности; значит, или длина побережья на это число лье больше, чем указано на карте, или течения относили нас на восток.

/*Встреча с голландскими судами*/ Кроме многих рыболовных судов, утром мы увидели четыре корабля, из которых два шли нашим курсом и несли развернутые голландские флаги. Около 3 часов мы подошли к одному из этих кораблей и переговаривались с ним. Это была шхуна, шедшая из Малакки в Джапара. Ее сопровождал трехмачтовый корабль, также шедший из Малакки, но в Сараманг. Вскоре оба они стали на якорь у побережья. До 4 часов дня мы шли вдоль побережья, на расстоянии около 3/4 лье от него. Затем я приказал лечь на курс вест-тень-норд [281 1/4°], чтобы не оказаться слишком далеко в глубине залива и иметь возможность пройти в открытом море мимо коралловой банки, лежащей в 5—6 лье от берега. До этого **[270]** места побережье Явы у самого берега мало возвышено, но в глубине территории виднеются высокие горы. В 5 часов 30 минут мы находились против центральной части островов Каримон Ява на норд-2°-к весту [358°], приблизительно в 8 лье.

/*Путь вдоль побережья острова Ява*/ До 4 часов утра мы шли на вест-тень-норд [281 1/4°], а потом до полудня на вест [270°]. Измерения глубин показали, что у берегов преобладали глубины от 9 до 10 саженей; с 7 часов вечера глубины увеличивались до 30 саженей, а ночью до 32, 34 и 35 саженей. На рассвете мы уже не видели земли; в море были видны только несколько кораблей и, как всегда, бесконечное множество рыбачьих лодок. К несчастью, почти весь день 25 сентября был штиль, вплоть до 5 часов вечера. Я говорю: к несчастью, так как мы были заинтересованы получить

сведения о характере берега до наступления ночи, чтобы в зависимости от этого направить путь к проходу между мысом Индермайе и островами Рашит, а затем пройти мористее подводных скал, лежащих далее на запад. В полдень мы определили широту нашего места 6°26' и после этого шли курсами вест [270°] и вест-тень-зюйд [258 3/4°], но солнце закатилось, а мы все еще не обнаружили земли. Некоторым из нас показалось, хотя никто не смог бы за это поручиться, что они усмотрели Синие горы, которые находятся в 40 лье к востоку от Батавии. С 6 часов вечера до полуночи я приказал идти курсом на вест [270°] и на вест-тень-норд [281 1/4°], ежечасно производя измерения глубин, достигавших 25, 24, 21, 20 и 19 саженей. В час ночи мы шли на вест-тень-норд [281 1/4°], с 2 часов ночи до 4 часов утра на норд-вест [315°], а затем до 6 часов утра на норд-вест-тень-вест [303 3/4°].

/Ошибка в счислении нашего пути/ Рассчитывая к часу ночи быть посредине прохода между островом Рашит и островом Ява, я предполагал подняться к северу от скал. Три измерения показали глубины в 20, 22 и 23 сажени, и с тех пор я считал, что нахожусь в 3 или 4 лье на норд-норд-вест [337 1/2°] от островов Рашит.

Оказалось, что я ошибся; 26 сентября в лучах восходящего солнца мы усмотрели побережье Явы между румбами зюйд-тень-вест [191 1/4°] и вест-несколько градусов к норду, а в 7 часов 30 минут с верхушек мачт мы увидели острова Рашит приблизительно в 7 лье между румбами норд-норд-вест [337 1/2°] и норд-вест-тень-норд [326 1/4°].Это зрелище подтвердило ту огромную и опасную невязку, которая существовала на карте господина д’Апре; однако я воздержался от выводов до тех пор, пока путем обсерваций меридиональной высоты не будет установлено, следует ли приписать эту разницу влиянию течений, или же в ней виновата **[271]** неточность карты. Я приказал идти на вест-тень-норд [281 1/4°] и вест-норд-вест [292 1/2°], чтобы точнее

распознать побережье, которое здесь очень низкое; даже в глубине территории нет ни одной горы. Дул весьма свежий ветер зюйд-зюйд-ост [157 1/2°], зюйд-ост [135°] и ост [90°].

В полдень самый южный мыс полуострова Индермайе Причина оставался от нас на ост-тень-зюйд-2°-к зюйду [103 1/4°] этой ошибки на расстоянии около четырех лье, середина островов Рашит — на норд-ост [45°] в 5 лье, а средняя широта, определенная из взятых на корабле меридиональных высот, составляла 6°12'. На основании этой высоты и результатов определения нашего места по пеленгам береговых предметов я заподозрил, что заливу, находящемуся между островом Мандали и мысом Индермайе, на карте соответствует протяженность с востока на запад, примерно на 22' меньше, чем он имеет в действительности, и что восточное побережье нанесено на карте на 16' более к югу, чем показывали наши обсервации. Ту же поправку необходимо учесть и в отношении положения островов Рашит; при этом следует добавить, что в действительности расстояние между этими островами и островом Ява по крайней мере на 2 лье больше, чем это показано на карте. Что касается положения разных частей побережья относительно друг друга, то мне кажется, что они значатся на карте довольно точно, насколько можно судить по последовательным счислимым местам и по оценкам на глаз по мере продвижения вдоль берега. Кстати, только что отмеченные невязки очень опасны для тех мореплавателей, которые, ориентируясь по этой карте, идут ночью.

/Путь до Батавии/ С утра измерения показали глубины в 23, 21, 19 и 18 саженей. Бриз продолжал дуть от ост-зюйд-оста [112 1/2°], и мы шли вдоль берегов на расстоянии 3 или 4 лье от них, чтобы пройти к югу от тех подводных скал, о которых я уже говорил и которые на картах значатся в 5—6 лье к западу от островов Рашит. В 1 час пополудни судно, стоявшее на якоре перед нами, уходя, легло на правый галс; это навело

меня на мысль, что течение переменилось и приобрело противное направление. В два часа нам удалось переговорить с командиром судна; это был голландец и, кажется, единственный белый среди мулатов; он сообщил нам, что идет в Амбойн и Тернате, что вышел из Батавии и что до нее осталось 26 лье. Выйдя из пролива Рашит и пройдя мимо подводных скал, я намеревался лечь на норд-вест [315°], чтобы обойти песчаные банки, которые носят название «Опасных банок» и далеко выступают в море между мысами Индермайе и Сидари. Однако ветер нам не позволил это сделать. Я мог идти только на вест-норд-вест [292 1/2°] и поэтому решил в 7 часов **[272]** вечера стать на верп на глубине 13 саженей при илистом грунте приблизительно в одном лье от берега. Пришлось лавировать короткими и небезопасными галсами между подводными камнями, с одной стороны, и опасными банками — с другой. После полудня мы получили следующие глубины: 19, 15, 14 и 10 саженей. Прежде чем бросить верп, мы сделали небольшой галс в сторону открытого моря, что позволило нам достигнуть глубины в 13 саженей.

27 сентября в два часа утра мы снялись с верпа при береговом ветре, который в эту ночь подул с запада, тогда как в предшествующие ночи ветры менялись, описывая полуокружность по картушке компаса с норда на зюйд через ост. Мы легли на курс норд-вест [315°] и увидели землю лишь в 8 часов утра; земля эта очень низкая и почти затопленная; до полудня мы шли прежним курсом; с момента нашего выхода глубины изменялись с 13 до 16, 20, 22, 23 и 24 саженей. В 10 часов 30 минут мы обнаружили коралловый грунт, и я приказал через некоторое время снова бросить лот, и тогда грунт оказался илистым, как обычно.

В полдень мы определили широту 5°48'; с палубы корабля земли не были видно — настолько она была низкая. Ее удалось усмотреть сверху и установить, что она расположена

между румбами зюйд [180°] и зюйд-вест-тень-вест [236 1/4°], приблизительно на расстоянии в 5—6 лье. Полуденная широта места, сопоставленная с определениями нашего места по пеленгам береговых предметов, дала невязку, не превышающую 2'—3', то есть величину, на которую эти части острова Ява нанесены на карте д’Апре южнее, чем следовало бы; поэтому эту невязку нужно рассматривать как равную нулю, что доказывается полным совпадением нашего счисления с местом, определенным по пеленгам. Течения снова сносили нас на север и, как мне кажется, также и на запад.

/*Новая ошибка в нашем счислении*/ Весь день погода была великолепная и ветер попутный.

После полудня я приказал править немного севернее нашего прежнего курса, чтобы избежать отмелей у мыса Сидари. В полночь, полагая, что мы их уже прошли, я взял курс на вест-тень-зюйд [258 1/4°], потом на зюйд-вест [225°], так как увидел, что глубина в 19 саженей, которую мы обнаружили в час ночи, постепенно увеличивалась и уже достигла 27 саженей. В 3 часа утра мы заметили какой-то остров на норд-вест-5°-к норду [320°] примерно на расстоянии 3 лье. Убежденный, что мы находимся дальше, чем я предполагал, а также опасаясь пройти мимо Батавии, я стал на якорь, чтобы дождаться рассвета. Когда рассвело, мы опознали острова бухты Батавии; остров Эдам, на берегу которого **[273]** развевался флаг, оставался от нас на зюйд-ост-тень-зюйд [146 1/4°] на расстоянии около 4 лье и остров Онруст, или Ремонтный, — на зюйд-зюйд-вест-4°-к зюйду [198 1/2°] примерно в 5 лье. Таким образом, мы очутились на 10 лье западнее нашего счисления. Эта разница произошла, вероятно, и из-за сноса течениями и из-за неверного нанесения берега на карту.

Утром в 10 часов 30 минут мы начали первые приготовления к съемке с якоря. Но ветер почти тотчас же совершенно упал, и течение было противное. Пришлось, оставаясь под парусами, отдать стоп-анкер. В половине первого мы снова снялись с якоря и взяли курс на середину острова Эдам, пока не подошли к нему на расстояние 3/4 лье; купол большой церкви в Батавии оставался тогда к зюйду [180°] от нас; мы направились на него и прошли между буями, указывающими фарватер. В 6 часов мы стали на якорь на рейде на глубине 6 саженей, грунт — ил, отдав лишь один якорь ввиду того, что здесь считают излишним становиться на два якоря, а ограничиваются готовностью второго якоря к отдаче. Час спустя транспорт «Этуаль» стал на якорь в двух кабельтовах от нас на ост-норд-ост [67 1/2°].

/Якорное место в Батавии/ Таким образом, пробыв в море десять с половиной месяцев, считая с момента выхода из Монтевидео, мы прибыли 28 сентября 1768 г. в одно из самых прекрасных в мире мест и могли уже считать наше плавание как бы законченным.

Батавия, согласно моему счислению, находится в широте 6°11' южной и долготе 104°52' восточной от Парижа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пребывание в Батавии. — Описание Молуккских островов

/Как нас встретили/ Период прекращения восточных и приближение дождливых западных муссонов совпадает здесь обычно с началом эпидемии тяжелых болезней. Это обязывало нас не задерживаться долго в Батавии. Все же, несмотря на нетерпение, с которым мы ожидали скорейшего отплытия, удовлетворение наших нужд требовало определенного времени: изготовление сухарей, которых мы здесь не нашли, задержало нас больше, чем мы

рассчитывали. Вдень нашего прибытия на рейде стояло 13 или 14 судов Голландской компании. На одном из них развевался адмиральский флаг. Это старый линейный корабль, оставленный здесь в качестве флагманского корабля и для выполнения полицейских функций на рейде; с него обычно отвечали также на салюты всех торговых судов. Когда я уже послал офицера доложить генерал-губернатору о своем прибытии, к нам подошла шлюпка с флагманского корабля и мне вручили какую-то бумагу на голландском языке. На шлюпке не было офицера, и старшина, который, очевидно, исполнял его обязанности, спросил меня, кто мы такие, и потребовал письменного сообщения за моей подписью. Я ответил, что уже отправил свое донесение на берег, и он отбыл, но вскоре вернулся, настаивая на своем требовании. Я отправил его вторично с тем же ответом, и больше мне уже не пришлось повторять ему одно и то же.

Офицер, посланный мною к губернатору, вернулся лишь в 9 часов вечера. Он не видел его превосходительства, так как тот был в своем загородном доме; ему пришлось обратиться к сабандару, лицу, ведающему сношениями с иностранцами. Сабандар назначил ему встречу на следующий день и сказал, что если я хочу сойти на берег, то он проводит меня к генералу. **[275]**

/*Визит генералу Голландском компании* [159]/ Визиты здесь делают рано утром; к этому вынуждает изнурительная жара. Мы отправились в 6 часов утра в сопровождении сабандара господина Вандерлюс к господину Вандер Пара, правителю Ост-Индии, в один из его загородных домов в трех лье от Батавии. Генерал оказался человеком простым и вежливым; он прекрасно принял нас и предложил любую помощь. Он не выразил ни удивления, ни неудовольствия тем, что мы зашли на Молуккские острова; наоборот, он одобрил поведение резидента Боеро и любезное его к нам отношение. Губернатор согласился поместить наших больных в госпиталь

компании и тут же дал распоряжение принять их. Что касается необходимого для кораблей снабжения, то мы договорились, что передадим перечень заказов сабандару, которому было поручено обеспечить нас всем необходимым. Его должность давала ему возможность наживаться и на нас и на поставщиках. Когда все было улажено, генерал спросил, не собираюсь ли я салютовать флагу. Я ответил, что сделаю это при условии, если мне ответят равным числом выстрелов. «Это вполне справедливо», — ответил он, и крепость получила соответствующий приказ. Как только я возвратился на корабль, мы салютовали 15 выстрелами, и город ответил равным числом.

Я тотчас же отправил в город 28 больных с обоих кораблей; некоторые из них были еще поражены цингой, другие — большая часть — страдали кровавым поносом. Затем мы составили для сабандара список требований на сухари, вино, муку, свежее мясо и овощи; я просил также доставить нам пресную воду на шаландах компании. Мы предполагали на время нашей стоянки переселиться в город. Нам предоставили большой прекрасный дом, который называется «Iner logment», где можно жить и питаться за два рисдаля в день, исключая оплату прислуги, что составляет около пистоля на наши деньги. Дом этот принадлежит компании, которая сдает его в аренду частному лицу; получающему таким образом исключительную привилегию размещения иностранцев. Однако военные корабли не подчинены этому порядку; поэтому офицеры транспорта «Этуаль» устроились в одном частном доме на полном пансионе. Мы наняли также несколько колясок, без которых невозможно обойтись в этом большом городе, чтобы осмотреть окрестности, еще более красивые, чем сам город. Наемные коляски двухместные, с двумя лошадьми, и оплата за день составляет немногим больше 10 франков.

На третий день после нашего прибытия мы всем офицерским составом отправились с торжественным визитом к генералу, извещенному об этом заранее сабандаром. Он принял **[276]** нас в другом загородном доме, называемом Джакатра, который находился почти на середине расстояния между Батавией и тем домом, где я был в первый раз. Дорогу туда можно сравнить лишь с самыми красивыми парижскими бульварами, но она еще более живописна и украшена справа и слева каналами с проточной водой. Согласно этикету, введенному тем же сабандаром, мы должны были бы нанести еще и другие визиты, как-то: главному директору, председателю суда и командующему флотом. Однако сабандар ничего нам об этом не сказал, и мы посетили лишь последнего. Официальное звание его Scopen hagen. Хотя этот офицер на службе компании имеет чин контр-адмирала, тем не менее он благодаря особой милости штатгальтера [160] является вице-адмиралом военного флота. Принц-штатгальтер хотел, таким образом, выделить человека знатного происхождения, которого потеря состояния заставила бросить военно-морскую службу, где он был на хорошем счету, и занять этот пост. Командующий флотом состоит членом голландского Верховного регентского совета и присутствует на его заседаниях с правом решающего голоса в делах флота, пользуясь всеми почестями, положенными всем «эдельхерам» [161]. Он содержит большой штат, имеет хороший стол и великолепный загородный дом, где отдыхает от невзгод, которые часто выпадают на его долю в море.

/Развлечения, предоставленные нам в Батавии/ Главные должностные лица Батавии старались сделать наше пребывание здесь как можно более приятным: приемы в городе и в загородных домах, концерты, чудесные прогулки, осмотр множества сосредоточенных здесь и почти совершенно новых для нас предметов, богатейших в мире торговых складов, более того, ознакомление с разными

народами хотя и отличающимися от нас нравами, обычаями и религией, но составляющими такое же общество, как и наше, — все развлекало нас, обогащало мореплавателя знаниями и могло заинтересовать даже ученого философа. Имеющийся здесь театр «Комедия», говорят, очень хороший. Но, не зная языка, мы побывали там только один раз и могли судить лишь о зале, который нашли прекрасным. Нам было гораздо любопытнее повидать китайские комедии, хотя и их мы понимали не лучше; посещать эти представления часто не так уже интересно, но стоит посмотреть по одной пьесе каждого жанра. Независимо от больших представлений, которые идут в театре, каждый перекресток в китайском квартале имеет свои уличные подмостки, где по вечерам ставятся небольшие пьески и показывают пантомимы. «Хлеба и зрелищ», — требовали римляне; китайцам нужны торговля и забавные пьесы. Боже меня упаси от декламации их актеров и **[277]** актрис, которая обычно сопровождается игрой на нескольких инструментах. Впрочем, когда я говорю об актерах — это неверно, ибо мужские роли здесь исполняют женщины. Кстати — вы можете из этого сделать любое заключение, — я видел, как бесчисленные удары палок по китайским дощечкам имели такой же блестящий успех, каким, например, пользовались артисты итальянской комедии и у Николе [162].

/*Красоты природы в окрестностях Батавии*/ Мы не могли вдоволь налюбоваться окрестностями Батавии. Любой европеец, даже привыкший к самым большим столицам, будет изумлен великолепием ее загородных мест. Их украшают прекрасные дома и сады, содержащиеся с тем вкусом и чистотой, которые так поражают во всех голландских городах. Я не побоюсь сказать, что по богатству и красоте они превосходят окрестности самых больших городов Франции, а по роскоши напоминают окрестности Парижа. Должен еще упомянуть об одном великолепном

памятнике, воздвигнутом музам одним частным лицом. Господин Моор [163], первый священник Батавии, человек невероятно богатый, миллионер, но уважаемый более за свои познания и покровительство наукам, выстроил в саду одного из своих домов обсерваторию, могущую прославить целый королевский дом. Это здание, еще не законченное, стоило громадных денег. Больше того, Моор сам является астрономом. Он выписал из Европы лучшие инструменты, необходимые для самых точных наблюдений. Этот астроном, бесспорно, самый богатый из детей Урании [164], пришел в восторг от знакомства с нашим астрономом господином Верроном. Он пожелал, чтобы господин Веррон проводил ночи в его обсерватории, но, к сожалению, не было ни одной ночи, которая благоприятствовала бы их намерениям. Моор наблюдал последнее прохождение Венеры и послал результаты своих обсерваций в Академию наук в Гарлеме; они послужат для точного определения долготы Батавии.

/*Внутренняя часть города*/ Надо учесть, что этот город, хотя и прекрасный по виду и распланировке, вполне соответствует своим окрестностям: там мало больших зданий, но дома удобны и приятны, улицы широки, и по большинству из них протекают каналы, хорошо облицованные и окаймленные деревьями; эти каналы обеспечивают чистоту и удобство. Правда, каналы поддерживают и нездоровую влажность, которая делает пребывание в этой стране таким вредным для европейцев. Опасность этого климата приписывают также плохому качеству воды, и богатые люди пьют только сельтерскую воду, доставка которой из Голландии связана с большими расходами. Улицы здесь немощеные, но по обеим сторонам окаймлены широкими и красивыми тротуарами из тесаного камня или **[278]** кирпича; при голландской страсти к чистоте содержание этих тротуаров не может быть лучшим. Впрочем, я не претендую на то, чтобы дать полное описание Батавии; эта тема уже неоднократно привлекала к себе

внимание. Можно получить представление об этом известном городе хотя бы из того факта, что здания здесь построены в обычном голландском стиле с той лишь разницей, что частые землетрясения вынуждают строить одноэтажные дома. Я не собираюсь также описывать китайский квартал, который находится за городом, полицию, которой подвластны населяющие его китайцы, их обычаи и многое другое, о чем уже неоднократно писалось.

/Богатство и роскошь жителей/ Поражают роскошь, царящая в Батавии, великолепие и вкус, с которым украшены внутренние помещения почти каждого дома, что свидетельствует о богатстве жителей. Нам, однако, говорили, что теперь город уже не тот, каким он был еще совсем недавно. Вот уже несколько лет, как компания запретила частным лицам ввозить и вывозить из Голландской Ост-Индии товары, что было источником огромной наживы. Я не осуждаю новое решение компании, ибо не знаю, какую выгоду дает ей этот запрет. Известно только, что частные лица, находящиеся на службе компании, умеют извлекать 30, 40, 100 и 200 тысяч ливров дохода, при окладе жалованья не более 1500, 3000 и уж во всяком случае не свыше 6000 ливров. Почти все жители Батавии служащие компании. Достоверно известно, что цены на дома в городе и окрестностях действительно снизились на 2/3 их прежней стоимости. Но Батавия всегда будет более или менее богатой благодаря тому, что лицам, разбогатевшим на службе у компании, трудно перевести свои капиталы в Европу. Пересылать сбережения можно только через компанию, которая удерживает за это 8%, но она берет от частных лиц одновременно лишь небольшие суммы для перевода. Накопленные средства нельзя переправить и тайно, так как деньги, имеющие здесь хождение, теряют в Европе 28 процентов своей стоимости. Компания пользуется именем

императора Явы для чеканки особой монеты, имеющей хождение только в Ост-Индии.

/Подробности об администрации компании/ Нигде в мире я не видел такого резкого разграничения сословий: каждый ранг строго определен; внешние знаки отличия рангов строго установлены, и сложный этикет соблюдается здесь еще строже, чем на каком-либо конгрессе. Члены голландского Верховного регентского совета, члены Судебной палаты, духовенство, служащие компании, офицеры флота и, наконец, военные — такова иерархия местных сословий. **[279]**

Верховный регентский совет состоит из генерала, который является председателем советников по делам Индии, имеющих титул эдельхеров, председателя Судебной палаты и адмирала [Scopen hagen]. Совет собирается во дворце два раза в неделю. Советников Индии в настоящее время 16, но они не все находятся в Батавии. Некоторые из них управляют значительными губернаторствами на мысе Доброй Надежды, Цейлоне, Коромандельском береге [165], в восточной части Явы, в Макасаре и Амбойне, где и находятся их резиденции. Эдельхеры пользуются исключительным правом ездить в золоченых каретах, впереди которых бегут два скорохода, в то время как перед каретой обычного лица бежит только один гонец. Когда проезжает карета эдельхера, все прочие экипажи обязаны останавливаться, и лица, находящиеся в них, мужчины и женщины, — вставать. Помимо этого отличия, только генерал имеет право ездить в карете, запряженной шестеркой лошадей; за ним всегда следует конная гвардия или по крайней мере офицеры гвардии и несколько ординарцев. Когда проезжает генерал, мужчины и женщины должны выйти из своих экипажей. К крыльцу его дома имеют право подъезжать только кареты эдельхеров. Им одним полагаются такие дворцовые почести, как в Лувре. Я

познакомился с некоторыми из них, и мы наедине вдоволь посмеялись над торжественной пышностью их этикета.

Судебная палата выносит решения по гражданским и уголовным делам, и ее решения не подлежат апелляции. Двадцать лет тому назад она осудила на смерть губернатора Цейлона. Этот эдельхер был уличен в огромных растратах в своем губернаторстве; он был казнен в Батавии на площади против крепости.

Назначение генерала Индии, эдельхеров и судебных советников происходит в Европе. Генерал и Верховный совет Батавии предлагают кандидатов на замещение других должностей, и их выбор всегда утверждается в Голландии. Во всяком случае все военные должности замещаются безапелляционным решением генерала. Одна из крупных и наиболее высокооплачиваемых должностей, после генеральской, — должность комиссара компании. Этот офицер инспектирует все, что составляет владения компании на острове Ява, даже владения различных королей острова, и следит за их поведением; он имеет неограниченную полицейскую власть над яванцами, подданными компании. Полиция очень жестока, и малейшая провинность безжалостно наказывается. Способность яванцев переносить варварские истязания поражает; единственное, о чем они **[280]** просят при вынесении смертного приговора, — это оставить им белые штаны и главное не отрубать голову. Компания утратила бы свой авторитет, отказав им в этой милости, а яванцы могли бы поднять мятеж. Причина этого проста: по законам их религии, они будут плохо приняты в потустороннем мире, если явятся туда без головы и без белых штанов; они полагают, что деспотизм голландцев проявляется лишь в этом.

/Распределение обязанностей на службе компании/ Другая доходная должность — это должность сабандара, или

министра по делам иностранцев. Сабандаров два: один по делам христиан, а другой по делам язычников, ведении первого находится все, что относится к европейцам. Второй занимается делами, касающимися различных народностей Ост-Индии, включая китайцев. Последние являются посредниками всей внутренней торговли в Батавии, и число их достигает ста тысяч. Изобилие, которое характерно для рынков этого большого города, в значительной степени результат труда и рвения китайцев.

В управлении компании существуют еще такие должности: ассистент, приказчик, заместитель поставщика, поставщик, старший поставщик, управляющий. Все эти гражданские чины носят форму, и между ними и военными чинами существует определенное соотношение. Например, майор соответствует чину старшего поставщика, капитан-заместителя поставщика и т.д. Но военные никогда не могут занимать административных должностей, не изменив своему сословию. Понятно, что на торговую деятельность компании военный корпус не имеет никакого влияния; на него смотрят только как на корпус наемников. И это тем более правильно, что военное сословие здесь состоит целиком из иностранцев.

/*Владения компании на острове Ява*/ Компания на правах собственности владеет значительной частью острова Ява. Ей принадлежит вся северная часть острова к востоку от Батавии. Несколько лет тому назад она присоединила к своим владениям остров Мадуре, властитель которого организовал мятеж; а теперь его сын — губернатор того самого острова, где его отец был королем. Компания воспользовалась также мятежом короля Балембуама, чтобы присвоить эту чудесную провинцию, составляющую восточную оконечность Явы. Король, брат императора Явы, стыдясь своего подчиненного положения по отношению к торговцам, по наущению англичан, снабдивших его оружием, порохом и даже построивших форт, задумал сбросить с себя

это иго. Компании стоило немало средств и усилий, чтобы заставить его подчиниться; война длилась два года и закончилась всего только за два месяца **[281]** до нашего прибытия в Батавию. В первом сражении голландцы потерпели поражение, но в следующей битве король был захвачен вместе со всей своей семьей и отправлен в крепость в Батавию, где вскоре умер. Его сын и остальные члены этой несчастной семьи были сосланы на мыс Доброй Надежды. Они окончили свои дни на острове Робен.

/Разделение острова Ява на королевства/ Остальная часть острова Ява разделена на несколько королевств. Высший ранг имеет император Явы, резиденция которого находится в южной части острова; затем следует султан Матарана и король Бантана. Черибон управляется тремя королями, являющимися вассалами компании, в благоволении которой нуждаются и остальные властители, чтобы удержаться на своих шатких престолах. Ко всем этим королям приставлена европейская стража, отвечающая за их личную безопасность. Компания имеет несколько укрепленных контор: одну у императора, одну у султана, четыре в Бантане и две в Черибоне. Все эти правители обязаны сдавать компании товары по ею же самой установленному тарифу. Она получает рис, сахар, кофе, олово, аррак, а им поставляет только опиум, который яванцы потребляют в большом количестве и продажа которого дает значительные прибыли.

/Торговля Батавии/ В Батавию свозится вся продукция Молуккских островов. Сюда же поступает целиком весь сбор пряностей. Ежегодно на корабли грузится то, что нужно для потребления в Европе; остальное сжигается. Только одна эта отрасль торговли обеспечивает богатство и, смею сказать, даже существование компании Голландской Индии. Только такая торговля может вынести связанные с ней колоссальные расходы и хищничество ее служащих, не меньшее, чем самые расходы. Внимание компании сосредоточено исключительно

на этой торговле, а также на торговле Цейлона. Я ничего не могу сказать о Цейлоне, которого не знаю; компания недавно завершила там разорительную войну, успех которой был значительно больший, чем в войне в Персидском заливе, где были уничтожены ее торговые конторы. Но так как мы единственные французские военные корабли, дошедшие до Молуккских островов, мне позволено будет сообщить некоторые подробности о современном состоянии этой значительной части света, ознакомиться с которой другие нации не имеют возможности вследствие ее отдаленности, а также вследствие упорного умалчивания о ней голландцев.

/*Подробности о Молуккских островах*/ В прежние времена Молуккскими назывались лишь небольшие острова, расположенные почти на экваторе, между широтами 15' южной и 50' северной, вдоль западного **[282]** побережья острова Жилоло; главные из этих острова: Тернате, Тидор, Мотьер, или Мотир, и Махиан, или Бачиан. Постепенно название «Молуккские» стало общим для всех островов, производящих пряности. Острова Банда, Амбойн, Серам, Боеро и все близлежащие острова вошли в группу этих островов, к которой некоторые географы безуспешно пытались отнести острова Бутон и Целебес. В настоящее время голландцы делят эту островную страну, называемую ими «страной востока», на четыре основные губернаторства, от которых зависят все остальные торговые конторы и которые сами подчинены верховному правителю Батавии. Этими четырьмя губернаторствами являются острова Амбойн, Банда, Тернате и Макасар.

/*Губернаторство Амбойн*/ На острове Амбойн, губернатором которого является эдельхер, насчитывается шесть торговых контор; на самом острове находятся конторы Хила и Ларик, резиденты их носят звания поставщика и помощника поставщика; к западу от острова Амбойн находятся острова Манипа и Боеро; на первом резидент —

простой приказчик, а на втором — наш покровитель Хендрик Оуман, помощник поставщика. Приблизительно на ост-зюйд-ост [112 1/2°] от острова Амбойн расположен небольшой остров Хароеко; им управляет помощник поставщика; и, наконец, имеется остров Сапароеа, расположенный также на зюйд-ост [135°] в 15 лье от острова Амбойн, которым управляет поставщик, имеющий в подчинении и маленький остров Неeслав, где он держит сержанта и 15 солдат; на острове Сапароеа имеется маленький форт, построенный на скале, и прекрасная якорная стоянка в хорошей бухте. Этот остров, а также и остров Неeслав могли бы загрузить целое судно гвоздикой. Силы острова Амбойн состоят из 150 солдат под командой капитана, лейтенанта и пяти унтер-офицеров. Кроме того, на острове находятся два артиллерийских офицера и один инженер.

/Губернаторство Банда/ Губернаторство Банда имеет более значительные укрепления и более многочисленный гарнизон, который в основном состоит из трехсот солдат под командованием капитана, двух лейтенантов, четырех унтер-офицеров и одного артиллерийского офицера. Этот гарнизон совместно с гарнизоном острова Амбойн и других основных пунктов обслуживает все отдаленные посты. Вход в Банду очень труден для тех, кто с ним не знаком. Нужно обогнуть гору Гунонгапи, держась как можно ближе к берегу. На горе находится форт. Следует остерегаться скалистой банки, которая остается с левого борта. Проход имеет в ширину не более одной мили и такую глубину, что лот там не **[283]** достает дна. Затем следует обогнуть банку, чтобы подойти к форту Лондон, где глубина достигает 8—10 саженей и где могут одновременно стоять на якоре 5—6 кораблей.

Правителю Банда подчинены три поста: Уриен, где находится приказчик; Вайер, где управляет помощник поставщика, и остров Пуло-Ри-эн-Рун, расположенный вблизи острова Банда и также покрытый мускатным орешником; им

управляет старший поставщик. На этом острове имеется форт; около него могут становиться на якорь только шлюпы; да и то они должны стоять на банке, расположенной на подходах к форту. Этот форт пришлось бы обстреливать, находясь под парусами, так как вокруг банки очень большие глубины. Кстати сказать, на острове нет пресной воды, и гарнизон вынужден доставлять ее с острова Банда. Мне кажется, что в это губернаторство входит и остров Арров. На этом острове одна контора, сержант и 15 солдат; компания вывозит оттуда жемчуг. Острова Тимор и Солор хотя и расположены по соседству, однако подчиняются непосредственно правителю Батавии. Эти острова поставляют сандаловое дерево. Вызывает удивление, что португальцы еще сохранили свой пост на острове Тимор, и еще более удивительно, что они почти никак не используют этот остров.

/Губернаторство Тернате/ Губернатору острова Тернате подчиняются четыре главные конторы: Горонтало, Манадо, Лимботто и Ксулабесси. Резиденты первых двух имеют звания помощников поставщиков, а вторых являются только приказчиками. В их ведении находятся несколько мелких постов под командой сержантов. В губернаторстве Тернате имеется гарнизон из 250 человек под командованием капитана, лейтенанта, девяти унтер-офицеров и одного артиллерийского офицера.

/Губернаторство Макасар/ Правителем губернаторства Макасар на острове Целебес является эдельхер, ив его подчинении находятся четыре конторы: Боелакомба-эн-Бонтэнь и Бима, где резиденты — два помощника поставщика; Салейер и Марос, где резиденты имеют звание только приказчиков. Макасар, или Джонпандам, самое укрепленное место Молуккских островов; однако местные жители старательно ограничивают распространение голландцев за пределы границ их постов. Гарнизон Макасара

состоит из 300 человек, которыми командуют капитан, его помощник, два лейтенанта и семь унтер-офицеров. Там же находится один артиллерийский офицер. Во всем этом губернаторстве совсем не производят пряностей, хотя некоторые утверждают, что этим занимаются на острове Бутон, но этого я не смог проверить. Главной причиной учреждения этого губернаторства было **[284]** желание обеспечить себе проход, который является одним из ключей к Молуккским островам, и наладить выгодную торговлю с островами Целебес и Борнео. Два последних больших острова поставляют голландцам золото, шелк, хлопок, хинное дерево и даже алмазы в обмен на железо, сукно и другие европейские и ост-индские товары.

/Политика голландцев на Молуккских островах/ Эти подробности о различных постах, занятых голландцами, верны, за исключением, быть может, мелких подробностей. Политика, которую голландцы ведут на этих островах, делает честь прозорливости тех лиц, которые были тогда во главе компании. Когда голландцы прогнали отсюда испанцев и португальцев — успех, бывший плодом сложнейших комбинаций, мужества и терпения, — то они поняли, что для сохранения исключительного права торговли пряностями недостаточно вытеснить с Молуккских островов остальных европейцев. При многочисленности этих островов охрана их почти невозможна; не менее трудно было бы помешать контрабандной торговле островитян с Китаем, Филиппинами, Макасаром, а также с кораблями сомнительной репутации, которые могли бы пытаться провезти контрабандный груз. Компания еще более опасалась, как бы саженцы деревьев ценных пород не были похищены и высажены в другом месте, где они вполне могут прижиться. Поэтому она приняла решение: уничтожать, насколько это будет возможно, растения, дающие пряности, на большинстве этих островов и оставить их лишь на нескольких небольших островах,

которые легко охранять. Теперь все свелось к тому, чтобы хорошо укрепить эти драгоценные источники богатств. Пришлось подкупить владетелей, которых это мероприятие лишало источника их прибылей. Так, Голландская компания выплачивает ежегодную субсидию в 20 тысяч рисдалей королю Тернате и нескольким другим молуккским принцам. Если не удавалось уговорить какого-нибудь из этих владетелей, чтобы они разрешили сжечь растения, голландцы сжигали их сами, если были сильнее, или ежегодно скупали еще зеленые листья, заведомо зная, что если три года подряд ощипывать деревья, они должны погибнуть. Островитяне же этого не подозревали.

В результате такого мероприятия сбор корицы производится только на Цейлоне; на островах Банда культивируется лишь мускатный орех; на Амбойне и прилегающем к нему Улеастере только гвоздика; было даже запрещено иметь на Банде гвоздику и на Амбойне мускатный орех. Такое разделение производства пряностей может с избытком удовлетворить спрос на них всего мира. Другие **[285]** голландские посты, учрежденные на Молуккских островах, имеют целью помешать остальным нациям обосноваться там, а также обеспечить постоянные поиски соответствующих растений для их сожжения и для доставки их на те единственные острова, где они культивируются. Вообще все инженеры и моряки, служащие на этих островах, обязуются при увольнении с работы вернуть находящиеся у них карты и планы и дать присягу, что они их не утаивают. Не так давно один житель Батавии был наказан кнутом, клеймен и выслан на пустынный остров за то, что показал англичанину карту Молуккских островов.

Сбор пряностей начинается в декабре, и суда, предназначенные для их перевозки, приходят в течение января в Амбойн и Банду, откуда они уходят в Батавию в апреле и мае. В Тернате ежегодно ходят два судна,

расписание которых зависит от муссонов. Кроме того, в этом районе курсирует несколько шхун, вооруженных 12 или 14 пушками.

Ежегодно губернаторы Амбойна и Банды созывают около середины сентября всех вождей из их округов. Сначала устраиваются пиры и празднества, продолжающиеся несколько дней, а затем голландцы отправляются с ними в больших лодках, называемых коракорами, для объезда губернаторства и уничтожения лишних растений, дающих пряности. Резиденты частных контор обязаны отправляться к своим генерал-губернаторам и сопровождать их в этой поездке, заканчивающейся обыкновенно в конце октября или начале ноября. Возвращение отмечается новыми празднествами. Когда мы были на Боеро, начальник местной конторы господин Оуман собирался выехать на Амбойн с оранкаями [вождями] своего острова.

В настоящий момент голландцы воюют с жителями Серама — острова, богатого гвоздикой. Эти островитяне не позволяют уничтожать свои растения и изгнали компанию из всех главных пунктов, которые она занимала в их местности; уцелела лишь небольшая контора на Саваи в северной части острова, где находятся сержант с пятнадцатью солдатами. Жители Серама владеют огнестрельным оружием и порохом, и все говорят не только на местном диалекте, но и по-малайски. Папуасы также постоянно воюют с компанией и ее вассалами. У них имеются суда, вооруженные пушками, стреляющими каменными ядрами и укомплектованные командой в 200 человек. Король Сальвиати, одного из самых больших островов, был внезапно арестован в то время, когда он прибыл, чтобы выразить свою преданность и почтение королю Тернате, вассалом которого он является; голландцы задержали его в качестве пленника. **[286]**

Что может быть мудрее плана, изложенного здесь? Какие меры могли бы лучше содействовать установлению и поддержанию права исключительной торговли пряностями? Компания с давних пор пользуется этим правом, и этому она обязана своим блестящим положением, превратившим ее скорей в могущественную республику, чем в торговое объединение. Но или я жестоко ошибаюсь, или недалеко то время, когда этой богатейшей коммерции будет нанесен смертельный удар. Осмелюсь заявить, что стоит лишь захотеть, и это исключительное положение можно уничтожить. Ведь лучшей защитой голландцев является неведение остальной части Европы о действительном положении этих островов, таинственная завеса, которая укрывает этот сад Гесперид. Да и, помимо того, существуют преграды, которые никакие человеческие усилия не могут преодолеть, и такие помечи, которые никакая мудрость не в силах устранить. Голландцы могут сколько угодно строить на Амбойне и Банде самые солидные укрепления, удерживать их многочисленными гарнизонами; все равно — не пройдет и несколько лет, как землетрясения, которые происходят здесь периодически, разрушат до основания все эти сооружения. Мало того, вредный климат ежегодно уносит в могилу две трети солдат, матросов и рабочих, посылаемых сюда. Вот зло, от которого нет спасения. Так, разрушенные три года назад форты Банда до сих пор не восстановлены; то же и на Амбойне. Наконец, компания может добиться уничтожения на нескольких островах части известных ей пряностей; но ведь есть же и такие, которые компании неведомы, а если даже и известны, то владельцы деревьев делают все, чтобы их сохранить.

В последнее время англичане часто заглядывают в воды Молуккского архипелага и, конечно, не без причины. Уже несколько лет тому назад небольшие корабли, вышедшие из Банкула, приходили обследовать проходы и собирать

сведения относительно условий этой трудной навигации. Я уже говорил, что слышал от жителей острова Бутон о трех английских кораблях, которые недавно приходили в этот пролив, и о той помощи, которую они оказали несчастному властителю Балембуама. Кажется достоверным, что они снабжают жителей Серама оружием и порохом и даже выстроили им форт; капитан ле Клерк рассказывал нам, что когда он уничтожил этот форт, там были обнаружены две пушки. В 1764 г. господин Ватсон, командир 26-пушечного фрегата «Кингсберген», подошел ко входу в гавань Саваи и, угрожая оружием, заставил дать на корабль лоцмана и вести его к якорной стоянке; находящейся здесь **[287]** слабосильной конторе был нанесен большой ущерб. Он произвел еще какие-то действия против папуасов, но неудачно. Островитяне похитили его шлюпку, взяли в плен всех находившихся на ней европейцев вместе с командовавшим ею гардемарином и, привязав их к столбам, умертвили, предварительно подвергнув страшным мучениям.

Англичане как будто не скрывают своих намерений от Голландской компании. Четыре года тому назад на одном из папуасских островов под названием Тафара или Солок они учредили пост. Господин Далримпл [166], основавший его, явился и его первым губернатором; однако англичане удерживали этот пост не более трех лет и недавно покинули его; господин Далримпл в 1768 г. перешел в Батавию на корабле «Патти», которым командовал капитан Додвелл. Оттуда начальник поста прибыл в Банкул, где «Патти» затонул на рейде. Этот пост заготовлял птичьи гнезда, перламутр, слоновые клыки, жемчуг и трепангов, которые очень ценятся китайцами. Достойно удивления, что англичане направлялись для торговли этими предметами в Батавию. Я это знаю от одного негоцианта, купившего там кое-какие товары. Этот же человек уверял меня, что англичане также получали пряности через упомянутый пост;

возможно, они получали их от жителей Серама. Почему же они покинули остров? Этого я не знаю. Вполне возможно, что им удалось получить много саженцев пряных растений и перевезти их в некоторые свои владения в Индии, и, будучи уверенными в успехе, они покинули этот требующий больших затрат пост, способный слишком насторожить одну нацию и осведомить другую.

В Батавии мы получили первые сведения о кораблях, на следы которых мы несколько раз наталкивались во время нашего плавания. Господин Уоллис прибыл в Батавию в январе 1768 г. и почти тотчас же отправился далее. Господин Картерет, невольно отставший от своего начальника вскоре после выхода из Магелланова пролива, совершил более длительное путешествие и, я думаю, испытал более удивительные приключения. Он пришел в Макасар в конце марта 1768 г., потеряв почти весь свой экипаж, а корабль его оказался совершенно непригодным для плавания. Голландцы не захотели держать его в Джомпандаме и направили в Бантан, неохотно дав согласие на то, чтобы он взял там мавров на место тех матросов, которых потерял. Пробыв два месяца на Целебесе, он отправился 3 июня в Батавию, где килевал свой корабль, и вышел оттуда лишь 15 сентября, то есть всего за 12 дней до нашего прибытия. Господин Картерет почти ничего не рассказывал здесь о **[288]** своем путешествии, однако все же сказал, что в проливе, который он назвал Сен-Жорж, у него была схватка с островитянами; он показывал даже стрелы, которыми были ранены несколько человек и среди них его помощник, покинувший Батавию так и не вылечившись.

/1768 г., октябрь/ Не прошло и восьми или десяти дней после нашего прибытия в Батавию, как начались заболевания. Люди самого крепкого здоровья в три дня сходили в могилу. Некоторые из нас заболели жестокой лихорадкой, а наши больные в госпитале не чувствовали

никакого облегчения. Я спешил, насколько это было возможно, получить все необходимое, но наш сабандар также заболел, и, вынужденные бездействовать, мы испытали много неприятностей и проволочек. Лишь к 16 октября я смог подготовиться к уходу и вышел для постановки на якорь вне рейда; транспорт «Этуаль» должен был получить свои сухари только в этот день. Погрузка сухарей на «Этуаль» была закончена к ночи, и, как только позволил ветер, транспорт стал на якорь возле нас.

/Болезни, схваченные в Батавии/ Почти все офицеры на фрегате были либо больны, либо ощущали признаки приближающейся болезни. Количество в Батавии дизентерийных больных не уменьшалось, и если бы пребывание в Батавии затянулось, то это привело бы к большим опустошениям среди нас, чем за все время плавания. Наш таитянин был чрезмерно возбужден от всего того, что он видел; возможно, это некоторое время предохраняло его от влияния злокачественного климата, но в последние дни перед нашим выходом заболел и он; болезнь была очень продолжительной, хотя он принимал все лекарства с послушанием и верой истинного парижанина. Впоследствии, вспоминая о Батавии, он называл ее не иначе, как «Enoua mate», то есть «Страна, которая убивает».

* * *

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Выход из Батавии. — Стоянка на острове Иль-де-Франс. — Возвращение во Франции. — Встреча с Картеретом.

16 октября я один вышел с Батавского рейда и стал на якорь на глубине 7 1/2 саженей, грунт — мягкий ил, на одно лье мористее рейда. Я находился, таким образом, на 1/2 мили к вест-тень-норду [281 1/4°] от буя, который оставляют с

правого борта, когда входят в Батавию. Остров Эдам оставался от меня на норд-норд-ост-4°-к осту [26 1/2°] в 3 лье; остров Онруст — на норд-вест-тень-вест [303 3/4°] в 2 1/2 лье; остров Роттердам — на норд-2°-к весту [358°] в 1 1/2 лье. Транспорт «Этуаль» получил свои сухари очень поздно и снялся с якоря в 3 часа утра. Правя на огни, которые я держал зажженными всю ночь, он стал на якорь возле нас.

/Описание выходов из Батавии/ Поскольку путь, ведущий из Батавии, представляет Описание интерес, я позволю себе подробнее остановиться на его описании. 17 октября в 5 часов утра мы уже находились под парусами и направлялись на норд-тень-ост [11 1/4°], чтобы пройти к востоку от острова Роттердам, на расстоянии около 1/2 лье от него; затем мы легли на курс норд-вест-тень-норд [326 1/4°], чтобы пройти к югу от островов Хорн и Харлем; затем мы пошли на вест-тень-норд [281 1/4°] и на вест-тень-зюйд [258 3/4°], чтобы пройти к северу от островов Амстердам и Миддельбург; на последнем был поднят флаг; потом легли на вест [270°], оставив по правому борту буй, поставленный к югу от острова Малый Камбюи.

В полдень определили широту 5°55' южную, и оказалось, что мы находимся на меридиане юго-восточного мыса острова Большой Камбюи на расстоянии от него около 1 мили. Отсюда я направился в проход между двумя буями, поставленными: один на зюйд [180°] от северо-западного мыса острова Большой Камбюи, второй — на параллели острова Антропофаж, иначе называемого **[290]** Пуло-Лаки. Отсюда можно идти вдоль побережья на желаемом или дозволяемом расстоянии. В 5 часов 30 минут течение снесло нас к берегу, поэтому я бросил стоп-анкер на глубине 11 саженей, грунт — ил; северо-западный мыс бухты Бантам находился тогда на вест-тень-норд-2°-к весту [279 1/4°] на расстоянии около 5 лье, середина острова Пуло-Баби — на норд-вест-5°-к весту [310°] на расстоянии 3 лье.

Для выхода из Батавии имеется и другой путь, помимо того, которым я шел. Выйдя с рейда, следует идти вдоль побережья острова Ява, оставив по левому борту бочку, служащую буем, приблизительно в 2,5 лье от порта; затем нужно оставить к северу остров Кеперт; далее, следуя вдоль побережья, проходят между двумя буями, находящимися: один — на зюйд [180°] от острова Миддельбург и второй — напротив первого, на отмели, соединяющейся с мысом острова Ява; затем нужно подойти к вышеуказанному бую, находящемуся на зюйд [180°] от острова Малый Камбюи; здесь оба пути сливаются. На специальной карте выходов из Батавии, которую я прилагаю к настоящему труду, эти пути нанесены очень точно.

/Выход из Зондского пролива/ 18 октября в 2 часа утра мы были под парусами. Но вечером пришлось снова стать на якорь, и лишь 19 октября после полудня мы вышли из Зондского пролива, пройдя к северу от острова Пренс. В полдень мы определили широту 6°30' южную, а в 4 часа дня, находясь приблизительно в четырех лье от северо-западного мыса острова Пренс, я взял свой отшедший пункт по карте господина д'Апре в широте 6°21' южной и в долготе 102° восточной от Парижа. В общем можно становиться на якорь вдоль берега Явы повсюду. Голландцы содержат здесь небольшие посты, расположенные на определенном расстоянии друг от друга; с каждого поста на проходящие суда является солдат с бланком, в который надо вписать название корабля, порт отправления и назначения. Писать можно, конечно, что угодно. Но я далек от мысли осудить этот порядок, так как благодаря ему можно получить известия о судах, о которых давно нет сведений; к тому же солдат вместе со списком приносит кур, черепах и другую провизию и очень дешево продает ее. Цинги на моих кораблях больше не было, по крайней мере явной; но многие страдали кровавым поносом. Поэтому я принял решение

идти к острову Иль-де-Франс, не дожидаясь транспорта «Этуаль», что и передал командиру транспорта сигналом 20 октября. **[291]**

/Переход до острова Иль-де-Франс/ Переход этот ничем не был примечателен; стояла хорошая и теплая погода, так что плавание было недолгим. Мы имели постоянно юго-восточный очень свежий ветер. Мы в нем нуждались, так как число больных росло с каждым днем, а выздоровление наступало очень медленно; к кровавым поносам присоединилась злокачественная лихорадка. В ночь с 30-го на 31-е умер от нее один из моих плотников.

Состояние рангоута внушало беспокойство. Было основание опасаться, что грот-мачта сломается на высоте пяти или шести футов ниже стропа, которым стягиваются нижние ванты под грот-марсом. */1768 г., ноябрь/* Я приказал скрепить мачту и, чтобы уменьшить ее нагрузку, спустить брам-рею и брам-стеньгу и иметь все время на грот-марселе взятыми два рифа. Эти меры предосторожности сильно замедляли наш ход. Несмотря на это, на 19-й день после нашего выхода из Батавии мы были в виду острова Родриж, а через день перед нами открылся остров Иль-де-Франс.

/Подход к острову Родриж/ 5 ноября в 4 часа дня мы были на меридиане северо-восточного мыса острова Родриж. Пользуясь тем обстоятельством, что французский астроном Пенгре определил долготу острова Родриж, оказавшуюся равной 60°51' к востоку от Парижа, я вывел невязку нашего счислимого места за весь путь от острова Пренс до острова Родриж. На основании своего счисления я находился в долготе 61°26'. Итак, предположив, что определение долготы Пенгре относилось к населенному пункту острова Родриж, а не к мысу, на меридиане которого я находился в 4 часа, то есть на 2 западнее, я имел основание считать, что при пройденном пути в 1200 лье невязка составила 34'. Невязка,

по наблюдениям господина Веррона, 3 ноября составила за то же самое время 1°12'.

/Остановка на острове Иль-де-Франс/ 7 ноября в полдень наконец показался остров Ронд; в 5 часов вечера мы находились уже на меридиане его середины. С наступлением ночи мы дали пушечный залп, надеясь, что тотчас зажгут огонь на мысе Канониер, но этот огонь, упоминаемый в инструкции д'Апре, больше не зажигался, и, таким образом, обогнув остров Куен де Мир, около которого можно проходить на любом расстоянии, я оказался в большом затруднении, так как опасался отмели, которая выдается более чем на 1/2 лье в открытое море перед мысом Канониер. Я начал лавировать, чтобы держаться на ветре у порта острова Иль-де-Франс, и время от времени стрелял из пушки. Наконец между одиннадцатью часами и полночью явился на борт один из портовых лоцманов, состоящий на королевской службе. Я уже считал, что все затруднения позади, и доверил ему вести корабль, как вдруг **[292]** в 3 1/2 часа ночи он посадил нас на отмель близ бухты Томбо. */Опасность, которой подвергался фрегат/* К счастью на море не было сильного волнения, и маневр, который мы быстро предприняли, чтобы увалиться под ветер и отойти от берега в сторону открытого моря, нам удался. Можно себе представить, какая бы это была смертельная обида для нас после того, как мы удачно избежали стольких опасностей, потерпеть крушение из-за ошибки невежды, которому мы доверились, подчиняясь существующему порядку. Мы отделались 45 футами нашего фальшкиля, которые были снесены.

/Навигационные рекомендации/ Авария, жертвами которой мы едва не стали, заставляет меня привести здесь следующие замечания. Если необходимо пройти к острову Иль-де-Франс и окажется, что днем не удается войти в порт, осторожность требует еще засветло отказаться от намерения очень близко

подходить к берегу. Ночью следует держаться в море, на ветре острова Ронд, однако не ложиться в дрейф, а лавировать под достаточной парусностью из-за возможного сноса течениями. Впрочем, между небольшими островками имеется якорное место; мы обнаружили там глубины от 30 до 25 саженей, грунт — песок; однако становиться там на якорь следует только в случае крайней необходимости.

/Стоянка у острова Иль-де-Франс/ Утром 8 декабря мы вошли в порт, где днем ошвартовались. В 6 часов вечера показался транспорт «Этуаль», но в порт он смог войти лишь на другой день. Наше судовое время было на один день позади местного времени, ввиду чего мы восстановили правильную дату.

/Работы, произведенные на острове/ С первого же дня я высадил на берег всех своих больных и отправил их в госпиталь, сдал перечень заказов на провизию и такелаж и тотчас же стал готовить фрегат к килеванию. Я взял всех портовых рабочих, которых мне могли дать, и рабочих с транспорта «Этуаль», решив выйти тотчас по готовности. 16 и 18 ноября мы смолили свой фрегат и обнаружили, что вся его внутренняя обшивка источена червями, а наружная в полном порядке, то есть такая же, как была при спуске фрегата со стапеля.

Мы вынуждены были сменить здесь часть рангоута. Наша грот-мачта была повреждена у шпора и могла в любой момент сломаться в этом месте, как и у топа ее, где она уже раньше была сломана и надставлена. Мне дали новую грот-мачту из целого ствола, две стеньги, якоря, канаты и тросы, в которых мы остро нуждались. Я сдал на королевские склады мои старые припасы, взял запас провизии на 5 месяцев и предоставил в распоряжение интенданта острова Иль-де-Франс господина Пуавра железо и гвозди, погруженные на «Этуаль», мой перегонный куб, вентиляционное **[293]**

устройство, много медикаментов и большое количество всяких других предметов, которые больше уже не нужны были нам, но были необходимы этой колонии. Я откомандировал также в местный легион по их просьбе 23 солдата. Господа де Коммерсон и Веррон также согласились отложить свое возвращение во Францию: первый — для того, чтобы изучить естественную историю этих островов и острова Мадагаскара, второй — чтобы получить возможность отправиться в Индию для наблюдения за прохождением Венеры через солнечный диск. Меня просили также отпустить господина де Роменвиля и несколько молодых волонтеров и лоцманов для плавания в Индию.

/Потеря двух офицеров/ Не так уж плохо было после такого долгого плавания оказаться еще в состоянии обогатить колонию людьми и необходимыми предметами. Радость, которую я при этом испытывал, была жестоко омрачена смертью шевалье дю Бушажа, человека благородного и исключительных душевных качеств, соединявшего в себе наряду с большими знаниями морского дела все качества ума и сердца, что снискало ему много друзей. Ни тщательный уход и заботы, ни искусство нашего хирурга господина де ла Порта не могли спасти его. 19 ноября он умер у меня на руках от дизентерии, которой заболел в Батавии. Несколько дней спустя умер от воспаления легких сын чиновника морского ведомства господина де Мойна, поступивший на корабль волонтером и произведенный вскоре в гардемарины.

Во время пребывания на острове Иль-де-Франс я восхищался плавильнями, оборудованными здесь господами Ростеном и Хермансом. В Европе немного таких великолепных предприятий. Железо, которое там производят, обладает высокими качествами. Трудно представить себе, сколько нужно было терпения и умения, чтобы усовершенствовать это предприятие, и каких затрат это потребовало. Теперь там 900 негров, из числа которых господин Херманс отобрал 200

человек, обучил их строевому делу и создал из них батальон; среди них установился своеобразный дух корпорации.

Негры эти с особой тщательностью избирают в батальон своих товарищей и отказываются принимать всех тех. кто хоть в малейшей степени запятнал себя мошенничеством. Совместимо ли понятие чести с положением раба?

/1768 г., декабрь/ Во время пребывания на острове мы наслаждались прекрасной погодой. Но 5 декабря небо стало заволакивать тучами, горы покрылись туманом, все говорило о наступлении дождливого сезона и приближении урагана, который налетает на эти острова почти ежегодно. 10 декабря **[294]** я был уже готов к отплытию, но из-за дождя и противного ветра мне не удалось уйти.

/Уход с острова Иль-де-Франс/ Я смог сняться с якоря лишь утром 12 ноября, оставив транспорт «Этуаль» для килевания. По своему состоянию он не мог выйти в море раньше конца месяца, и наше совместное плавание отныне не имело смысла. Покинув остров Иль-де-Франс в конце декабря, он прибыл во Францию на месяц позже нас.

/Путь до мыса Доброй Надежды/ В полдень я взял свой отшедший пункт в определенной астрономическим путем широте 20°22' и долготе 54°40' восточной от Парижа.

Погода вначале была хмурая, со шквалистым ветром и дождем. Мы не могли опознать острова Бурбон. Но постепенно погода стала улучшаться. Однако, когда подул свежий попутный ветер, наша новая грот-мачта стала вызывать такое же беспокойство, как и старая. Ее топ так сильно гнулся, что я не решился пользоваться грот-брам-стеньгой и полностью поднимать марсель.

/Плохая погода, которую мы выдерживали/ С 22 декабря по 8 января постоянно дули противные ветры; была непогода

или штиль; я слышал, что никогда еще не было случая, чтобы западные ветры дули здесь в это время года. Они трепали нас не менее 15 дней подряд, и мы провели их в дрейфе или в лавировке при сильном волнении. Африканский берег открылся ранее, чем мы могли измерить глубину. Когда мы увидели землю, мы приняли ее за мыс Басе; все еще невозможно было измерить глубину. 30 декабря лот показал 78 саженей, и с этого дня мы придерживались отмели Эгюиль; находясь все время на видимости побережья. /*1769 г., январь*/ Вскоре мы встретили несколько кораблей голландского флота, шедших из Батавии; передовой корабль вышел оттуда 20 октября, а остальные 26 октября; голландцы были удивлены еще больше, чем мы, неожиданно встретившись здесь с западными ветрами, дувшими не по сезону.

Наконец 8 января 1769 г. утром показался мыс Фоле, и вскоре после этого мы увидели побережье мыса Доброй Надежды. Я заметил, чтоб пяти лье на ост-зюйд-ост [112 1/2°] от мыса Фоле находится очень опасная подводная скала, а к востоку от мыса Доброй Надежды расположены рифы и скалы, на 1/3 лье выступающие в открытое море. Я поравнялся с голландским судном, которое заметил утром, и, не желая его обгонять, уменьшил парусность, чтобы следовать за ним в том случае, если оно захочет войти в порт ночью. В 7 часов вечера на судне спустили брамсели, лисели и даже марсели; тогда я повернул в открытое море и всю ночь лавировал при свежем южном ветре, **[295]** изменявшем направление с зюйд-зюйд-оста [157 1/2°] до зюйд-зюйд-веста [202 1/2°].

/*Навигационные рекомендации*/ На рассвете течение снесло нас приблизительно на 9 лье к вест-норд-весту [292 1/2°]; голландское судно находилось более чем в четырех лье от нас, под ветром. Пришлось форсировать парусами, чтобы снова выиграть потерянное нами расстояние; таким образом, можно посоветовать мореплавателям, которые будут

вынуждены проводить ночь в лавировке, намереваясь с рассветом войти в бухту мыса Доброй Надежды, привести к ветру и держаться у восточной оконечности мыса Доброй Надежды, приблизительно на расстоянии трех лье от берегов; при такой позиции течения к утру поставят их в очень удобное положение для входа в бухту ранним утром. В 9 часов утра мы бросили якорь в бухте мыса Доброй Надежды, на внешней части рейда; мы стали фертоинг на двух якорях, отданных по румбам норд-норд-ост [22 1/2°] и зюйд-зюйд-вест [202 1/2°]. Здесь стояли 14 больших кораблей разных наций, и за время нашего пребывания пришло еще несколько. Капитан Картерет вышел отсюда 6 января. Мы салютовали городу 15 выстрелами, и нам ответили равным числом выстрелов.

/Стоянка у мыса Доброй Надежды/ Мы имели все основания восхвалять губернатора и жителей мыса Доброй Надежды за то рвение, с которым они старались соединить для нас приятное с полезным. Я не стану описывать это место, известное всему миру. Управление мысом подчиняется непосредственно Европе и не зависит от Батавии ни в вопросах военной и гражданской администрации, ни в отношении назначения должностных лиц. Достаточно занимать ту или иную должность на мысе, чтобы уже не иметь права получить ее в Батавии. Между тем существует Совет мыса, связанный с Советом Батавии в делах коммерческих. Он состоит из 8 человек; в их число входит и губернатор, он же председатель Совета. Губернатор не входит в состав судейской палаты, председателем ее является помощник коменданта; губернатор же только подписывает смертные приговоры.

В бухте Фолс-бей и в бухте Салданья имеются военные посты. Бухта Салданья к тому же представляет собой прекрасную гавань, где можно укрыться от всех ветров, и если она не стала главным пунктом, то только из-за отсутствия здесь

воды. В данное время ведутся работы по расширению порта в бухте Фолс-бей; в этой бухте суда становятся на якорь зимой, когда нельзя стоять в бухте мыса Доброй Надежды. В бухте Фолс-бей можно получить такое же обслуживание и по той же цене, что и на мысе Доброй Надежды. Между ними имеется плохая дорога длиной в 8 лье. **[296]**

/*Подробности о винограднике Констанса*/ Почти на полпути от обеих этих бухт находится округ Констанса, производящий знаменитое вино того же названия. Эти виноградники, где культивируют посадки испанского муската, очень малы, и слухи о том, что они принадлежат Голландской компании и будто бы обнесены оградой, а также, что там имеется стража, неверны. Здесь различают виноградники: Верхняя Констанса и Малая Констанса, разделенные оградой и принадлежащие двум разным лицам. Вино, которое эти виноградники производят, почти тождественно по качеству, хотя каждый из виноградников имеет своих приверженцев. В обычный год здесь заготовляют от 120 до 130 бочек вина; треть забирает компания по установленным ценам, остальное продается случайным покупателям. Теперешняя цена составляет 30 пиастров за альврам, или баррель, емкостью в 70 бутылок, белого вина, и 35 пиастров за альврам красного вина. Мои товарищи и я отправились на обед к владельцу Верхней Констансы. Он нам предложил великолепную трапезу, и мы выпили здесь много вина как за столом, так и пробуя его из разных бочек, чтобы выбрать вино для закупки.

На участке Констансы, заканчивающемся пологим спуском, почва песчаная с примесью гравия. Виноградные лозы здесь не подвязывают к жердям, их подрезают, и они растут в виде небольших растений. Виноград очищают и давят в чанах. Бочки с вином хранятся в погребе, в нижнем этаже, где устроена свободная циркуляция воздуха. По возвращении из Констансы мы посетили два загородных дома,

принадлежащих губернатору. В большем из них, называемом Ньюланд, есть сад, гораздо более красивый, чем тот, что принадлежит компании на мысе Доброй Надежды. Мы нашли, что последний не оправдывает своей славы. Длинные аллеи из высоких грабов придают ему вид монастырского сада; посаженные здесь дубы плохо прививаются.

/Голландские владения на мысе Доброй Надежды/
Голландские плантации раскинулись по всему побережью; изобилие здесь является следствием высокой культуры земледелия, потому что земледелец, охраняемый законом, уверен в незыблемости своей собственности. Даже в 150 лье от столицы нет других врагов, кроме диких животных, а готтентоты здесь совсем не беспокоят. Одна из самых красивых частей колонии на мысе Доброй Надежды — это так называемая Малая Рошель, где живут французы, изгнанные с родины после отмены Нантского эдикта. Малая Рошель превосходит все другие районы на мысе по плодородию и развитию ремесел среди колонистов. Они дали своей приемной матери имя своей бывшей родины, которую любят по-прежнему, как ни была она к ним сурова. **[297]**

Время от времени правительство посылает экспедиции для обследования внутренней части страны. Одна из таких поездок в 1763 г. продолжалась 8 месяцев. Отряд проник на север и сделал там, как уверяют, очень важные открытия. Однако это путешествие не имело того успеха, которого можно было ожидать. В отряде начались разногласия и недовольство, что вынудило начальника экспедиции вернуться обратно, оставив дело незавершенным. Голландцы столкнулись там с народом желтой расы с длинными волосами, который показался им совершенно диким.

В этом путешествии голландцы встретили четвероногое животное высотой 17 футов, рисунок которого я передал господину де Бюффону [167]; это была самка, кормившая своего

детеныша высотой в 7 футов. Мать убили, а детеныша взяли живым, но он погиб через несколько дней похода. Господин де Бюффон уверял меня, что это то самое животное, которое натуралисты называют жирафом. Это животное нигде не встречали с тех пор, как оно было привезено впервые в Рим во времена Цезаря, где его показывали в цирках.

Три года тому назад на мыс доставили еще одно очень красивое четвероногое животное, которое прожило не больше двух месяцев. Это какой-то совершенно новый вид. Оно похоже одновременно на быка, лошадь и лань. Рисунок этого животного, сила и быстрота бега которого, вероятно, не уступают его красоте, я также передал господину де Бюффону. Недаром Африку называют «матерью монстров».

/Уход с мыса Доброй Надежды/ Сделав запасы свежей провизии и вина, мы 17 января после полудня покинули рейд и прошли между островом Робен и материковым побережьем. В 6 часов вечера центральная часть острова осталась у нас приблизительно в четырех милях на зюйд-зюйд-ост-4°-к зюйду [161 1/2°]. Отсюда я взял свой отшедший пункт в широте 33°40' южной и в долготе 15°48' восточной от Парижа. Мне хотелось догнать Картерета, перед которым у нас было, конечно, большое преимущество в ходе, но за ним было то преимущество, что он вышел на одиннадцать дней раньше нас.

/Остров Сент-Элен/ Я проложил курс с расчетом выйти на видимость острова Сент-Элен, чтобы обеспечить себе заход на остров Асансьон, стоянка у которого обещала быть полезной для всего экипажа. Действительно, 29 января в 2 часа пополудни мы пришли на вид первого из них. Определение нашего места показало, что разница между обсервованным и счислимым местами не превышала 8—10 лье.

/1769 г., февраль/ В ночь с 3 на 4 февраля, находясь на параллели острова Вознесения, на расстоянии 18 лье, я приказал идти под обоими марселями. На рассвете мы увидели остров **[298]** Асансьон на расстоянии 9 лье и в 11 часов стали на якорь в бухте, находящейся на северо-западе острова и носящей название бухты Крестовой горы, на глубине 12 саженей при грунте песок и кораллы. На основании обсерваций господина аббата де ла Кай, на этой стоянке мы находились в широте 7°54' южной и в долготе 16°19' восточной от Парижа.

/Стоянка у острова Асансьон/ Как только мы отдали якорь, я приказал спустить на острова воду шлюпки и отправил три отряда на ловлю черепах: первый — в северо-восточную бухту, второй — в северо-западную бухту, против которой мы стояли, и третий — в бухту Англуа, находящуюся в юго-западной части острова. Все обещало удачную ловлю; кроме нашего корабля, здесь никого не было; наступало новолуние, и сезон для ловли был благоприятен. Немедленно после ухода отрядов я принял все меры для подкрепления рангоута моих двух главных мачт: грот-мачта была укреплена фор-стеньгой толстым концом кверху, а фок-мачта, которая раскололась горизонтально под никсами, — дубовыми креплениями.

После полудня мне принесли бутылку с находящимся в ней листом бумаги, на котором корабли всех наций, заходящие на остров Асансьон, обычно делают об этом отметку. Бутылка хранится в углублении одной из скал этой бухты, где она защищена от волн и дождя. Я обнаружил в ней запись английского корабля «Суаллоу» под командой Картерета, который я стремился догнать. Он был здесь 31 января и ушел 1 февраля. Значит, с момента выхода с мыса Доброй Надежды мы уже выиграли у него 6 дней. Я вписал имя «Будёз» и отослал бутылку.

День 5 февраля прошел в такелажных работах — укрепляли мачты, тянули снасти, а также грузили черепах. Ловля была удачной. К ночи было поймано 70 штук, но мы могли взять на борт только 58, остальных пришлось выпустить на волю. На стоянке мы определили склонение компаса 9°45' к северо-западу.

/Уход с острова Асансьон/ 6 февраля в 3 часа утра черепахи и шлюпки были подняты на борт, и мы начали выбирать якоря; в 5 часов корабль был он уже под парусами; все радовались обильной ловле черепах и были преисполнены надежды, что следующая стоянка будет уже на родине. Сколько было таких стоянок у нас со времени выхода из Бреста!

Покидая остров Асансьон, я проложил курс с расчетом пройти как можно ближе к островам Зеленого мыса. 11 февраля в шестой раз за время плавания мы пересекли экватор в счислимой долготе 20°. Спустя несколько дней, несмотря на недавнее крепление, фок-мачта оказалась в плачевном состоянии, и пришлось укреплять ее еще фальшивыми **[299]** вантами, отвязать брамсели и почти все время держать зарифленным фор-марсель или даже совсем убирать его.

/Встреча с кораблем Картерета «Суаллоу»/ Вечером 25 февраля [168] у нас на ветре прямо по курсу показался корабль; ночью мы не теряли его из виду и на другой день подошли к нему. Это был «Суаллоу». Я предложил капитану Картерету любую помощь, которая может понадобиться в море, но он ни в чем не нуждался; на мысе ему передали письма во Францию, и я послал за ними. Картерет подарил мне стрелу, которую он получил на одном из островов во время своего кругосветного плавания; он и не подозревал, что мы совершили такое же путешествие. Его небольшое судно имело плохой ход, и когда мы расстались с ним, казалось, что

оно осталось как бы на якоре. Сколько он должен был выстрадать на таком жалком суденышке! Между его счислимой долготой и нашей была разница в 8 лье; он считал себя более к западу.

/Ошибка в нашем счислении/ Мы рассчитывали пройти к востоку от Азорских островов, когда утром 4 марта перед нами открылся остров Терсере. За день мы его обогнули, срезав почти вплотную. Если предположить, что этот остров правильно нанесен на большой карте Беллена, то определение по нему даст нам разницу в 7 лье к западу по сравнению с нашим счислением; это очень значительная разница для такого короткого плавания — от острова Асансьон до Азорских островов. */1769 г., март/* Правда, положение этих островов по долготе еще не уточнено. Однако я думаю, что в районе островов Зеленого мыса господствуют очень сильные течения. Таким образом, самое главное — это определение долготы Азорских островов путем хороших астрономических обсерваций и точное установление расстояния между ними и их взаимного положения. Ни одна нация не имеет карт, на которых все эти данные были бы нанесены точно. И все карты отличаются одна от другой только большим или меньшим количеством ошибок. Этот важный пробел теперь заполняется лейтенантом французского флота господином Флерье.

/Остров Уэссан/ Покидая Терсере, я исправил мою долготу по карте, составленной Белленом. 13 марта после полудня лот достиг дна и 14 марта утром мы пришли на вид острова Уэссан. Так как ветры были переменные, а приливное течение было противным, то для того, чтобы обогнуть этот остров, мы вынуждены были сделать галс в открытое море; здесь дул очень свежий ветер от западных румбов, и на море был шторм. Около 10 часов утра во время сильного шквала сломался наш фока-рей между двумя блоками, и в ту же минуту грот оказался разорванным сверху донизу. Мы

немедленно привели к ветру под кливером, стакселем и бом-кливером **[300]** и стали исправлять повреждения. Мы привязали к рее большой новый грот и составили новый фока-рей из крюйсель-рея и лисельспирта и в 4 часа дня оказались в состоянии идти под парусами. Мы потеряли из виду остров Уэссан, и во время дрейфа ветер и течение снесли нас в Ла-Манш.

/*Приход в порт Сен-Мало*/ Решив идти в Брест, я стал лавировать при переменных ветрах от зюйд-веста до норд-веста [225°—315°], когда вдруг 15 марта утром меня предупредили, что вот-вот сломается фок-мачта ниже такелажа топа мачты. Сотрясение, которому она подвергалась при поломке рея, увеличило ее трещину, и хотя мы облегчили нагрузку ее топа, спустив рей и взяв рифы у фока и держа фок-марсель на топе со всеми взятыми рифами, однако это не помогало, и после внимательного осмотра выяснилось, что мачта долго не продержится при такой килевой качке, которую мы испытывали, идя в бейдевинд при сильном волнении; кроме того, все наши тросы и блоки сгнили, а заменить их было нечем. Что можно было придумать в подобном положении? Сражаться с непогодой, находясь между двумя берегами, да еще в период равноденствия? Я принял решение идти на фордевинд и вести фрегат в Сен-Мало. Это был тогда ближайший порт, в котором мы могли бы укрыться. 16 марта 1769 г. после полудня я вошел в Сен-Мало, потеряв лишь 7 человек за два года и четыре месяца, прошедших с момента выхода из Нанта [169].

« ..Puppibus et laeti nautae imposuere coronas».

«... И, веселясь, моряки венки возложили на кормы».

Вергилий. Энеида, кн. 4-я

Комментарии

1. Бугенвиль имеет здесь в виду градусные измерения, произведенные двумя экспедициями Французской академии наук в XVIII в. Одна экспедиция была направлена в Перу к экватору (под руководством П. Бугера, при участии Ш. Кондамина и Л. Годена); она работала с 1735 по 1742 г. и измерила дугу меридиана с 0°2'30" с.ш. до 3°4'30" ю.ш. Вторая экспедиция работала с 1736 по 1739 г. (под руководством П. Мопертюи) в Лапландии.

2. В «Предисловии» к описанию своего путешествия Бугенвиль приводит краткие историко-географические данные о предшествовавших его экспедиции тринадцати кругосветных плаваниях, совершенных мореплавателями различных наций, и о некоторых плаваниях в Тихом океане. Однако в описании этих плаваний Бугенвиль допускает ряд ошибок (иногда он искажает фамилии моряков, неполно и неверно освещает вопрос об открытии Новой Гвинеи и Австралии и т.д.). Причину этого следует искать в том, что в семидесятых годах XVIII века Бугенвиль не располагал такими материалами, которые позволили бы ему дать точное описание совершенных до него кругосветных экспедиций и хранившихся в строгой тайне некоторых плаваний португальских, испанских и голландских мореплавателей в Австрало-азиатских морях (Правильное, научное представление об этих экспедициях можно получить в соответствующих главах обстоятельного труда И.П. Магидовича «Очерки по истории географических открытий», Учпедгиз, М., 1957).

3. По позднейшим исследованиям, меньший корабль — «Горн», названный по имени голландского города Горн (Хорн), сгорел в Атлантическом океане. Экипаж его

перебрался на большой корабль «Эндрахт» (слово это в переводе означает «согласие»; Бугенвиль переводит его на французский язык — «Конкорд»).

Широта открытых экспедицией островов указана неверно: вместо 15° должно быть 55°.

4. Английская колония в Северной Америке, ныне один из штатов США.

5. Мифическая земля Девиса, якобы открытая английским пиратом Э. Девисом в 1687 г. в 700 милях к западу от Чили, считалась частью неизвестного Южного материка.

6. По-видимому, эти острова принадлежат к архипелагу Туамоту.

7. По-видимому, восточная группа островов Самоа.

8. Вероятно, из числа Каролинских островов.

9. Острова Барбюс, или Барбудос (то есть острова «бородатых людей»), вероятно, также из числа Каролинских островов.

10. Правильно — Менданья да Нейра. Мендоса был вице-королем, пославшим Менданью в плавание.

11. Остров Изабелла — среди Соломоновых островов.

12. В путешествии участвовала жена Менданьи, Изабелла де Баррето, после смерти Менданьи объявившая себя начальником экспедиции. Фактически флотилию вел опытный мореход португалец Педро Эрнандес Кирос, который через два с половиной года, в 1598 г., довел до Мексики два уцелевших корабля.

13. Кирос считал, что он открыл мифический Южный материк, и назвал открытый им остров «Австралией св.

Духа». Фактически же это был один из крупных островов группы, названной впоследствии Новыми Гебридами. Открытый Киросом остров теперь называется Эспириту-Санто (то есть Св. Духа).

14. Острова эти принадлежат к архипелагу Тонга и иначе называются островами Дружбы.

15. Жилоло — один из Молуккских островов, расположенный к северо-востоку от острова Целебес. Современное название — Хальмахера.

16. Новой Британией мореплаватель Дампир назвал открытую им землю (как он предполагал — единую), ныне известную под именем архипелага Бисмарка; название Новая Британия сохранилось только за крупнейшим островом этой группы.

17. В издании 1772 г. в конце предисловия Бугенвиль помещает краткие сведения о первом кругосветном плавании Кука. Спутник Кука Форстер перевел на английский язык первое издание книги Бугенвиля.

18. В марте 1921 г. в журнале «La Geographies № 3 опубликованы записки письмоводителя фрегата «Будёз» Луи Антуана де Сен-Жермен (1731 — 1823), дополняющие книгу Бугенвиля.

19. Де Коммерсон, Филибер (1727 — 1773) — французский натуралист. В 1755 г. получил звание доктора медицины, после чего посвятил себя изучению естественной истории и ботаники. Написал ценный труд о рыбах Средиземного моря. За время участия в кругосветном плавании записал результаты многих наблюдений, сделал много рисунков и собрал богатые коллекции. Остался в 1768 г. на острове Иль-де-Франс для изучения природы этого острова и Мадагаскара. Скончался на острове Иль-де-Франс. Его

научные труды по кругосветному плаванию остались незаконченными, а часть его заметок и работ была утрачена.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

20. Малуинские (Мельвинские) острова получили свое название от французского порта Сен-Мало, купцы которого предоставили средства для создания на них первой французской колонии. Впервые мореплаватель Д. Девис видел эти острова в 1592 г., а в 1597 г. английский пират Ричард Хокинс прошел вдоль их северных берегов. В 1598 г. голландец Себальд де Верт посетил их и дал части их название островов Себальд. В 1690 г. английский мореплаватель Джон Стронг прошел проливом между двумя главными островами и высаживался на них. Пролив этот он назвал Фолкленд-саунд (отсюда и английское название всей группы — Фолклендские острова).

В 1764 г. Бугенвиль по поручению французского правительства основал поселение на Малуинских островах. Тогда Англия направила на острова коммодора Байрона, который заложил там крепость — порт Эгмон и объявил архипелаг владением британской короны. В 1767 г. Франция передала свое поселение на островах Испании, а три года спустя испанские колонисты напали на порт Эгмон и захватили его. Назревал военный конфликт.

Испания проявила такую смелость лишь потому, что за ее спиной стояла Франция. Но когда в самый решительный момент Франция отказалась поддержать Испанию, последней не оставалось ничего другого, как заключить с Англией крайне невыгодное для последней соглашение. Фактически острова перешли во владение Англии и в 1833 г. были официально объявлены британской колонией. Право на эти

острова оспаривает также Аргентина, считающая себя «наследницей» Испании.

21. Южное море — так с XVI по XVIII век называли центральную и южную части Тихого океана.

22. Во времена парусного флота калибр орудий обозначался весом их ядер.

23. В следующем издании своего труда (1772) Бугенвиль после этой фразы добавил: «Я обнаружил, что корпус судна получил прогиб величиною в 7 дюймов вследствие того, что в том месте, где оно было спущено на воду, образовалась песчаная отмель».

24. Пенбёф (Painbeuf) — порт и рейд в нижнем течении реки Луары, в 44 км к западу от Нанта.

25. Менден (Mindin) — мыс на восточном берегу устья реки Луары.

26. Повреждения, полученные фрегатом «Будёз» во время шторма 17 и 18 ноября, заключались в следующем: были сломаны фор-стеньга и грот-стеньга, причем грот-стеньга сломалась в эзельгофте, т.е. в приспособлении, с помощью которого она соединяется с грот-мачтой, и был поврежден топ (т.е. верхушка) последней; у нижнего паруса (фока) на передней мачте вырвало один из нижних его углов.

27. Наличие значительного груза ниже центра тяжести корабля обусловливало стремительность его боковой качки, что при недостаточном креплении рангоута грозило целости последнего.

28. Нассау-Зиген. Карл (1745 — 1808) — искатель приключений, германский принц; его мать была француженкой. С 1788 по 1794 г. служил в русском флоте,

одержал несколько побед над турецким флотом и победу над шведской гребной флотилией при Роченсальме, потерпел сильное поражение во втором Роченсальмском сражении; отличался большой храбростью, но проявлял легкомыслие, опрометчивость и недостаточные военно-морские знания. Имел чин русского адмирала. С разрешения французского короля участвовал в кругосветной экспедиции Бугенвиля.

29. Отшедший пункт — точно определенное астрономическими наблюдениями или по береговым предметам место корабля по выходе его из порта или с якорной стоянки, от которого начинают вести прокладку пути корабля на данном отрезке его плавания.

Пришедший пункт — конечный пункт прихода корабля на данном отрезке его плавания; пришедшая широта — широта этого пункта.

30. Беллен (Bellin), Жакоб Никола (1703 — 1792) — известный французский картограф и морской географ, составитель многочисленных карт океанов, морей и морских берегов. Бугенвиль неоднократно ссылается на его карты, анализирует и критикует их.

31. Маунтен, Уильям и Обсон, Якоб — английские картографы XVIII века.

32. Годен (Godin), Луи (1704 — 1760) — французский астроном, участвовал в экспедиции Шарля-Мари де ла Кондамина по градусному измерению в Перу, остался на несколько лет в Лиме в качестве профессора математики; в конце жизни состоял директором училища гардемаринов в Кадисе; написал ряд научных трудов по астрономии.

33. В издании 1772 г. Бугенвиль пишет далее: «В ночь с 17-го на 18-е мы поймали двух птиц величиной с голубя, известных морякам под названием угольщиков [charbonniers]. Оперение

их — темно-серого цвета, верхняя часть головы — белая, окруженная полоской более темного цвета, чем остальная часть тела, клюв — тонкий, длиной в 2 дюйма и слегка загнутый на конце.

Глаза живые, лапки желтые, похожие на утиные; хвост густо усажен перьями и закруглен на конце. Крылья длиной 8 — 9 дюймов каждое и сильно вырезаны. Впоследствии нам часто встречались эти птицы».

34. Португальцы дезертировали, вероятно, из Бразилии.

35. Тигры в Южной Америке не водятся. Очевидно, Бугенвиль имел в виду ягуаров.

Глава вторая

36. Очевидно, опечатка. Должно быть 15° и 16°.

37. Указано «к ост-норд-осту» (67 1/2°) вместо «к вест-норд-весту» (292 1/2°).

38. Прево (Prevost), Антуан Франсуа (1697 — 1763) — французский писатель, аббат. Составитель знаменитого собрания путешествий. Автор многотомных романов. Славу Прево принесла повесть «История кавалера де Гриё и Манон Леско».

Особенно известен Прево публикацией пятнадцатитомной «Общей истории путешествий» («Historie generate des voyages, 1746 — 1759»).

39. Главный пилот (т.е. главный лоцман) Кастилии имел следующие обязанности: он экзаменовал кандидатов на должности корабельных кормчих и выдавал им «патенты», следил за составлением глобусов и карт, составлял секретную сводную правительственную карту по материалам,

привозимым капитанами испанских кораблей из Вест-Индии (см. И.П. Магидович. Очерки по истории географических открытий).

40. Кабот, Себастьян (1476 — 1557) — английский мореплаватель, сын Джона Кабота (Джиованни Кабото, 1450 — 1498),также мореплавателя, итальянца по происхождению, находившегося на английской службе. С 1525 по 1538 г. состоял на службе испанского правительства и в 1526 — 1530 гг. возглавлял экспедицию в Южную Америку. Впоследствии снова перешел на английскую службу и принимал участие в организации экспедиций в Белое море для установления торговых сношений с Московским государством.

41. Фейе (Feuillee) — французский астроном XVIII в.

42. Мажордом — домоуправитель, дворецкий.

43. Лойола, Игнатий (1491 — 1556) — основатель ордена иезуитов, испанец, один из главных деятелей воинствующей католической реакции XVI в.

44. Разумеется, «в глазах религии» как в Буэнос-Айресе, так и в других местах различия в цвете кожи играли важную роль прежде всего потому, что подавляющее большинство негров были рабами. Именно для того, чтобы удержать их в повиновении, и было создано описанное Бугенвилем «братство» («содружество»). Лишенные возможности отмечать свои праздники, рабы вынуждены были принимать участие в католических празднествах. В Бразилии, где негров было много, африканские мотивы постепенно заняли в этих празднествах и сопутствующих им карнавалах важное место. В Аргентине же, где негритянское население было немного численно, этого не произошло.

45. «Indios bravos» — «независимые (воинственные) индейцы».

46. По И.П. Магидовичу («Очерки по истории географических открытий»), паулисты — португальские выходцы из области Сан-Паулу. Эта область была сборным местом для авантюристов, подданных различных колониальных держав. Паулисты «охотились» за рабами-индейцами племени гуарани; среди них были искатели золота и драгоценных камней; в короткое время они опустошали обширные приморские области, грабя и убивая индейцев, угоняя работоспособных на плантации. Благодаря им Бразилия овладела обширными областями в глубине материка.

Глава третья

47. В издание 1772 г. Бугенвиль внес следующее дополнение: «К тому же состояние нашего рангоута требовало соблюдения осторожности. Фрегат чрезмерно сносило, причем его снос был неодинаков при ходе правым и левым галсом, а непогода не давала возможности попытаться изменить расположение грузов в трюме, что могло бы улучшить управление кораблем».

48. Острова Себальд — небольшие каменистые острова (см. прим. 1-е к главе первой).

49. В издании 1772 г. перед следующим абзацем Бугенвиль добавил: «22 марта, при заходе солнца, мы запеленговали самую восточную оконечность Малуинских островов и следовали правым галсом, как вдруг в 10 часов 30 Минут, вскоре после появления луны, увидели перед собой какой-то мыс.

Мы спустились, чтобы избежать его; но вскоре заметили, что этот мыс, от которого мы находились на расстоянии едва одного лье, сильно выступает в море, ввиду чего мы немедленно привели судно на норд-вест [315°]. Но и этим

курсом мы не могли обогнуть мыс, и нам пришлось сделать несколько галсов, чтобы отдалиться от него. Лишь в три часа утра, выйдя из бухты, в которую мы так неудачно вошли, мы смогли лечь на прежний курс ост-зюйд-ост [112 1/2°] вдоль берега.

Этот мыс, явившийся для нас столь опасным, представляет самую восточную оконечность Малуин, выступающую в открытое море на 4 лье далее, чем остальное побережье островов. Наше положение было тем более критическим, что мы не имели возможности стать на якорь в этой своего рода бухте, образованной мысом, грунт скалистый».

50. Бошен-Гуен (Beauchesne-Gouin) — французский мореплаватель (скончался в первой половине XVIII в.). В 1698 г. вышел во главе экспедиции из порта Ла-Рошель, прошел Магеллановым проливом, открыл там большой остров, назвал его именем Людовика Великого, затем прошел к берегам Чили и вернулся во Францию, обогнув мыс Горн с запада на восток.

51. Дампир (Dampierre), Уильям (1652 — 1715) — английский кругосветный мореплаватель и пират. В молодые годы был завербован как наемный солдат в Вест-Индию, затем служил на острове Ямайка надсмотрщиком над неграми-рабами, стал лесозаготовщиком на полуострове Юкатан, откуда перебрался в гнездо английских и французских пиратов — на остров Тортуга (у северо-западного берега острова Гаити) и вместе с ними совершал пиратские набеги. В 1683 г. Дампир вместе с другими пиратами пересек Атлантический океан, Гвинейский залив, затем, обогнув мыс Горн, прошел в Тихий океан. Пираты, имея базами острова Хуан-Фернандес, Галлапагос, в течение нескольких лет грабили испанские порты Южной и Центральной Америки. Дампир пересек Тихий океан, побывал на Марианских, Молуккских и Филиппинских островах и достиг в 1688 г. северо-западного

берега Австралии, названного Землею Дампира. В Англию Дампир вернулся через Индонезию и Индийский океан, завершив таким образом кругосветное плавание. На родине он обработал материалы о своем плавании и в 1697 г. издал их в виде книги «Новые путешествия вокруг света». Впоследствии, в 1699 г., Дампир был зачислен в английский королевский флот и в качестве командира корабля «Робак» направлен для исследования Новой Голландии. В 1705 г. он вновь командовал кораблем в Тихом океане. В 1708 — 1711 гг. в качестве штурмана полувоенной-полупиратской экспедиции Вуда Роджерса Дампир совершил свое второе кругосветное плавание. Географические открытия Дампира были весьма многочисленны, и его именем названы многие географические объекты. Дампир проявил себя не только как пират, но и как выдающийся наблюдатель-географ, а также как талантливый писатель. В его интересной книге об этом путешествии содержится рассказ о том, как один из участников экспедиции, Александр Селкирк, пробыл четыре года и четыре месяца на необитаемом острове; Селкирк послужил писателю Даниелю Дефо прообразом Робинзона Крузо. Он собрал материалы для карт и описаний тихоокеанских берегов Испанской Америки и тихоокеанских островов. В 1707 г. вышел последний, третий том его «Путешествий вокруг света от 1708 до 1711 г.» (См. упомянутый выше труд И. П. Магидовича «Очерки по истории географических открытий»).

52. Хокинс (Hawkins), Ричард — английский пират и мореплаватель.

53. Роджерс (Rogers), Вуд — английский кругосветный мореплаватель, впоследствии губернатор Багамских островов. Никаких географических открытий не сделал, вероятно, участвовал в написании совместно с Дампиром интересной книги «Путешествие вокруг света от 1708 до 1711 г.» (см. прим. 5-е к настоящей главе).

54. Ultima Thule — латинское изречение, означающее крайний северный предел обитаемой земли.

55. Байрон (Byron), Джон (1723 — 1786) — английский мореплаватель, дед знаменитого поэта. Участник кругосветного плавания Ансона (см., прим. 2-е к главе четвертой). Прошел длительную службу на боевых кораблях и участвовал во многих сражениях против французов как в Европе, так и в Северной Америке. По окончании войны, в 1769 г., был назначен начальником кругосветной экспедиции, имевшей задание произвести географические открытия в тропической части Тихого океана с целью основания английских колоний. Во главе двух небольших кораблей («Дельфин» и «Тамир») Байрон вышел в 1764 г. из Темзы. В Англию он вернулся в 1766 г., не сделав никаких географических открытий. После этого он был назначен губернатором острова Ньюфаундленд. Впоследствии был произведен в вице-адмиралы и командовал эскадрой в боях против французского флота в водах Северной Америки.

56. В издании 1772 г. Бугенвиль добавляет: «16 февраля, находясь в виду мыса Вьерж, мы заметили три корабля. На следующий день, войдя вместе с ними в пролив, мы узнали, что корабли принадлежат англичанам. Это были корабли коммодора Байрона, который явился обследовать Малуинские острова, где их и видели наши рыбаки; затем коммодор взял курс на Магелланов пролив, чтобы войти в Южное море. Мы следовали за ними до порта Фамин, куда они зашли. У мыса Грегуар, где мы вместе стояли на якоре, один из английских кораблей, лавируя, чтобы достичь стоянки, сел на мель; я счел своим долгом немедленно послать ему две шлюпки, чтобы оказать принятую в таких случаях помощь.

21 февраля я ошвартовался в маленькой бухте, которую матросы назвали моим именем, и утром следующего дня мы

стали рубить деревья разных пород, обтесывать самые большие стволы, расчистили в лесу просеки и провели их до берега для облегчения доставки и погрузки леса. Мы вырыли и с величайшими предосторожностями перенесли на борт более десяти тысяч разного возраста саженцев. Было очень интересно испытать, как они приживутся на наших островах. Разнообразные работы заняли у нас двадцать дней, и можно сказать, что, за исключением воскресений, у нас не было ни одной потерянной минуты и ни одного праздного человека. Погода нам благоприятствовала: было тепло, что редко наблюдается в этих местах. 15 марта вечером я вышел из бухты, а 24-го из пролива и 29-го бросил якорь в Малуинской гавани, где был встречен с восторгом».

57. В издание 1772 г. Бугенвиль внес следующее дополнение о предшествующем плавании в Магелланов пролив в 1765 г.:

«Это было самое неудачное время для плавания — оттого оно и оказалось таким тяжелым. Командиры обоих кораблей не могли без риска и трудностей достигнуть той бухты, где я грузился в прошлом году. Но они стали на якорь в бухте Фамин, где нашли в изобилии различные породы леса, пригодные для наших нужд. Транспорт «Этуаль» закончил погрузку первым и 15 июня вернулся на Малуинские острова. Фрегат «Эгль», нагруженный более тяжелыми бревнами, вернулся туда 27-го числа того же месяца. Эта экспедиция в Магелланов пролив была отмечена двумя происшествиями различного характера: стычкой с местными жителями, живущими на лесистом берегу пролива, и союзом с патагонцами, населяющими восточную сторону пролива.

Спустя некоторое время после выхода транспорта «Этуаль» из бухты Фамин жители того же племени, которых я видел в прошлом году и которым сделал подарки, появились в местах, где экипаж фрегата «Эгль» продолжал рубку леса. Матросы узнали их, и им сделали новые подарки. Несколько

дней они прожили с нами в самом добром согласии; бывали на корабле, переправляясь то на своих, то на наших шлюпках, без взаимных опасений. Семеро наших рабочих остались на берегу из-за непогоды. Они коротали ночь у огня в построенной наспех хижине, чувствуя себя в безопасности. Вдруг послышался шум, и у входа в хижину появились три туземца. Французы не успели воспользоваться огнестрельным оружием, так как нападение было слишком внезапным; пришлось защищаться топорами и саблями. Из 25 нападавших трое были убиты, остальные обратились в бегство; два наших матроса были тяжело ранены. После этой враждебной вылазки нападавшие больше не появлялись. Это событие, неприятное само по себе, не имело серьезных последствий, так как племя, населяющее лесистый берег пролива, немногочисленно, слабо и не имеет никакой связи с патагонцами — единственными жителями этих мест.

Дружба с патагонцами упрощала возможность обмена. Поэтому капитан пехоты Денис де Сен-Симон, уроженец Канады, проживший много лет среди индейцев этой необъятной страны, отправился на транспорте «Этуаль» с поручением заложить первые основы дружбы с этим народом, живущим в самом близком соседстве с Малуинскими островами.

Когда командир транспорта «Этуаль» господин де ла Жироде закончил погрузку леса в бухте Фамин, он, прежде чем покинуть Магелланов пролив, занялся осуществлением этого проекта. С этой целью он стал на якорь у мыса Грегуар, в окрестностях которого стояли лагерем патагонцы. Сен-Симон переправился с матросами на берег на баркасе и небольшой шлюпке. Когда они высаживались, их встретило около двадцати патагонцев на лошадях. Выражая свою радость, они затянули песню, приглашая французов следовать за ними к их костру. К этому времени подошло еще около 150 человек; такое количество людей не испугало наших матросов, так как

среди прибывающих было много женщин и детей. Сен-Симон рассудил, что подарков, которые он привез с собой, не хватит для такой толпы, и решил направить баркас к кораблю за новыми подарками; из предосторожности он просил командира господина де ла Жироде прислать вооруженное подкрепление. Однако баркас долго не возвращался, он послал за ним шлюпку, чтобы ускорить доставку подарков, считая невозможным прервать переговоры, к которым патагонцы проявляли большой интерес. Сен-Симон остался на берегу с десятью вооруженными французами. Между тем со склонов гор галопом спускалось вниз все больше и больше всадников всех возрастов. Толпа росла, и численность ее достигала уже 800 человек.

Теперь положение казалось действительно критическим; день клонился к вечеру, никаких известий о корабле не было; сильный ветер, более чувствительный в открытом море, чем у берега, задержал шлюпку и баркас. Маленький отряд французов оказался окруженным, превратился в пленников хорошо вооруженных всадников, соблюдавших какое-то подобие дисциплины. Тщетно Сен-Симон пытался объяснить, что он хочет иметь отдельный костер для себя и что все дела откладываются на завтра. Патагонцы — То ли по дружбе, то ли по недоверию — не соглашались на это. Пришлось остаться на ночь с десятком патагонцев, остальные удалились в лагерь.

Долгой показалась французам эта ночь, которую они провели на берегу, терпя голод и не смыкая глаз. Но каково было их замешательство, когда с наступлением утра они увидели, что неистово бушующим ветром корабль отнесло на полтора лье от берега! Значит, по крайней мере, еще один день придется провести с патагонцами, которые снова появились целыми семьями, как и накануне.

Все же патагонцы предоставили кое-какую свободу французам, которых голод вынудил пойти за ракушками на побережье. Когда стала надвигаться ночь, вожди потребовали, чтобы французы последовали за ними в лагерь; но последние продолжали отказываться. Тогда толпе было приказано разойтись, а сотня патагонцев осталась стеречь одиннадцать человек.

Французы стали совещаться, прислушиваясь к мнению Сен-Симона, которому были знакомы нравы индейских племен. Он не скрыл от них, что любое их движение может быть неправильно понято патагонцами и стать роковым и что следует выказать больше хладнокровия и спокойствия. Так прошла вторая ночь в окружении патагонцев. Никто не сомкнул глаз. Один из вождей, который, казалось, симпатизировал французам, уже получил в подарок трубку и табак, завязал беседу и старался выказать обычай гостеприимства: трубка переходила изо рта в рот; все пели песни, правда, наши люди без всякой охоты, и ели мозг из костей гуанако, что, кажется, является одним из их любимых блюд.

Но в один миг все чуть не пошло прахом. Один из вождей с мрачной физиономией затеял ссору с покровителем французов. Он говорил с гневом, с пеной у рта, а по его жестикуляции можно было понять, что он рассказывает о том, сколько тяжелых сражений вынесли его соплеменники по вине людей, владеющих огнестрельным оружием. Слезы, которые вызвал его рассказ у присутствующих, лишь подтверждали это предположение. Сен-Симон обратился к своим спутникам, распорядившись об организации обороны на случай столкновения, стараясь в то же время не вызывать подозрений у патагонцев. С решительным видом он пытался объяснить им, что его очень удивляют их споры и слезы; что те, кого он к ним привел, — друзья племени и что они скорее хотят оказать им услуги, чем обидеть; что они видят в

патагонцах братьев и пришли заключить с ними союз. Стиль этого увещевания жестами мог бы и не произвести нужного впечатления, но наступивший рассвет рассеял взаимные подозрения и принес успокоение.

Погода немного прояснилась, и наконец вернулся баркас с долгожданными подарками. Их передали в руки вождей: было бы невозможно распределить их по семействам — так их было много. Мужчины, удалившиеся накануне, вернулись с женами и детьми. Множество всадников столпилось вокруг французов, выражая самые дружеские чувства.

В этот момент Сен-Симон вручил им королевский флаг и заключил с ними союз. Флаг был встречен радостными возгласами и песнями. Им разъяснили, что через год французы снова вернутся, чтобы повидать их. Патагонцы предложили Сен-Симону лошадей, но он не мог взять их на баркас, а шлюпка с транспорта «Этуаль» погибла во время шторма в предшествующие дни. Они расстались при полном взаимном согласии.

Местные женщины отличаются почти белой кожей и довольно стройной фигурой. Некоторые из наших матросов, рискнувшие дойти до их лагеря, видели там старцев, имевших еще бодрый и здоровый вид».

58. При описании Малуинских островов Бугенвиль довольно подробно останавливается на впервые встретившихся здесь французам представителях местной флоры и фауны, причем многим растениям и животным он дает придуманные им названия. Далеко не все эти названия удалось расшифровать и дать им современное объяснение. Однако благодаря любезному содействию научных сотрудников Ботанического и Зоологического институтов Академии наук СССР значение большинства терминов Бугенвиля удалось установить.

Растительность. Камедное дерево — *Sommier resineux;* гладиолус — возможно, *Cortaderia pilosa;* вереск — вероятно, *Empetrum rubrum Vahl;* пивное дерево — возможно, это *Pernettya pumila Hook;* щавель — вероятно, *Rumex magellanicus Griseb;* папоротник «олений язык» — вероятно, это *Blechnum tabulare Kuhn;* сколопендра — *торие;* ежевика — вероятно, *Rubus geoides Sm.*

Животные. Волк-лисица — это так называемая фолклендская лисица, последний экземпляр которой был убит в 1875 г.; в настоящее время лисиц на островах нет.

Ластоногие. Из ластоногих на Фолклендских островах встречаются четыре вида:

1) морской слон — *Mirounga leonina,* самый крупный; самцы — с хоботом;

2) южный морской лев *Otaria byronia* значительно меньше предыдущего;

3) южный морской котик *Arctocephalus australis;*

4) морской леопард *Hydrurga leptonyx.*

Что скрывается под названием «морской волк» (без гривы и нежного подшерстка), сказать трудно, однако можно предполагать, что это морской леопард *Hydrurga leptonyx,* который действительно питается птицами, не имеет гривы и мехового подшерстка.

Птицы. У Бугенвиля встречаются следующие наименования птиц: лебедь — это черношеий лебедь *Cygnus welanocoryphus;* гусь — Магелланов гусь (род *Chicephaga);* гусь, неправильно называемый дрофою, — гусь *Chloephaga pica;* два других вида гусей — *Chloephaga hybrida* и *Chloephaga rubidiceps;* гусь, плохо или совсем не летающий —

это не гусь, а утка-пароход *Tachyeres;* утки и чирки — хохлатая утка *Anas cristata* и чирок *Anas flavirosiris;* чирок с голубым клювом — поганка *(Podiceps occipitalis);* нырок — золотая поганка *(Podiceps rollandi);* птицы-пильщики — по-видимому, это бакланы *Phulierocorax magellanicus* и *Phulierocorax albiventor;* орел-ягнятник — гигантский буревестник *(Macronectes giganteus);* чайки — доминиканская чайка *(Larus dominicanus),* чайка скоресби *(Leucophaeus scoresbic);* пестрокрылая чайка — *Larus maculipennis;* крачка — *Sterna hirundinacea;* пингвины — королевский пингвин *(Aptenodytes paiahonica),* хохлатый пингвин *(Eudipies cristatus);* морские ласточки — оба черных вида — вероятно, кочурки, а белый вид — крачка — *Sterna hirundinacea;* черный орел — фолклендский гриф *(Catharles falilondica);* черный, с желтыми лапами — черная кара-кара *(Ibicter australis);* морская сорока — кулик-сорока *(Haemotopus lucopodus);* хохлатая цапля — фолклендская кваква *(Nicticorax cyanocephalus falclandicus);* скворцы — настоящих скворцов там нет, это какие-то виды семейства *Icteridae*.

Рыбы. Отмеченные Бугенвилем рыбы лобан и голавль на Фолклендских островах не встречаются (видимо, это какие-то другие виды рыб); прозрачная щука — белокровная щука Champsocephalus esox из семейства Chaenichthyidae; форель — Haplochiton zebra — пресноводная рыба из семейства Haplochitonidae.

Ракообразные. По всем ракообразным терминология Бугенвиля не вызывает сомнений; не удалось установить, что такое краб «турлулу».

Раковины. Правильные термины: курочка, цыпочка, труба слоистая и вооруженная (иглы), большие съедобные моллюски, пальцы или кулаки.

59. Ансон (Anson — правильнее Энсон), Джордж (1697 — 1762) — английский адмирал. В 1740 — 1744 гг. совершил кругосветное плавание во главе эскадры из шести военных кораблей. Плавание преследовало чисто военные цели — нападение на испанские владения в Южной Америке в период войны Англии с Испанией. Возвращаясь в Англию в позднее время года вокруг мыса Горн на плохо построенных и снаряженных кораблях и к тому же в штормовую погоду, он потерял почти всю эскадру. У него остался лишь его флагманский корабль, на который он собрал остатки команды с других своих кораблей, погибших при разных обстоятельствах.

60. Пуфендорф (Pufendorf), Самуэль (1632 — 1694) — немецкий ученый, юрист и историк, в своих сочинениях защищал феодально-крепостнические порядки.

61. Метастазио (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико (1698 — 1782) — итальянский поэт и драматург-либреттист, автор многочисленных либретто для опер. Заслугой Метастазио является то, что он повысил культуру текста оперных либретто.

62. Во время войны за испанское наследство (1701 — 1713) Рио-де-Жанейро был взят французским адмиралом Дюгэ-Труэном.

63. В 1755 г. катастрофическое землетрясение разрушило почти полностью город Лиссабон, который был восстановлен в конце XVIII в.

64. В главе седьмой Бугенвиль сообщает подробности об иезуитских миссиях в Парагвае и об изгнании иезуитов из этой провинции. Как известно, в 1610 — 1768 гг. существовало теократическое иезуитское государство в Парагвае, жестоко эксплуатировавшее индейцев. Это «государство» было

создано с целью подчинения испанским колонизаторам индейских племен. С конца XVI в. на «незамиренных» землях Парагвая стали возникать поселения иезуитов, получившие от испанского короля и колониальных властей ряд привилегий. Иезуиты и создали своеобразное государство, которое лишь формально подчинялось испанскому губернатору Парагвая. Иезуиты широко использовали для укрепления своей власти обман и насилие. Они захватили лучшие земли, которые обрабатывались закрепощенными индейцами. Иезуиты подвергали индейцев беспощадной эксплуатации, а для подавления их сопротивления были созданы специальные войска, которые чинили над ними жестокую расправу. В 1750 г. начались настоящие военные действия между Испанией и «иезуитским государством» в Парагвае в связи с уступкой испанским королем Португалии части Парагвая, занятой иезуитами. Иезуиты потерпели поражение и в конце шестидесятых годов по указу испанского короля были изгнаны из Парагвая, а принадлежащие им земли объявлены государственной собственностью.

Бугенвиль подробно ознакомился с деятельностью иезуитов в Парагвае и был свидетелем их изгнания. Во вступительной статье к переводу труда Бугенвиля было отмечено, что несколько скептические взгляды его на религию формировались в юношеские годы под влиянием его наставника д’Аламбера. Содержание главы седьмой носит отрицательный оттенок по отношению к иезуитам. Конечно, в книге, посвященной французскому королю, Бугенвиль не мог резко критиковать жестокую колониальную политику иезуитов. Но все изложение проникнуто нескрываемой иронией и отвращением к воинствующему ордену католицизма. Примером такой иронии может служить ряд имеющихся в тексте выводов. Так, например, рассказывая о недовольстве индейцев «чудодейственным управлением»

иезуитов, якобы основанным только на «духовных средствах, скрепленных одними узами убеждения», Бугенвиль пишет, что такими иезуитские миссии казались ему лишь «чудом в иллюзорной перспективе», что «в вопросах управления между теорией и практикой — огромное расстояние» и что он убедился в этом на целом ряде фактов, сообщенных ему «единодушно сотней очевидцев». Рисуя порядок дня и работы индейцев в иезуитских миссиях, Бугенвиль отмечает, что доходы иезуитов были громадны, а расходы очень малы, так как индейцы сами обеспечивали себе пищу, кров и одежду, а основные расходы шли опять-таки на содержание церквей, «великолепно построенных и богато украшенных». По словам Бугенвиля, индейцы находились в рабском подчинении у священников, которые заставляли их работать до изнеможения и наказывали за малейшие проступки. Таким образом, существование индейцев было «унылым», «безрадостным»; они не имели никакой собственности и были подчинены однообразному труду и невероятно скучному отдыху. Бугенвиль хладнокровно, без всяких признаков сожалений, описывает изгнание иезуитов из Парагвая.

65. Лойола, Игнатий (1491 — 1556) — см. примечание 8-е к главе второй.

66. Коррехидоры — в феодальной Испании королевские чиновники, выполнявшие главным образом судебные и административные функции в городах и провинциях страны. С XVI века коррехидоры назначались также в испанские колонии в Америке, где проявляли жестокость по отношению к индейцам.

67. Касик — термин, употреблявшийся испанскими колонизаторами для обозначения вождей индейских племен и вождей небольших индейских селений Северной, Южной и Центральной Америки.

68. Индейские племена.

69. Индейские племена.

70. Индейские племена.

71. Остров Чилоэ — крупный остров у берегов Чили (ю.ш. 42°30', з.д. 74°00"').

72. Ансон — см. прим. 2-е к главе четвертой.

73. Ла Кай (la Caille), Никола (1713 — 1762) — известный французский астроном, занимался гидрографическими работами на побережье Франции и измерением дуги меридиана (Парижского). Организовал в 1750 — 1754 гг. астрономическую экспедицию на мыс Доброй Надежды. Автор ряда астрономических и математических трудов. Был избран членом Французской академии наук.

74. Д'Апре, или Дапре (d'Apres) — французский картограф XVIII века, карты которого резко критиковал Бугенвиль.

75. Хадли (Hadley), Джон — английский изобретатель секстанта; сначала изобрел квадрант, а в 1731 г. секстант и тем самым произвел переворот и методах астрономических наблюдений в море.

76. Бугер (Bouguer), Пьер (1698 — 1758) — знаменитый французский математик, сын профессора гидрографии, написавшего широко известный трактат по навигации. Математикой стал заниматься с юных лет и, еще будучи молодым человеком, заменил своего отца в должности профессора гидрографии в Гавре. Его перу принадлежит много крупных трудов по математике и навигации. В 1735 г. находился в Перу, где участвовал в измерении дуги меридиана близ экватора. Был избран членом Французской академии наук.

77. Шарньер (Charnicres) — французский военный моряк XVIII века. После семи кампаний и научных экспедиций из-за плохого здоровья в 1775 г. вышел в отставку. Написал несколько трудов по определению долготы в море. Изобрел мегаметр, или гелиометр, усовершенствованный Бугером.

78. Диоптрика — наука о преломлении света.

79. Четыре сына Аймона — четыре брата-героя из популярной французской легенды.

80. Индейцы, населяющие юг Патагонии и север Огненной Земли, входят в языковую группу «чон». Описанные Бугенвилем «патагонцы» (техуэльче) составляют одно из племен этой группы. К настоящему времени коренные обитатели указанных районов почти полностью истреблены колонизаторами. Главной пищей техуэльче было мясо упоминаемых Бугенвилем животных, а также страусов и других местных птиц. Довольно широко употреблялась и растительная пища.

81. Индейцы, описанные Бугенвилем, принадлежали к племени алакалуф. В настоящее время их осталось не более нескольких десятков человек.

82. «Шауа» — приветственное восклицание техуэльче, вероятно, не совсем правильно записанное Бугенвилем. Во всяком случае, известные нам словари такого рода терминов не содержат.

83. Макаон (правильнее Махаон) — врач греков при осаде Трои, сын Эскулапа (из «Илиады»). Ни у техуэльче, ни у индейцев Канады аналогичной фигуры в мифологии нет. Однако Бугенвиль совершенно правильно говорит о развитии народной медицины у коренных жителей Америки.

84. Гуанако (Lama guanachus) — млекопитающее рода лам семейства верблюдовых. До колонизации Южной Америки гуанако был многочислен и являлся для местного населения основным промысловым животным. Шкуры гуанако использовались для одежды, мясо шло в пищу, причем сердце, почки, печень и мозг гуанако техуэльче ели обычно в сыром виде. В настоящее время гуанако встречается только в удаленных и малонаселенных горных районах.

85. Вигонь, викунья (Lama vicugna) — небольшое дикое животное рода лам. Еще в начале XIX в. была довольно широко распространена в Эквадоре, Перу, Боливии и Чили. Ныне в результате хищнического истребления, производившегося ради высокоценной шерсти, вигонь встречается очень редко; лучше всего сохранилась в некоторых малодоступных провинциях Перу.

86. В переводе: «Утро, мальчик, хороший мальчик, капитан».

87. Сармиенто, Педро; в 1579 г. командовал испанской эскадрой, посланной в погоню за английской эскадрой Дрейка, появившейся у берегов Перу. Составил первую, сравнительно точную карту Магелланова пролива.

88. Бухта Фамин в переводе значит «бухта Голода».

89. Де Жен (de Gennes, умер в 1704 г.) — французский мореплаватель.

90. Название «бухта Франсуаз» («Французская бухта») на современных картах не сохранилось; теперь она называется бухта Сан-Николас. Близ бухты Бугенвиль на современных морских картах имеются французские названия, данные Бугенвилем: бухты Эгль, Бушаж, Бурнан и остров Нассау.

91. «Пешерэ» — приветственное восклицание огнеземельцев. Точный перевод его неизвестен. Есть мнение, что это слово

означает «друзья». Одно время жителей Огненной Земли даже называли «пешерэ» или «пешереями». Рыбная ловля и собирание моллюсков были у алакалуфов женским занятием. Мужчины занимались охотой, изготовлением лодок, оружия, строительством хижин. Основной пищей алакалуфов были рыба, моллюски, мясо птиц и тюленей, различные съедобные растения.

92. У Бугенвиля здесь ошибка: эти острова являются по отношению к бухте Фортескью не «более отдаленными», а самыми близкими.

93. М. Фрезье (Frezier) — по-видимому, это французский путешественник XVIII в. В 1777 г. издал в Амстердаме «Отчет о путешествии к берегам Чили, Перу и Бразилии».

94. Маркан (Marcant) — выяснить не удалось.

95. Бошен — см. прим. 4-е к главе третьей.

96. Нарборо (Narborough), Джон (1640 — 1688) — английский мореплаватель, офицер военно-морского флота. В 1669 г. был отправлен в Тихий океан для географических открытий в «Южных морях». Вышел из Дептфорда, в 1670 г. прошел Магеллановым проливом, но уже в 1671 г. вернулся в Англию, не выполнив по невыясненным причинам задания. Издал описание своего путешествия. Впоследствии участник многочисленных боев с пиратами в Средиземном море.

97. Название сказки Антуана Гамильтона (1646 — 1720).

98. Бугенвиль сознательно приводит искаженный последний стих первой песни «Энеиды» Вергилия (книга 1-я). У Вергилия — «седьмое» лето, а не «третье», как у Бугенвиля.

99. «Западным морем» французы в XVII и XVIII вв. называли Тихий океан (главным образом при постепенном их продвижении по территории Канады на запад).

100. Хуан, Хорхе (Georges Juan y Santacille) — испанский мореплаватель, написавший «Руководство по навигации для гардемаринов» («Compendio de Navigation»), изданное в Кадисе в 1757 г.

101. Ульоа (Ulloa), Антонио (1716 — 1795) — испанский морской офицер, геодезист и астроном, крупный ученый, один из представителей Испании во французской градусной экспедиции 1735 г. в Южной Америке; впоследствии испанский губернатор Луизианы (с 1766 по 1768 г.). В 1770 г. был назначен начальником эскадры, посланной к Азорским островам для захвата английских торговых судов, шедших из Ост-Индии, но успеха не имел, за что был уволен с военно-морской службы. Остальные годы своей жизни Ульоа провел на острове Леон, близ Кадиса, в уединении, всецело отдавшись научным трудам.

Наиболее важные его сочинения посвящены наблюдениям над прохождением Венеры по Солнцу в 1769 г. и над полным солнечным затмением в Атлантическом океане в 1778 г. Ульоа впервые дал описание солнечной короны. Автор научных трудов по Южной Америке и многих научных трудов по астрономии и геодезии.

102. По-видимому, Бугенвиль имеет в виду мифическую землю Девиса.

103. Бюаш (Buache), Филипп (1700 — 1773) — знаменитый французский географ, член Французской академии наук, составитель «Атласа физической географии» и автор многочисленных географических трудов. Издал

географическую карту Английского канала, на которой впервые были изображены неровности морского дна.

104. Острова Катр Факарден (Les quatre Facardins) были вторично открыты Куком в 1769 г. и названы им островами Лагун.

105. Остров Копьеносцев, или Лансье (l'iles des Lancieres), вторично открытый Куком и названный им Трамб (Trumb).

106. Остров Арп, или Арфы (Tiles de la Harpe), был вторично открыт Куком в 1769 г. и назван островом Лука.

107. Октант Хадли — см. прим. 4-е к главе восьмой первой части.

108. Мегаметр — см. прим. 6-е к главе восьмой первой части.

109. Пуассонье де Перьер (Poissonnier) (1723 — 1795) — врач, занимался преимущественно лечением моряков.

110. Анакреонтическая поэзия — жанр легкой жизнерадостной лирики.

111. Буше (Boucher), Франсуа (1703 — 1770) — французский живописец и гравер, крупнейший представитель живописи стиля рококо. Излюбленными сюжетами Буше были любовные истории, заимствованные из античной мифологии. Более поздние работы Буше характерны холодной эротикой и вычурной, нарочитой декоративностью.

112. Мушкетон — короткоствольное ружье, употреблявшееся как абордажное оружие.

113. Патат — разновидность картофеля.

114. Ямс, или иньям, — растение, имеющее крупные подземные клубни, довольно богатые крахмалом.

115. Через остров Таити, расположенный в центре Полинезии, проходили в прошлом многочисленные странствования и перемещения полинезийцев. В результате коренное население этого острова, составляя целостную этническую группу, не является вполне однородным в антропологическом отношении. Однако Бугенвиль явно преувеличил различия во внешнем облике таитян и неосновательно выделил среди них две расы. Сам Бугенвиль (см. стр. 175) объясняет это различие смешением таитян с населением соседних островов, хотя обитатели последних ничем по существу не отличались от таитян. Бугенвиль не смог составить ясного представления об уровне социально-экономического развития таитян. В то время на Таити уже существовало раннеклассовое общество, хотя и сохранялись пережитки первобытнообщинных отношений. Вся земля находилась в наследственной собственности отдельных семей. Частной (личной) собственностью здесь считались также плодовые деревья, скот, рыболовецкие угодья, дома, орудия труда, домашняя утварь и т.д. Поэтому сообщение Бугенвиля, что на «предметы первой необходимости у них нет права собственности, и все принадлежит всем» (см. стр. 177), является ошибочным. Не случайно Бугенвиль упоминает о существовании на Таити строгих наказаний за воровство (стр. 177). Утверждение Бугенвиля о «праздности» таитянок (см. стр. 179) справедливо лишь в отношении женщин из наиболее знатных семейств, так как основная масса островитянок активно участвовала в трудовой деятельности. Таитянки плели циновки и корзины, изготовляли лубяную материю для одежды (тапу), принимали участие в некоторых видах земледельческих работ, ловили на отмелях рыбу, собирали крабов, моллюсков и морские водоросли, занимались работами по дому и т.п.

Основной формой брачных связей на Таити и других островах Полинезии был парный брак, который легко

прекращался по желанию одного из супругов. Возникавшие на этой базе семьи были слишком непрочны, чтобы противостоять тяготам жизни. Поэтому первичной хозяйственной ячейкой полинезийского общества была так называемая большая семья, которая состояла из проживающих вместе людей трех-четырех поколений, происходящих по мужской линии от одного общего предка. В правящем сословии распространено было многоженство; встречались и случаи многомужества. Добрачные связи допускались обычаями (см. стр. 179).

Население Таити делилось на три сословия, называемых иногда кастами: арии — вожди, раатира — свободные землевладельцы и ремесленники, манахуне — безземельные общинники, находившиеся в разных степенях зависимости от арии и раатира и выполнявшие в их пользу многообразные повинности. Кроме того, как бы вне каст находились военнопленные-рабы (тити) Верховные вожди округов и целых островов (арии рай) пользовались большой властью и почетом, но их все же неправильно называть королями (см стр. 185), так как они не могли принимать ответственных решений без согласия совета вождей, а в важнейших вопросах должны были прислушиваться и к мнению реатира.

116. Елисейские поля — в греческой мифологии обитель блаженства, страна на краю земли, где царствует вечная весна.

117. Индиго — органическое красящее вещество, добывавшееся в описываемое Бугенвилем время исключительно из индигоносных растений, культивировавшихся преимущественно в Индонезии. Цвет индиго — синий

118. Латания — растение семейства пальм.

119. Имеется в виду тапа — материя, изготовленная из луба (подкоркового камбиального слоя) бумажно-шелковичного дерева (Broussinetia papyrifera), реже — фигового и хлебного дерева. Специальными колотушками на тапу наносился рельефный орнамент. Для окрашивания тапы применялись различные красители как растительного, так и минерального происхождения.

120. Французский язык вовсе ие является «недостижимым» для речевых органов таитян, так как их речевой аппарат по своему строению ничем не отличается от аналогичных органов европейцев. Слабые успехи Аотуру на поприще изучения французской фонетики объясняются отсутствием у него навыков к произнесению тех звуков, которые не встречаются в его родном языке. Как видно из письма Перейра, публикуемого в конце настоящей книги, он не осматривал речевые органы Аотуру, а просто констатировал его неспособность произносить некоторые звуки.

121. Остров Иль-де-Франс (Св. Маврикия) — принадлежавший Франции в группе Сейшельских островов; в настоящее время принадлежит Великобритании.

122. Аотуру отбыл из Франции в марте 1770 г. В октябре 1770 г. он прибыл на остров Иль-де-Франс, откуда в середине сентября 1771 г. должен был отплыть на специально назначенном корабле на Таити, но заболел оспой и скончался (De la Harpe. Abrege’ de la Histoire generate de Voyages. Париж, 1780).

123. Амьо (Amyot) — вероятно, подразумевается французский писатель и переводчик Жак Амьо (1513 — 1593).

124. Бугенвиль перечисляет здесь не только соседние с Таити острова, но и отдельные округа на этих островах, имевшие самостоятельных правителей. Приводим названия островов в

современной транскрипции: Аимеа — Муреа, Маоруа — Маупити, Ака — Тахаа, Умаитиа — Тетиароа, Тапуа-массу — Тубуаи-ману, Аиатеа — Раиатеа, Энуа-моту — Фенуа-ино, Тупаи — Тубаи, Папара и Паре — округа на Таити, Отоа (Атеа) — округ на острове Хуахине-ити, Тумараа, Оопоа (Опоа) — округа на Раиатеа. Все упомянутые острова, как и Таити, принадлежат к архипелагу Общества. Они намного меньше Таити, площадь которого (1037 кв. км) в два раза превышает площадь всех остальных островов архипелага, вместе взятых.

125. Сагиттальная вена — от слова сагиттальная плоскость, то есть воображаемая плоскость, проходящая по середине человеческого тела и делящая его на правую и левую половины.

126. Лемер (Le-Maire), Якоб — участник голландской экспедиции Лемера — Схоутена, вышедшей из Голландии в 1615 г. и сделавшей крупные географические открытия в Тихом и Атлантическом океанах. Кокосовые острова, открытые в 1616 г. Схоутеном и Лемером, — это вулканические острова Тафаки, Ниуатобутабу и Ниуафу, расположенные к юго-западу от архипелага Самоа. Язык обитателей этих островов, как и таитянский, относится к семье полинезийских языков.

127. Схоутен (Shouten), Биллем — начальник голландской экспедиции 1615 — 1618 гг.

128. Перейр (Pereire) — французский лингвист, переводчик короля.

129. Уоллис (Wallas), Сэмюель — английский кругосветный мореплаватель, командовал кораблем «Дельфин» в экспедиции Уоллиса — Картерета (1766 — 1768). Экспедиция эта в составе кораблей «Дельфин» и «Суаллоу» вышла на поиски Южного материка и еще неведомых европейцам

островов Тихого океана с целью подготовки захвата новых земель. У Магелланова пролива Уоллис разлучился со своим спутником Картеретом и, пройдя через архипелаг Туамоту, нанес на карту ряд новых островов и вторично после испанцев открыл остров Таити. Далее Уоллис пересек Тихий океан, открыл ряд новых островов и направился для ремонта своего корабля к Молуккским островам. Обогнув мыс Доброй Надежды, он вернулся в Англию в 1768 г. Кругосветное плавание Уоллиса вошло в историю мореплавания, так как результатом его было более точное определение долготы тихоокеанских островов, основанное на измерении лунных расстояний.

130. Фонтенель (Fontenelle), Бернар Бовье де (1657 — 1757) — французский ученый и литератор, постоянный секретарь Академии наук, блестящий научный популяризатор, автор «Бесед о множественности миров».

131. Обитатели архипелага Самоа, названного Бугенвилем островами Навигаторов, или Мореплавателей, как и таитяне, принадлежат к полинезийской расе и говорят на языке, родственном таитянскому. Однако между этими языками все же существуют значительные различия, вследствие чего общение между таитянами и самоанцами затруднено.

132. Советские историки медицины это отвергают.

133. Население архипелага Новые Гебриды, а также посещенных затем Бугенвилем Соломоновых островов и острова Новая Британия относится к меланезийской расе, которая отличается от полинезийцев более темным цветом кожи, курчавостью волос и рядом других негроидных признаков и входит в океанийскую ветвь негро-австралоидной большой расы. Сообщение Бугенвиля о наличии проказы на острове Аоба, названном им островом Лепрё (Прокаженных), является ошибочным, так как до

начала колонизации европейцами Меланезии эта болезнь там не встречалась. Очевидно, Бугенвиль принял за проказу кожную болезнь, которая появляется в результате неумеренного употребления местного наркотического напитка кава, приготовляемого из корней дикого перца (Piper methysticum).

134. В издании 1772 г. Бугенвиль указывает, что в полдень была определена широта 15°40' южная.

135. По мнению Крузенштерна, островов Тиенховен и Гронинг, открытых голландским мореплавателем Роггевеном в 1722 г., в действительности не существует.

136. Австралия св. Духа (Земля св. Духа) — мнимый южный материк, якобы открытый испанским мореплавателем Киросом в 1605 г. В действительности им был открыт один из крупных островов группы Новые Гебриды (см. прим. 12-е к предисловию Бугенвиля).

137. Новая Голландия — прежнее наименование материка Австралии.

138. Дампир — см. прим. 5-е к главе третьей первой части.

139. Уэссан, остров, находится на юго-востоке от Новой Гвинеи; назван по имени острова, лежащего при входе в Английский канал из Атлантического океана и являющегося первым ориентиром, открывающимся при возвращении кораблей из дальних плаваний во Францию.

140. Новая Британия — остров, открытый Дампиром, который этим именем назвал весь архипелаг Бисмарка, считая его единой «землей».

141. «Деливранс» в переводе означает «освобождение».

142. В издании 1772 г. Бугенвиль добавил следующие соображения: «Сколько раз во время наших злоключений в этом заливе мы думали, что в глубине его должен быть пролив, который откроет нам кратчайший путь в Молуккское море. Но в том состоянии, в котором мы находились, почти без провизии, с больными людьми на борту, нельзя было отважиться на рискованные поиски. Действительно, если бы прохода не оказалось, мы очутились бы в безвыходном положении. Но пролив существовал. Англичане, плывя вдоль берегов Новой Голландии, открыли пролив, отделяющий Новую Голландию от Новой Гвинеи, но они, так же как и мы, испытали на себе, что плавание в этих водах сопряжено с большими трудностями: был даже момент, когда их корабль «Эндивэр» едва не погиб там. Мы находились на расстоянии 40 лье от восточного входа в пролив».

143. Арековая, или капустная, пальма растет на пространстве от Индии до Новой Гвинеи. Плоды ее называются арековыми или индийскими орехами; они оранжевого цвета, величиной в крупное яйцо.

144. Бетель — растение; жители Ост-Индии жуют листья бетеля, смешивая их с арековыми орехами и известью; эта жвачка окрашивает зубы в красный цвет.

145. Картерет (Carteret), Филипп — английский мореплаватель, участник экспедиции Уоллиса. После разлуки с кораблем Уоллиса в апреле 1767 г. у западного входа в Магелланов пролив Картерет держался северо-западных курсов; он открыл небольшой остров Питкэрн и направился на поиски Соломоновых островов. Далее он проследовал к острову Новая Британия, обнаружив, что последний состоит из двух частей; открытый Картеретом пролив носит его имя. Из-за болезней среди команды Картерет зашел на Филиппинские острова, затем в порт Макасар и Батавию.

Вернулся Картерет в Англию вокруг мыса Доброй Надежды в 1769 г.

146. Конхиология — наука о раковинах.

147. Териак — старинное универсальное лекарство, считавшееся хорошим противоядием при укусах змей.

148. Мангифера, или ризофора, — из ее плодов, вызывающих брожение, приготовляется опьяняющий напиток.

149. Бухта Сен-Жорж, открытая английским мореплавателем Дампиром, в действительности представляет собой южный вход в одноименный пролив.

150. Анахорет — отшельник, живущий в уединении от прочего мира.

151. На самом деле это был залив Гелфвина.

152. Роджерс — см. прим. 7-е к главе третьей первой части.

153. Конторы Голландской Ост-Индской компании — см. прим. 1-е к главе восьмой второй части.

154. Маниока — растение из семейства молочайных; в пищу употребляются клубневидные корни, из которых получают крахмал и муку.

155. Мавры — потомки местных жителей с примесью малайской крови; название мавры объясняется тем, что они исповедуют ислам.

156. Альфуры — условное обозначение некоторых племен Ост-Индии, обитающих во внутренних лесных районах островов Сулавеси, Буру, Церам и др. Альфуры — презрительная кличка, данная обитателями прибрежной части Молукк жителям внутренних областей островов. В

настоящее время это название исключено из научной терминологии.

157. Д’Апре — см. прим. 3-е к главе восьмой первой части.

158. Данвиль (D’Anville) — французский картограф XVIII в., карту Индонезии которого Бугенвиль считал наиболее точной.

159. Голландская Ост-Индская компания — объединение в одно целое в 1602 г. ряда конкурировавших разрозненных торговых обществ. Это позволило голландскому капиталу непрерывно расширять сферу своих торговых операций и постепенно перерасти в государственную организацию (к 1786 г.). В результате усиленной эксплуатации индонезийское крестьянство было доведено компанией до полного обнищания. Компания имела свой флот и наемные иностранные сухопутные войска.

Компания эта являлась основным орудием голландской буржуазии в создании при помощи насилий, вымогательств и захватов Нидерландской колониальной империи. Богатства, награбленные в Ост-Индии, сыграли значительную роль в процессе первоначального накопления капитала. В 1618 г. компания основала свои главный опорный пункт — крепость Батавию и образовала целую сеть торговых факторий (контор) и крепостей на отдельных островах Индонезии. Ради высокой прибыли Ост-Индская компания обратила в рабство население многих островов, принуждая коренных жителей разводить лишь выгодные ей экспортные пряности. Введение голландскими колонизаторами системы принудительных работ и натуральных налогов, приводивших к массовому вымиранию населения и к восстаниям, приносило компании огромные доходы.

Бугенвиль хорошо ознакомился с порядками, царившими в Индонезии, и красочно их описал. Он не скрывает своего презрительного отношения к зарвавшимся голландским купцам, возомнившим себя аристократами и старавшимся установить у себя такие порядки, чтобы превзойти парижский королевский двор. Бугенвиль по этому поводу пишет: «Я познакомился с некоторыми из них, и мы наедине вдоволь посмеялись над торжественной пышностью их этикета».

160. Штатгальтер — старинный титул правителя Голландии.

161. Эдельхер — голландский дворянин.

162. Николе (Nicole) — театральный антрепренер, имя которого стало нарицательным.

163. Моор (Mohr), Иоган Мориц (171S — 1775) — родился в Бадене, был студентом теологического факультета в Гронингене, по окончании которого получил назначение в португальскую общину в Батавии. Некоторое время был ректором Теологической семинарии в Батавии, в которой проповеди читались на малайском языке. Основные заслуги Моора заключаются в его любительских занятиях астрономией. В 1716 г. он первым определил точную долготу Батавии и в том же году наблюдал прохождение Венеры между Солнцем и Землей. На собственные средства, происхождение которых неизвестно, построил обсерваторию, открытую в 1769 г. Он изучал также вулканические явления и написал несколько работ по астрономическим и вулканическим вопросам.

164. Урания (буквально: небесная) — в греческой мифологии одна из девяти муз, покровительница астрономии.

165. Коромандельский берег — юго-восточное побережье Индостана в Бенгальском заливе.

166. Далримпл (Dalrymple), Александр — английский ученый-моряк, соперник Кука. Был первым начальником английского гидрографического управления (1795), ранее служил в Английской Ост-Индской компании.

167. Бюффон (Buffon), Жорж Луи (1707 — 1780) — знаменитый французский натуралист, автор «Естественной истории», издававшейся с 1749 по 1789 г.

168. В своем предисловии Бугенвиль указывает другую дату встречи с Картеретом — 18 февраля.

169. В издании 1772 г. Бугенвиль сделал в конце своего описания плавания следующее примечание: «Из 120 человек, составлявших экипаж господина де ла Жироде, он потерял за время плавания лишь двоих от болезней. Во Францию он прибыл 14 апреля, только через месяц после нас».